Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 8 2021 Август

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия);
Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР); А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.С. Занковский, д.ю.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт государства и права РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2021

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 8 2021 August

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; I.V. Ershova, Doctor of Law; V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy;
S.S. Zankovsky, Doctor of Law; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute of State and Law of the RAS, 2021
© Editorial Board of "State and Law", 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 8, 2021

О необходимости института охраны прав предпринимательских структур в системе предпринимательского права
М.И. Клеандров 7

Космическое государство: начало новой эпохи в эволюции государственности
С.Ф. Ударцев 21

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О недемократических государственных режимах
В.В. Кожевников 35

«Консенсусное правосудие» по уголовным делам: новации государств – участников СНГ
О.И. Семыкина 50

ХОЗЯЙСТВО, ТРУД, ПРАВО

Систематизация организационно-правовых форм юридических лиц
А.В. Ефимов 59

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Нарушение целей и условий использования бюджетных субсидий – уголовно-правовой аспект
Е.М. Андреева, С.В. Запольский 71

Проблемы установления административной ответственности юридических лиц за правонарушения в области дорожного движения и пути их решения
А.С. Руднев 81

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Занятость как правовая категория в отечественной доктрине: классика и современность
О.Ю. Павловская 90

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблема регулирования использования природных ресурсов Луны и других небесных тел в коммерческих целях
Н. Аль Али 100

Проприетарный аспект исключительных прав как нормообразующий фактор в сфере коллизионного регулирования интеллектуальной собственности
С.И. Крупко 110

ЗА РУБЕЖОМ

Конституционно-правовой статус особого административного района Гонконг как территориальной автономии в составе Китайской Народной Республики: актуальные траектории трансформации
И.В. Ирхин 120

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

О начале Второй мировой войны: историко-правовое исследование. Часть вторая
К.С. Родионов 138

Формирование и развитие Особенной части уголовного права в период X – начала XX в.
Р.Г. Асланян 150

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Подход Российской Федерации к понятию «уклонение от налогообложения»
Д.Я. Подшивалова 164

Защита прав селекционеров как стимулирующий фактор развития агробизнеса
Е.А. Летова 171

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Финансовая безопасность и право в эпоху цифровизации (Международная научно-практическая конференция («Пискотинские чтения – 2021»), 15 апреля 2021 г.)
М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина 176

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Верховенство права в контексте решения проблем взаимодействия международных и национальных судов
И.А. Умнова-Конюхова. Национальное правосудие и международное правосудие: теория и практика взаимодействия в публично-правовых отношениях (принципы государственности и прав человека)
Е.В. Алферова, И.А. Алешкова 183

Е.М. Ашмарина. Инновационная технология «экономическое право» в условиях глобализации
Г.Ф. Ручкина 188

ПЕРСОНАЛИИ

К 75-летию Михаила Ивановича Клеандрова 191

Юбилей члена-корреспондента РАН М.И. Клеандрова 192

К 65-летию Владимира Васильевича Дорошкова 194

CONTENTS

Number 8, 2021

On the necessity of the institute of protection of the rights of business structures in the system of Business Law
M.I. Kleandrov 7

Space state: the beginning of new era in the evolution of statehood
S.F. Udartsev 21

DISCUSSIONS AND DEBATES

On non-democratic state regimes
V.V. Kozhevnikov 35

"Consensus justice" in criminal cases: innovations of the Member Nations of the Commonwealth of Independent States
O.I. Semykina 50

ECONOMY, LABOR, LAW

Systematization of organizational and legal forms of legal entities
A.V. Efimov 59

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Violation of the goals and conditions for the use of budget subsidies – criminal law aspect
E.M. Andreeva, S.V. Zapolskii 71

Problems of establishing administrative responsibility of legal entities for traffic offenses and ways to solve them
A.S. Rudnev 81

DIGITAL ECONOMY

Employment as a legal category in the homeland doctrine: classic and modern
O. Yu. Pavlovskaya 90

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

The problem of the use of natural resources of the Moon and other celestial bodies for commercial purposes
N. Al Ali 100

Proprietary aspect of exclusive rights as a law-making factor in the field of the choice-of-law regulation of intellectual property
S.I. Krupko 110

ABROAD

Constitutional-legal status of the special administrative region of Hong Kong as a territorial autonomy within the People's Republic of China: current trajectories of transformation
I.V. Irkhin 120

PAGES OF HISTORY

About the beginning of World War II: historical and legal research. Part two
K.S. Rodionov 138

Formation and development of a Special part of criminal law in the period of the X – beginning of the XX century
R.G. Aslanyan 150

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

The approach of the Russian Federation to the concept of "tax avoidance"
D. Ya. Podshivalova 164

Protection of breeders' rights as a stimulating factor in the development of agribusiness
E.A. Letova 171

SCIENTIFIC LIFE

Financial security and law in the digital age (International scientific and practical conference ("Piskotin's readings – 2021"), April 15, 2021)
M.N. Kobzar-Frolova, E.L. Vasyanina 176

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

The Rule of Law in the context of solving problems of interaction between international and national courts
I.A. Umnova-Konyukhova. National justice and international justice: theory and practice of interaction in public-legal relations (principles of statehood and human rights)
E.V. Alferova, I.A. Aleshkova 183

E.M. Ashmarina. Innovative technology "Economic Law" in the context of globalization
G.F. Ruchkina 188

PERSONALIA

To the 75th anniversary of Mikhail I. Kleandrov 191

Anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Mikhail I. Kleandrov 192

To the 65th anniversary of Vladimir V. Doroshkov 194

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 7–20
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 7–20

О НЕОБХОДИМОСТИ ИНСТИТУТА ОХРАНЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В СИСТЕМЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

© 2021 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 25.04.2021 г.

Аннотация. В системе хозяйственного (позднее – предпринимательского) права, будь то отрасль права, отрасль законодательства, отрасль правовой науки либо учебная дисциплина, содержался институт защиты хозяйственных (предпринимательских) прав, который позже обособился в отрасль науки, законодательства и учебную дисциплину, именуемую «Арбитражный процесс». Однако института охраны хозяйственных (предпринимательских) прав не было ранее, нет и сейчас, практически отсутствуют научные проработки данной темы. В статье с целью определиться в главном предлагается различать эти два института по базовым положениям: защита прав – это принятие организационно-правовых и иных мер по восстановлению уже нарушенных прав, а охрана – это разработка и реализация комплекса мероприятий превентивного характера, препятствующего нарушению прав предпринимательской структуры. По мнению автора, в первом приближении составляющие института охраны прав в системе предпринимательского права – это: общее несовершенство законодательства о предпринимательстве; неполная правосубъектность ряда видов предпринимательских структур, а то и ее полное отсутствие в соответствующем правовом поле; физическая защита самой структуры, ее собственников, руководителей и иных лиц; реальная возможность рейдерского захвата; выбор и тщательная проверка необходимого предпринимательской структуре коммерческого партнера, а также глубокая, по возможности, проверка надежности поступающих на работу в структуру «ключевых» работников и иных специалистов; обеспечение компьютерной безопасности во всей сфере жизнедеятельности структуры; опасность перевода экономического спора в уголовно-правовую плоскость; страхование предпринимательских рисков.

Ключевые слова: предпринимательское право, охрана предпринимательских прав, предупреждение предпринимательских правонарушений.

Цитирование: *Клеандров М.И.* О необходимости института охраны прав предпринимательских структур в системе предпринимательского права // Государство и право. 2021. № 8. С. 7–20.

DOI: 10.31857/S102694520016386-5

ON THE NECESSITY OF THE INSTITUTE OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF BUSINESS STRUCTURES IN THE SYSTEM OF BUSINESS LAW

© 2021 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 25.04.2021

Abstract. The system of economic (later – entrepreneurial) law, whether it was a branch of law, a branch of legislation, a branch of legal science or an academic discipline, contained an institute for the protection of economic (entrepreneurial) rights, which later became a branch of science, legislation and an academic discipline called "Arbitration process". However, there was no institute for the protection of economic (entrepreneurial) rights before, and there is still no scientific study of this topic. In the article, in order to determine the main thing, it is proposed to distinguish these two institutions by basic provisions: the protection of rights is the adoption of organizational, legal and other measures to restore already violated rights, and protection is the development and implementation of a set of preventive measures that prevent the violation of the rights of an entrepreneurial structure. According to the author, in the first approximation the components of the institution of protection of rights in the system of Business Law are: the general imperfection of the legislation on entrepreneurship; incomplete legal personality of a number of types of business structures, or even its complete absence in the relevant legal field; physical protection of the structure itself, its owners, managers and other persons; the real possibility of raider seizure; selection and thorough verification of the commercial partner necessary for the business structure, as well as deep, if possible, verification of the reliability of "key" employees and other specialists entering the structure; ensuring computer security in the entire sphere of the structure's life; the danger of transferring an economic dispute to the criminal-legal plane; insurance of business risks.

Key words: Business Law, protection of business rights, prevention of business offenses.

For citation: *Kleandrov, M.I. (2021).* On the necessity of the institute of protection of the rights of business structures in the system of Business Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 7–20.

Представляется необходимым рассмотреть в целях определения в главном: в чем различие между устоявшимся в системе науки предпринимательского права институтом защиты, с одной стороны, и предлагаемым автором данной статьи институтом охраны предпринимательских прав, с другой стороны.

В работе основоположника современной концепции хозяйственного права (предпринимательского) В.В. Лаптева «Предмет и система хозяйственного права» ни в системе хозяйственного права как отрасли права, ни в системе науки хозяйственного права институт защиты хозяйственных прав не представлен, правда, присутствуют в обеих системах, в общих их частях, институты ответственности за результаты хозяйственной деятельности и разрешения хозяйственных споров, а в последнем добавлен и институт организации правовой работы в народном хозяйстве[1]. А эти институты можно рассматривать и ныне в качестве важных составляющих института защиты хозяйственных (предпринимательских) прав в системе названной отрасли права.

Но уже в проекте Основных положений Хозяйственного кодекса СССР 1970 г., разработанного сектором хозяйственного права и проблем управления промышленностью Института государства и права АН СССР в соответствии с решением Секции общественных наук Президиума АН СССР от 4 апреля 1969 г. № 9, институт защиты хозяйственных прав был представлен в развернутом виде. Раздел XIII этого документа так и именовался «Защита хозяйственных прав» (авторская разработка Т.Е. Абовой) и включал гл. 63–70: «Общие положения о защите хозяйственных прав»; «Защита хозяйственных прав в претензионном порядке»; «Давность в хозяйственных отношениях»; «Защита хозяйственных прав арбитражем»; «Защита хозяйственных прав третейским судом»; «Защита хозяйственных прав судом»; «Защита хозяйственных прав органами хозяйственного руководства»; «Защита прав участников внутрихозяйственных отношений».

Правда, в Основах хозяйственного законодательства Союза ССР и союзных республик (в первоначальном проекте Основных положений) 1975 г. и в одноименных Основах (проспекте закона) 1975 г. содержался уже несколько отличный комплект составляющих института защиты хозяйственных прав. Так, в первом документе в разд. XII «Защита хозяйственных прав», содержащем ст. 98–109, значились: «Порядок защиты хозяйственных прав»; «Порядок признания недействительными актов хозяйственного руководства, противоречащих законодательству»; «Претензионный порядок защиты хозяйственных прав»; «Арбитраж»; «Виды арбитража»; «Разграничение компетенции между государственным и ведомственным арбитражем»; «Защита хозяйственных прав третейским судом»; «Хозяйственные споры, разрешаемые органами хозяйственного руководства»; «Защита хозяйственных прав в бесспорном порядке»; «Порядок разрешения внутрихозяйственных споров»; «Давность в хозяйственных отношениях»; «Исполнение обязанности по окончании срока давности».

Но в постсоветском проекте Предпринимательского кодекса РФ 1995 г., разработанном в соответствии с научно-исследовательской программой «Пути и формы укрепления Российского

[1] См.: *Лаптев В.В.* Предмет и система хозяйственного права. М., 1969. С. 143, 146.

государства», утвержденной Указом Президента РФ от 29 апреля 1994 г. № 848[2], разделов, глав и статей, посвященных именно защите предпринимательских прав, не было. Содержался развернутый разд. 10 «Ответственность в предпринимательских отношениях» (ст. 321–330), а также в гл. 35 разд. 9 «Инвестиционная деятельность» содержалась краткая формулировка ст. 319 «Защита иностранных инвестиций».

Важным представляется отметить: в советский период общепринятой была обязательственность для участников хозяйственных органов защищать свои права и законные интересы. Как, кстати, и для нарушителя этих прав и интересов – их восстанавливать. Так, в ст. 98 «Порядок защиты хозяйственных прав» названного выше первоначального проекта Основ хозяйственного законодательства Союза ССР и союзных республик прямо указывалось: «Участник хозяйственного отношения, нарушивший права и законные интересы другого участника, обязан восстановить их по собственной инициативе. Участник хозяйственного отношения, чьи права и законные интересы нарушены и не восстановлены добровольно, принимает установленные настоящими Основами меры по защите своих прав: применяет оперативно-хозяйственные санкции, обращается с претензией к участнику хозяйственного отношения, нарушившему его права, а при необоснованном отказе в удовлетворении претензии или оставлении ее без ответа – в арбитраж, третейский суд, вышестоящий или иной орган, которому подведомствен спор; в случаях, установленных законодательством выдает распоряжение на списание денежных средств со счетов обязанных хозяйственных органов в учреждениях банков (бесспорный порядок)».

При этом разъяснялось: «Хозяйственные права защищаются путем признания наличия или отсутствия этих прав; установления, изменения и прекращения хозяйственных отношений; восстановления положения, существовавшего до нарушения прав; пресечения действий, нарушающих право; понуждения к исполнению обязанности; применения установленных мер ответственности и иными предусмотренными законодательством способами».

Соответственно, в научной юридической литературе того периода проблематике защиты хозяйственных прав уделялось значительное внимание. В Библиографическом указателе «Советское хозяйственное право» 1959–1979 гг. в разд. VIII «Защита хозяйственных прав и разрешение хозяйственных споров» приведен 101 источник[3].

В то же время указывалось на «беззащитность» многих прав предприятий, объединений, их подразделений и даже органов хозяйственного руководства в сфере планирования, организации материально-технического снабжения, распоряжения материальными и финансовыми ресурсами и т.п., не раз обращалось внимание в юридической литературе. Хозяйственное право содержит значительно больше норм, обеспечивающих нормальный ход развития права, чем его восстановление, понуждение к исполнению обязанностей и наказание за их неисполнение. Указывалось на неэффективность законодательства, предусматривавшего средства и способы защиты прав субъектов хозяйственных отношений, на важность его совершенствования, на необходимость обеспечить адекватность форм, методов и способов защиты характеру правоотношений, их субъектному составу[4].

Сказанное свидетельствует – институт защиты хозяйственных прав и интересов – это механизм многофакторной защиты этих прав и интересов в случае (после) их нарушения, включающий в себя и восстановление прав и интересов после нарушения. В него можно было бы включить и институт ответственности в хозяйственных отношениях, и институт правовой работы в народном хозяйстве.

Но охрана хозяйственных прав – это принципиально иное, несмотря на высказанное тогда А.А. Шохиным мнение, согласно которому совпадающие в этимологическом смысле понятия «охрана» и «защита» тождественны и не могут противопоставляться в формально-юридическом смысле[5]. Действительно, противопоставляться не могут, да и нет в этом необходимости. А что касается этимологического смысла, то в Словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «охрана» раскрывается через слово «охранять», т.е. оберегать, стеречь, а понятие «защита» – через слово «защищать», т.е. оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности[6].

Следовательно, охрана хозяйственных прав это совокупность мероприятий превентивного характера обеспечивающих охрану ненарушенных прав, а «содержание института защиты права составляет правоприменительная деятельность, осуществляемая в формах и способами, установленными законом, в целях восстановления нарушенного

[2] См.: СЗ РФ.1994. № 2, ст. 84.

[3] См.: Советское хозяйственное право. Библиографический указатель (1959–1979). Донецк, 1980. С. 113–123.

[4] См.: Хозяйственное право. Общие положения / под ред. В.В. Лаптева. М., 1983. С. 256.

[5] См.: *Шохин А.А.* Хозяйственно-правовая охрана имущества производственных объединений в промышленности СССР. Горький, 1977. С. 745.

[6] См.: Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов. М., 1975. С. 210, 444, 445.

права и интереса, воздействия на правонарушителя и предупреждения правонарушений в будущем»[7].

При этом следует отметить, что перечисленные выше формы разрешения хозяйственных прав путем разрешения хозяйственных споров были неполны, одних органов, разрешающих в тот период хозяйственные споры в рамках собственной юрисдикции, насчитывалось 11, и они не были консолидированы в каком-либо едином акте[8]. Сам же механизм защиты хозяйственных прав и законных интересов социалистических органов имеет давнюю историю; впрочем, и в Российской Империи коммерческие суды эту защиту эффективно обеспечивали.

Одновременно следует подчеркнуть очевидный для юристов факт: не только защита, но и охрана хозяйственных прав в экономике социалистического периода хозяйствования была заботой (даже прямой обязанностью) государства – в лице его соответствующих правоохранительных органов. Чему есть прямое подтверждение: за хищение социалистической собственности уголовным законодательством была установлена более строгая ответственность, чем за хищение собственности личной.

Соответствующим образом образовалась, начала бурно развиваться и обособляться специальная, предназначенная для обеспечения защиты хозяйственных прав процессуально-правовая отрасль – арбитражный процесс. Характерно, что после радикальной реформы государственной системы аттестации кадров высшей научной квалификации 1975 г. в классификаторе научных специальностей по праву значилась специальность 12.00.04 «Хозяйственное право» без всякой процессуальной составляющей (автор этих строк одним из первых после названной реформы защитил в 1976 г. кандидатскую диссертацию по специальности именно в такой формулировке). Правда, в паспорте этой специальности элементы механизма защиты хозяйственных прав присутствовали. Но уже в 1978 г. к формуле специальности 12.00.04 ввели добавление, и она стала именоваться как «Хозяйственное право; арбитражный процесс». Что, впрочем, все формы, способы и методы защиты хозяйственных прав не охватывало.

В Российской Федерации ситуация кардинально изменилась. В ст. 2 ГК РФ (п. 1) закреплено следующее предписание: «Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг»[9]. Ключевым здесь является указание на то, что предпринимательская деятельность осуществляется на свой риск. Разумеется, если права и/или законные интересы субъекта предпринимательской деятельности нарушены, то государство – в лице своих органов – приходит на помощь посредством защиты этих прав, оно обязано это делать, иначе – зачем оно? Но что касается охраны предпринимательских прав...

Здесь очевидно: государство не обязано ее обеспечивать – это явно дело и забота самого субъекта предпринимательской деятельности. Может быть, поэтому в современной библиографии «Предпринимательское право России»[10] в разд. V «Защита предпринимателей» есть гл. 29 «Охрана и защита прав предпринимателей», в подразделах которой сгруппированы монографии, диссертации и авторефераты, статьи и сборники статей, но наличествует лишь одна работа, в названии которой содержится слово «охрана», да и та посвящена сравнению российских институтов охраны и защиты прав предпринимателей с английскими[11]. Притом, что научные исследования, посвященные правовой работе в сфере предпринимательства, размещены в другой, 30-й, главе этой библиографии.

В Российской Федерации структуру системы предпринимательского права с содержанием в ней института защиты предпринимательских прав можно усмотреть в соответствующей учебной литературе, где, как известно, содержатся устоявшиеся в науке положения.

Так, например, в учебнике (2008 г.) разд. IV «Защита прав и интересов предпринимателей» представлена двумя главами: «Досудебный порядок защиты...» и «Судебный порядок защиты...»[12]. В другом учебнике (2019 г.) гл. 26 «Защита прав предпринимателей» содержит разделы: «Способы защиты прав предпринимателей»; «Претензионный порядок урегулирования споров»; «Защита прав субъектов предпринимательской деятельности

[7] Хозяйственное право. Общие положения / под ред. В.В. Лаптева. С. 266.

[8] См. подр.: *Клеандров М.И.* Разрешение хозяйственных споров в агропромышленных и территориально-производственных комплексах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987. С. 315–387.

[9] См.: СЗ РФ, 1994. № 32, ст. 3301; 2021. № 27 (ч. I), ст. 5053.

[10] Предпринимательское право России: библиография: учеб.-метод. пособие / отв. ред. Е.П. Губин, Ю.С. Харитонова. М., 2019.

[11] См.: *Агеева Е.Ш.* Институт охраны и защиты прав предпринимателей: сравнительно-правовое исследование законодательств России и Англии. М., 2015.

[12] *Попондопуло В.Ф.* Коммерческое (предпринимательское) право: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 443–482.

органами исполнительной власти и в порядке прокурорского надзора»; «Уполномоченный по защите прав предпринимателей»; «Федеральная антимонопольная служба России (ФАС РФ)»; «Альтернативный способ разрешения споров: медиация»; «Альтернативный способ разрешения споров: третейские суды»; «Рассмотрение дел арбитражными судами»[13].

А в некоторых учебниках предпринимательского права институт защиты предпринимательских прав вообще не представлен[14]. Что, по всей видимости, можно объяснить взглядом составителей учебников на доминирование в механизме защиты предпринимательских прав отдельной отрасли права – арбитражного процесса.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать: институт защиты хозяйственных – прежде, а ныне – предпринимательских прав и законных интересов – это организационно-правовой механизм, обеспечивающий восстановление нарушенных прав и интересов предпринимательских структур, причем различными способами, методами и в разных формах. В первую очередь посредством арбитражных судов, а также на досудебных стадиях и внесудебными формами. В него следует включить специализированные подразделения предпринимательских структур – их юридические подразделения. А в широком плане сама защита хозяйственных (предпринимательских) прав обеспечивается такой формой деятельности, как правовая работа в народном хозяйстве, осуществляемая более широким кругом работников предпринимательской структуры, чем юридическая служба. И ключевой критерий здесь, отделяющий защиту хозяйственных (предпринимательских) прав от охраны этих прав,– это то, что в первом случае речь идет (должна идти) о правах уже нарушенных и нуждающихся, почти всегда с точки зрения предпринимательской структуры, чьи права и интересы нарушены, в защите, в их восстановлении, а во втором случае – о правах еще не нарушенных, но в силу тех или иных причин могущих быть нарушенными, т.е. здесь речь идет о необходимости мер превентивно-профилактического характера.

Каковы в авторском представлении и в самом первом приближении составляющие необходимого экономике института охраны прав предпринимательских структур? Безусловно, они значительно различаются в зависимости от отрасли экономики и субъекта Российской Федерации, где хозяйствует конкретная предпринимательская структура; от их организационно-правовой формы, от их экономической «мощи»; от понимания их владельцами и/или руководителями необходимости разработки и реализации комплекса мероприятий, направленных на обеспечение надежной охраны прав предпринимательской структуры, и от множества иных факторов.

Одновременно можно провести различия между составляющей механизма охраны, недостатки которой мало зависят (или совсем не зависят) от предпринимательской стороны, с одной стороны, и составляющей этого механизма, эффективность разработки которого и его эффективность реализации в доминирующей мере зависят от самой предпринимательской структуры, – с другой. К первой группе относятся: а) общее несовершенство предпринимательской структуры; б) это же несовершенство, «сфокусировавшееся» на отсутствии, практически полном, правосубъектности отдельных видов предпринимательских структур. Это первая группа составляющих.

Общее несовершенство законодательства о предпринимательстве, влияющее на механизм охраны прав предпринимательских структур

Свою лепту в сложности организации комплекса мероприятий по охране прав предпринимательской структуры вносит несовершенство законодательства. Проблема эта общеизвестна, а проводимые мероприятия, именуемые регуляторной гильотиной, пока малоэффективны и ожидаемого эффекта не создают. В результате наличия немалого числа устаревших, противоречивых, неопределенных, сложно воспринимаемых и иных дефектосодержащих норм создать эффективно функционирующую систему мероприятий гарантированного обеспечения охраны прав предпринимательской структуры практически невозможно.

А ведь есть и откровенные многолетние лакуны в правовом регулировании важных для ряда предпринимательских структур сфер деятельности, например, нет нормативов расчетов экологического ущерба.

Выступая в апреле 2021 г. на совместном заседании Президиума Госсовета и Агентства стратегических инициатив, Президент РФ В.В. Путин предложил по результатам анализа жизненных ситуаций правительству, комиссии Госсовета и АСИ внимательно посмотреть подзаконные акты, ведомственные письма, приказы, инструкции и другие документы в социальной сфере. «Подход здесь должен быть предельно понятным: нужно решительно убирать бессмысленные требования, необоснованные, забюрокраченные до бесконечности процедуры, абсурдные нормы и правила». В.В. Путин призвал «избавляться от всего, что изматывает, а подчас, надо сказать откровенно, даже унижает

[13] Предпринимательское право: учеб. / отв. ред. Р.А. Курбанов. М., 2019. С. 794–812.

[14] См., напр.: Предпринимательское (хозяйственное) право: учеб. / под ред. В.В. Лаптева, С.С. Занковского. М., 2006; Российское предпринимательское право: учеб. / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. 4-е изд. М., 2012.

людей, демонтирует и демотивирует коллективы социальных учреждений, снижает эффективность и качество их труда»[15].

Это сказано было в ситуации, когда в целом количество проверок в 2000 г. заметно сократилось, при этом «никакой критической ситуации с точки зрения состояния экономики, безопасности и бесперебойности функционирования ее инфраструктуры не произошло», что означает заведомую избыточность действующей системы контрольно-надзорной деятельности[16].

Есть еще одна сторона несовершенства законодательства о предпринимательской деятельности, препятствующая созданию эффективного комплекса мероприятий по охране прав предприятий, помимо действия устаревших правовых предписаний. Это – их качество. Как пишут СМИ, Институтом государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ повторно проанализирована сложность законодательства Российской Федерации. Эксперты отметили, что оно из года в год становится сложнее для восприятия из-за длины предложений, обилия причастных оборотов и других особенностей текста.

Среди причин – отсутствие фильтров, которые исключали бы слишком сложные формулировки, отсутствие формальных критериев избыточной сложности. Вот что по этому поводу говорит Председатель Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству П. Крашенинников: «Предложения становятся огромными, сплошные запятые и точки с запятыми, мысль становится не видна. Когда тексты перегружены, это плохо и с точки зрения восприятия, и с точки зрения правоприменения. Это препятствует правовой определенности: значит, обязательно будет сбой. Такие сбои несут в себе самые разные риски – от непонимания целей, которым должны следовать правоприменители, до коррупционных возможностей»[17].

Если такова печальная ситуация с законодательством, то что уж говорить о качестве подзаконных, ведомственных и локальных актов. Для предпринимательской структуры это все означает: каков бы не был плох, невнятен, устаревший и проч. нормативный правовой акт, регулирующий ту или иную сферу ее предпринимательской деятельности, пока он не отменен в установленном порядке – он действует и его необходимо соблюдать. В ином случае соответствующие государственные органы – правоохранительные, контролирующие и иные – вполне реально могут применить меры наказания за неисполнение или за ненадлежащее их исполнение (а при всем желании соблюсти невнятную, со множеством вариантов смыслового содержания норму крайне сложно).

Зачастую непреодолимым препятствием для выработки и приведения в действие комплекса мер по охране предпринимательских прав является **неполная правосубъектность ряда видов предпринимательских структур, а то и их полное отсутствие в соответствующем правовом поле**. Притом что в экономическом пространстве как занимающиеся предпринимательской деятельностью они представлены во всей полноте.

Прежде всего, речь идет о т.н. самозанятых гражданах. Истоки этого явления можно обнаружить в Законе СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности»[18]. А широкое распространение оно получило уже на постсоветском экономическом пространстве, будучи погруженным в теневую экономику, и экономической, и политической науками исследуемым в качестве угрозы национальной безопасности государства[19].

Между тем количество самозанятых в стране было огромным, при этом официальной статистикой, государственными регистрирующими, контролирующими и налоговыми органами не фиксируемое. Пожалуй, впервые тревогу по этому поводу на высоком властном уровне забила в 2013 г. вице-премьер по социальным вопросам О. Городец, указавшая: «Из 86 миллионов трудоспособных россиян работают легально лишь 48 миллионов. А это значит, что почти каждый второй не платит налоги». При этом она пояснила: есть категория населения, не работающие по объективным причинам – это женщины, воспитывающие детей, солдаты-срочники и другие россияне, и за них государство платит и будет продолжать платить взносы. – Но есть целая категория людей, которая не платит налоги, и встает законный вопрос: а кто содержит этих людей?[20] Позже также в официальном издании – в «Российской газете» – было уточнено: работают у нас 41.5 млн, в «сером» секторе трудятся 29–30 млн граждан, и еще 14 млн могли

[15] См.: Росс. газ. 2021, 16 апр.

[16] См.: *Галиева Д.* Контроль контролеров. Эксперты изучили выполнение моратория на проверки бизнеса // Коммерсантъ. 2021. 22 апр.

[17] Цит. по: *Винокуров А., Веретенникова К.* Если понят, то не так. Российские законы слишком сложны даже для их авторов // Коммерсантъ. 2021. 5 апр.

[18] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 47, ст. 964. Утратил юридическую силу в связи принятием Постановления ВС СССР от 04.04.1991 г. (см.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 16, ст. 443).

[19] См. подр.: Научные подходы к оценке масштабов теневой экономики и их влияния на национальную безопасность страны. М., 2003.

[20] См.: Росс. газ. 2013. 5 апр.

бы работать, но не работают[21]. А несколько позже в том же официальном издании приводится: «Власти “потеряли” 22,5 миллиона трудоспособных россиян – никто не знает, где они и чем занимаются... В России есть регионы, где почти половина работоспособных жителей – нигде не зарегистрированные “призраки”»[22].

В юридической научной литературе к проблеме отсутствия легального правового статуса этого многочисленного экономико-правового феномена в 2015 г. обратился автор данных строк[23], позже – другие исследователи[24].

Несмотря на усилия исследователей проблематики самозанятых граждан, они и до ныне не легитимны, их нет ни в п. 1, 3 и 4 ст. 23 «Предпринимательская деятельность гражданина» ГК РФ, ни в Законе РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»[25]. 27 ноября 2018 г. был принят Федеральный закон № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан»[26]. Позднее этот эксперимент был распространен на все субъекты Российской Федерации. Но следует отметить, что в тексте названного Закона отсутствовало не только понятие «самозанятые», но и само название «самозанятого» лица, хотя именно им и был посвящен этот нормативный правовой акт.

Но ведь нельзя правосубъектность любой предпринимательской структуры определять нормами налогового права. И здесь законодателя стоит похвалить – он избежал данной ошибки. А за то, что до сих пор в законодательстве о предпринимательстве нет положений, определяющих статус самозанятого предпринимателя, хвалить явно не следует.

В юридической литературе указывается: в понятие легитимизации субъектов предпринимательства необходимо включить, помимо государственной регистрации, также и иные механизмы, дополнительно предоставляющие субъекту предпринимательской деятельности особый правовой статус (субъекта малого и среднего предпринимательства – получателя поддержки резидента особой экономической зоны, органа по сертификации, испытательного центра или лаборатории)[27]. И действительно, самозанятые не могут получить поддержки резидента особой экономической зоны и т.д. Есть у них также и проблемы с получением кредитов, с рассрочкой долгового платежа по причине потери самозанятым дохода, особенно в условиях пандемии, на них не распространяются меры поддержки государством малого и среднего предпринимательства, также в условиях пандемии, им практически невозможно получить земельные участки с целью осуществления необходимой им производственной деятельности (если они не собираются становиться крестьянскими и фермерскими хозяйствами, да и то там есть проблемы с правовым статусом[28]) и т.д. Но особенно отсутствие этой легитимности проявляется в их полной судебной беззащитности, в отсутствии доступа к судебной защите их прав и/или законных интересов в случае их нарушения и/или оспаривания. Дело в том, что в ст. 2 ГК РФ, где перечислены субъекты гражданских правоотношений, самозанятых нет, и обращаться в суды общей юрисдикции иначе как в качестве физического лица они не могут.

А обращаться в арбитражные суды им бесполезно именно в силу отсутствия у них необходимой предпринимательской правосубъектности, но также бесполезно обращаться в суды общей юрисдикции, поскольку они ведут именно предпринимательскую деятельность. В обоих случаях такая категория в качестве участника спора ни в АПК РФ,

---

[21] См.: Росс. газ. 2014. 15 июля.

[22] Росс. газ. 2014. 14 окт. Там же приведен (в отдельной справке) расчет этого показателя: всего в России в системе обязательного пенсионного страхования зарегистрированы 88.5 млн человек. Это мужчины в возрасте от 16 до 59 лет и женщины от 16 до 54 лет. Из них 49.1 млн – люди, подлежащие социальному страхованию, взносы за них делают либо работодатели, либо они сами их отчисляют как самозанятые. 16.9 млн россиян – это студенты, инвалиды, люди, ухаживающие за пожилыми, военные, судьи – за них страховые взносы не платятся. И осталось как раз 22.5 млн трудоспособных людей, нигде не зарегистрированных.

[23] См.: *Клеандров М.И.* О необходимости обретения незарегистрированным предпринимателем легального статуса // Предпринимательское право. 2015. № 3. С. 3–13.

[24] См., напр.: *Бурлак А.В.* К вопросу о понятии «самозанятые граждане» // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2016. № 4 (49). С. 173–177; *Бабайцева Е.А.* Соотношение профессиональной деятельности и самозанятости граждан: цивилистический аспект // Современное право. 2017. № 4. С. 51–56; *Костюк И.В.* Занятость и самозанятость как форма доходной деятельности граждан // Росс. журнал правовых исследователей. 2017. № 2 (11); *Крылова Е.Г.* Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // Юрист. 2017. № 6. С. 11–15; *Скруг В.С.* Возможности проблемы легализации самозанятых в условиях цифровой экономики // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 11. С. 979–992; *Дацко Ю.М.* Проблемы правового регулирования самозанятых граждан // Молодой ученый. 2020. № 45 (335). С. 81, 82.

[25] См.: СЗ РФ. 1991. № 17, ст. 1915.

[26] См.: СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I), ст. 7494.

[27] См.: *Трофимова Е.В.* Легитимизация субъекта предпринимательства: понятие и правовые механизмы // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 1. С. 52.

[28] См. подр.: *Писарев Г.А.* Крестьянское (фермерское) хозяйство как субъект предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. 2013. № 3. С. 21–24.

ни в ГК РФ, ни в ГПК РФ, ни в соответствующем ином федеральном законодательном акте не предусмотрена. То есть получается, в случае нарушения их предпринимательских прав или их оспаривания обращаться за защитой в судебные органы невозможно, что, впрочем, не исключает возможности обращения в иные государственные органы, правда, специально для этого не предназначенные.

А ведь помимо традиционных видов предпринимательской деятельности, которыми занимаются самозанятые граждане, есть и не традиционные, например: водители такси, арендующие автомобили; частные пансионаты для пожилых людей, о которых в СМИ прямо говорят: «Множество центров для пожилых в России из-за отсутствия лицензирования существуют вне правового поля и не имеют определенного статуса»[29], и которых только на территории Московской области, как отметил прокурор области С. Забатурин, зарегистрировано не менее 134, в которых проживают более 4.5 тыс. человек[30], и др.

Трудно понять, является ли предпринимательской – по своей сути как основанная на определенных трудозатратах – деятельность по сдаче собственником в аренду жилых помещений и дач, даже если такой собственник встал на соответствующий налоговый учет как самозанятый. Тем более если такую деятельность осуществляют государственные и муниципальные служащие. В ближайшем будущем вообще могут появиться принципиально иные субъекты предпринимательской деятельности – роботизированные системы, искусственные интеллекты и т.п. (во всяком случае в 2017 г., как известно, в Саудовской Аравии андроид София получила подданство со всеми вытекающими из этого щедрыми социальными привилегиями).

Разумеется, ситуация, при которой около 20 млн трудоспособных граждан Российской Федерации, самозанятых, из которых 90% не встали (пока?) на налоговый учет, не имеющих легальной предпринимательской правосубъектности, для правового и социального государства недопустимы.

Между тем в Республике Казахстан имеется аналог наших самозанятых в организационно-правовой форме индивидуального предпринимательства. В ст. 30 Предпринимательского кодекса Казахстана (в действующей ред.) она определяется как «самостоятельная, инициативная деятельность граждан Республики Казахстан, кандасов (этнические казахи и (или) члены их семей казахской национальности, ранее не состоящие в гражданстве Республики Казахстан, прибывшие на историческую родину и получившие соответствующий статус в порядке, установленном законом. – *М.К.*), направленная на получение чистого дохода, основанная на собственности самих физических лиц и осуществляемая от имени физических лиц, за их риск и под их имущественную ответственность».

Все сказанное здесь о самозанятых означает: обеспечить им собственными силами и средствами комплекс мероприятий по охране своих предпринимательских прав исключительно трудно, если вообще возможно. Необходимо соответствующее законодательное регулирование.

Ко второй группе составляющих, по мнению автора (также в первом приближении), следует отнести: **физическую защиту самой структуры, ее собственников, их руководителей и иных лиц**; угрозу рейдерского захвата активов предпринимательской структуры; необходимость серьезной проверки будущих коммерческих партнеров и ответственных сотрудников, поступающих на работу в данную структуру; обеспечение компьютерной безопасности; опасность перевода экономического спора с участием предпринимательской структуры в уголовно-правовую плоскость; и наконец, такую важную составляющую, как страхование предпринимательских рисков.

Значительной составляющей института охраны прав предпринимательских структур в системе предпринимательского права является обеспечение физической защиты – ее самой (технические, организационные и иные составляющие) и ее «ключевых» лиц (ее собственников, руководителей, ответственных специалистов). Это в целом настолько само собой разумеется, что вроде и не нуждается в правовом регулировании. Но это не так – нужно учитывать действующее «внешнее» регулирование и разработать внутренний, локальный регламент для службы охраны, не позволяющий охранникам обыскивать посетителей, а то и применять к ним необоснованно меры физического воздействия и тем паче стрелять в них.

Сам комплекс организационно-правовых (правовых на локальном уровне) мероприятий по охране прав предпринимательских структур явно будет эффективным, когда он строго индивидуален – в каждой конкретной структуре, что и так, в той или иной форме, осуществляется ныне. Значительную помощь здесь оказывают разнообразные частноохранные предприятия (ЧОП), которые являются предпринимательскими структурами, и эта помощь оказывается на основе соответствующих двусторонних соглашений, также, в свою очередь, являющихся предпринимательскими договорами. Впрочем, подобные соглашения заключают и с органами вневедомственной охраны.

[29] См.: *Акиньшина Ю.* Полный пансион. Сколько стоит комфортная жизнь в зрелом возрасте // Росс. газ. 2021. 18 янв.

[30] См.: Росс. газ. 2021. 19 янв.

В любом случае развитие этой составляющей института охраны предпринимательских прав в системе предпринимательского права целесообразно базировать на законодательной основе, не сковывающей инициативу каждой предпринимательской структуры, но создающей надежный правовой фундамент, обеспечивающий эффективность данной составляющей.

Потенциально угрожающей для успешно работающих предпринимательских структур является **реальная возможность их рейдерского захвата**. Это важная составляющая искомого института охраны предпринимательского права. Широко распространенный в 90-е годы прошлого века этот способ физического, а главное – с использованием соответствующих организационных и правовых средств, овладения со стороны оргпреступных группировок (ОПГ) чужими активами и сегодня не исчез полностью. Чему есть свидетельства в средствах массовой информации. Естественно, многие такие «захваты», успешно завершившиеся для ОПГ, остаются для общества неизвестными.

Открытых источников по данной проблеме автору этих строк в последнее время встретить не довелось. Но в начале этого века размах «рейдерских» захватов чужой собственности предпринимательских структур был огромен. Как в 2004 г. отметил В. Гурвич (со ссылкой на источник – Управление экономической безопасности г. Москвы), за последнее время только в Москве было совершено более 300 попыток захвата и недружественных поглощений различных предприятий; практически ежедневно в столице происходит хотя бы одна подобная акция, а по стране таких случаев на порядок больше: в 2002 г. в России произошло 1870 поглощений, из них 76% недружественных, в 2003 г. объем сделок по поглощению вырос на 45% и достиг суммы в 12.9 млрд долл.[31]

Автор настоящей статьи, исследовавший в то время данную проблему[32], пришел к следующим выводам:

1. В самих операциях (речь шла уже о целой индустрии) по недружественному поглощению чужого имущества, т.е. в продуманных и осуществляемых в едином комплексе для каждой операции организационных и иных мероприятиях, обычно задействованы прямо, косвенно, опосредованно, «втемную» или иначе целый ряд лиц, в т.ч. должностных, различные предпринимательские структуры, контролирующие, правоохранительные и судебные органы и не в последнюю очередь криминалитет. Нередко эта скоординированная деятельность в рамках одной операции осуществляется на обширном географическом пространстве – от Владивостока до Калининграда.

2. Нет сомнений в том, что к организации каждого подобного многомерного (в любых исчислениях) криминального мероприятия привлекаются недюжинные умы, не исключено – из научных правовых кругов. Иначе трудно объяснить продуманность, совершенство применяемых на практике схем и комбинаций и масштаб операций.

3. На основании анализа только открытых источников, прежде всего СМИ (тех из них, которые, по авторскому убеждению, не относятся к «желтой» прессе), можно сделать вывод о том, что в операциях, сулящих сверхвысокий доход, используются в комплексе, целиком или в разных комбинациях различные формы правового воздействия: уголовно-правовые, административно-правовые, налоговые, судебные, информационные, личные и иные.

Одновременно приводились в действие продуманные контрмеры, направленные на блокаду мер защитительного характера, применяемых хозяйствующими субъектами, в отношении которых проводится атака по захвату имущества: в органы прокуратуры поступают системно взаимосвязанные, исходящие от различных источников сигналы, заявления и обращения с просьбами и требованиями не допустить «необоснованного» вмешательства правоохранительных, контролирующих, судебных и иных органов, а также других СМИ в «спор хозяйствующих субъектов». В адрес Президента РФ, его Администрации, руководителей федеральных и региональных органов государственной власти, правоохранительных органов направляются соответствующие «открытые письма» от трудовых коллективов, от руководителей разного уровня, в т.ч. и в форме депутатских запросов, от мэров городов и глав муниципальных образований и т.д.; осуществляется и массированное контрнаступление в информационной сфере как через «дружественные» СМИ, так и посредством публикаций «на правах рекламы» в «нейтральных» СМИ.

Ныне количество и размах недружественных поглощений – рейдерских захватов – как «успешных» для захватчиков, так и неудавшихся попыток, резко сократилось.

Но угроза этому вполне реальна, и по некоторым признакам можно уверенно определить – ОПГ в отношении конкретной структуры начала движения, причем по отдельности эти движения внешне не представляют угрозы, но в комплекте... Собственная служба безопасности любой предпринимательской структуры (где она есть) ориентирована

[31] См.: Политический журнал. 2004. 8 дек. С. 35.

[32] См.: *Клеандров М.И.* Арбитражный процесс и недружественное поглощение собственности: постановка проблемы // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства. СПб., 2005. С. 140–150.

в основном на обеспечение физической безопасности, здесь же необходима серьезная аналитическая проработка внешне малозаметных поползновений.

В любом случае и здесь требуется комплекс организационных и локально-правовых мероприятий, гарантированно обеспечивающих на самых дальних подступах препятствия попыткам рейдерского захвата имущества каждой предпринимательской структуры.

Важная составляющая института охраны предпринимательских прав – **выбор и тщательная проверка необходимого предпринимательской структуре коммерческого партнера**, по всем соответствующим показателям, среди которых одним из главных является его надежность, **а также глубокая, по возможности, проверка надежности поступающих на работу в структуру «ключевых» работников и иных специалистов**. С одной стороны, есть понятие коммерческой тайны, с другой – немало создается мошеннических структур, фирм-однодневок и проч. Даже если заинтересованный в информации о кредитной истории, направлениях и эффективности привлекательной ему деятельности субъект предпринимательской деятельности обратится с просьбой представить ему необходимую информацию в соответствующие кредитные организации, в Торгово-промышленную палату, в самоуправляемые организации и т.д., вряд ли он получит эту, очень нужную ему информацию. Ведь нет обязывающего это сделать законодательного предписания.

Необходимость в такой информации у субъекта предпринимательской деятельности возникает не постоянно, даже не часто, ибо большинство из них, не вчера начавших хозяйствовать, есть наработанные хозяйственные связи с проверенными долгой позитивной практикой коммерческими партнерами. Но у вновь созданной предпринимательской структуры таких наработанных связей нет, и в поисках коммерческого партнера ей не сложно наткнуться на мошенников. Кроме того, и при наличии наработанных связей в условиях конкурентного спроса и предложения товаров и услуг предложение со стороны мошенников может выглядеть предпочтительнее предложения, исходя от проверенного бизнес-партнера.

Сходная, в какой-то мере аналогичная ситуация имеет место при приеме в предпринимательскую структуру работников на «ключевые» должности. Субъект предпринимательства проверить, не является ли принимаемый им на работу, пусть даже надежно рекомендованный специалист, «кротом», засылаемым конкурирующей предпринимательской структурой с целью «слива» ей информации, что может ухудшить деятельность работодателя, а то и привести его к банкротству, либо засылаемым оргпреступной группировкой с целью рейдерского захвата этого субъекта, в нынешних правовых условиях, не прибегая к личным связям и проч., т.е. официально, не может.

Правда, недавно появился некий косвенный проблеск в решении этой задачи. Верховный Суд РФ 22 апреля 2021 г. вынес Определение по делу обанкротившегося ООО «С...», которым фактически разрешает конкурсным управляющим запрашивать в региональном управлении ЗАГС информацию о родственниках контролирующих банкрота лиц[33]. Но: а) это Определение Верховным Судом РФ вынесено по конкретному делу и рассматривать его в качестве судебного прецедента невозможно; б) устанавливать обязательные для исполнения правоохранительные требования – вообще не дело судебных органов; в) вместе с тем это сигнал для законодательных органов, свидетельствующий о необходимости заполнить законом выявленную Верховным Судом РФ лакуну в правоприменении.

Достижения научно-технического прогресса, особенно в сфере интернет-технологий, требуют для предпринимательской структуры **обеспечения компьютерной безопасности во всей сфере ее жизнедеятельности**, включая «ключевых» ее сотрудников. Здесь следует учесть, что интернет-технологии стремительно развиваются, а прежние в недавнем прошлом гарантированно надежные способы обеспечения компьютерной безопасности стремительно устаревают или уже устарели. Положение дел здесь осложняется периодическим переводом в немалой части предпринимательских структур значительного числа сотрудников, в т.ч. «ключевых», на дистанционный режим работы.

В любом случае обеспечение компьютерной безопасности предпринимательской структуры должно ориентироваться на будущее, а с другой стороны – использование достижений компьютерных технологий способно повысить эффективность ряда элементов комплекса мероприятий по обеспечению ее охраны.

Так, вполне надежным и недорогим способом обеспечения охраны жизненно важной для предпринимательской структуры информации, содержащейся в памяти компьютера, является ее постоянное дублирование на дисках (иных ее носителях), отдельных, не подключенных к действующим постоянно компьютерам. Равно система запороления на высоком уровне доступа к информации, содержащейся и постоянно обновляющейся на действующих компьютерах. Для крупных предпринимательских структур эффективным здесь будет являться создание собственной внутренней

[33] См.: Дело № А26-8852/2019.

компьютерной сети, не имеющей выхода вовне этой структуры.

Впрочем, специалистам в сфере компьютерной безопасности все это хорошо известно, как известны и способы обеспечения компьютерной защиты от хакерских атак, от попыток запуска в предпринимательскую структуру компьютерных «червей» и т.д. Наверняка в будущем потребность для предпринимательства в обеспечении ее компьютерной безопасности, охраны ее прав в сфере интернет-технологий будет расти и очень стремительно, что, безусловно, уже сейчас требует высококлассных специалистов данного профиля. В будущем эта потребность будет увеличиваться, и при разработке в предпринимательской структуре комплекса мероприятий по обеспечению охраны ее прав и законных интересов, особенно на долгую перспективу, эту задачу следует воспринимать как первоочередную. Пренебрежение необходимостью обеспечения компьютерной безопасностью в предпринимательской структуре с неописуемой легкостью, несколькими кликами мышки хакерского компьютерщика способно лишить ее, причем невосполнимо, значительных средств, находящихся на банковских счетах; раскрыть коммерческие, технологические и иные тайны этой структуры; причинить ей иной, иногда – критический ущерб.

Опасность перевода экономического спора в уголовно-правовую плоскость

Уголовной ответственности любых юридических лиц, в т.ч. любой предпринимательской структуры, нет. Но совсем не исключено, что в обозримом будущем в законодательстве Российской Федерации она появится. А ныне для предпринимательской деятельности практически любой предпринимательской структуры немалую опасность представляет необоснованное уголовное преследование ее руководителей и/или собственников.

И размах этих необоснованных уголовных преследований внушителен – как известно, около 45% уголовных дел, возбужденных в отношении предпринимателей, прекращается производством, не доведено до суда. По данным Верховного Суда РФ, в 2020 г. судами было рассмотрено 4.3 тыс. уголовных дел в сфере предпринимательской деятельности; перед судом предстали 4.4 тыс. предпринимателей; дела в отношении 1.6 тыс. были прекращены по различным основаниям; осуждены были 2.7 тыс. человек, из числа осужденных к реальным срокам были приговорены 9%[34].

Чаще всего уголовные дела в отношении предпринимателей возбуждаются по ст. 159 «Мошенничество», ст. 160 «Присвоение или растрата», ст. 201 «Злоупотребление полномочиями» и ст. 198–199[2] «Налоговые преступления» УК РФ. Иногда функции, возложенные государством на правоохранительные органы, переносятся на предпринимательско-правовое отношение, в отдельных случаях, не исключено, намеренно, в т.ч. ориентируясь на недостаточно проверенные заявления конкурентов проверяемых предпринимательских структур, споры между которыми рассматриваются арбитражными судами.

В борьбе с этими явлениями принимаются определенные правовые меры, к числу которых следует отнести совместное – Генеральной прокуратуры, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ и ФТС России – указание «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности»[35]. Этим актом, в частности, прокуроры ориентированы на выявление фактов личной, прямой или косвенной заинтересованности компетентных органов при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Наконец, 24 марта 2021 г. был принят Федеральный закон № 57-ФЗ «О внесении изменений в статьи 81[1] и 164 Уголовно-процессуального кодекса»[36], которым аморфное содержание термина «предпринимательская деятельность», позволяющее его запредельно толковать, было заменено конкретной формулировкой: «если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности», заменить словами «если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельностью».

Пожалуй, довольно выпукло образец перевода правоохранительными органами экономического спора в плоскость уголовно-правовых отношений приведен в СМИ (со ссылкой на адвоката В. Пробичева): «Например, по его словам, порой визит людей в погонах вызван не каким-то сигналом о возможном преступлении, а просьбой недобросовестных бизнесменов. Допустим, фирма “Честный подрядчик”

[34] См.: Росс. газ. 2021, 26 марта.

[35] См. подр.: *Егоров И.* Проверки без пристрастия. Изменился подход к расследованию бизнес-дел силовиками // Росс. газ. 2020. 9 сент.

[36] См.: Росс. газ. 2021. 26 марта.

судится в арбитраже с фирмой “Бесчестный заказчик”, и последний, используя свои связи с правоохранителями, договаривается о визите силовиков в офис “Честного подрядчика”. Зачем? Чтобы изъять оригиналы документов: счета-фактуры, акты, договоры. В итоге подрядчик вынужден приходить в арбитражный суд буквально с пустыми руками. А важные для экономического спора документы лежат в столе следователя, пока он возится с придуманным на пустом месте уголовным делом. Дело потом закроется, документы вернут, но – уже после того, как закончится арбитражный суд»[37].

Но не исключено, что правоприменительная практика в этой сфере сможет обойти – в отдельных случаях – названные ограничения. Поэтому в комплексе организационно-правовых мероприятий по охране прав предпринимательской структуры целесообразно: а) любые предпринимательские договоры с партнерами составлять в форме, исключающей возможность (как минимум минимизировать ее) перевода контрагентом в будущем экономического спора в плоскость уголовно-правовых отношений; б) соглашения, объединяющие активы двух предпринимательских структур, заключать так, чтобы владение ими не было в форме 50 на 50, хоть на один процент активов во владении охраняющей свои права и интересы предпринимательской структуры должно быть больше; в) в процессе заключения предпринимательского договора провести в доступных формах и имеющимися возможностями аудит будущего контрагента с целью выявить его надежность, неконфликтность и проч.

К числу основных организационно-правовых мероприятий по охране прав и интересов предпринимательских структур следует отнести **страхование предпринимательских рисков**. Как закреплено в п/п. 3 п. 2 ст. 929 ГК РФ, по договору страхования предпринимательского риска может быть застрахован риск убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий этой деятельности по независящим от предпринимателя обстоятельствам, в т.ч. риск неполучения ожидаемых доходов.

Действующее законодательство в сфере страхования представляет предпринимательской структуре возможности страхования по широкому спектру предпринимательских рисков. Например: нарушение условий договорных обязательств контрагентами; вынужденные, независящие от усилий предпринимательской структуры, простои оборудования; незапланированные расходы, связанные с техногенными факторами и потерянными инвестициями; резкое падение спроса на изготавливаемую предпринимательской структурой продукцию и/или оказываемые услуги; банкротство предпринимательской структуры; природные и техногенные катастрофы; преступные действия третьих лиц; политические события, приведшие к терактам, безработице, забастовкам и митингам; блокирующие деятельность предпринимательской структуры; аварии на производстве, а также несчастные случаи, включая гибель персонала, и др.

При наступлении страхового случая страховые компании выплачивают предпринимательской структуре, с которой заключен страховой договор, сумму, обусловленную условиями этого договора. Однако нужно учитывать, что любая страховая компания – это тоже предпринимательская структура, имеющая свои коммерческие интересы. Поэтому она (ее специалисты) тщательно проверяет: был ли в действительности страховой случай; нет ли в наступлении страхового случая виновных действий работников застрахованного; не имел ли место естественный износ оборудования у застрахованного и т.д.

При этом следует учесть, что за короткое время, после перевода экономики Российской Федерации на рыночные рельсы, сложилась весьма развитая система страхового законодательства и еще более развитая соответствующая правоприменительная практика. Так что целесообразно эту составляющую института охраны предпринимательских прав в деятельности каждой предпринимательской структуры создавать по возможности с помощью профессионалов.

* * *

Есть, разумеется, и иные составляющие института охраны прав предпринимательских структур. Научные исследования в этом направлении, безусловно, обеспечат безопасность в экономике и снизят число нарушений прав предпринимателей, чем повысят эффективность правового регулирования отношений в сфере экономики Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агеева Е.Ш.* Институт охраны и защиты прав предпринимателей: сравнительно-правовое исследование законодательств России и Англии. М., 2015.
2. *Акиньшина Ю.* Полный пансион. Сколько стоит комфортная жизнь в зрелом возрасте // Росс. газ. 2021. 18 янв.
3. *Бабайцева Е.А.* Соотношение профессиональной деятельности и самозанятости граждан: цивилистический аспект // Современное право. 2017. № 4. С. 51–56.
4. *Бурлак А.В.* К вопросу о понятии «самозанятые граждане» // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2016. № 4 (49). С. 173–177.

[37] *Куликов В.* Железный свидетель. Следователям запретили изымать компьютеры, документы и другие вещдоки при обыске фирм // Росс. газ. 2021. 26 марта.

5. *Винокуров А., Веретенникова К.* Если понят, то не так. Российские законы слишком сложны даже для их авторов // Коммерсантъ. 2021. 5 апр.

6. *Галиева Д.* Контроль контролеров. Эксперты изучили выполнение моратория на проверки бизнеса // Коммерсантъ. 2021. 22 апр.

7. *Дацко Ю.М.* Проблемы правового регулирования самозанятых граждан // Молодой ученый. 2020. № 45 (335). С. 81, 82.

8. *Егоров И.* Проверки без пристрастия. Изменился подход к расследованию бизнес-дел силовиками // Росс. газ. 2020. 9 сент.

9. *Клеандров М.И.* Арбитражный процесс и недружественное поглощение собственности: постановка проблемы // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства. СПб., 2005. С. 140–150.

10. *Клеандров М.И.* О необходимости обретения незарегистрированным предпринимателем легального статуса // Предпринимательское право. 2015. № 3. С. 3–13.

11. *Клеандров М.И.* Разрешение хозяйственных споров в агропромышленных и территориально-производственных комплексах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987. С. 315–387.

12. *Костюк И.В.* Занятость и самозанятость как форма доходной деятельности граждан // Росс. журнал правовых исследователей. 2017. № 2 (11).

13. *Крылова Е.Г.* Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // Юрист. 2017. № 6. С. 11–15.

14. *Куликов* В. Железный свидетель. Следователям запретили изымать компьютеры, документы и другие вещдоки при обыске фирм // Росс. газ. 2021. 26 марта.

15. *Лаптев В.В.* Предмет и система хозяйственного права. М., 1969. С. 143, 146.

16. Научные подходы к оценке масштабов теневой экономики и их влияния на национальную безопасность страны. М., 2003.

17. *Писарев Г.А.* Крестьянское (фермерское) хозяйство как субъект предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. 2013. № 3. С. 21–24.

18. *Попондопуло В.Ф.* Коммерческое (предпринимательское) право: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 443–482.

19. Предпринимательское право: учеб. / отв. ред. Р.А. Курбанов. М., 2019. С. 794–812.

20. Предпринимательское право России: библиография: учеб.-метод. пособие / отв. ред. Е.П. Губин, Ю.С. Харитонова. М., 2019.

21. Предпринимательское (хозяйственное) право: учеб. / под ред. В.В. Лаптева, С.С. Занковского. М., 2006.

22. Российское предпринимательское право: учеб. / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. 4-е изд. М., 2012.

23. *Скруг В.С.* Возможности проблемы легализации самозанятых в условиях цифровой экономики // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 11. С. 979–992.

24. Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов. М., 1975. С. 210, 444, 445.

25. Советское хозяйственное право. Библиографический указатель (1959–1979). Донецк, 1980. С. 113–123.

26. *Трофимова Е.В.* Легитимизация субъекта предпринимательства: понятие и правовые механизмы // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 1. С. 52.

27. Хозяйственное право. Общие положения / под ред. В.В. Лаптева. М., 1983. С. 256, 266.

28. *Шохин А.А.* Хозяйственно-правовая охрана имущества производственных объединений в промышленности СССР. Горький, 1977. С. 745.

REFERENCES

1. *Ageeva E. Sh.* Institute of Protection and Protection of the rights of entrepreneurs: a comparative legal study of the laws of Russia and England. M., 2015 (in Russ.).

2. *Akinshina Yu.* Full board. How much does a comfortable life in adulthood cost // Russ. newspaper. 2021. January 18 (in Russ.).

3. *Babaytseva E.A.* Correlation of professional activity and self-employment of citizens: civil aspect // Modern law. 2017. No. 4. P. 51–56 (in Russ.).

4. *Burlak A.V.* On the question of the concept of "self-employed citizens" // Herald of the Omsk University. Ser. "Law". 2016. No. 4 (49). P. 173–177 (in Russ.).

5. *Vinokurov A., Veretennikova K.* If it is understood, then it is not so. Russian laws are too complicated even for their authors // Kommersant. 2021. 5 Apr. (in Russ.).

6. *Galieva D.* Control of supervisors. Experts have studied the implementation of the moratorium on business inspections // Kommersant. 2021. 22 Apr. (in Russ.).

7. *Datsko Yu. M.* Problems of legal regulation of self-employed citizens // Young scientist. 2020. No. 45 (335). P. 81, 82 (in Russ.).

8. *Egorov I.* Checks without bias. The approach to the investigation of business cases by the security forces has changed // Russ. newspaper. 2020. September 9 (in Russ.).

9. *Kleandrov M.I.* Arbitration process and unfriendly absorption of property: problem statement // Theoretical and practical problems of civil, arbitration and enforcement proceedings. SPb., 2005. P. 140–150 (in Russ.).
10. *Kleandrov M.I.* On the need for an unregistered entrepreneur to acquire a legal status // Business Law. 2015. No. 3. P. 3–13 (in Russ.).
11. *Kleandrov M.I.* Resolution of economic disputes in agro-industrial and territorial-industrial complexes: dis. ... Doctor of Law. M., 1987. P. 315–387 (in Russ.).
12. *Kostyuk I.V.* Employment and self-employment as a form of profitable activity of citizens // Russ. journal of legal researchers. 2017. No. 2 (11) (in Russ.).
13. *Krylova E.G.* Features of economic regulation of entrepreneurial activity of the self-employed in Russia and abroad // Yurist. 2017. No. 6. P. 11–15 (in Russ.).
14. *Kulikov V.* Iron witness. Investigators were forbidden to seize computers, documents and other evidence during the search of firms // Russ. newspaper. 2021. March 26 (in Russ.).
15. *Laptev V.V.* The subject and system of Economic Law. M., 1969. P. 143, 146 (in Russ.).
16. Scientific approaches to assessing the scale of the shadow economy and their impact on the national security of the country. M., 2003 (in Russ.).
17. *Pisarev G.A.* Peasant (farmer) economy as a subject of entrepreneurial activity // Business Law. 2013. No. 3. P. 21–24 (in Russ.).
18. *Popondopulo V.F.* Commercial (Business) Law: textbook. 3rd ed., reprint. and additional M., 2008. P. 443–482 (in Russ.).
19. Business Law: textbook / ed. by R.A. Kurbanov. M., 2019. P. 794–812 (in Russ.).
20. Business Law of Russia: bibliography: educational and methodical manual / ed. by E.P. Gubin, Yu. S. Kharitonova. M., 2019 (in Russ.).
21. Business (Economic) Law: textbook / ed. by V.V. Laptev, S.S. Zankovsky. M., 2006 (in Russ.).
22. Russian Business Law: textbook / ed. by I.V. Ershov, G.D. Otnyukov. 4th ed. M., 2012 (in Russ.).
23. *Skrug V.S.* Possibilities of the problem of legalizing the self-employed in the digital economy // Labor economics. 2020. Vol. 7. No. 11. P. 979–992 (in Russ.).
24. Dictionary of the Russian language / comp. S.I. Ozhegov. M., 1975. P. 210, 444, 445 (in Russ.).
25. Soviet Economic Law. Bibliographic index (1959–1979). Donetsk, 1980. P. 113–123 (in Russ.).
26. *Trofimova E.V.* Legitimization of the business entity: the concept and legal mechanisms // Herald of Kutafin University (MSLA). 2015. No. 1. P. 52 (in Russ.).
27. Economic Law. General provisions / ed. by V.V. Laptev. M., 1983. P. 256, 266 (in Russ.).
28. *Shokhin A.A.* Economic and legal protection of the property of industrial associations in the industry of the USSR. Gorky, 1977. P. 745 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович –
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, Институт государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. –
Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 21–34
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 21–34

КОСМИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО: НАЧАЛО НОВОЙ ЭПОХИ В ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

© 2021 г. С. Ф. Ударцев

Университет КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

E-mail: sudartsev@mail.ru

Поступила в редакцию 08.04.2021 г.

Аннотация. В статье обосновывается суждение о том, что эволюция земной государственности приводит к ее трансформации в космическую государственность и открывает новую эпоху в развитии государства. Отмечается утопичность политических теорий в истории мысли как о завершении эволюции государства его глобальными земными формами, так и об отмене или отмирании государства, а также значение пространственной характеристики для осмысления общей эволюции государственности. Показано начало новой космической деятельности с участием в ней всех государств. Выделены причины формирования и признаки космического государства (пространственный, институциональный, функциональный, правовой, научно-технический), возможные его разновидности, отмечена возможность разных форм. Современное государство пересекает границу завершающейся земной своей истории и в дальнейшем будет развиваться как космическое явление.

Ключевые слова: государство, эволюция, будущее государства, космическое государство, пространственная характеристика государства, причины формирования космического государства, космическая экономика, космические войска, признаки космического государства, варианты космического государства.

Цитирование: *Ударцев С.Ф.* Космическое государство: начало новой эпохи в эволюции государственности // Государство и право. 2021. № 8. С. 21–34.

DOI: 10.31857/S102694520016441-6

SPACE STATE: THE BEGINNING OF NEW ERA IN THE EVOLUTION OF STATEHOOD

© 2021 S. F. Udartsev

M. Narikbaev KAZGUU University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

E-mail: sudartsev@mail.ru

Received 08.04.2021

Abstract: The article substantiates that the evolution of earthly statehood naturally leads to its transformation into a cosmic statehood and opens a new era in the development of the state. The utopian nature of political theories in the history of thought is marked both by the completion of the evolution of the state with its global earthly forms, and by the abolition or withering away of the state, as well as the importance of spatial characteristics for understanding the general evolution of statehood. The article contains the beginning of a new, more powerful wave of space activity where all states participate. The reasons for the formation and features of a space state (spatial, institutional, functional, legal, scientific and technical), its possible varieties are highlighted, the possibility of different forms is noted. The purely earthly history of the modern state is coming to the end and the state will further develop as a cosmic phenomenon.

Key words: state, evolution, the future of the state, space state, spatial characteristics of the state, reasons for the formation of a space state, space economy, space forces, features of a space state, options of a space state.

For citation: *Udartsev, S.F. (2021).* Space state: the beginning of new era in the evolution of statehood // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 21–34

Из истории идей о будущем государства как земного и космического явления

В ходе исторического развития представления о будущем государства (способного играть в истории разную роль, созидать и разрушать) формировались по нескольким направлениям.

В государственнической (этатистской) политической мысли[1], воспринимавшей государство как позитивного созидателя и защитника общества, безопасности и прав подданных (граждан), основным направлением в прогнозировании будущего государства было стремление моделировать оптимальную форму прогрессивного государства. В этом сходились все сторонники идеи государства – от консерваторов до либералов. Но они расходились в представлениях о формах, режиме, методах и целях функционирования государства. Одни надеялись, что в будущем появится-жесткая, могучая, всесильная власть, подавляющая минимальное отклонение от воли правительства и своим приказом меняющая развитие мира в нужном направлении. Другие полагали, что власть в будущем будет более мягкая, гуманная, защищающая права и свободы человека, минимально вмешивающаяся в экономику, поощряющая инициативу и саморазвитие общества. При этом формы государства рассматривались как всевозможные монархические, республиканские, конфедеративные, федеративные или унитарные, а предельные масштабы деятельности как континентальные или глобальные государственные объединения[2]. В некоторых теориях обосновывались будущая всемирная конфедерация или федерация (в известном трактате «К вечному миру» И. Канта, позже – у О. Конта), или единое мировое государство как результат борьбы между крупнейшими империями (у Р. Иеринга[3]).

Утопическая социалистическая мысль добавила к представлениям о будущем государства детализированные утопические модели островных, городских или национальных идеальных и справедливых, с точки зрения авторов утопий, устройств государственной власти.

Коммунистическая марксистско-ленинская политическая теория, развивая утопические традиции, выдвинула концепцию исторического угасания, «отмирания» государственности с исчезновением классов в коммунистическом обществе, постепенной передачи государственных функций обществу, перехода в перспективе от социалистического «полугосударства» к коммунистическому общественному самоуправлению. Когда исчезнут классы и люди привыкнут к соблюдению правил общежития, писал В.И. Ленин, тогда можно будет обойтись «без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством»[4]. При этом подчеркивалось, что «не может быть и речи об определении момента *будущего* “отмирания”, тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный»[5]. В СССР при Н.С. Хрущеве решили пересмотреть это положение. Планировалось построить коммунизм к 1980 г., предварительно с 1965 г. отменив государственные налоги[6]. Как известно, осенью 1964 г. Н.С. Хрущев был снят с должности, а его утопические обещания квалифицированы как проявление волюнтаризма. Вместе с этим в советской идеологии был снят с повестки дня вопрос о конкретных сроках построения коммунизма и «отмирания» государства.

Анархическая политическая мысль, как радикальное критическое направление с ценностно негативным отношением к государственности, в ходе ее исторической эволюции выработала немало критических теорий, осуждая государственное насилие, войны, подавление свободы и государственное обеспечение эксплуатации людей. Относительно будущего государства предлагались модели его мирного и революционного устранения с заменой самоорганизующейся социальной системой, выстраиваемой снизу вверх (у Бакунина – всемирной негосударственной федерацией), или преодоления государственной организации эффективной глобальной тотальной организацией общества (как у А.Л. Гордина)[7].

---

[1] См.: *Мамут Л.С.* Анархизм и этатизм как типы политического сознания (домарксистский период). М., 1989.

[2] См.: *Кембаев Ж.М.* Политико-правовая история идеи единой Европы: с древнейших времен до современности. Алматы, 2012.

[3] См.: *Зорькин В.Д.* Иеринг // История политических и правовых учений. XIX в. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1993. С. 25.

[4] См.: *Ленин В.И.* Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. С. 83.

[5] Там же. С. 84.

[6] См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет III. М., 1962. С. 229–335.

[7] См., напр.: *Ударцев С.Ф.* Политическая теория постклассического анархизма: проблемы власти, критика государства, идеи о будущей политической организации (Россия, первая треть XX в.) // Государственная идеология: историко-правовые и теоретико-правовые аспекты / под ред. А.А. Васильева: в 2 т. М., 2019. Т. 2. С. 31–71.

Общим практически для всех этатистских и анархистких теорий было то, что предельные модели эволюции политической власти доводились до масштабов планеты, не выходили за ее пределы. Однако потенциал государства не исчерпывается земными формами и деятельностью на планете Земля. Как предвосхищение этого, идеи о космической власти богов, космической роли человека и человечества, космическом потенциале политической власти встречаются в истории мысли, начиная с Древнего мира[8]. В конце XIX – начале XX в. после теоретического обоснования возможности межпланетных перелетов актуализируется опирающееся на научно-технические достижения осмысление возможной жизни людей за пределами планеты Земля. Появляются идеи о космической власти, росте ее мощи и космических масштабах деятельности по мере эволюции человечества и разумных существ в космосе (К.Э. Циолковский)[9].

Размышляя об эволюции Вселенной и разумных существ в ней, К.Э. Циолковский полагал, что «власть Вселенной проявляется ярче всего организацией живых разумных существ»[10]. Он писал, что совершенные существа Вселенной имеют сложную многоуровневую организацию власти и на высших ее уровнях их воля «почти согласуется с абсолютной волей Вселенной. <...>. Через них космос и проявляет свою власть»[11]. «Власть сознательных существ объединяется председателями планет, солнечных систем, звездных групп, млечных путей, эфирных островов и т.п. Какая это могущественная сила, мы и представить себе не можем!»[12].

Нельзя не согласиться с К.Э. Циолковским, что человек, человечество, их развитие должны рассматриваться не с узкой точки зрения, а с «высшей» космической точки зрения. «Узкая точка зрения может привести к заблуждению», – писал К.Э. Циолковский в 1934 г.[13] «Начало и последующее бурное развитие космической деятельности подтвердили принципиальную важность космической точки зрения и «космической» картины мира»[14]. Такой подход актуален для понимания права[15], государства и перспектив его эволюции.

Современное государство впервые в истории практически демонстрирует закономерное развитие его из политического института в космическое явление с огромным потенциалом развития. Эволюция государства не завершается масштабами планеты. Начинается исторический переход земной государственности в новое состояние, трансформация ее в космическую государственность[16]. Государства (прежде всего государства-лидеры) начинают распространять свою власть, юрисдикцию, военное присутствие за пределы планеты Земля, обеспечивая политическое, военное, информационное, экономическое доминирование и безопасность с вовлечением в этот процесс космического пространства и космических ресурсов.

Пространственное измерение эволюции государства

Государственность планеты Земля – совокупность существовавших, существующих и находящихся в процессе становления старых и новых государств, действующих на планете и начинающих экспансию за ее пределы.

Известная человечеству история государства насчитывает более 6 тыс. лет. Государство как основная политическая форма организации жизнедеятельности человечества прошло ряд этапов эволюции от мелких неустойчивых образований до мощных социально-политических институтов. В исторической науке известно несколько подходов к общей классификации эволюции государственности: обобщенно хронологический (наиболее распространенный, учитывающий крупные временные периоды[17], значительные особенности социально-экономического, культурного, цивилизационного развития), формационный и классовый

---

[8] См.: *Ударцев С.Ф.* История политических и правовых учений. Древний Восток: акад. курс. СПб., 2007; *Его же.* Идея космического государства в истории политической мысли // Право и политика. 2012. № 8. С. 1386–1398; *Udartsev S.F.* Cosmic state: the forming and development of the idea in the history of thought // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 1. С. 37–50. DOI: 10.7256/1339-3057.2014.1.11412

[9] См.: *Циолковский К.Э.* Воля вселенной // Циолковский К.Э. Космическая философия: сб. М., 2001. С. 111, 112.

[10] *Циолковский К.Э.* Неизвестные разумные силы // Циолковский К.Э. Космическая философия. М., 2019. С. 119.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 120.

[13] См.: *Циолковский К.Э.* Необходимость космической точки зрения // Там же. С. 348.

[14] *Кричевский С.В.* Аэрокосмическая деятельность: междисциплинарный анализ. М., 2012. С. 87.

[15] См., напр.: *Клеандров М.И.* Метаправо и мегаправо для урегулирования отношений с иным разумом // Право и государство. 2015. № 4 (69). С. 81–85.

[16] См.: *Ударцев С.* Космическое государство как государство будущего: возможные варианты формирования // Государство будущего: новые технологии и государственное управление: Междунар. науч.-иссл. конф., г. Астана, 28 ноября 2018 г.: сб. ст. / под ред. Б.Н. Бокаева. Астана, 2019. С. 21–29; *Udartsev S.F.* Space State: Possible Options for Forming // RUSSIAN LAW: Theory and Practice. 2019. No. 1. P. 66–75.

[17] В.Г. Графский отмечает, что в периодизации истории государства и права наиболее предпочтительной «остается периодизация, принятая в науке всеобщей истории: древность, средние века и современность (период новой и новейшей истории)» (см.: *Графский В.Г.* Всеобщая история государства и права. М., 2000. С. 31).

(с привязкой к социально-экономическим формациям и их основным крупным общественным группам в зависимости от их места в системе производства и потребления), цивилизационный (по принадлежности к тем или иным параллельно или асинхронно развивающимся цивилизациям как крупным, самодостаточным регионально-культурным образованиям), технический и энергетический (с привязкой к уровню технического развития общества, объему и виду потребляемой им энергии).

Следует отметить, что все аспекты осмысления исторической эволюции государства сохраняют свое значение и ныне для выявления различных граней многоаспектного и многогранного исторического процесса. Однако по мере укрупнения осмысливаемых исторических отрезков времени и ускорения исторического процесса за счет технического, технологического и информационного развития цивилизации, появляется возможность по-новому взглянуть на некоторые общие тенденции эволюции государственности.

В свое время Ш.Л. Монтескьё обратил внимание, что расширение границ государства влияет на «дух государства», его формы, на количество случайностей в общественных отношениях, что требует непрерывного изменения законов[18].

На современном этапе исторического развития важным представляется учет пространственного аспекта исторической эволюции государственности[19]. Он может быть полезен для общей классификации эволюции государственности и ее перспектив. При этом важно изучение пространства распространения деятельности и юрисдикции государств-лидеров, определяющих предельный уровень политического развития человеческой цивилизации на конкретном этапе эволюции.

С точки зрения освоения подконтрольного государству пространства и расширения его юрисдикции и сферы деятельности эволюция государства прошла по крайней мере три исторических этапа: 1) от речных и приморских государств до континентальной и частично межконтинентальной государственности (государства Древнего мира и Средних веков до империй Александра Македонского, Римской империи, Византии и т.д.); 2) от континентальной до межконтинентальной (поликонтинентальной) государственности (от государств эпохи великих географических открытий до колониальных империй нового времени, индустриального общества); 3) от межконтинентальной до планетарной государственности по масштабам деятельности (государства новейшего времени до современных многоуровневых государственных образований и государств – мировых лидеров). В рамках каждого этапа зарождаются элементы следующего этапа развития государственности. При этом новые этапы не исключают полностью многообразие государственных форм предыдущих этапов, как сохраняются и более мелкие и менее развитые государства. Выделенные три этапа – по сути одна эпоха эволюции земной государственности.

На пространственное развитие человечества как существенный элемент его истории обращал внимание К. Ясперс. «После того, как наша планета в целом стала доступна человеку, он лишился пространственной свободы. <...>. Теперь наша обитель, сфера нашего существования замкнута, величина ее точно определена, должна быть целиком принята во внимание при проведении любых планов и действий. <...>. В такой ситуации человечество как бы уплотняется на земном шаре»[20], – писал философ. По Ясперсу, человечество оказывается у определенной границы своей истории, перед лицом неизвестного космоса[21]. На этой границе истории начинается отсчет новой, космической истории государства.

С активизацией космической деятельности государственность подходит к следующему пространственному уровню (масштабу) своей эволюции. Этот уровень управления и его правовое регулирование не могут быть сведены лишь к варианту земных пространств открытого моря или воздушного пространства. Здесь существенно иной масштаб и бесконечное разнообразие условий и физических законов, действующих в космосе. В условиях вовлечения так или иначе всех государств планеты в расширяющуюся космическую деятельность, формирования космической цивилизации человечества и системы ее управления начинается *четвертый этап пространственной эволюции государственности* – формирование космической государственности (сначала в группе наиболее развитых стран мира), деятельность и юрисдикция которой будет распространяться все шире и глубже в космическое пространство. Этот процесс начинается параллельно с идущим процессом формирования и развития системы глобального управления и участия в нем нескольких центров государственного развития. Космическая государственность, которая может пройти в перспективе много еще неизвестных этапов и достигнуть невиданной ранее научно-технической, экономической, энергетической и военной мощи, открывает новую эпоху эволюции государственности.

[18] См.: *Монтескьё Ш.Л.* О духе законов. М., 1999. С. 113.

[19] См. также: Правовое пространство: границы и динамика / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2019.

[20] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем. М., 1991 (Мыслители XX в.). С. 246.

[21] См.: там же. С. 246, 247.

Государственность накануне грандиозного эволюционного скачка

В ходе исторической эволюции государство как историческое явление развилось, укрепилось, глубже проросло в общество, его экономическую и политическую систему, общественное сознание, стало высокотехнологичным и быстрее адаптирующимся к происходящим в обществе изменениям. Адаптационная трансформация национальной и международной систем государственности к условиям глобализации и расширения космической деятельности ведет к значительным изменениям государства.

В ходе эволюции человеческой цивилизации возникают новые угрозы, которые могут быть нейтрализованы лишь адекватным развитием группы государств, охватывающих своей деятельностью и космическое пространство. Высокий уровень технического развития государств-лидеров, исторически сложившееся распределение земных территорий и ресурсов, и при этом «ничейность» неограниченных космических ресурсов закономерно примеряют их амбиции, технико-экономические возможности и интересы к космосу.

Общие проблемы экологической, эпидемиологической, экономической, военной, астероидной и иной космической безопасности, необходимость для развития человечества реализации глобальных и сверхглобальных космических проектов, открывающих доступ к практически бесконечным ресурсам и богатствам космоса (несопоставимым с ограниченными ресурсами на планете Земля), подталкивают в конечном счете к осознанию неизбежности согласованной и упорядоченной космической деятельности, взаимовыгодности для государств нахождения компромиссов и взаимоприемлемых решений, несмотря на жесткую конкуренцию, противостояние и разные интересы.

Известный американский социолог и футуролог Э. Тоффлер, обобщая изменения в отношениях «между силой, богатством и знанием», приходит к выводу, что «мы присутствуем при самых важных изменениях системы власти за всю ее историю»[22]. Бывший исполнительный директор Всемирного банка Мойзес Наим, анализируя инновационную лавину и новые технологии, меняющие систему государственного управления, не без оснований отмечает, что «мы стоим на пороге революционного обновления политической жизни и государственного управления»[23]. Действительно, государственность на планете Земля проходит одну из критических точек эволюции.

При этом, как отметил Ф. Фукуяма, ни одна из исторических «трансформаций не была универсальной для всех человеческих сообществ. До сих пор доплеменные группы в отдаленных областях.., а также многочисленные племенные общества в горных и пустынных регионах и в джунглях. Ни один уровень политической организации никогда полностью не вытеснял другой...»[24]. Формирование космических государств будет сочетаться какое-то время с существованием менее развитых государств, что еще больше увеличит исторический разрыв между ними. Доступ в обозримом будущем одних государств к разработке и присвоению практически неограниченных космических ресурсов и недоступность этого для других государств умножит разрыв в уровне развития и богатства между странами.

Существенные изменения, которые предстоит пережить человечеству, его государственности и правовой системе, во многом связаны с формированием космической цивилизации, организацией и правовым регулированием упорядоченного выхода человечества в процессе эволюции в неограниченное космическое пространство за пределами планеты Земля.

Космическая деятельность объективно открывает новые возможности для востребованности и развития государства, достройки и перестройки его аппарата. Новые возможности появляются и для государственно-частного партнерства, сотрудничества государства с международными организациями. Открывающиеся перспективы обновляют важную роль государства в этом процессе как основного координатора и важного фактора обеспечения правопорядка, защиты собственности, прав и свобод человека[25], национальной, глобальной и космической безопасности. Космическая деятельность государств может осуществляться как самостоятельно, так и в группе стран.

Наращивание государствами космической деятельности

Человечество, накопившее силу и новые технологии после старта космической эры в 1950–1970-х гг., входит в новый цикл еще более активной космической деятельности. Ее особенность – дальнейшее

[22] *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века / пер. с англ. М., 2009. С. 574.

[23] *Наим Мойзес.* Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе / пер. с англ. Н. Мезина, Ю. Полещук, А. Сагана. М., 2016. С. 417.

[24] *Фукуяма Ф.* Угасание государственного порядка: научно-популярное издание / пер. с англ. К.М. Королева. М., 2017. С. 589.

[25] В.Д. Зорькин полагает, что «право будущего все большую роль в защите индивидуальных прав и свобод человека будет отдавать государству, которое становится своего рода основным правозащитным механизмом» (см.: *Зорькин В.Д.* Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 16. DOI: 10.31857/S013207690009932-7).

продвижение к Луне, Марсу, Венере, астероидам, создание в разных частях пока ближнего космоса космических станций с постоянным присутствием людей и роботов. Подтверждением этого являются общие космические и специальные Лунные программы США, КНР и Российской Федерации, создание новых поколений всех видов космической техники и технологий.

Наиболее развитые в военно-космическом отношении государства – США, Российская Федерация, КНР и ряд других стран создали и совершенствуют в последние годы (в разных масштабах) космические войска, специальные военные космические подразделения, космические командования, подготовку кадров для космических войск, проводят развертывание военной космической инфраструктуры, разработку космического оружия, космических средств военной разведки и обнаружения баллистических ракет.

Подъем новой волны космической деятельности сопровождается и началом юридической экспансии США и некоторых других государств в космическом пространстве[26], которая может быть расширена включением в нее других государств и обещает в ближайшие годы продолжиться реальной политической, военной и экономической экспансией, конкуренцией и возможным противостоянием сначала в пространстве ближнего космоса, на Луне, затем и на других космических объектах. Ныне человечество в лице наиболее развитых стран (особенно – США) направило космические аппараты для изучения всех планет солнечной системы, их спутников, ряда астероидов, комет (с некоторых космических тел доставлен на планету Земля грунт). Несколько космических аппаратов США с информацией о человечестве и посланиями иным космическим цивилизациям движутся за пределы солнечной системы в межзвездное пространство.

США, Российская Федерация, государства Евросоюза, КНР создали свои системы спутниковой навигации. Растут государственные бюджеты на космическую деятельность[27], в т.ч. на международные космические программы. Так, Совет Европейского космического агентства (ЕКА) в декабре 2019 г. утвердил на пять лет бюджет в размере 14.4 млрд евро[28]. В 2021 г. годовой бюджет НАСА планируется увеличить на 2.6 млрд долл. до 25.2 млрд долл.[29] На реализацию государственной программы «Космическая деятельность России» планируется выделить с 2020 по 2022 г. более 600 млрд руб.[30] Космический бюджет Японии в 2021 г. составит около 4.14 млрд долл. (рост 23%), в т.ч. на программу НАСА «Артемида» по отправке людей на Луну в 2024 г. Японское агентство аэрокосмических исследований планирует потратить около 472 млн долл. (из них 333 млн долл. – на разработку транспортного корабля HTV–X, а еще 54.9 млн долл. – на создание технологий для функционирования окололунной станции)[31].

По оценкам экспертов, объем мирового космического рынка в 2017 г. оценивался в 300–400 млрд долл. и растет на 7–9% в год, что примерно в два раза быстрее роста мировой экономики (3.9%)[32]. В 2019 г. он составил 415 млрд долл. и в ближайшие 20 лет достигнет 1 трлн долл.[33]

---

[26] См., напр.: *Попова С.М.* Современные тенденции развития международного космического права // Право и государство. 2016. № 4. С. 66–71.

[27] По оценке консалтингового агентства Euroconsult, в 2018 г. объем финансовых затрат стран на космическую деятельность составил (в млн долл. США): «США – 40996; Китай – 5833; Россия – 4170; Франция – 3158; Япония – 3056; Германия – 2151; ЕС – 2115; Индия – 1493; Италия – 1127; Великобритания – 894; Южная Корея – 593; Испания – 399; ОАЭ – 383; Канада – 315; Турция – 276; Австралия – 272; Индонезия – 205; Швейцария – 202; Катар – 186; Египет – 177; Саудовская Аравия – 165; Нидерланды – 143; Иран – 142; Швеция – 127; Норвегия – 125; Бразилия – 122; Аргентина – 110; Польша – 90; Люксембург – 88; Никарагуа – 84; Марокко – 80; Австрия – 78; Израиль – 77; Алжир – 75; Азербайджан – 73; Бангладеш – 70; Румыния – 62; Пакистан – 61; Чехия – 59; Финляндия – 58; Казахстан – 50; Нигерия – 48; Вьетнам – 45; Боливия – 44; Ангола – 42; Южная Африка – 36; Тайвань – 35; Венесуэла – 33; Таиланд – 30; Сингапур – 29; Беларусь – 28; Португалия – 28; Украина – 28; Ирландия – 25; Греция – 22; Лаос – 17; Словения – 13; Венгрия – 12; Малайзия – 10 и Мексика – 10» (см.: Euroconsult обнародовал расходы стран на космическую деятельность. 26.11.2019 // Журнал все о космосе. URL: https://aboutspacejornal.net/2019/11/26/euroconsult-обнародовал-расходы-стран-на-косми/, 19.03.2021).

[28] См.: Европейское космическое агентство согласовало рекордно большой бюджет. 1 декабря 2019 // ИА REGNUM. URL: https://regnum.ru/news/it/2794763.html, 15.06.2020

[29] См.: *Егисман В., Владимиров В.* Миссия Space X и новые космические реалии. 1 июня 2020. URL: https://www.golos-ameriki.ru/a/spacex-russia-space-market/5444847.html, 15.06.2020

[30] См.: Россия планирует потратить на космос более 600 млрд рублей в 2020–2022 годах. 2019. 30 сент. // ТАСС. URL: https://tass.ru/kosmos/6944606, 19.03.2021

[31] См.: Япония обнародовала параметры своего космического бюджета. 10.03.2021 // Журнал все о космосе. URL: https://aboutspacejornal.net/2021/03/10/япония-обнародовала-параметры-своег/, 19.03.2021

[32] См.: *Моисеев И.* Космический рынок: структура и тенденции // Евразийский финансово-экономический вестник. 2019. № 1 (6). С. 35.

[33] См.: *Тогайбаев Б.* Через деньги к звездам // Forbes Kazakhstan. URL: https://forbes.kz/process/cherez_dengi_kzvezdam/, 30.12.2020. Постепенно космическая отрасль начинает давать и определенную финансовую отдачу. Так, например, в Казахстане, по данным аэрокосмического комитета, «отечественные космические аппараты KazEOSat-1 и KazEOSat-2, что зондируют поверхность Земли, за пять лет существования продали снимков на 12,6 млн тенге на внутреннем рынке и на $545 тыс. – на внешнем. Благодаря им Казахстан перестал покупать зарубежные снимки, что сэкономило $45 млн. Спутник

Космическую деятельность активно начинают и другие государства. К новым космическим державам эксперты относят, в частности Люксембург (активно включившийся в подготовку к освоению космических ресурсов), Израиль, Азербайджан, ОАЭ, Новую Зеландию, Австралию, Иран, Бразилию, КНДР, Республику Корея[34], Казахстан[35].

Эксперты выделяют четыре группы государств по степени их вовлеченности в космическую деятельность: 1) имеющие свои космодромы, ракеты-носители и спутники (с учетом запуска первого своего спутника): Российская Федерация (СССР, 1957 г.), США (1958 г.), государства Европы, осуществляющие совместные программы (Франция, 1965 г.), Япония (1970 г.), КНР (1970 г.), Индия (1980 г.), Израиль (1988 г.), Иран (2009 г.), КНДР (2012 г.) и Республика Корея (2013 г.); 2) имеющие свои спутники (таких к 2018 г. было около 80, их число растет); 3) все остальные страны, так или иначе пользующиеся космическими технологиями в сфере телекоммуникаций, глобального позиционирования, дистанционного образования и т.д., арендующие космическую связь и т.д.[36] Кроме того, в первой группе выделяется подгруппа космических сверхдержав, освоивших технологии полета человека в космос (США, Российская Федерация, КНР).

В итоге в ходе становления космической цивилизации человечества *естественно* формируется большая группа космических государств, подгруппы (объединения, союзы) внутри этой группы, лидеры этого процесса. Расширение освоения человечеством космических просторов и ресурсов будет сопровождаться постепенным развитием различных форм и моделей космической государственности[37].

Кроме естественного пути формирования космических государств возможен и ускоренный вариант их появления – учреждение новых государств сразу как государств космических. Таким экспериментом является созданное в 2016 г. непризнанное цифровое государство Asgardia с главой государства, гражданством, парламентом[38], правительством, судом, финансовой системой, с конституцией, законодательством[39].

Причины формирования космического государства

К причинам, определяющим необходимость и возможность появления космического государства как организатора решения назревших проблем космической цивилизации, можно отнести, в частности следующие:

1. *Нарастание экологических проблем*, связанных с развитием технической цивилизации, промышленного производства, космической деятельности и актуальностью выноса некоторого объема производства за пределы планеты Земля. Регулирование этих вопросов, защиту экологии космоса могут обеспечить лишь сильные космические государства и межгосударственные организации, способные реализовать крупные глобальные и сверхглобальные проекты и ограничить, заставить перестроить деятельность любых частных субъектов, включая транснациональные корпорации.

2. *Исчерпаемость земных ресурсов* и наличие в космосе практически неограниченного количества недостающих элементов, материалов, источников энергии при возникновении необходимости

связи и вещания KazSat-3 показал в 2019 году доход 29 млрд тенге» (см.: *Тогайбаев Б.* Указ. соч.).

В связи с катастрофами космических кораблей и разработкой новых США в последние годы отправляли на МКС астронавтов с помощью космических кораблей России. Стоимость полета одного астронавта доходила до 90 млн долл. Всего США заплатили России с 2006 г. ок. 4 млрд долл. (см.: *Егисман В., Владимиров В.* Указ. соч.).

[34] См.: *Егоров В.* Новые космические державы. URL: https://nauka-pro.ru/novye-kosmicheskie-derzhavy, 27.02.2019

[35] Завершается строительство Национального космического центра в столице Казахстана с заводом по производству спутников, музеем космической техники и др. сооружениями для производственной и исследовательской деятельности. Создана региональная инфраструктура для зондирования Земли (Казахстан – 9-я по территории страна мира). Планируется начать использование своей пусковой установки на арендованном Россией космодроме «Байконур» (см., напр.: Назарбаев: Казахстан становится полноценной космической державой. 02.07.2018 // Sputnik. URL: https://ru.sputniknews.kz/space/20180702/6255153/nazarbayev-kazakhstan-kosmicheskaya-derzhava.html, 27.02.2019).

[36] См.: *Моисеев И.* Указ. соч. С. 36.

[37] Например, официально самый богатый человек в мире Илон Маск (по данным на январь 2021 г. – 185 млрд долл.), заявивший о вложении всего своего состояния в программу полетов на Марс, полагает, что Марс, на который к концу десятилетия планируется отправка астронавтов, должен остаться «свободной планетой». Он считает, что «скорее всего, возможное правительство на Марсе будет сформировано в виде прямой демократии. Люди будут голосовать непосредственно по текущим вопросам, а не будут принимать решения через представителей, как во многих странах на Земле. Маск считает, что такой подход лучше, так как предполагает минимальную вероятность коррупции» (см.: Илон Маск рассказал, как будет устроено правительство первых людей на Марсе. 25 декабря 2020 // Ferra.ru. URL: https://www.ferra.ru/news/techlife/ilon-mask-rasskazal-kak-budet-ustroeno-pravitelstvo-pervykh-lyudei-na-marse-25-12-2020.htm).

[38] См.: Как работает цифровая демократия: депутаты из 42 стран приняли участие в очередной цифровой сессии парламента Асгардии. 26 августа 2020. URL: https://www.ashurbeyli.ru/news/article/kak-rabotaet-cifrovaya-demokratiya-deputaty-iz-42-18436, 28.03.2021

[39] См.: официальный сайт Asgardia: ASGARDIA. The Space Nation. URL: https://asgardia.space/ru/, 28.03.2021

вовлечения их в экономический оборот ставят перед человечеством в обозримом будущем задачу создания техники и технологий поиска и добычи их в космосе. Эта деятельность требует регистрации, упорядочения, регулирования, контроля и защиты со стороны государства.

3. *Глобализация экономики* неизбежно подводит ее к ступени развития, выходящей за пределы планеты Земля – к *космической экономике*, поддержание, регулирование, развитие и защита которой требует участия государства в разнообразной космической деятельности. Космическая экономика, растущая сначала на планете Земля, по мере развития космической деятельности будет создаваться и расширяться на космических телах. Уже в Российской Федерации в этой сфере работает около 250 тыс. чел., что в три раза больше, чем в США[40]. На планете Земля действуют 24 стационарных космодрома, а также ряд мобильных (надводных, подводных и воздушных), создаются орбитальные космодромы.

4. *Необходимость защиты человечества, отдельных государств от периодически происходящих космических катастроф*, связанных со столкновением планеты Земля с иными космическими телами, падением на планету Земля не только мелких частиц[41], но и более крупных метеороидов (тела до 30 м), астероидов (более 30 м) и комет, которых в Солнечной системе миллионы, но орбиты многих еще не изучены. Столкновение планеты Земля с крупным астероидом грозит глобальной катастрофой. Гарантированное обеспечение безопасности человечества от глобальных и региональных катастроф невозможно без организации *коллективной астероидно-кометной защиты*, к возможности создания которой человечество подошло вплотную[42].

5. *Обеспечение национальной и глобальной безопасности*, в т.ч. информационной, на уровне высокоразвитой технологической цивилизации невозможно без включения в систему безопасности околоземного космического пространства, использования космического мониторинга с участием высокотехнологичного и сильного государства. Защита правопорядка в космосе также требует участия государства и межгосударственного сотрудничества.

6. На определенной ступени технического и технологического развития возможный театр военных действий включает и космическое пространство. *Возможность космических войн становится реальностью*. В этих условиях оказывается неэффективным обеспечение обороны и безопасности без руководства вооруженными силами и военными операциями с использованием космических средств связи, наведения, без глобального управлениями войсками. Это необходимо для повышения эффективности обороны, оперативности, результативности военных операций и взаимодействия различных сил и средств, родов войск. Возникает потребность в создании космических войск и включения околоземного космического пространства (а в последующем и более дальнего) в систему управления вооруженными силами для разведки и противоракетной обороны.

В странах-лидерах (США, Российская Федерация, КНР) в последние годы активно формируются космические войска, происходит выход армии в космос (создаются новые рода войск, специальные подразделения космического назначения), разрабатывается военная робототехника. Возникла реальная опасность создания и размещения в космическом пространстве оружия, приспособленного к космическим условиям, в т.ч. новейшего (обычного, ядерного, лазерного, радиоэлектронного, противоспутникового и т.д.)[43]. Разрабатываются виды оружия, эффективные в безвоздушном пространстве. О создании космических военных подразделений, военно-исследовательских центров заявили Франция, Япония, Иран, Израиль, Соединенное Королевство, Индия и ряд других государств. Командование воздушно-космической обороны Северной Америки объединяет аэрокосмическую оборону Канады и США, взаимодействует с Космическими войсками США.

Космические войска имеют командование, воинские части, подразделения (в США – 16 тыс. чел.), орбитальную группировку военных спутников, испытательные полигоны, военные пусковые центры (космодромы), мобильные военные пусковые ракетные установки, систему предупреждения о ракетном нападении и противоракетной обороны, разведку космической обстановки, учебные заведения, научно-исследовательские институты и т.д.

---

[40] См.: *Моисеев И.* Указ. соч. С. 36. При этом на Российскую Федерацию приходится всего до 1% стоимости международного космического рынка (см.: там же). Это свидетельствует о недостаточной эффективности этой сферы в Российской Федерации, ее неориентированности на рынок, о недостаточной развитости частной космонавтики и необходимости совершенствования государственного управления космонавтикой.

[41] Ежедневно на Землю падает до 6 т метеоритов, за год – около 2 тыс. т, и это притом, что при огромной скорости вхождения в атмосферу Земли метеорит даже в несколько тонн, долетевший до нее, почти весь сгорает.

[42] См., напр.: *Кричевский С.В.* Указ. соч. С. 149–153.

[43] О проблемах предотвращения гонки вооружений в космосе см., напр.: *Абашидзе А.Х., Черных И.А.* Обеспечение долгосрочной устойчивости космической деятельности и предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве // Государство и право. 2020. № 4. С. 125–133. DOI: 10.31857/S013207690009241-7

Министр обороны США 17 июня 2020 г. обнародовал космическую стратегию обороны на десятилетие. В ней указывается, что космическая мощь будет развиваться для того, чтобы иметь возможность конкурировать, сдерживать и побеждать в сложной обстановке, характеризующейся конкуренцией великих держав[44]. В стратегии ставятся три цели продвижения космических сил: сохранение космического превосходства; предоставление космической поддержки национальным и совместным операциям; обеспечение стабильности пространства. Кроме того, выделены четыре приоритетные направления усилий для достижения желаемых условий с учетом выявленных угроз, возможностей и вызовов: 1) создание всеобъемлющего военного преимущества в космосе; 2) интеграция военной космической мощи в национальные, совместные и комбинированные операции; 3) формирование благоприятной стратегической обстановки; 4) сотрудничество с союзниками, партнерами, промышленностью и другими правительственными департаментами и агентствами США[45].

7. *Логика развития научного познания* требует для решения многих задач современной науки и техники поиска ответов на фундаментальные вопросы о строении Вселенной, материи, энергии, происхождении жизни. Необходимо создание новых материалов, разнообразных технологий, развитие медицины и т.д., в т.ч. для существования и выживания человечества, развитие многоплановых космических исследований в ближнем и дальнем космосе. Фундаментальность и дороговизна таких исследований и необходимость высокого уровня кооперации предприятий, участвующих в реализации крупных космических проектов, для решения общих задач и эффективного объединения усилий, синхронизации деятельности требуют организации этого, координации и контроля со стороны государства.

8. *Развитие техники и технологий меняет систему коммуникаций, создает возможность охвата информационным обменом и электронным правовым регулированием космического пространства*, что позволяет обеспечить в его пределах государственное управление. Формирование системы электронных государственных услуг, программы «электронного правительства», дистанционного судопроизводства также создают возможность осуществления деятельности государственных органов дистанционно на значительном расстоянии. Государство информационно и научно-технически обретает способность функционировать в космическом пространстве, реально охватить его эффективной управленческой и регулирующей деятельностью[46].

9. Становление космической экономики, космического туризма, создание в перспективе постоянных космических станций и поселений на иных планетах и их спутниках потребует соответствующей финансовой системы и контроля за ней с участием государств и финансового международного взаимодействия. Информационные технологии, *электронные финансы* и государственный контроль за данной сферой позволяют решить эти проблемы в космическом пространстве.

10. Проникновение в космос одних государств и их армий для равновесия, баланса сил и возможностей диктует необходимость уравновешивающего распространения в космосе и армий других стран, если у них появится такая возможность. Учитывая развитие одних государств, другие будут неизбежно стремиться сделать это больше, быстрее и лучше для обеспечения своей безопасности, с некоторым запасом. Государства неизбежно будут работать над сокращением и нейтрализацией преимуществ и возможного опережающего развития космических средств, ресурсов, армий и инфраструктуры государств-противников или государств-конкурентов.

Становление и развитие одних космических государств неизбежно будет стимулировать процесс формирования и других космических государств. Тем более что экономические перспективы космической деятельности и космический компонент национальной и глобальной безопасности объективно перевесят почти все контраргументы против бюджетных расходов на ускорение этого процесса. Таким образом, возникает своего рода историческая цепная реакция взаимного стимулирования ускорения эволюции государственности планеты Земля в космическую.

По мере развития космического государства оно проявит себя как качественно новая ступень его эволюции, общая историческая и системная его характеристика, отличающаяся комплексом общих черт, особенностей, но и значительным разнообразием форм. По отношению к этой системной характеристике государство определяется как морское, ядерное, демократическое, республиканское, монархическое, светское, религиозное и т.д.,

---

[44] См.: Space force site. URL: https://www.spaceforce.mil/, 04.07.2020); см. также: DEFENSE SPACE STRATEGY SUMMARY. JUNE2020. URL: https://media.defense. gov/2020/Jun/17/2002317391/-1/-1/1/2020_DEFENSE_SPACE_STRATEGY_SUMMARY.PDF, 04.07.2020

[45] См.: Department of Defense Releases Defense Space Strategy. URL: https://www.spaceforce.mil/News/Article/2223734/department-of-defense-releases-defense-space-strategy, 04.07.2020

[46] О возможности использования технологий голографического присутствия и общения см., напр.: *Федорченко С.Н.* Цифровые технологии в политическом процессе: новые вызовы и перспективы // Право и государство. 2020. № 3–4. С. 161–174.

видимо, такие черты можно рассматривать как фрагментарные, частичные.

Космические государства – новое поколение сильных государств. Для решения сложных, масштабных и долгосрочных задач они должны быть высокотехнологичными, устойчивыми, правовыми. Правовая система космического государства должна быть сложной и гибкой, развивающейся с учетом разнообразных космических природных условий контролируемого космического пространства, скоростей космического транспорта, высоких технологий, иных масштабов и временных характеристик, повышенных требований к обеспечению безопасности, широкого использования искусственного интеллекта (ИИ) и робототехники. Правовая система неизбежно будет разветвленной, построенной на основе ориентиров и критериев, учитывающих многообразие космоса, особенности условий иных планет. Без этих качеств право не сможет обеспечить полноценное участие государств, физических и юридических лиц в долгосрочных сверхглобальных космических проектах.

Признаки и возможные варианты космических государств

Возникновение космического государства означает постепенный переход государства в новую фазу эволюции, появление качественно новых параметров в его деятельности. К признакам космического государства с учетом перспектив его развития можно отнести следующие:

1. *Пространственный*. Расширение подконтрольного пространства и юрисдикции государства за пределы планеты Земля все дальше в космическое пространство по мере его освоения.

2. *Институциональный*. Формирование структурных подразделений и подсистем в государственном аппарате, обеспечивающих военную, экономическую, финансовую, политическую, правоохранительную, информационную и иную деятельность государства не только на планете Земля, но и в космосе, в т.ч. с использованием электронных технологий, роботов, ИИ.

3. *Функциональный*. Постепенная космизация целей, задач, политики, функций государства и его органов, «прорастание» и распространение их на все большее космическое пространство. В частности, обеспечение государством создания и функционирования космической промышленности; защиты собственности государства, корпораций и граждан в космосе за пределами планеты Земля и космических объектов на планете Земля; сохранения мира, национальной, глобальной и космической безопасности; охраны природы на планете Земля и природных космических объектов, заповедников в космосе; разрешения судебных споров, возникших на планете Земля в связи с космической деятельностью и в космосе; охраны правопорядка на планете Земля, на космических станциях, в космических поселениях, в контролируемом космическом пространстве[47]; защиты прав физических и юридических лиц на планете Земля и в космосе; образования и воспитания граждан (подданных) космического государства, подготовка кадров, необходимых для гражданских и военных сфер космической деятельности на планете Земля и за ее пределами; развития здравоохранения, продления жизни, адаптации человека к космическим условиям и создания защищенной для человека среды в космосе и инфраструктуры обеспечивающей жизнедеятельность человека на космических объектах, других планетах и их спутниках; развития науки, техники и технологий для устойчивого развития, познания и освоения космоса, выживания в нем людей и космической цивилизации; взаимодействия с другими земными и космическими государствами, межгосударственными организациями.

4. *Правовой*. Включение в сферу государственного правового регулирования вопросов космической деятельности, безопасности и правового регулирования отношений между субъектами права в космосе, защиты их прав на космических станциях, в космических поселениях, в процессе космической деятельности и т.д. Постепенное расширение космизации законодательства государства, межгосударственного (наднационального), международного права.

5. *Научно-технический*. Высокий уровень научной, технической (в т.ч. робототехнической, с использованием ИИ), технологической, информационной, военной оснащенности государства, позволяющей обеспечивать выполнение государственных гражданских и военных функций в космическом пространстве, в т.ч. с помощью роботов-аватаров.

Ныне просматриваются следующие возможные варианты существования космических государств (уже развивающихся и возможных в перспективе):

1. Земное космическое (планетарно-космическое) государство (от уровня развития может быть преимущественно земным, или в основном космическим).

2. Цифровое космическое государство Асгардия (Asgardia)[48].

---

[47] Так, НАСА пришлось расследовать несанкционированный доступ из космоса американской женщины-астронавта Энн Макклейн к банковскому счету своей однополой супруги без ее ведома. Ее супруга – офицер разведки военно-воздушных сил Уорден подала заявление о похищении личных данных и взломе банковского счета (см.: Первое преступление в космосе – женщину-астронавта обвинила ее супруга. URL: https://ru.sputnik.kg/world/20190825/1045525624/pervoe-kosmicheskoe-prestuplenie-usa-obvinenie.html, 22.01.2021).

[48] См.: *Krichevsky S. and Udartsev S.* Space State on Earth and Beyond: Philosophy, Models, Experience and Prospects // Philosophy and Cosmology. 2019. Vol. 23. P. 30–52.

3. Возможные автономные государственные образования землян на значительно отдаленных космических телах (автономные политически организованные поселения) или достаточно крупные инопланетные колонии землян (на иных планетах, их спутниках, крупных космических станциях-городах, в других звездных системах).

4. Союзы земных космических (планетарно-космических) государств и возможные союзы земных космических государств с автономными государственными образованиями землян на других космических объектах.

5. Союзы космических государств землян с гипотетическими космическими государствами (или универсальными многофункциональными системами управления) внеземного происхождения (инопланетян) – как естественного происхождения, так и основанных на управлении ИИ.

6. Гипотетические космические государства внеземного происхождения (или универсальные многофункциональные системы управления) и их союзы – как естественного происхождения, так и основанные на управлении высокоразвитым ИИ.

Развитие космической государственности и продвижение человечества в космос, создание обеспечивающих этот процесс информационных технологий, робототехники, медицины, генной инженерии, ИИ ставит много вопросов о будущем человека. Невесомость, радиация, сверхвысокие космические скорости, огромные космические расстояния, продолжительность космических полетов и проектов выводят человека за границы его земных возможностей, за пределы земной деятельности и человеческой жизни. Очевидно, трансформация государственности в космическую и ее дальнейшее развитие, будут сопровождаться и определенной постепенной трансформацией человека[49], его коэволюцией с ИИ[50].

* * *

Таким образом, современное развитое государство существенно расширяет пространство деятельности, обретает новые возможности и космические цели, включается в процесс космической эволюции как мощная организационная сила. Для реализации космической деятельности создаются специальные органы (агентства и т.д.), космические войска, необходимая инфраструктура, национальное космическое законодательство, осуществляется международное сотрудничество. Новые информационные технологии, электронная форма права и электронные финансы позволяют охватить государственным управлением, налогами и правовым регулированием физические и юридические лица в обширном космическом пространстве.

Формирование космической цивилизации сопровождается появлением космической государственности. Государство не исчезает в новых условиях, необходимость в нем сохраняется, раскрывается его космический потенциал. Начинается новая эпоха в эволюции государства как исторического явления.

Космическое государство имеет отличительные признаки, будет иметь как общие черты и закономерности, так и многообразие форм. Возникновение космических государств открывает новые возможности, но и создает новые риски.

Расширение космической деятельности и формирование космических государств может иметь двоякое значение для последующих политических кризисов, конфликтов, их разрешения.

Во-первых, будет развиваться тенденция обострения конкуренции государств в этой сфере (в частности, в создании новых технологических и технических решений для гражданской и военной космонавтики), а также экономической конкуренции государств и частных космических компаний в космическом туризме, космической энергетике, телекоммуникации, создании и развитии различных отраслей космической промышленности. В ближайшее 10–20 лет можно прогнозировать обострение конкуренции и противостояния космических сверхдержав в связи с Лунной гонкой, предстоящим освоением лунных ресурсов[51], экономическим и политико-юридическим разделом участков на поверхности Луны для создания станций, баз, энергетических, промышленных, добывающих ресурсы объектов, особенно в стратегически важных участках, например, где имеется замерзшая вода.

---

[49] См., напр.: *Сухонос С.* Мы – предшественники поколения космических цивилизаций // Независимая газ. 2018. 27 июня.

[50] О формировании космического человека и возможных этапах этой эволюции см., напр.: *Кричевский С. В.* Перспективы освоения космоса человеком: новые идеи, проекты, технологии. М., 2021.

[51] Об этом уже свидетельствует позиция администрации США по исключению Российской Федерации из договора о разделе лунных ресурсов (см., напр.: *Сенин К.* Таких не берут: США решили делить ресурсы на Луне без России. Против участия Москвы в международном соглашении выступил Пентагон // Известия. 2020. 7 мая). В то же время экспертов из США настораживает естественное в такой ситуации сближение Российской Федерации и КНР по вопросам координации деятельности лунных космических аппаратов, создания объединенного Центра данных по исследованию Луны и дальнего космоса, а также подписание правительствами двух стран меморандума о сотрудничестве в области создания Международной научной лунной станции (МНЛС) (см.: Россия и Китай подписали меморандум о создании лунной станции. 09.03.2021 // Роскосмос. URL: https://www.roscosmos.ru/30248/, 21.03.2021).

Во-вторых, постепенная перенастройка вектора эволюции земной цивилизации на космос, будет объективно содействовать объединению усилий человечества в крупнейших проектах и решении региональных, глобальных и космических проблем безопасности, что может несколько снизить внутриземную политическую напряженность и содействовать формированию единства человечества. Это может стимулировать формирование новых организационных форм глобального управления без потери его сложной внутренней структуры и взаимообогащающего многообразия. Космическое государство наряду с новыми угрозами имеет и потенциал содействовать снятию некоторых ранее обострившихся противоречий между странами.

Совокупность и соотношение воздействующих на развитие цивилизации факторов, определят, как в разные периоды и при различных обстоятельствах будут соотноситься эти две противоречивые тенденции, какая их них, когда и в какой степени будет доминировать. Однако вторая тенденция может иметь решающее значение для выживания человечества в критических ситуациях и в стратегическом плане.

Кроме того, выстраивание сильных глобальных и космических политических институтов на планете Земля потребует повышения качества управляемости также на всех уровнях политической организации человеческой цивилизации. При этом процессы модернизации и цифровизации разных уровней государственного управления и адаптация их к новой космической государственности будут развиваться не одно десятилетие и, видимо, выйдут далеко за пределы XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашидзе А.Х., Черных И.А.* Обеспечение долгосрочной устойчивости космической деятельности и предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве // Государство и право. 2020. № 4. С. 125–133. DOI: 10.31857/S013207690009241-7
2. *Графский В.Г.* Всеобщая история государства и права. М., 2000. С. 31.
3. *Егисман В., Владимиров В.* Миссия SpaceX и новые космические реалии. 1 июня 2020 // URL: https://www.golos-ameriki.ru/a/spacex-russia-space-market/5444847.html, 15.06.2020
4. *Егоров В.* Новые космические державы. URL: https://nauka-pro.ru/novye-kosmicheskie-derzhavy, 27.02.2019
5. *Зорькин В.Д.* Иеринг // История политических и правовых учений. XIX в. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1993. С. 25.
6. *Зорькин В.Д.* Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 16. DOI: 10.31857/S013207690009932-7
7. *Кембаев Ж.М.* Политико-правовая история идеи единой Европы: с древнейших времен до современности. Алматы, 2012.
8. *Клеандров М.И.* Метаправо и мегаправо для урегулирования отношений с иным разумом // Право и государство. 2015. № 4 (69). С. 81–85.
9. *Кричевский С.В.* Аэрокосмическая деятельность: междисциплинарный анализ. М., 2012. С. 87, 149–153.
10. *Кричевский С.В.* Перспективы освоения космоса человеком: новые идеи, проекты, технологии. М., 2021.
11. *Ленин В.И.* Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. С. 83, 84.
12. *Мамут Л.С.* Анархизм и этатизм как типы политического сознания (домарксистский период). М., 1989.
13. *Моисеев И.* Космический рынок: структура и тенденции // Евразийский финансово-экономический вестник. 2019. № 1 (6). С. 35, 36.
14. *Монтескьё Ш.Л.* О духе законов. М., 1999. С. 113.
15. Назарбаев: Казахстан становится полноценной космической державой. 02.07.2018 // Sputnik. URL: https://ru.sputniknews.kz/space/20180702/6255153/nazarbayev-kazakhstan-kosmicheskaya-derzhava.html, 27.02.2019
16. *Наим Мойзес*. Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе / пер. с англ. Н. Мезина, Ю. Полещук, А. Сагана. М., 2016. С. 417.
17. *Попова С.М.* Современные тенденции развития международного космического права // Право и государство. 2016. № 4. С. 66–71.
18. Правовое пространство: границы и динамика / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2019.
19. Россия и Китай подписали меморандум о создании лунной станции. 09.03.2021 // Роскосмос. URL: https://www.roscosmos.ru/30248/, 21.03.2021
20. *Сенин К.* Таких не берут: США решили делить ресурсы на Луне без России. Против участия Москвы в международном соглашении выступил Пентагон // Известия. 2020. 7 мая.
21. *Сухонос С.* Мы – предшественники поколения космических цивилизаций // Независимая газ. 2018. 27 июня.

22. *Тогайбаев Б.* Через деньги к звездам // Forbes Kazakhstan. URL: https://forbes.kz/process/cherez_dengi_kzvezdam/, 30.12.2020

23. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века / пер. с англ. М., 2009. С. 574.

24. *Ударцев С.Ф.* Идея космического государства в истории политической мысли // Право и политика. 2012. № 8. С. 1386–1398

25. *Ударцев С.Ф.* История политических и правовых учений. Древний Восток: акад. курс. СПб., 2007.

26. *Ударцев С.* Космическое государство как государство будущего: возможные варианты формирования // Государство будущего: новые технологии и государственное управление: Междунар. науч.-иссл. конф., г. Астана, 28 ноября 2018 г.: сб. ст. / под ред. Б.Н. Бокаева. Астана, 2019. С. 21–29.

27. *Ударцев С.Ф.* Политическая теория постклассического анархизма: проблемы власти, критика государства, идеи о будущей политической организации (Россия, первая треть XX в.) // Государственная идеология: историко-правовые и теоретико-правовые аспекты / под ред. А.А. Васильева: в 2 т. М., 2019. Т. 2. С. 31–71.

28. *Федорченко С.Н.* Цифровые технологии в политическом процессе: новые вызовы и перспективы // Право и государство. 2020. № 3–4. С. 161–174.

29. *Фукуяма Ф.* Угасание государственного порядка: научно-популярное издание / пер. с англ. К.М. Королева. М., 2017. С. 589.

30. *Циолковский К.Э.* Воля вселенной // Циолковский К.Э. Космическая философия: сб. М., 2001. С. 111, 112.

31. *Циолковский К.Э.* Неизвестные разумные силы // Циолковский К.Э. Космическая философия. М., 2019. С. 119, 120.

32. *Циолковский К.Э.* Необходимость космической точки зрения // Циолковский К.Э. Космическая философия. М., 2019. С. 348.

33. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем. М., 1991 (Мыслители XX в.). С. 246, 247.

34. *Krichevsky S. and Udartsev S.* Space State on Earth and Beyond: Philosophy, Models, Experience and Prospects // Philosophy and Cosmology. 2019. Vol. 23. P. 30–52.

35. *Udartsev S.F.* Cosmic state: the forming and development of the idea in the history of thought // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 1. С. 37–50. DOI: 10.7256/1339-3057.2014.1.11412

36. *Udartsev S.F.* Space State: Possible Options for Forming // RUSSIAN LAW: Theory and Practice. 2019. No. 1. P. 66–75.

REFERENCES

1. *Abashidze A. Kh., Chernykh I.A.* Ensuring the long-term sustainability of space activities and preventing an arms race in outer space // State and Law. 2020. No. 4. P. 125–133. DOI: 10.31857/S013207690009241-7 (in Russ.).

2. *Grafsky V.G.* Universal History of State and Law. M., 2000. P. 31 (in Russ.).

3. *Egisman V., Vladimirov V.* The Space X mission and new space realities. June 1, 2020. URL: https://www.golos-ameriki.ru/a/spacex-russia-space-market/5444847.html, 15.06.2020 (in Russ.).

4. *Egorov V.* New space powers. URL: https://nauka-pro.ru/novye-kosmicheskie-derzhavy,27.02.2019 (in Russ.).

5. *Zorkin V.D.* Iering // History of political and legal doctrines. XIX century / ed. V.S. Nersesyants. M., 1993. P. 25 (in Russ.).

6. *Zorkin V.D.* Providentia or on the law of the future in the era of digitalization // State and Law. 2020. No. 6. P. 16. DOI: 10.31857/S013207690009932-7 (in Russ.).

7. *Kembayev Zh. M.* Political and legal history of the idea of a united Europe: from ancient times to the present. Almaty, 2012 (in Russ.).

8. *Kleandrov M.I.* Metapravo and megapravo for the settlement of relations with another mind // Law and the state. 2015. No. 4 (69). P. 81–85 (in Russ.).

9. *Krichevsky S.V.* Aerospace activity: interdisciplinary analysis. M., 2012. P. 87, 149–153 (in Russ.).

10. *Krichevsky S.V.* Prospects for human space exploration: new ideas, projects, technologies. M., 2021 (in Russ.).

11. *Lenin V.I.* The State and the revolution // Lenin V.I. The complete collection of works. P. 83, 84 (in Russ.).

12. *Mamut L.S.* Anarchism and statism as types of political consciousness (pre-Marxist period). M., 1989 (in Russ.).

13. *Moiseev I.* The space market: structure and trends // Eurasian Financial and Economic Bulletin. 2019. No. 1 (6). P. 35, 36 (in Russ.).

14. *Montesquieu Sh.L.* On the spirit of laws. M., 1999. P. 113 (in Russ.).

15. Nazarbayev: Kazakhstan is becoming a full-fledged space power. 02.07.2018 // Sputnik. URL: https:// ru.sputniknews.kz/space/20180702/6255153/nazarbayev-kazakhstan-kosmicheskaya-derzhava.html, 27.02.2019 (in Russ.).

16. *Naim Moises.* The end of power. From boardrooms to battlefields, from church to state. Why it is necessary to manage differently today / N. Mezina, Yu. Poleshchuk, A. Sagana. M., 2016. P. 417 (in Russ.).

17. *Popova S.M.* Modern trends in the development of International Space Law // Law and the state. 2016. No. 4. P. 66–71 (in Russ.).

18. Legal space: borders and dynamics / ed. by Yu. A. Tikhomirov. M., 2019 (in Russ.).

19. Russia and China signed a memorandum on the creation of a lunar station. 09.03.2021 // Roscosmos. URL: https://www.roscosmos.ru/30248/, 21.03.2021 (in Russ.).

20. *Senin K.* They don't take such people: the United States decided to share resources on the Moon without Russia. The Pentagon opposed Moscow's participation in the international agreement // Izvestiya. May 7, 2020 (in Russ.).

21. *Sukhonos S.* We are the forerunners of the generation of space civilizations // Independent gas. June 27, 2018 (in Russ.).

22. *Togaibayev B.* Through money to the stars // Forbes Kazakhstan. URL: https://forbes.kz/process/cherez_dengi_kzvezdam/, 30.12.2020 (in Russ.).

23. *Toffler E.* Metamorphoses of power: Knowledge, wealth and power on the threshold of the XXI century / transl. from English. M., 2009. P. 574 (in Russ.).

24. *Udartsev S.F.* The idea of a space state in the history of political thought // Law and politics. 2012. No. 8. P. 1386–1398 (in Russ.).

25. *Udartsev S.F.* History of political and legal doctrines. The Ancient East: academic course. SPb., 2007 (in Russ.).

26. *Udartsev S.* The space state as the state of the future: possible variants of formation // The State of the Future: new technologies and public administration: International Scientific and Research Conference, Astana, November 28, 2018: collection of articles / ed. by B.N. Bokaev. Astana, 2019. P. 21–29 (in Russ.).

27. *Udartsev S.F.* Political theory of post-classical anarchism: the problem of power, criticism of the state, ideas about the future political organization (Russia, the first third of the XX century) // State ideology: historical-legal and theoretical legal aspects / ed. by A.A. Vasiliev: in 2 vols. M., 2019. Vol. 2. P. 31–71 (in Russ.).

28. *Fedorchenko S.N.* Digital technologies in the political process: new challenges and prospects // Law and the state. 2020. No. 3–4. P. 161–174 (in Russ.).

29. *Fukuyama F.* The extinction of the state order: a popular scientific publication / transl. from English by K.M. Koroleva. M., 2017. P. 589 (in Russ.).

30. *Tsiolkovsky K.E.* Will the universe // Tsiolkovsky K.E. Space philosophy: collection. M., 2001. P. 111, 112 (in Russ.).

31. *Tsiolkovsky K.E.* Unknown reasonable force // Tsiolkovsky K.E. Space philosophy. M., 2019. P. 119, 120 (in Russ.).

32. *Tsiolkovsky K.E.* Need for a space point of view // Tsiolkovsky K.E. Space philosophy. M., 2019. P. 348 (in Russ.).

33. *Jaspers K.* The meaning and purpose of history / transl. from German. M., 1991 (Thinkers of the twentieth century). P. 246, 247 (in Russ.).

34. *Krichevsky S. and Udartsev S.* Space State on Earth and Beyond: Philosophy, Models, Experience and Prospects // Philosophy and Cosmology. 2019. Vol. 23. P. 30–52.

35. *Udartsev S.F.* Cosmic state: the forming and development of the idea in the history of thought // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. No. 1. P. 37–50. DOI: 10.7256/1339-3057.2014.1.11412

36. *Udartsev S.F.* Space State: Possible Options for Forming // RUSSIAN LAW: Theory and Practice. 2019. No. 1. P. 66–75.

Сведения об авторе

УДАРЦЕВ Сергей Федорович –
доктор юридических наук, профессор,
руководитель научно-исследовательских
проектов по вопросам правовой политики,
конституционного законодательства
и государственного управления Университета
КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева;
010000 Республика Казахстан,
г. Нур-Султан, Коргалжинское шоссе, д. 8

Authors' information

UDARTSEV Sergey F. –
Doctor of Law, Professor, Head of research projects
on legal policy, constitutional legislation and
public administration of M. Narikbaev KAZSLU
University; 8 Korgalzhinskoe highway,
010000 Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 35–49
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 35–49

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕЖИМАХ

© 2021 г. В. В. Кожевников

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

E-mail: kta6973@rambler.ru

Поступила в редакцию 11.09.2020 г.

Аннотация. В данной статье анализируются и диалектически оцениваются недемократические государственные режимы, которые, с позиции автора, нельзя определять, как режимы антидемократические. Такая оценка недемократического государственного режима переносится на две ее основные разновидности – авторитарный и тоталитарный режимы, делая акцент на отрицательные и положительные стороны того и другого. Особое внимание обращается на проблему соотношения тоталитарного и авторитарного государственных режимов.

Ключевые слова: недемократические государственные режимы, ограничение прав и свобод граждан, произвол, сосредоточение государственной власти, тоталитарный государственный режим, авторитарный государственный режим, соотношение тоталитарного и авторитарного государственных режимов.

Цитирование: *Кожевников В.В.* О недемократических государственных режимах // Государство и право. 2021. № 8. С. 35–49.

DOI: 10.31857/S102694520015041-6

ON NON-DEMOCRATIC STATE REGIMES

© 2021 V. V. Kozhevnikov

Dostoevsky Omsk state University

E-mail: kta6973@rambler.ru

Received 11.09.2020

Аннотация. This article analyzes and dialectically evaluates non-democratic state regimes, which, from the position of the author, cannot be defined as anti-democratic regimes. This assessment of the undemocratic state regime is transferred to its two main varieties – authoritarian and totalitarian regimes, focusing on the negative and positive aspects of both. Particular attention is paid to the problem of correlation between totalitarian and authoritarian state regimes.

Ключевые слова: non-democratic state regimes, restriction of the rights and freedoms of citizens, arbitrariness, concentration of state power, totalitarian state regime, authoritarian state regime, correlation between totalitarian and authoritarian state regimes.

Ключевые слова: *Kozhevnikov, V.V. (2021).* On non-democratic state regimes // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 35–49.

1. Общая характеристика недемократических государственных режимов. Говоря о недемократических режимах, М.Н. Марченко отмечает, что последний характеризуется ликвидацией или значительным ограничением прав и свобод граждан, запрещением оппозиционных партий и других организаций, ограничением роли выборных государственных органов и усилением роли исполнительных органов, сосредоточением огромных властных полномочий в руках главы государства или правительства, сведением парламента и других органов государственной власти до положения сугубо формальных институтов[1]. По мнению М.И. Абдулаева и С.А. Комарова, «антидемократический (авторкический) политико-государственный режим – это совокупность способов осуществления государственной власти на основе произвола, без учета мнения как большинства, так и меньшинства»[2]. В.В. Оксамытный вообще признавал государства с антидемократическим режимом аномальными, которые «находятся как бы в состоянии аномии (от фр. anomie – отсутствие нормы, закона), т.е. в условиях кризиса общества и системы его ценностей»[3]. Ю.А. Дмитриев, уточняя, подчеркивал, что недемократические режимы основаны на сосредоточении всей государственной власти в руках одного человека (диктатора) или группы лиц (хунты). Ученый полагал, что «такие режимы принято называть автократическими (гр. autokrates – самовластный) или авторитарными (лат. auctoritas – устанавливающий режим личной власти)»[4]. Р.В. Шагиева, отмечая, что недемократический режим исторически был представлен в виде деспотии, тирании и т.д., утверждает, что «недемократические политико-правовые режимы были и остаются в государствах, где власть сосредоточена в руках узкой социальной группы, ее органы формируются по назначению или путем сугубо формальных выборов, распределение между ними властных функций носит условный характер, власть опирается преимущественно на силовые структуры, личность подавляется, ее права, свободы и естественные интересы ущемляются, средства массовой информации, профсоюзы и многие общественно-политические образования “огосударствляются”, государство имеет примат над правом, его органы связаны не столько с правовыми нормами, сколько с указаниями сверху»[5]. С позиции М.И. Абдулаева, антидемократический режим характеризуется устранением политических прав и свобод, отстранением народа от государственной власти, ее узурпацией отдельными лицами или группой лиц, подавлением всякого инакомыслия, упразднением представительных органов власти или их превращение в послушные орудия выражения воли фактических руководителей[6]. В юридической литературе безотносительно видов антидемократических режимов приводятся следующие их характерные признаки: контроль государства над всеми сферами общественной жизни; контроль над общественными организациями (профсоюзными, молодежными, спортивными и др.); личность во многом лишена субъективных прав, хотя формально они могут провозглашаться даже в конституциях; примат властных решений над правом и нарушение законности; милитаризация общественной жизни; игнорирование интересов государственных образований, особенно национальных меньшинств[7]. Думается, что следует согласиться с мнением о том, что «общий недостаток недемократических политических систем состоит в том, что они неподконтрольны народу, а значит, характер взаимоотношений с гражданами зависит прежде всего от воли правителей»[8].

В юридической науке недемократические режимы часто называют антидемократическими[9]. При этом тоталитарный и авторитарный режимы воспринимаются как явления отрицательные, противопоставляемые «хорошей» демократии. Однако при этом следует учитывать по крайней мере следующие обстоятельства. Во-первых, сама демократия небезупречна. В свое время А.Н. Яковлев писал, что «как и все остальное, демократия не абсолютное Добро. В руках человека она может быть направлена и на Добро, и на Зло. И чтобы не произошло последнего, надо хорошо отдавать себе отчет во всех недостатках, диктуемых природой этого любимого явления»[10]. Во-вторых, к тоталитарному и авторитарному государственному режиму нельзя

[1] См.: *Марченко М.Н.* Проблемы общей теории государства и права: учеб. в 2 т. М., 2007. Т. 1. Государство. С. 256, 257.

[2] *Абдулаев М.И., Комаров С.А.* Проблемы теории государства и права: учеб. СПб., 2003. С. 80.

[3] *Оксамытный В.В.* Теория государства и права: учеб. М., 2004. С. 279.

[4] См.: *Дмитриев Ю.А.* Форма государства и его конституционно-правовая основа // Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права: учеб. М., 2005. С. 291.

[5] *Шагиева Р.В.* Форма государства // Теория государства и права: учеб. / под ред. М.М. Рассолова. М., 2008. С. 101.

[6] См.: *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: учеб. М., 2006. С. 89.

[7] См.: *Кожевников В.В., Коженевский В.Б., Рыбаков В.А.* Теория государства и права: учеб. / отв. ред. В.В. Кожевников. М., 2017. С. 100.

[8] *Воротников А.А., Хапаев А.А.* Вождистское государство как основная разновидность авторитаризма: постановка проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 1. С. 33.

[9] См.: *Петров В.С.* Теоретические проблемы сущности, содержания и формы государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1968. С. 28.

[10] Цит. по: *Кудрявцев Ю.А.* Политические режимы: классификация и основные виды // Правоведение. 2002. № 1. С. 202.

относиться негативно. В этой связи Ю.А. Кудрявцев замечает, что политический режим складывается как результат многих составляющих факторов и обусловливается социально-экономическими и культурными основами общества. Вот почему, заключает автор, нельзя говорить, что тоталитарный режим всегда плох, а демократический – хорош для любого общества. Учитывая, что любой политический режим есть результат тех или иных предпосылок, существование которых обусловлено объективно сложившимися общественными отношениями самого широкого профиля; предпочтение тому или иному виду режима общество отдает, исходя из приоритета поставленных им задач[11], ученый приходит к выводу о том, что политический режим должен рассматриваться с точки зрения юридической, социальной целесообразности применительно к конкретному государству, чем и объясняется обоснованность замены термина «антидемократические политические режимы» на «недемократические политические режимы»[12].

2. Авторитарный государственный режим: отрицательные и положительные стороны. Авторитарный государственный режим из всех видов режимов, как демократических, так и недемократических, пожалуй, менее всего изучен, хотя, с позиции ученых, «государства с авторитарными политическими режимами являются в настоящее время наиболее распространенной разновидностью государств в контексте их классификации по политическим режимам». При этом отмечается, что, «несмотря на то что абсолютное большинство современных государств определяет себя в качестве демократических, фактическое содержание государственной политики, методология осуществления политической власти не позволяет признать справедливость данного утверждения. Такие государства можно рассматривать скорее не в качестве демократических, а как одну из разновидностей авторитарного политического режима»[13]. Авторитарные режимы ищут свое теоретическое обоснование в различных вариантах концепции героев и толпы. Одним из таких вариантов являются элитарные теории, особенно теория правящей элиты, которая отвергает концепцию плюралистической демократии, как чрезмерно идеалистическую. Концепции элитаристов нашли продолжение в теориях массового общества и массового государства. Их сторонники представляют общество в виде толпы (совокупность толп), в которой отдельный человек подчиняется поведению толпы и действует в соответствии с примитивными эмоциями – патриотизмом, расизмом, ненавистью и т.д. Для действий толпы нужен вождь, харизматический лидер, который направляет ее, хотя она этого и не осознает. Вождь использует толпу для осуществления своих идей, постоянно поддерживая в массах харизматическое напряжение. Во многих развивающихся странах концепции авторитаристов (а иногда и сторонников тоталитаризма) нашли свое выражение в теориях направляемой (дирижантской) демократии, которые исходят из того, что необходимость ускоренного экономического развития государства и преодоления конфликтов в многоэтнических обществах требует жесткого управления. Для этой цели создаются «сверху» единая идеология, «передовая партия» во главе с харизматической личностью (вождем), которая использует государственную власть, другие механизмы (в т.ч. идеологические) для достижения поставленных целей. Главную роль в направляемой демократии играет государство, государственная власть (в т.ч. нередко власть армии)[14]. Как замечают политологи, основа перерождения лидерства в вождизм – в архаической простоте патриархальных отношений. Сложный механизм современной власти заменяется приказами, желаниями вождя и повиновением последователей. Общество отождествляется с государством, политика – с идеологией, воля вождя – с волей народа. Восприятие действительности становится иррациональным, ибо отношения между вождем и его окружением утрачивают разумные основы. Вождь прибегает к наиболее доступным манипуляциям общественным сознанием, которое воспринимает все новое как чужое и чуждое, враждебное. Иррациональным становится стремление окружения наделить вождя необыкновенными способностями, необычной мудростью и прозорливостью, знанием того, что должны знать его близкие и подчиненные и, естественно, государство и народ[15]. Е.А. Лукьянова и И.Г. Шаблинский считают, что государственная идеология в таких случаях рассматривается как дополнительный инструмент, укрепляющий status quo. В этой связи различаются два подхода к оформлению идеологической позиции власти: 1) идейные установки главы режима (правящей группы) широко пропагандируются именно как установки правящей и доминирующей в государстве политической силы, но не становятся идеологией государства; 2) закрепление подобных установок в официальных

[11] См.: *Назаренко П.А.* Демократия и тоталитаризм как виды политических режимов и их историческая перспектива в России // Демократия и тоталитаризм: проблемы противостояния (политические режимы в современном мире): материалы межвузов. науч.-практ. семинара, Санкт-Петербург, 15 ноября 1999 г. / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 1999. С. 43, 44.

[12] *Кудрявцев Ю.А.* Указ. соч. С. 202.

[13] *Тирских М.Г.* Право в государствах с авторитарным политическим режимом // Сибирский юрид. вестник. 2011. № 3. С. 109.

[14] См.: *Чиркин В.Е.* Конституционное право зарубежных стран: учеб. М., 2007. С. 200, 201.

[15] См.: Политология на российском фоне: учеб. пособие / рук. В.В. Рябов. М., 1993. С. 304.

актах государства – законах или даже в конституциях, обязательных для граждан. Когда такое начинает происходить, принято считать, что политический режим перерождается из авторитарного в тоталитарный[16].

В юридической литературе авторитарный режим раскрывается через его понятия и систему соответствующих признаков. Так, Л.П. Рассказов полагает, что в самом названии этого режима кроется его сущность – «ограничение демократии, использование насильственных методов властвования»[17]. Л.И. Спиридонов авторитарный режим определяет как промежуточный между тоталитарным и демократическими режимами, переходный от одного к другому, что обусловливает «размытость», нечеткость его свойств. По мнению автора, главная его особенность состоит в том, что государственная власть не имеет тоталитарного характера и не достигает полного контроля над всеми сферами экономической, политической и культурной жизни. В нем нет единой государственной обязательной для всех идеологии, которая заменяется конструкциями типа теории национального интереса, идеями патриотизма и т.п. Управление осуществляется не столь жесткими, как при тоталитаризме, средствами. Массовый террор отсутствует[18]. Н.А. Пьянов, также признавая авторитарный режим в качестве промежуточного между демократическим и тоталитарным режимами, отмечает, что первый имеет тенденцию либо перерастать в тоталитарный режим, либо преобразовываться в полудемократический и затем в демократический. Однако, признавая авторитарный режим в качестве самостоятельного вида, автором называется система его важных, специфических признаков: 1) будучи режимом антидемократическим, он более либеральный, чем тоталитарный, поскольку несет в себе некоторые черты демократического режима; 2) он характеризуется тем, что государственная власть концентрируется в руках диктатора или правящей элитарной группы (хунты, партийной верхушки, военной, бюрократической или религиозной элиты). Принцип выборности государственных органов, подотчетности и подконтрольности их населению сужается или сводится на нет. Представительные органы власти могут существовать, но они при этом не играют определяющей роли в управлении обществом и превращаются в декорацию, прикрывающую авторитарную власть; 3) игнорируется принцип разделения властей при усилении исполнительных органов, которые нередко подчиняют себе все остальные органы государства. Суды зачастую выступают в качестве вспомогательных органов, поскольку наряду с ними могут использоваться и внесудебные органы; 4) преобладают силовые, командные, бюрократические методы государственного управления, в то же время при осуществлении власти практически не применяются террор и массовые репрессии; 5) в отличие от тоталитарных режимов отсутствует тотальный контроль государства над теми или иными сферами общественной жизни. Относительно самостоятельными от государственной власти могут быть (хотя и не всегда) экономика, культура, частная жизнь. Вместе с тем при авторитарных режимах всегда существует монополия на политическую власть, сохраняется частичная цензура над средствами массой информации; 6) допускается ограниченный политический плюрализм. Конституции провозглашают свободу образования политических партий, однако государственная власть специальными законами разрешает деятельность только некоторых из них (тех, которые ориентируются на линию, выработанную правящей партией). Оппозиция либо не допускается, либо разрешается только в определенных пределах; 7) при авторитарном режиме в отличие от тоталитарного не существует единой государственной идеологии, обязательной для всего общества (определенный плюрализм в области идеологии); 8) демократические права и свободы в авторитарных государствах главным образом провозглашаются, но реально не обеспечиваются. Часто вводится чрезвычайное или иное особое положение, которое на практике направлено против «врагов» режима. В этой связи личность лишена гарантий безопасности во взаимоотношениях с властью; 9) при авторитарных режимах весьма высока роль главы государства (лидера). Вместе с тем в отличие от тоталитарных государств лидер в авторитарных режимах не является харизматическим[19]. В.Е. Чиркин указывал, что при данном режиме преобладают методы принуждения, а то и прямого насилия при сохранении отдельных методов либерализма. Представительные органы сохраняются, но выборы являются формальностью, поскольку деятельность политической партии прекращена. Конституционные права граждан открыто нарушаются. Реальное участие граждан в делах государства отсутствует, выборы имеют показной характер и не могут отстранить от власти прежние силы или привести к власти новые партии; господствует принцип не выборности, а назначения; политическая активность граждан, общественных объединений низка: она стеснена рамками

[16] См.: *Лукьянова Е.А., Шаблинский И.Г.* Авторитаризм и демократия. М., 2018. С. 51.

[17] *Рассказов Л.П.* Теория государства и права: учеб. М., 2008. С. 116.

[18] См.: *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права: учеб. М., 1995. С. 53, 54.

[19] См.: *Пьянов Н.А.* Консультации по теории государства и права: учеб. пособие. Иркутск, 2010. С. 127, 128.

законодательства и установившейся практикой[20]. В другой работе ученый выделял разновидности авторитарных режимов (олигархический, конституционно-авторитарный и др.)[21]. Г.В. Голосов сосредоточивает внимание на следующих его видах: традиционный режим, соревновательная олигархия, авторитарно-бюрократический режим (военный и популистский), эгалитарно-авторитарный режим, авторитарно-инэгалитарный режим[22].

Следует обратить внимание, что он традиционно рассматривается как переходный, промежуточный режим, лишенный специфических свойств и признаков, сочетающий в себе черты, характерные как для тоталитарных, так и демократических режимов[23]. Полагаем, что здесь принципиальными являются утверждения О.Г. Харитоновой. Называя такие институты демократии, как политические партии, парламент и выборы, согласно которым они являются «основными элементами, способными сохранить недемократический режим ненасильственными способами», автор считает, что «эти институты не приводят к смене лидерства, не являются институтами вертикальной ответственности, однако они необходимы для разрешения внутрирежимных конфликтов и предотвращения потенциальной дестабилизации режима»[24]. В.Ю. Лукьянов определяет авторитарный режим как «режим промежуточного, переходного типа, находящегося между тоталитарным и демократическим»[25]. Полагаем, что вряд ли это можно признать верным, тем более что само по себе сочетание признаков тоталитаризма и демократии еще не говорит о переходности такого режима[26]. Р.А. Ромашов и М.В. Сальников, например, в связи с этим справедливо отмечают: авторитарные режимы – это реальные политико-правовые системы, сложившиеся и функционирующие в конкретных государствах. Вместе с тем в ряде из них авторитаризм рассматривается не как переходная, а устоявшаяся, стабильная форма политического режима (КНР, Южная Корея)[27]. Заслуживает внимания позиция М.Г. Тирского, полагающего недопустимым при понимании авторитарного режима использовать так называемое исключающее определение, т.е. определение авторитаризма как все, что не может быть напрямую отнесено к крайним видам политических режимов (тоталитарного и демократического). Как считает ученый, «понимая желание... отграничить авторитарный режим от иных.., нельзя согласиться на такую “промежуточность авторитаризма”». Аргументируя свою точку зрения, автор подчеркивает, что это «неверно как с методологической точки зрения (когда более распространенное и длительно существующее явление определяют в качестве переходного по отношению к менее устойчивым явлениям), так и с фактической, поскольку различия авторитаризма с демократией и тоталитаризмом настолько значительны, что не представляется возможным определить его как сложение набора элементов других режимов, тем более что затруднительно приравнивать политические институты тоталитаризма и авторитаризма или экономические свободы авторитаризма и демократии»[28].

Некоторые исследователи утверждают, что в нестабильных ситуациях такой режим может быть функциональным, не худшим вариантом, добивающимся сравнительно эффективной мобилизации социального потенциала не только за счет усиленного идеологического давления, но и путем принудительного обеспечения «консенсуса» под лозунгами установления «законности и порядка»[29]. В юридической науке авторитарный режим трактуется как режим, обеспечивающий неограниченную власть одного лица и его бюрократической группы над государственным аппаратом и средствами массовой информации, имитирующий иногда в целях легитимации демократические процедуры либо использующий в тех же целях лишь харизму правителя, подкрепленную силой репрессивного аппарата. При этом отмечается, что обычно контроль авторитарного правителя и его группы не выходит за пределы названных сфер (в отличие от контроля при тоталитарном режиме). Однако известны случаи, когда авторитарные лидеры пытались влиять и на сферу образования и культуры, фактически навязывая свои вкусы, или даже предлагали обществу подобие официальной идеологии. В таких случаях в теоретическом плане дифференциация авторитарных и тоталитарных режимов затруднена (режимы Ф. Франко в Испании, А. Салазара в Португалии, М. Каддафи в Ливии, С. Хусейна в Ираке)[30].

---

[20] См.: *Чиркин В.Е.* Государствоведение: учеб. М., 1999. С. 195.

[21] См.: *Чиркин В.Е.* Конституционное право зарубежных стран. С. 202.

[22] См.: *Голосов Г.В.* Сравнительная политология: учеб. Новосибирск, 1995. С. 51–62.

[23] См.: *Спиридонов Л.И.* Указ. соч. С. 53; *Протасов В.Н., Протасова Н.В.* Лекции по общей теории права и теории государства. М., 2010. С. 140.

[24] *Харитонова О.Г.* Недемократические политические режимы // Политическая наука. 2012. № 3. С. 24.

[25] *Лукьянов В.Ю.* Политология: учеб. пособие. СПб., 2007. С. 6.

[26] См.: *Кудрявцев Ю.А.* Указ. соч. С. 204.

[27] См.: *Ромашов Р.А., Сальников М.В.* Авторитарный политический режим: попытка объективной оценки // Демократия и тоталитаризм: проблемы противостояния (политические режимы в современном мире). СПб., 1999. С. 9.

[28] *Тирских М.Г.* Указ. соч. С. 110.

[29] *Наумова Н.* Переходный период: мировой опыт и наши проблемы // Коммунист. 1990. № 8. С. 11.

[30] См.: *Лукьянова Е.А., Шаблинский И.Г.* Указ. соч. С. 18, 19.

А.А. Воротников и А.А. Хапаев, уделяя пристальное внимание существующему при авторитаризме вождизму, указывают, что он превращается в официальный государственный принцип, отражающий низкий уровень развития демократического сознания и возникающий как выражение потребности в символе власти в условиях социальной нестабильности. В вождистском государстве народ становится субъектом, который не желает больше, чтобы им управляли как «подданными»; он хочет, чтобы им руководили лучшие из его сыновей. Наконец, подчеркивается, что вождизм характеризуется развитой системой неюридических регуляторов поведения, закрепленностью социальных ролей, отождествлением общества с государством и рассмотрением его как средства реализации некой идеи, символом которой является вождь. Законы в таком обществе строятся по разрешающему типу – запрещено все, что не разрешено вождем. Нормативы политического поведения создаются иерархией идеологических авторитетов, среди которых высшие – решения вождя, власть которого безгранична и бесконтрольна[31].

В.Н. Протасов и Н.В. Протасова, оценивая авторитарный режим, полагают, что государственная власть с таким режимом может служить эффективным средством модернизации общества, постепенного введения демократических институтов. Он обладает достаточно высокой способностью обеспечения общественного порядка, быстрой реорганизации общественных структур вопреки сопротивлению консервативных сил, концентрации больших усилий и ресурсов на решении определенных вопросов. К слабым сторонам авторитарного режима ученые относят полную зависимость государственной политики от позиции главы государства или группы высших руководителей, отсутствие эффективных институтов, защищающих население от произвола[32].

Оценивая авторитарный режим, ученые полагают, что главный смысл авторитарных правлений обычно усматривается их сторонниками в политической стабилизации, в защите предпринимателей, собственников от всевозможных радикальных движений и организованной преступности, т.е. в обеспечении максимально благоприятных условий для бизнеса и развития национальных экономик. Действительно, многие ученые склонны усматривать в сильном авторитарном государстве эффективный инструмент преобразования переходности. Американский юрист Д. Эптер полагает, что «в условиях модернизации демократические политические институты не очень уместны»[33]. Пожалуй, одним из первых российских правоведов, обративших внимание на данную проблему, был Н.М. Коркунов, который обосновал необходимость вмешательства государства в жизнь общества в тех случаях, когда «граждане не могут достичь благосостояния и согласия собственными усилиями»[34]. В.А. Федоров называет авторитарные методы управления «гарантом модернизации и трансформации общественных отношений»[35].

Отмечая некоторые достоинства авторитарного режима (высокая способность обеспечить политическую стабильность и общественный порядок, мобилизовать общественные ресурсы на решение определенных задач, преодолевать сопротивление политических противников, способность решать прогрессивные задачи, связанные с выводом страны из кризиса), заключается, что авторитаризм был желаемым режимом в ряде государств после Второй мировой войны на фоне существовавших в мире острых экономических и социальных противоречий[36]. Но, оценивая эти цели как декларируемые, авторы полагают, что очевидной целью всех диктаторских режимов является получение неограниченной бесконтрольной власти и связанных с ней экономических благ[37]. По мнению Т.Е. Ворожейкиной, «большинство авторитарных режимов было в той или иной мере ориентировано на осуществление социально-экономической модернизации и поэтому могут быть, хотя и с большой долей условности, названы режимами авторитарной модернизации»[38].

3. Тоталитарный государственный режим: отрицательные и положительные стороны. Другой основной разновидностью недемократического государственного режима является тоталитарный режим, понимаемый, как «террористический, характеризующийся насилием, полным подавлением демократических свобод и прав личности»[39]. В философском энциклопедическом словаре тоталитаризм (от лат. *totalis* – целый, полный) понимается как «общественно-политический строй, который характеризуется всеобъемлющим “командным”

[31] См.: *Воротников А.А., Хапаев А.А.* Указ. соч. С. 29–32.

[32] См.: *Протасов В.Н., Протасова Н.В.* Указ. соч. С. 141.

[33] Цит. по: *Сорокин В.В.* Теория государства и права переходного периода: учеб. Барнаул, 2007. С. 54.

[34] *Коркунов Н.М.* История философия права (пособие к лекциям). СПб., 1896. С. 45.

[35] *Федоров В.А.* Эволюция авторитарных режимов на Востоке. М., 1992. С. 185.

[36] См.: *Воротников А.А., Хапаев А.А.* Указ. соч. С. 31.

[37] См.: *Лукьянова Е.А., Шаблинский И.Г.* Указ. соч. С. 75.

[38] *Ворожейкина Т.Е.* Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и различия // Вестник общественного мнения. 2009. № 4. С. 55.

[39] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1984. С. 698.

вмешательством авторитарного государства во все сферы жизни и деятельности общества и отдельных личностей»[40]. Понятие тоталитаризма было разработано итальянским философом, идеологом итальянского фашизма Д. Джентиле в начале XX в., который считал, что первостепенной ролью государства в обществе является претворение в жизнь национального предназначения. И поскольку государство реализует в жизнь судьбу нации, оно должно обладать неограниченной властью и быть тоталитарным. В политический лексикон термин «тоталитаризм» ввел Б. Муссолини для характеристики фашистского режима в Италии. Разъясняя концепцию фашистского государства, Муссолини провозглашал фашизм как государство-абсолют, по сравнению с которым индивиды и группы имеют относительное значение. А.Б. Венгеров полагал, что тоталитарный режим стал порождением XX в.; это фашистские государства, социалистические государства периода «культа личности». Сам термин появился в конце 1920-х годов, когда некоторые политологи стремились отделить социалистическое государство от демократических государств и искали определение социалистической государственности[41]. Ю.Г. Сумбатян замечает, новая идеология тоталитаризма опирается на монополию тоталитарной культуры, которая апеллирует не столько к разуму, сколько к эмоциям, стремясь принудить людей поверить в истинность господствующей идеологической доктрины, в справедливость ее лозунгов и догм[42]. Н.Н. Рассоха возникновение тоталитаризма связывает прежде всего с трудностями модернизации, перехода общества к индустриальной стадии развития, с попытками правящей элиты преодолеть эти трудности путем «чрезвычайщины» – огосударствления, сверхбюрократизации, униформенной политизации и милитаризации всего общества. Сущность же тоталитаризма, по его мнению, заключается в том, что в результате указанных процессов устанавливается бюрократическая (военно-бюрократическая) диктатура, фактически отражающая интересы государственного (партийно-государственного) аппарата, а также отчасти интересы представителей разного рода маргинальных групп, деклассированных элементов, из которых в значительной степени этот аппарат формируется и которые им подкармливаются[43]. По мнению В.Д. Перевалова, тоталитаризм – это и политический режим, и как особая модель социально-экономического порядка, характерная для стадии индустриального развития, и идеология, это своего рода «реакция» масс на ускоренное разрушение традиционных структур, их стремление к единению и консолидации перед лицом пугающей неизвестности[44]. Тоталитарный государственный режим, будучи крайней формой авторитарного режима, зиждется на определенной идеологии, выступающей мотивационной основой проводимой этим режимом политики. В литературе отмечается, что тоталитаризм является системой не только политического, но и экономического, социального и духовного господства, причем акцентируется внимание на то, что в тоталитарном обществе приоритет принадлежит не столько экономике, сколько политике и идеологии[45]. Так, в нацистской Германии было проведено огосударствление управления экономикой, при котором капиталисты назначались «фюрерами» своих предприятий.

В юридической литературе анализируется ряд особенностей, присущих тоталитарной идеологии. Первой ее отличительной чертой является формализованность, сопряженная с фиксацией ключевых положений в программах, уставных документах политических партий и других общественных объединений, трудах их харизматических лидеров. Эти идеологемы в последующем зачастую определяют направленность государственной политики. Показательна в этом отношении книга А. Гитлера “Mein Kampf” («Моя борьба»), которая призывала немцев к борьбе за чистоту арийской расы и освобождения для нее жизненного пространства посредством уничтожения неполноценных народов. Вторая отличительная черта тотальной идеологии проявляется в том, что она претендует на монопольное обладание истиной, признание своей уникальности как единственно верной системы взглядов. Обосновывая исключительность тоталитарной идеологии, ее апологеты настаивают на подлинно научной природе основных ее постулатов. Как отмечает Х. Аренд, берется одна теория – классовая, как у коммунистов, или расовая, как у нацистов, и из нее выводится все: философия, история, политика и т.д. Одна из идей принимается за аксиому, и с помощью формальной логики делаются всеобъемлющие выводы, которые начинают «существовать» якобы в форме объективных

[40] Философский энциклопедический словарь. М., 2000. С. 458; см. также: *Жуков В.Н.* Тоталитаризм // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 725, 726.

[41] См.: *Венгеров А.Б.* Теория государства и права: учеб. М., 2007. С. 157.

[42] См.: *Сумбатян Ю.Г.* Тоталитаризм как категория политической социологии // Соц. исследования. 1994. № 1. С. 13.

[43] См.: *Рассоха И.Н.* Тезисы о тоталитаризме // Полис. 1995. № 2. С. 147, 148.

[44] См.: *Перевалов В.Д.* Теория государства и права: учеб. М., 2012. С. 314.

[45] См.: *Сумбатян Ю.Г.* Указ. соч. С. 14.

законов[46]. В последующем, уточняет А.А. Мажурина, «тезис о подлинной научности тоталитарных идеологий нередко служит основанием для проведения государством политики идеологического монизма, отвержения, а затем преследования иных идеологических систем и их носителей»[47]. Третья отличительная черта любой тоталитарной идеологии связана с особенностями целеполагания. Эти идеологии стараются объяснить всю действительность в категориях единой универсальной цели существования человека, общества, государства. Еще одна особенность анализируемой идеологии – ее агрессивность. Как отмечает А.А. Мажурина, лозунг «цель оправдывает средства» зачастую становится главным моральным принципом и не только в отношениях между властью и человеком, но и в отношениях между индивидами. Ни совесть, ни какие-либо другие сдерживающие факторы не ограничивают поступки людей, если эти поступки совершаются для «блага общества» или для достижения цели, поставленной руководством. А при решении стратегически значимых задач режим нередко прибегает к открытому насилию и террору[48]. Другая особенность тоталитарных идеологий заключается в обосновании необходимости трансформации в соответствии с господствующими идеологемами, конструировании нового типа личности с особой ментальностью, поведенческими и интеллектуальными характеристиками, подавлением личностных начал и критичности у граждан. Тоталитарная идеология стремится максимально заполнить внутреннее, духовное пространство каждого человека. При этом обеспечивается унификация людей, их солидарность, единодушие оценок и воззрений, необходимая массовая поддержка тоталитарных режимов. Следующая особенность анализируемой идеологии проявляется в приоритете коллективных ценностей над индивидуальными; интересы общества, государства, социальных групп изначально поставлены выше, чем интересы индивида. Ф. Хайек, критикуя тоталитарный режим, писал: «Настоящими гражданами могут считаться только те, чьи цели совпадают с целями общества. Из этого неизбежно следует, что человека можно уважать лишь как члена группы, т.е. лишь постольку и в той мере, в какой он способствует осуществлению общепризнанных целей. Этим, а не тем, что он человек, определяется его человеческое достоинство»[49]. Тоталитарное государство заявляет, что есть только государственный интерес. В связи с этим И.А. Ильин указывал, что «тоталитаризм состоит в исключении всей и всякой самодеятельности граждан: их личной свободы, их корпоративной организации, их местного и профессионального самоуправления, их усмотрения в делах личных и семейных, их хозяйственной инициативы и их культурной самодеятельности»[50]. Думается, необходимо обратить внимание на особенность идеологии тоталитаризма, что она обладает сходством с религией. Э.А. Поздняков в связи с этим отмечает следующее: «Там, где религиозная вера дает слабину, где она начинает терять свое влияние и свои позиции, тут же в образовавшиеся трещины начинает проникать светская идеология. Она составляет основу нравственных ценностей для многих миллионов людей, утративших веру в религиозные идеалы или никогда в них не веровавших. В то же время там, где религиозная вера институционализируется – а это рано или поздно происходит со всякой религией,– она сама начинает трансформироваться сначала в религиозную, а затем в разнообразные светские идеологии»[51]. Тоталитаризм превращает свою идеологию в своеобразную мифологию, которая несет в себе определенные эмоции, настроения, чаяния, надежды. При этом необходимо учитывать, что тоталитарная мифология не стремится дать объективную оценку реалий, окружающих человека, порой намеренно искажает картину происходящих в обществе событий[52]. Наконец, еще одной специфической чертой тоталитарной идеологии является то, что она становится одним из средств консолидации общества и противопоставления «своих» и «чужих». Думается, что здесь вполне уместно привести размышления Ф. Хайека, который заметил, что «человеческая природа такова, что люди легче приходят к согласию на основе негативной программы – будь то ненависть к врагу или зависть к преуспевающим соседям, чем на основе программы, утверждающей позитивные цели и ценности... Образ врага-внутреннего или внешнего – является непременным средством в арсенале всякого диктатора»[53]. Думается, что здесь уместно в контексте анализа социально-психологических предпосылок тоталитаризма привести следующее: «Когда в обществе утрачивается контроль над ситуацией, которая кажется чрезмерно сложной, то очень соблазнительно реагировать на нее с помощью комбинаций прожектерских проектов и агрессивных действий. Этому

[46] См.: *Аренд Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. М., 1996. С. 232.

[47] *Мажурина А.А.* Идеология тоталитарного общества: методология научного анализа // История государства и права. 2013. № 1. С. 37.

[48] См.: там же.

[49] *Хайек Ф.* Дорога к рабству / пер. с англ. М., 2005. С. 147.

[50] *Ильин И.А.* От демократии к тоталитаризму // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 114.

[51] *Поздняков Э.А.* Философия политики: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 216.

[52] См.: *Мажурина А.А.* Указ. соч. С. 38.

[53] *Хайек Ф.* Указ. соч. С. 145.

не сопротивляется значительная часть общества. Однако это значит, что она ничего не понимала и испытывала иллюзии. Граждане, образующие эту часть общества, не были обмануты. Они желали тоталитаризма в такой-то момент, в таких-то обстоятельствах»[54]. Думается, следует согласиться с утверждением о том, что в центре тоталитарных воззрений «стоит система, а не человек. Люди в этих воззрениях – некий строительный материал, средство для чего-то большего»[55].

Среди ученых не существует совпадающего по всем параметрам мнения относительно понятия и признаков тоталитарных режимов. Однако все согласны в том, что для тоталитарных государств и обществ характерны особого рода идеология (идеологические комплексы) – совокупность идей, которые легитимируют право таких режимов (систем) на существование. Причем сами эти идеологические конструкции «тоталитарны», поскольку претендуют на охват всех сфер общественной и частной жизни, на общеобязательность. Фактически эти идеологии сливаются с правом, законом; многие идеологические постулаты становятся правовыми нормами, что делает право декларативным, лозунговым, пустым с юридической точки зрения и малоэффективным. Фактически на роль права начинает претендовать (и небезуспешно) идеология, хотя ее апологеты и не говорят об этом прямо и открыто[56]. В.Е. Чиркин полагал, что в основе тоталитарного режима лежат разные концепции: расистские теории, идеи харизматического лидера и толпы, марксистские положения о диктатуре пролетариата, необходимой для того, чтобы привести общество к «светлому обществу» (коммунизму), концепции о «двойной роли» армии как организации для обороны страны и политической организации, способной реформировать «загнившее» общество. Ученый подчеркивал, что такой режим возможен в условиях различного общественного строя: в высокоразвитых капиталистических, в социалистических государствах (СССР, Румыния, Албания), в развивающихся государствах и др.[57] В другой работе исследователь обращал внимание, что тоталитарные режимы существовали в фашистских государствах, в некоторых африканских и других странах с пожизненными президентами, в условиях военных режимов. Своеобразный характер, по мнению автора, имеет тоталитарный режим в государствах мусульманского фундаментализма, где в его основе лежит религиозно-духовное принуждение, принуждение силой традиций. Обращается внимание и на то, что особое положение занимают государственные режимы тоталитарного социализма: они связаны с идеологией, которая принципиально отличается и от фашизма, и от мусульманского фундаментализма, но основой деятельности государственных органов также является физическое и психическое принуждение, превращающее человека в послушный «винтик» системы[58].

Характеризуя данный режим, Д.И. Дегтева считает, что «тоталитаризм – политический режим, при котором правители государства не заинтересованы в пассивности населения, напротив, они политически мобилизуют его, идеологически подчиняют себе, манипулируя массовым сознанием и стремясь к тотальному контролю над всеми сферами жизни общества»[59]. С позиции В.Д. Перевалова, «в основе тоталитарного режима лежит единая государственная идеология, насильственно навязываемая всему обществу»[60]. В.М. Кайтуков заявляет, что в условиях этого режима в орбиту подавления попадают практически все слои социума, включая и аппарат проводников диктата, и сопутствующие слои, не говоря уже о традиционном слое подавляемых – производителях[61]. С точки зрения В.Е. Чиркина, тоталитаризм целиком основан на методах физического, психического, идеологического принуждения со стороны слитных органов партийно-государственной машины. Вся деятельность государственных органов направлена на безусловное выполнение указаний «вождя», пожизненного президента, лидера (единоличного или коллективной группировки) правящей партии. Конституционные права открыто нарушаются в деятельности государственного аппарата под предлогом обеспечения «высших» прав общества, нации, расы или государства. Личность как таковая в деятельности органов государства игнорируется. Политическая активность граждан на деле равна нулю, в конечном счете она подчинена указаниям органов правящей партии, хотя государственные органы организуют бутафорские выборы (без выбора), учреждают различные общественные объединения, создавая видимость активности[62]. Подчеркнем, что в условиях анализируемого

[54] *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007. С. 53, 54.

[55] *Завьялов Ю.С.* Тоталитаризм как разновидность политического режима // Государство и право. 2010. № 5. С. 80.

[56] См.: *Затонский В.А.* Демократический режим – оптимальная форма функционирования сильного государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 7. С. 14, 15.

[57] См.: *Чиркин В.Е.* Конституционное право зарубежных стран. С. 202.

[58] См.: *Чиркин В.Е.* Государствоведение. С. 196.

[59] *Дегтева Д.И.* Авторитарный и тоталитарный политические режимы // Вестник МГОУ. Сер. «Экономика и право». 2012. № 3. С. 76.

[60] *Перевалов В.Д.* Указ. соч. С. 311.

[61] См.: *Кайтуков В.М.* Эволюция диктата: Опыты психофизиологии истории. М., 1992. С. 55.

[62] См.: *Чиркин В.Е.* Государствоведение. С. 196.

государственного режима вся полнота власти принадлежит аппарату одной партии, существование же всяких иных политических партий и движений запрещается. Так, в фашистской Германии был Закон против образования новых партий от 4 июля 1933 г., § 1 которого гласил: «В Германии существует в качестве единственной политической партии Национал-социалистическая германская рабочая партия»[63].

Для тоталитарного государственного режима характерно доминирование исполнительной власти над законодательной, диктатура исполнительной власти повсеместно под предлогом проведения «кардинальных реформ», борьбы за «единство нации», торжество законности и справедливости; паралич и политическая нейтрализация деятельности парламентских структур; замена представительной власти народа властью политиканствующей клики; лишение парламента его традиционной компетенции творить закон[64]. В качестве примера можно привести Закон от 24 марта 1933 г. «О преодолении бедственного положения народа и государства»[65], который отменял гражданские свободы и передавал чрезвычайные полномочия правительству во главе с рейхсканцлером А. Гитлером. В ст. 1 имперскому правительству предоставляются полномочия по изданию государственных законов. Статьей 2 допускается, что издаваемые таким образом законы могут содержать отступления от конституции Германии, за исключением вопросов о полномочиях рейхстага и рейхсрата, а также прав рейхспрезидента. Статья 3 определяет, что законы оформляются рейхсканцлером и вступают в силу со дня опубликования в официальном издании. Статья 4 предоставляет правительству рейха полную свободу действий при заключении внешнеполитических договоров. Статья 5 устанавливает срок действия указанных полномочий, предоставляя их «правительству, находящемуся в настоящий момент у власти». Как пишет М.Н. Марченко, закон в максимальной степени выхолостил демократическую на тот момент Веймарскую конституцию[66]. Передача имперскому правительству законодательных полномочий уничтожала разделение законодательной и исполнительной власти в пользу последней, а предоставленные правительству полномочия по изданию законов, противоречащих конституции, обесценивали и саму эту конституцию. Рейхстаг из дееспособного законодательного органа превращался в декоративный придаток нацистского режима. Ю.А. Дмитриев замечал, что в условиях тоталитарного режима возрастают дискреционные, т.е. законом не предусмотренные и не ограниченные полномочия, растет свобода усмотрения административных органов. Особенно выделяются на фоне разросшихся исполнительных органов карательные органы: армия, органы безопасности, прокуратура и т.п.[67] Обращаясь к анализу тоталитаризма, В.А. Затонский замечает, что главными способами управления людьми являются прямое насилие (внеэкономическое принуждение) и «скрытое» принуждение, хотя его принципы не были полностью воплощены в действительность: семья, религия, искусство, наука, культурные и предпринимательские традиции в целом не исчезли, не подчинились тоталитарной системе[68].

В качестве еще одной характерной черты тоталитарного режима учеными называется обстановка страха, который носил тотальный характер, подавляя в зародыше даже мысль о возможном сопротивлении[69]. Трудно не согласиться с Г.Н. Мановым в том, что страх выступает действенным средством подчинения государственной воле. Пронизанным страхом обществом легче управлять[70]. Соглашаясь с этим, необходимо подчеркнуть, что заблуждение думать, что тоталитаризм держится исключительно на страхе и прямом насилии. Не менее важную роль играет система социальной демагогии, идеологических иллюзий, манипуляций, с помощью которых затушевывается противоположность правящей элиты и общества. В сознании атомизированных масс внедряется всеохватывающая мобилизационная идеология, обращенная не столько к разуму, сколько к чувствам, инстинктам[71].

4. О соотношении тоталитарного и авторитарного государственных режимов. Думается, немаловажным является вопрос о том, какое место занимает тоталитаризм в сопоставлении с другими режимами, и прежде всего с авторитарным? Дело заключается в том, что тоталитаризм называется авторитарно-диктаторским режимом, и наоборот: некоторые тоталитарные режимы рассматриваются почти как авторитарные. В этом отношении следует поддержать А.П. Бутенко, утверждающего, что авторитаризм и тоталитаризм – это два существенно различающихся вида недемократических режимов. Он подчеркивает, что в отличие от тоталитаризма

[63] См.: URL: doc20vek.ru›node/1342 (дата обращения: 19.11.2019).

[64] См.: *Марченко М.Н.* Указ. соч. С. 257.

[65] См.: URL: cyberpedia.su/8xc8e5.html (дата обращения: 19.11.2019)

[66] См.: *Марченко М.Н.* Источники права: учеб. пособие. М., 2011. С. 221.

[67] См.: *Дмитриев Ю.А.* Указ. соч. С. 295.

[68] См.: *Затонский В.А.* Указ. соч. С. 15.

[69] См.: там же.

[70] См.: *Манов Г.Н.* Признаки государства: новое прочтение // Политические проблемы теории государства / отв. ред. Н.Н. Деев. М., 1993. С. 43.

[71] См.: *Рассоха И.Н.* Указ. соч. С. 149, 150.

авторитаризм имеет свои характеристики. Кстати, последний трактуется автором как такая установленная или навязанная форма политической власти, политический режим, который концентрирует власть в руках одного человека или в одном органе власти, в результате чего снижается роль других органов или ветвей власти, и прежде всего умаляется роль представительных институтов[72]. Весьма четко проводит различие между этими двумя недемократическими режимами Р.Х. Кочесоков: «Авторитаризм большинства (или значительной части) населения воспринимается как нелегитимный режим, в то время как легитимность тоталитаризма большинством не оспаривается. Авторитаризм устанавливается вопреки мнению большинства, или по крайней мере без его поддержки и согласия; тоталитаризм же устанавливается при самом активном участии масс. Именно вследствие массовой поддержки тоталитаризм в научной литературе иногда правомерно называют "диктатурой массовых движений"»[73]. Рассуждая далее, автор полагает, что при авторитаризме государство и гражданское общество разделены, государство не очень интенсивно вмешивается в жизнь гражданского общества, хотя и держит его под жестким контролем; гражданское общество в определенной степени остается автономным, хотя и не способно оказывать серьезное воздействие на государство. При тоталитаризме начавшееся гражданское общество целенаправленно этатируется. Отмечается и то, что при авторитаризме политическая власть, предоставляя человеку определенную возможность самореализации в гражданском обществе, препятствует активной самостоятельной политической деятельности граждан, вследствие чего для авторитаризма характерен политический абсентизм. При тоталитаризме вследствие предельной политизации и идеологизации всей жизнедеятельности людей они не могут оставаться в стороне от политической жизни, да и сам политический режим перманентно пытается держать людей в состоянии политической напряженности. Политический абсентизм не только не приветствуется, как при авторитаризме, но и рассматривается как большое зло[74].

А.П. Бутенко, дифференцируя авторитаризм и тоталитаризм, обращает внимание на то, что при авторитаризме, власти «железной руки», между политическим лидером и народом существует непреодолимая дистанция: узурпатор и народ. Тоталитарный же вождь и народ – неразрывная органическая целостность. Тоталитарный вождь, как правило, – любимец толпы, масс. Культ вождя – характернейшая черта тоталитаризма[75].

Оценивая тоталитаризм, заметим, что его проявления могут одновременно носить как положительный, так и отрицательный характер, поэтому их довольно сложно оценивать только с одной стороны. Итак, при тоталитарном режиме государству предоставляется возможность не испытывать на себе в полной мере влияние иностранных государств. Негативный момент такой «закрытости» заключается в том, что граждане государства, не имея связей с иными государствами, не могут адекватно оценивать происходящие в стране события. В то же время этот аспект можно назвать положительным, ибо уменьшается вероятность формирования радикально настроенных групп населения, находящихся под влиянием государственных (государственно-правовых) режимов иных государств, проводить мероприятия, направленные на свержение установленного тоталитарного режима. Иными словами, «закрытость» государства не позволяет гражданам в полной мере оценить его политику, сравнить режим своего государства с режимами других государств и, как следствие, снижается число недовольных и стабилизируется порядок в обществе. Можно установить некоторые положительные последствия существования тоталитарного режима в социальной сфере: уравнительная система распределения материальных благ, предлагаемая тоталитарным режимом, есть главная предпосылка минимального расслоения общества[76]. Кроме того, следует учитывать, что доступность и широкое развитие таких благ, как бесплатная медицина, жилищное строительство, бесплатное образование и т.д., играет большую роль в развитии общества, но одновременно может привести к снижению стремления общества к своему развитию. В равной мере это касается строгой дисциплины тоталитарного режима, которая подразумевает под собой неукоснительное и своевременное соблюдение директив правящей партии. За счет установления дисциплины государства с тоталитарными режимами при складывающейся негативной ситуации во внутренней или внешней политике способны к максимальной концентрации средств и усилий для достижения поставленных задач. Тоталитарные государства, как правило, имеют цель развития наук, что связано с быстрыми темпами роста промышленности, высокими темпами индустриализации. Государство финансировало развитие науки, обеспечивая существенные «вливания» в ее развитие, что можно оценить как положительный момент тоталитарного режима. Однако, как отмечает М.Н. Марченко, «влияние тоталитарного

[72] См.: *Бутенко А.П.* Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // Соц. исследования. 1998. № 6. С. 31.

[73] *Кочесоков Р.Х.* Тоталитаризм: философско-политическое исследование: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 1992. С. 12, 13.

[74] См.: там же. С. 13, 14.

[75] См.: *Бутенко А.П.* Указ. соч. С. 32.

[76] См.: *Дегтева Д.И.* Указ. соч. С. 74.

государства, находящегося в процессе становления, на науку означало не только быстрое развитие и увеличение государственного финансирования, оно также означало меньшую "свободу"»[77]. Отсутствие свободы в научных исследованиях, когда ученые не могли заниматься тем научным направлением, которое представляло для них интерес, безусловно, необходимо рассматривать как недостаток режима. Говоря в целом, при исследовании вопроса о характере тоталитарного режима весьма вероятным будет определение его как более негативного, чем позитивного явления для развития государства и общества. Тоталитаризм фактически «диктует» обществу приемлемые варианты поведения через систему образования, средства массовой информации, нормы культуры, искусства и др. Поэтому с течением времени подавляющая масса граждан более не способна самостоятельно мыслить об экономической и социально-политической действительности. Кроме того, при тоталитаризме общество до крайности идеологизируется государством, что вполне объяснимо, поскольку через установление идеологической конструкции осуществлять государственный контроль становится проще. Здесь происходит слияние общества со специально выстроенной системой контроля и слежения за его членами, поскольку среди участников такой системы, кроме правоохранительных органов, могут быть и члены тоталитарного общества, производящие слежение и донос за иными гражданами.

Следует учитывать существенную роль в жизнедеятельности государства с тоталитарным государственным режимом, которую играет т.н. «железный занавес», т.е. закрытый характер деятельности государства, в т.ч. его изоляцию от любого проявления иностранного капитала. Наряду с другими проявлениями это предполагает недопущение свободных контактов с гражданами других государств или существенное ограничение такого сотрудничества.

5. Заключение. В заключение данной статьи можно сформулировать следующие выводы: 1) недемократические государственные режимы, основными из которых являются авторитарный и тоталитарный, не следует определять как антидемократические, ибо, во-первых, сама демократия небезупречна; во-вторых, нельзя относиться к ним негативно, ибо любой режим складывается как результат многих составляющих факторов и обусловливается социально-экономическими и культурными основами общества; 2) авторитарный государственный режим, характеризующийся тем, что государственная власть концентрируется в руках диктатора (правящей элиты), где игнорируется принцип разделения властей при усилении исполнительных органов, преобладают силовые методы государственного управления и т.д., имеет как слабые (полная зависимость государственной политики от позиции главы государства или группы высших руководителей, отсутствие институтов, защищающих население от произвола), так и сильные стороны (высокая способность обеспечить политическую стабильность и общественный порядок, мобилизовать общественные ресурсы на решение определенных задач, способность решать прогрессивные задачи, связанные с выводом страны из кризиса); 3) тоталитарный государственный режим, в основе которого лежат единая государственная идеология, насильственно навязанная всему обществу, методы физического, психического и идеологического насилия со стороны партийно-государственной машины, также может оцениваться как положительно (например, развитие науки, бесплатное образование), так и отрицательно (например, абсолютное доминирование исполнительной власти над законодательной, диктат первой, отвержение политического плюрализма). При этом весьма вероятно определение его как более негативного, чем позитивного явления для развития государства и общества.

[77] *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учеб. М., 2011. С. 403.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: учеб. М., 2006. С. 89.
2. *Абдулаев М.И., Комаров С.А.* Проблемы теории государства и права: учеб. СПб., 2003. С. 80.
3. *Аренд Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. М., 1996. С. 232.
4. *Бутенко А.П.* Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // Соц. исследования. 1998. № 6. С. 31, 32.
5. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права: учеб. М., 2007. С. 157.
6. *Ворожейкина Т.Е.* Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и различия // Вестник общественного мнения. 2009. № 4. С. 55.
7. *Воротников А.А., Хапаев А.А.* Вождистское государство как основная разновидность авторитаризма: постановка проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 1. С. 29–33.
8. *Голосов Г.В.* Сравнительная политология: учеб. Новосибирск, 1995. С. 51–62.
9. *Дегтева Д.И.* Авторитарный и тоталитарный политические режимы // Вестник МГОУ. Сер. «Экономика и право». 2012. № 3. С. 74, 76.
10. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007. С. 53, 54.

11. *Дмитриев Ю.А.* Форма государства и его конституционно-правовая основа // Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права: учеб. М., 2005. С. 291, 295.

12. *Жуков В.Н.* Тоталитаризм // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 725, 726.

13. *Завьялов Ю.С.* Тоталитаризм как разновидность политического режима // Государство и право. 2010. № 5. С. 80.

14. *Затонский В.А.* Демократический режим – оптимальная форма функционирования сильного государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 7. С. 14, 15.

15. *Ильин И.А.* От демократии к тоталитаризму // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 114.

16. *Кайтуков В.М.* Эволюция диктата: Опыты психофизиологии истории. М., 1992. С. 55.

17. *Кожевников В.В., Коженевский В.Б., Рыбаков В.А.* Теория государства и права: учеб. / отв. ред. В.В. Кожевников. М., 2017. С. 100.

18. *Кочесоков Р.Х.* Тоталитаризм: философско-политическое исследование: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 1992. С. 12–14.

19. *Коркунов Н.М.* История философия права (пособие к лекциям). СПб., 1896. С. 45.

20. *Кудрявцев Ю.А.* Политические режимы: классификация и основные виды // Правоведение. 2002. № 1. С. 202, 204.

21. *Лукьянов В.Ю.* Политология: учеб. пособие. СПб., 2007. С. 6.

22. *Лукьянова Е.А., Шаблинский И.Г.* Авторитаризм и демократия. М., 2018. С. 18, 19, 51, 75.

23. *Мажурина А.А.* Идеология тоталитарного общества: методология научного анализа // История государства и права. 2013. № 1. С. 37, 38.

24. *Манов Г.Н.* Признаки государства: новое прочтение // Политические проблемы теории государства / отв. ред. Н.Н. Деев. М., 1993. С. 43.

25. *Марченко М.Н.* Источники права: учеб. пособие. М., 2011. С. 221.

26. *Марченко М.Н.* Проблемы общей теории государства и права: учеб. в 2 т. М., 2007. Т. 1. Государство. С. 256, 257.

27. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учеб. М., 2011. С. 403.

28. *Назаренко П.А.* Демократия и тоталитаризм как виды политических режимов и их историческая перспектива в России // Демократия и тоталитаризм: проблемы противостояния (политические режимы в современном мире): материалы межвузов. науч.-практ. семинара, Санкт-Петербург, 15 ноября 1999 г. / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 1999. С. 43, 44.

29. *Наумова Н.* Переходный период: мировой опыт и наши проблемы // Коммунист. 1990. № 8. С. 11.

30. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1984. С. 698.

31. *Оксамытный В.В.* Теория государства и права: учеб. М., 2004. С. 279.

32. *Перевалов В.Д.* Теория государства и права: учеб. М., 2012. С. 311, 314.

33. *Петров В.С.* Теоретические проблемы сущности, содержания и формы государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1968. С. 28.

34. *Поздняков Э.А.* Философия политики: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 216.

35. Политология на российском фоне: учеб. пособие / рук. В.В. Рябов. М., 1993. С. 304.

36. *Протасов В.Н., Протасова Н.В.* Лекции по общей теории права и теории государства. М., 2010. С. 140, 141.

37. *Пьянов Н.А.* Консультации по теории государства и права: учеб. пособие. Иркутск, 2010. С. 127, 128.

38. *Рассказов Л.П.* Теория государства и права: учеб. М., 2008. С. 116.

39. *Рассоха И.Н.* Тезисы о тоталитаризме // Полис. 1995. № 2. С. 147–150.

40. *Ромашов Р.А., Сальников М.В.* Авторитарный политический режим: попытка объективной оценки // Демократия и тоталитаризм: проблемы противостояния (политические режимы в современном мире). СПб., 1999. С. 9.

41. *Сорокин В.В.* Теория государства и права переходного периода: учеб. Барнаул, 2007. С. 54.

42. *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права: учеб. М., 1995. С. 53, 54.

43. *Сумбатян Ю.Г.* Тоталитаризм как категория политической социологии // Соц. исследования. 1994. № 1. С. 13, 14.

44. *Тирских М.Г.* Право в государствах с авторитарным политическим режимом // Сибирский юрид. вестник. 2011. № 3. С. 109, 110.

45. *Федоров В.А.* Эволюция авторитарных режимов на Востоке. М., 1992. С. 185.

46. Философский энциклопедический словарь. М., 2000. С. 458.

47. *Хайек Ф.* Дорога к рабству / пер. с англ. М., 2005. С. 145, 147.

48. *Харитонова О.Г.* Недемократические политические режимы // Политическая наука. 2012. № 3. С. 24.

49. *Чиркин В.Е.* Государствоведение: учеб. М., 1999. С. 195, 196.

50. *Чиркин В.Е.* Конституционное право зарубежных стран: учеб. М., 2007. С. 200–202.

51. *Шагиева Р.В.* Форма государства // Теория государства и права: учеб. / под ред. М.М. Рассолова. М., 2008. С. 101.

REFERENCES

1. *Abdulaev M.I.* Theory of state and law: textbook. M., 2006. P. 89 (in Russ.).

2. *Abdulaev M.I., Komarov S.A.* Problems of the theory of state and law: textbook. SPb., 2003. P. 80 (in Russ.).

3. *Arend Kh.* Sources of totalitarianism / transl. from English. M., 1996. P. 232 (in Russ.).

4. *Butenko A.P.* Sociological questions of history and theory of totalitarianism // Sociological research. 1998. No. 6. P. 31, 32 (in Russ.).

5. *Vengerov A.B.* Theory of state and law: textbook. M., 2007. P. 157 (in Russ.).

6. *Vorozheikina T.E.* Authoritarian regimes of the twentieth century and modern Russia: similarities and differences // Herald of Public Opinion. 2009. No. 4. P. 55 (in Russ.).

7. *Vorotnikov A.A., Khapaev A.A.* The leader state as the main variety of authoritarianism: setting the problem // Legal policy and legal life. 2011. No. 1. P. 29–33 (in Russ.).

8. *Golos G.V.* Comparative Political Science: textbook. Novosibirsk, 1995. P. 51–62 (in Russ.).

9. *Degteva D.I.* Authoritarian and totalitarian political regimes // Herald of the Moscow state University. Ser. "Economics and Law". 2012. No. 3. P. 74, 76 (in Russ.).

10. *Deleuze J., Guattari F.* Anti-Oedipus. Capitalism and schizophrenia. Yekaterinburg, 2007. P. 53, 54 (in Russ.).

11. *Dmitriev Yu. A.* Form of the state and its constitutional and legal basis // *Golovistikova A.N., Dmitriev Yu. A.* Problems of the theory of state and law: textbook. M., 2005. P. 291, 295 (in Russ.).

12. *Zhukov V.N.* Totalitarianism // Zhukov V.N. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 725, 726 (in Russ.).

13. *Zavyalov Yu. S.* Totalitarianism as a kind of political regime // State and Law. 2010. No. 5. P. 80 (in Russ.).

14. *Zatonsky V.A.* The democratic regime – the optimal form of functioning of a strong state // State power and local self-government. 2009. No. 7. P. 14, 15 (in Russ.).

15. *Ilyin I.A.* From democracy to totalitarianism // Ilyin I.A. Collected works: in 10 vols. M., 1993. Vol. 2. Book 1. P. 114 (in Russ.).

16. *Kaitukov V.M.* Evolution of dictatorship: the Experiences of psychophysiology history. M., 1992. P. 55 (in Russ.).

17. *Kozhevnikov V.V., Kozenevsky B.V., Rybakov V.A.* Theory of state and law: textbook / ed. by V.V. Kozhevnikov. M., 2017. P. 100 (in Russ.).

18. *Kochesokov R.H.* Totalitarianism: philosophical and political research: dis. ... Doctor philos. sciences. Rostov n/D., 1992. P. 12–14 (in Russ.).

19. *Korkunov N.M.* History of the Philosophy of Law (manual for lectures). SPb., 1896. P. 45 (in Russ.).

20. *Kudryavtsev Yu. A.* Political regimes: classification and main types // Jurisprudence. 2002. No. 1. P. 202, 204 (in Russ.).

21. *Lukyanov V. Yu.* Political Science: textbook. SPb., 2007. P. 6 (in Russ.).

22. *Lukyanova E.A., Shablinsky I.G.* Authoritarianism and Democracy. M., 2018. P. 18, 19, 51, 75 (in Russ.).

23. *Mazhurina A.A.* Ideology of totalitarian society: methodology of scientific analysis // History of the state and law. 2013. No. 1. P. 37, 38 (in Russ.).

24. *Manov G.N.* Signs of the state: a new reading // Political problems of the theory of the state / ed. by N.N. Deev. M., 1993. P. 43 (in Russ.).

25. *Marchenko M.N.* Sources of law: textbook. M., 2011. P. 221 (in Russ.).

26. *Marchenko M.N.* Problems of the General theory of state and law: textbook: in 2 vols. M., 2007. Vol. 1. State. P. 256, 257 (in Russ.).

27. *Marchenko M.N.* Theory of state and law: textbook. M., 2011. P. 403 (in Russ.).

28. *Nazarenko P.A.* Democracy and totalitarianism as types of political regimes and their historical perspective in Russia // Democracy and totalitarianism: problems of confrontation (political regimes in the modern world): materials of intercollegiate schools. scientific-practical. workshop. St. Petersburg, November 15, 1999 / ed. by V.P. Salnikov. SPb., 1999. P. 43, 44 (in Russ.).

29. *Naumova N.* Transition: experience the world and our problems // Communist. 1990. No. 8. P. 11 (in Russ.).

30. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. M., 1984. P. 698 (in Russ.).

31. *Oksamitny V.V.* Theory of state and law: textbook. M., 2004. P. 279 (in Russ.).

32. *Perevalov V.D.* Theory of state and law: textbook. M., 2012. P. 311, 314 (in Russ.).

33. *Petrov V.S.* Theoretical problems of the essence, content and form of the state: abstract ... Doctor of Law. L., 1968. P. 28 (in Russ.).

34. *Pozdnyakov E.A.* Philosophy of Politics: in 2 vols. M., 1994. Vol. 1. P. 216 (in Russ.).

35. Political science on the Russian background: textbook / owner. V.V. Ryabov. M., 1993. P. 304 (in Russ.).

36. *Protasov V.N., Protasova N.V.* Lectures on the General theory of law and theory of state. M., 2010. P. 140, 141 (in Russ.).

37. *Pyanov N.A.* Consultation on the theory of state and law: textbook. Irkutsk, 2010. P. 127, 128 (in Russ.).

38. *Rasskazov L.P.* Theory of state and law: textbook. M., 2008. P. 116 (in Russ.).

39. *Rassokha I.N.* Theory of state and law // Polis. 1995. No. 2. P. 147–150 (in Russ.).

40. *Romashov R.A., Salnikov M.V.* Authoritarian political regime: an attempt at an objective assessment // Democracy and totalitarianism: problems of confrontation (political regimes in the modern world). SPb., 1999. P. 9 (in Russ.).

41. *Sorokin V.V.* Theory of State and law of the transition period: textbook. Barnaul, 2007. P. 54 (in Russ.).

42. *Spiridonov L.I.* Theory of state and law: textbook. M., 1995. P. 53, 54 (in Russ.).

43. *Sumbatyan Yu.G.* Totalitarianism as a category of political sociology // Sociological research. 1994. No. 1. P. 13, 14 (in Russ.).

44. *Tirskikh M.G.* Law in states with an authoritarian political regime // Siberian legal herald. 2011. No. 3. P. 109, 110 (in Russ.).

45. *Fedorov V.A.* Evolution of authoritarian regimes in the East. M., 1992. P. 185 (in Russ.).

46. Philosophical Encyclopedia. M., 2000. P. 458 (in Russ.).

47. *Hayek F.* The road to slavery / transl. from English M., 2005. P. 145, 147 (in Russ.).

48. *Kharitonova O.G.* Undemocratic political regimes // Political Science. 2012. No. 3. P. 24 (in Russ.).

49. *Chirkin V.E.* State Studies: textbook. M., 1999. P. 195, 196 (in Russ.).

50. *Chirkin V.E.* Constitutional Law of foreign countries: textbook. M., 2007. P. 200–202 (in Russ.).

51. *Shagieva R.V.* Form of the state // Theory of state and law: textbook / ed. by M.M. Rassolov. M., 2008. P. 101 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОЖЕВНИКОВ Владимир Валентинович –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права Омского государственного
университета им. Ф.М. Достоевского;
644077 г. Омск, пр-т Мира, д. 55а

Authors' information

KOZHEVNIKOV Vladimir V. –
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of theory and history of state and law,
Dostoevsky Omsk state University;
55a Mira ave., 644077 Omsk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 50–58
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 50–58

«КОНСЕНСУСНОЕ ПРАВОСУДИЕ» ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: НОВАЦИИ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ

© 2021 г. О. И. Семыкина

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

E-mail: semykola@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.10.2020 г.

Аннотация. В статье анонсируются векторы адаптации механизмов частноправового регулирования в уголовном и уголовно-процессуальном праве. В рамках компаративного подхода выдвигается к обсуждению тезис о формировании в юрисдикциях государств – участников СНГ новой модели отправления правосудия по уголовным делам, нацеленной на достижение «консенсуса» между субъектами публичных правоотношений – стороной защиты и обвинения – о «цене» преступления и о приобретаемой «выгоде» от последствий при «уплате» таковой для конкретной стороны. Эта модель урегулирования конфликта, обладая высокой для уголовного права и уголовного процесса диспозитивной природой, позволяет государству (в лице процессуальных органов, ведущих уголовный процесс) в обмен на скорейшее достижение целей правосудия и процессуальную экономию «предложить» «фигуранту» уголовного дела (подозреваемому, обвиняемому и порой подсудимому) определенные преимущества. Автор полагает возможным приложить к модели, в рамках которой заключаются, обсуждаются и исполняются «договоры» частноправового характера, определение «консенсусное правосудие». При подаче материала не преследовалась цель освещения подходов к соответствующим преобразованиям во всех без исключения юрисдикциях государств – членах интеграционного объединения СНГ. Автор ограничил предмет данного анализа новационными во времени и пространстве механизмами регламентации «консенсусного правосудия», к апробации которых уже обратилось уголовное и (или) уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, Кыргызской Республики, республик: Беларусь, Казахстан, Молдова и Узбекистан. Аккумулированные в статье положения и выводы отражают авторскую позицию, они не бесспорны и могут вызвать дискуссию.

Ключевые слова: «консенсусное правосудие», уголовное право, уголовно-процессуальное право, договор, соглашение, примирение сторон, сделка с правосудием, досудебное соглашение о сотрудничестве, субъекты предпринимательства, компаративистика.

Цитирование: *Семыкина О.И.* «Консенсусное правосудие» по уголовным делам: новации государств – участников СНГ // Государство и право. 2021. № 8. С. 50–58.

DOI: 10.31857/S102694520012403-4

"CONSENSUS JUSTICE" IN CRIMINAL CASES: INNOVATIONS OF THE MEMBER NATIONS OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

© 2021 O. I. Semykina

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow

E-mail: semykola@yandex.ru

Received 27.10.2020

Abstract. The article announces the vectors of adaptation of mechanisms of private law regulation in Criminal and criminal procedure Law. Within the framework of a comparative approach, the thesis is put forward for discussion on the formation in the jurisdictions of the Member Nations of the Commonwealth of Independent States of a new model of the administration of justice in criminal cases, aimed at reaching a "consensus" between the subjects of public law relations – the defense and prosecution sides – on the "cost" of the crime and the resulting " benefit "from the consequences of "paying" such for a particular party. This model of regulation the conflict, which has a high dispositiveness for Criminal Law and criminal procedure, allows the state (represented by the bodies conducting the criminal process) in exchange for the speedy achievement of the goals of justice and procedural economy, to "propose to the "defendant" of the criminal case (suspect, accused and sometimes defendant) certain advantages. The author considers it possible to apply the definition of "consensus justice" to the model within which "contracts" of a private law nature are concluded, discussed and executed. When submitting the material, the aim was not to highlight the approaches to the corresponding transformations in all, without exception, the jurisdictions of the countries participating in the Commonwealth of Independent States integration association. The author limited the subject of comparative analysis to innovative in time and space mechanisms for regulating "consensus justice", the approbation of which is already provided for by the criminal and (or) criminal procedure legislation of the Russian Federation, the Kyrgyz Republic, the Republic of Belarus, Kazakhstan, Moldova and Uzbekistan. The provisions and conclusions accumulated in the article reflect the position of the author, they are not indisputable and can cause discussion.

Key words: "consensus justice", Criminal Law, criminal procedural law, contract, agreement, concliation, "plea bargaining", pre-trial cooperation agreement, business persons, Comparative Law.

For citation: *Semykina, O.I. (2021).* "Consensus justice" in criminal cases: innovations of the Member Nations of the Commonwealth of Independent States // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 50–58.

Позитивное воздействие на развитие уголовного и уголовного процессуального права государств – участников СНГ оказало расширение подходов к заимствованию диспозитивных методов частного права, характерных для института «договора» (*contract*). Приведенный тезис требует ответа как минимум на два вопроса: 1) возможно ли заимствование приведенных частноправовых институтов в столь консервативные отрасли права, обновление которых с большим трудом выходит из режима «ожидания перемен»[1]; 2) если такое заимствование имеет место, сохраняются ли границы отраслевой идентичности уголовного и уголовно-процессуального права?

Ответ на первый вопрос, на наш взгляд, весьма прост, поскольку заложен в нынешних реалиях. Как прозорливо отмечал С.Н. Братусь, «между отраслями права нет непроходимых граней, как нет их и между различными видами общественных отношений»[2]. Объективное развитие предмета правового регулирования неизбежно приводит к возникновению новых общественных отношений и порой даже к появлению новых отраслей права[3].

Право, будучи консервативнее регулируемых им отношений, имеет тенденцию приспособления к тем новациям, которые формируются в постоянную систему и, таким образом, нуждаются в правовом оформлении. Возможны два способа совершенствования правового регулирования: адаптация действующих регуляторных механизмов к новым отношениям либо создание новых, специальных норм, регулирующих общественные преобразования. Обойтись лишь незначительной ревизией действующей системы уголовно-правовых норм с учетом тех или иных новаций в общественной жизни вряд ли удастся[4]. Разрастающиеся масштабы глобализации общественных процессов будут продолжать ставить новые задачи перед правом, в системе отраслей которого уголовное и уголовно-процессуальное право не являются исключением.

Итак, один из возможных способов модернизации регулирования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений в Российской Федерации и иных государствах – участниках СНГ заключается в преобразовании уже действующих, ставших традиционными за долгие годы своего существования, механизмов разрешения конфликта. При описании этого способа «пальму» первенства в заимствовании диспозитивных начал институтов частного права следует отдать примирению с потерпевшим и гражданскому иску в уголовном судопроизводстве[5]. Но подчеркнем, что из двух

[1] Подробнее см.: *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.

[2] *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М., 2005. С. 106, 107.

[3] См.: там же.

[4] См., напр.: *Нешатаева Т.Н.* Наднационализм: развитие внутреннего права ЕАЭС // Росс. правосудие. 2019. № 5. С. 38, 39; *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал росс. права. 2018. № 2. С. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1

[5] Подробнее см.: Правовая защита потерпевших в зарубежных странах / отв. ред. С.П. Кубанцев. М., 2017. С. 208–216, 297–300.

названных проявлений частно-искового характера уголовного судопроизводства обязательные договорные элементы с их формальным оформлением присущи лишь одному из них – примирению с потерпевшим. Являясь своеобразным, публичным аналогом «договора», именно эта форма урегулирования конфликта предполагает достижение взаимности. Сторона защиты (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый) соглашается загладить причиненный преступлением ущерб (возместить вред) и признать вину. В обмен на эти условия сторона обвинения (пострадавший (жертва), потерпевший) не возражает против освобождения лица от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования в отношении его.

Однако, если говорить о подходах УК РФ (ст. 76)[6] и УПК РФ (ч. 2 ст. 20)[7], в этом «договоре» имеется один специфический нюанс – подобные условия могут применяться лишь в отношении определенной уголовно-процессуальным законодательством категории уголовных дел, возбуждаемых в частном порядке. С одной стороны, с точки зрения гражданского права наличие такого нюанса не удивительно, поскольку специальные условия могут оговариваться в различных видах договоров (купли-продажи, аренды, поставки и др.). С другой – именно характер и тяжесть совершенного преступления, обладающего сугубо частной направленностью, сохраняет границы отраслевой идентичности уголовного и уголовно-процессуального права, не позволяет институту примирения сторон вторгаться в сферу публичных интересов и тем самым презюмировать для субъекта преступления легкий способ избежать уголовного преследования.

Возможно, с точки зрения действующих редакций ст. 76 УК РФ и ч. 2 ст. 20 УПК РФ подобные суждения логичны и обоснованы. Подобное видение ситуации, на наш взгляд, вскрывает тенденцию поэтапного сужения подхода законодателя к практическому применению этого института. Современное ограничение условий соглашения о примирении лишь тремя единично возможными статьями Уголовного кодекса РФ, при вменении которых такой механизм допустим, не исключает перспективу вытеснения этого института иными регуляторами частноправового характера. Иной, более широкий подход к определению видового (количественного) состава статей Уголовного кодекса, относимых к делам частного обвинения, выявляется при обращении к уголовно-правовому и (или) уголовно-процессуальному регулированию института примирения в других государствах – участниках СНГ, близких к нам по правовой традиции. В качестве примера можно акцентировать внимание на регламентации этого института в УК и УПК Кыргызской Республики[8], Республики Казахстан[9] и Молдовы[10].

Более сложно ответить на второй вопрос и обозначить границы отраслевой идентичности уголовного и уголовно-процессуального права, их публичности и непреложной репрессивности мер, изначально заложенных в юридической природе общественных отношений, развивающихся по императивной схеме «государство (в лице процессуальных органов, ведущих уголовный процесс) → субъект преступления (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый)». Особую остроту этому вопросу придают новации в уголовном и уголовно-процессуальном праве государств – участников СНГ, в результате которых создаются специальные, прежде не характерные для публичного права, нормы, регулирующие общественные трансформации. С одной стороны, имплементируя договорные механизмы в эти отрасли публичного права, мы не можем отвергнуть, а порой и преодолеть формулу охранительного права «государство → субъект преступления». Как точно отметила Э.Л. Сидоренко, в этой формуле заключено основное «зерно» публично-правового регулирования – «обезличивание охраняемых прав и свобод и обеспечение их охраны на основе принципа уравнивающей справедливости»[11]. По сути, приведенная формула характеризует своеобразную уступку права требования восстановления социальной справедливости (наказания субъекта преступления) от частного лица (потерпевшего) к публичному (государству). Иными словами, обладатель прав (потерпевший) «делегирует их защиту государству, а сам либо исключается из числа субъектов уголовно-правовых отношений, либо приобретает статус пассивного наблюдателя»[12].

---

[6] См.: СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[7] См.: СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

[8] См.: УК Кыргызской Республики от 02.02.2017 г. № 19. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527); п. 42 ст. 5, ч. 2 и 3 ст. 23, ст. 499–501 УПК Кыргызской Республики от 02.02.2017 г. № 20. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530

[9] См.: ст. 68 УК Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V ЗРК. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226; ч. 2 и 3 ст. 32 УПК Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V ЗРК. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231

[10] См.: ст. 109 УК Республики Молдова от 18.04.2002 г. № 985. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=120900&lang=ru); ч. (1), (5) и (6) ст. 276 УПК Республики Молдова от 14.03.2003 г. № 122. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=121208&lang=ru

[11] *Сидоренко Э.Л.* Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. М., 2013. С. 199.

[12] Там же.

С другой стороны, проведенный компаративный обзор уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и иных государств – участников СНГ позволяет заключить о преодолении (хотя и по строго определенным категориям уголовных дел) «однобокости» формулы «государство → субъект преступления» путем имплементации в публичную сферу альтернативных механизмов урегулирования конфликтов, присущих институтам частного права. Как следствие, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения выстраиваются в ином, основанном на взаимных условиях, соотношении «государство → субъект преступления». В данной ситуации прежде всего следует вести речь о заключении «договоров» по уголовным делам как одном из альтернативных способов достижения целей уголовного судопроизводства, включая деятельность суда по отправлению правосудия. «Договорной» способ урегулирования уголовно-правового конфликта есть важный элемент процессуальной экономии, состоящий в ускорении уголовного судопроизводства и сокращении нагрузки на правосудие[13].

При адаптации механизмов частноправового регулирования, свойственных институту «договора» в уголовном и уголовно-процессуальном праве с учетом соблюдения публичности, высокой императивности и консервативности, в юрисдикциях государств – участников СНГ образовалась новая модель отправления правосудия по уголовным делам. На наш взгляд, к такой модели, в рамках которой заключаются, обсуждаются и исполняются договоры и соглашения частноправового характера, можно приложить определение «консенсусного правосудия»[14] (в широком понимании правосудия как деятельности органов, ведущих уголовный процесс, включая суд[15]). Эта модель, обладая высокой для уголовного права и уголовного процесса диспозитивной природой, позволяет государству (в лице процессуальных органов, ведущих уголовный процесс) в обмен на скорейшее достижение целей правосудия и процессуальную экономию «предложить» «фигуранту» уголовного дела (подозреваемому, обвиняемому и, порой, подсудимому) множество преимуществ.

«Договор» как способ преодоления уголовно-правового конфликта возможен при достижении консенсуса между субъектами публичных правоотношений – стороной защиты и обвинения – о «цене» преступления и о приобретаемой «выгоде» от последствий при «уплате» таковой для конкретной стороны. Сторона обвинения (государство в лице процессуальных органов, ведущих уголовный процесс) предлагает стороне защите (подозреваемому, обвиняемому) определенную «цену» – условия, выгодные для достижения целей уголовного судопроизводства в разумные сроки. Как правило, такие условия заключаются в уступке государства от применения наиболее строгих санкций в обмен на содействие правосудию и скорейшее разрешение уголовно-правового конфликта. Сторона защиты либо принимает такие условия (если получаемые «льготы» от уступки со стороны обвинения оправдывают предложенную «цену»), либо отказывается от них (например, в силу их малозначительности). Инициатором подобного «договора» в уголовном судопроизводстве может выступать как сторона обвинения, так и сторона защиты. Но скорее важно иное обстоятельство – достижение при заключении «договора» консенсуса. Казалось бы, в уголовное и уголовно-процессуальное право имплементирован полный аналог института «договора» в гражданском праве. Но именно здесь мы сталкиваемся с превалированием отраслевой идентичности – в уголовных и уголовно-процессуальных отношениях «диктатором» условий договора (путем их формулирования в нормах Уголовного или Уголовно-процессуального кодексов), равно как и субъектом, в компетенцию которого входит исключительное право юридического признания «договора», является только сторона обвинения (государство).

В этой части несомненный интерес представляет компаративный обзор интерпретации в национальных юрисдикциях Российской Федерации и других государств – участников СНГ такого вида «договора», как процессуальное соглашение в уголовном судопроизводстве. Прежде чем приступить к реализации поставленной задачи, обозначим несколько существенных оговорок. «Договоры» в уголовном процессе, широко практикуясь в странах общей системы права, прежде всего на «родине» их «рождения» – в США, в науке и практике уголовного процесса обосновались под названием «сделок с правосудием»[16]. Главная их цель заключается в стремлении сторон уголовного процесса

[13] См. также: Договор как общеправовая ценность / В.Р. Авхадеев, В.С. Асташова, Л.В. Андриченко и др. М., 2018. С. 357–364, 370–380.

[14] Идея данного определения заимствована из публикации: *Ковлер А.И.* Европейское Сообщество: институты «консенсусной демократии» // Европейская интеграция: правовые проблемы. М., 1992. С. 66–80; *Авакьян С.А., Ковлер А.И., Кененова И.П. и др.* Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы / отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Авакьян. М., 2016.

[15] См., напр.: *Семыкина О.И.* К вопросу о конституционной категории «правосудие» в уголовном праве // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: сб. материалов Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 30–31 октября 2009 г. / сост. К.Б. Калиновский. СПб., 2010. С. 279–283.

[16] Подробнее см.: *Семыкина О.И.* «Сделка с правосудием» в уголовном судопроизводстве США и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 6 (25). С. 146–153; Договор как общеправовая ценность / В.Р. Авхадеев, В.С. Асташова, Л.В. Андриченко и др. С. 364–367.

получить некоторые «выгоды». Для стороны обвинения такие «выгоды» сводятся к упрощению уголовного судопроизводства. Сторона защиты получает «льготные» основания уголовной ответственности или смягчение наказания. Налицо влияние комбинации состязательной и обвинительной систем уголовного судопроизводства на правовое поле государства. Именно такой юридической природой обладает один из видов «сделки с правосудием» – «сделка о признании вины», сформированная в США во второй половине XIX в. и мало подвергшаяся изменениям. Обсуждение и заключение такой «сделки» есть проявление частно-искового характера американского судопроизводства[17].

Однако, даже принимая во внимание явное сходство концептуальной идеи, позволим предположить, что рассмотрение термина «сделка с правосудием» как «эталона» или «кальки» для определения юридической природы процессуальных соглашений, приемлемых для уголовного судопроизводства ряда зарубежных государств, особенно принадлежащих к другой правовой семье, не всегда оправданно. Так, для процессуальных соглашений в уголовном процессе некоторых стран континентальной системы права, в частности Российской Федерации, свойственно куда больше различий, нежели сходств с «классической» американской моделью «сделки с правосудием» (далее – *"plea bargaining"*). Столь прогрессивный «договорной» механизм упрощения процедуры разрешения конфликта в уголовном и уголовно-процессуальном праве Российской Федерации носит «кластерный характер»[18]. Зачастую он воспроизводит лишь общую, поверхностную оболочку "*plea bargaining*". Например, по своей направленности введенный в УПК РФ институт досудебного соглашения о сотрудничестве совпадает лишь по двум аспектам: 1) скорейшего урегулирования конфликта между сторонами и, как следствие, исключения стадии судебного разбирательства; 2) обязательного участия в процедуре прокурора и защитника (и, к слову, исключением из нее потерпевшего). В другой, гораздо большей степени юридическая сущность института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе не совпадает с пониманием "*plea bargaining*". Ключевое, на наш взгляд, различие видится не столько в формулировках самих дефиниций и даже не в категориях (видах) преступлений, по которым такие соглашения допустимы, а в объеме «выгод», предоставляемых подозреваемому (обвиняемому) в результате заключения соответствующих соглашений[19].

Иная ситуация, более приближенная к «классической» модели "*plea bargaining*" и их высокой степени частноправовой направленности, складывается в уголовно-процессуальном законодательстве других государств – участников СНГ. «Пионером» во внедрении в национальное уголовно-процессуальное законодательство института «сдельного» правосудия является Республика Молдова. В этом государстве регламентация производства по соглашению о признании вины производилась с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса – с 14 марта 2003 г. Во многом нормы УПК Молдовы (ст. 504–509) тяготеют к традициям общего права. Например, непосредственный интерес представляет дифференциация условий инициирования и заключения соглашения о признании вины, включая обязательное письменное заявление защитника с фиксацией процедуры обсуждения с подзащитным соглашения, а также включение в письменную форму соглашения поставленных вопросов (конфиденциально обсуждаемых с защитником), ответы на которые подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) должен дать собственноручно. Одной из особенностей заключения соглашения о признании вины и его рассмотрения в судебной инстанции является обязательное предупреждение лица, с которым такое соглашение заключается, об уголовной ответственности за дачу ложных показаний в инкриминируемом преступлении. Опыт упрощения уголовного судопроизводства при заключении процессуальных соглашений, назначения более мягкого наказания при их заключении и освобождения от ответственности при выполнении всех условий такого соглашения был внедрен в уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан (с 1 января 2015 г.) и Кыргызской Республики (с 1 января 2019 г.). Так, по сравнению с положениями гл. 40^1 УПК РФ УПК Республики Казахстан (ст. 612–629) более конкретно формулирует понятие соглашения о сотрудничестве и порядок согласительного уголовного судопроизводства. Согласно ст. 612 УПК Республики Казахстан такое соглашение допустимо по всем категориям преступлений при способствовании раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений. Напротив, УПК Кыргызской Республики не допускает возможность заключения процессуального соглашения о сотрудничестве по

[17] Подробнее см.: *Бернам У.* Правовая система США. Вып. 3 / науч. ред. В.А. Власихин. М., 2006. С. 450, 459.

[18] Юридический конфликт / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2017. С. 191–198.

[19] Подробнее см.: *Семыкина О.И.* «Сделка с правосудием» в уголовном судопроизводстве США и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ. С. 146–153.

любым категориям преступлений, а строго ограничивает их количественный состав 18-ю статьями Уголовного кодекса, среди которых торговля людьми, разбой, вымогательство, акт терроризма и др. (ст. 492–498).

В рамках «консенсусного правосудия» государство может предложить и такие условия, принимая которые подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) вправе рассчитывать на не применение меры пресечения в виде заключения под стражу, меньший по строгости вид и размер наказания либо даже на выведение из сферы правосудия. Здесь мы не можем обойти вниманием еще один аспект. Внедрение «консенсусного правосудия» архиактуально по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности. Субъекты предпринимательства часто не в состоянии до конца спланировать риски в экономических отношениях, «застраховать» все непредвиденные обстоятельства в договоре и обеспечить их возможными гражданско-правовыми санкциями. Как следствие, многие «неконтрактные» сделки оказываются в поле зрения правоохранительных органов. Полагаем, что данная ситуация не приемлема для охранительной сферы правового регулирования. Именно «профессиональная роль» недобросовестных субъектов предпринимательства, попирающая принцип свободы предпринимательской деятельной, требует полноценной реакции уголовного законодательства с соразмерными санкциями и правовыми последствиями. Напротив, добросовестные субъекты предпринимательства, строящие бизнес на принципе добропорядочности, их права и законные интересы должны «выводиться» из сферы правосудия по уголовным делам и даже при условии возникновения в их отношении риска репрессивных мер государственного принуждения наделяться «иммунитетом» от необоснованного уголовного преследования.

На наш взгляд, с компаративной точки зрения научно-практический интерес в реализации этого тренда уголовной политики (особенно с позиции его своевременности для Российской Федерации[20]) представляют модели трансформации правосудия по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности в национальном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве государств – участников СНГ. Тенденция к внедрению «консенсусного правосудия» по уголовным делам путем сокращения практики применения чисто наказательных санкций к субъектам предпринимательства и внедрения механизма процессуальных соглашений проявляет «цикличный» характер, адаптируясь в юрисдикциях многих государств – участников этого интеграционного объединения на евразийском пространстве. Например, центробежная сила «консенсусных» новаций, где во главу угла поставлено отступление от репрессивного подхода обновила и дополнила многие «традиционные» институты уголовного и уголовно-процессуального права Российской Федерации, Кыргызской Республики, Республик Беларусь, Казахстан и Узбекистан[21].

В Общей части УК это коснулось прежде всего включения в институт освобождения от уголовной ответственности и наказания обязательств компенсационно-восстановительной направленности, при выполнении которых нивелируются негативные для субъекта правовые последствия реального осуждения (например, вследствие неприменения наказания в виде лишения свободы либо запрета заниматься определенным видом экономической деятельности). В Особенной части УК – акцент пришелся на расширение в уголовных законах специальных, «привилегированных» оснований освобождения от ответственности за отдельные виды преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Но активация таких оснований в рамках правосудия по уголовных делам возможна лишь при исполнении субъектом деяния важнейших «консенсусных» условий, среди которых компенсация ущерба (вреда), причиненного преступлением, содействие правосудию и отсутствие иной преступной деятельности.

В уголовно-процессуальном законодательстве «заслон» на произвол должностных лиц, уполномоченных на ведение уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, сопряженных с предпринимательской деятельностью, коснулся не только возбуждения уголовных дел и прекращения уголовного преследования, но и был включен в нормы о доследственных и досудебных проверках (ревизиях); доказывания по уголовным делам. Например, апробации подверглась «сквозная» для отраслей уголовного, уголовно-процессуального и налогового права модель «консенсусного правосудия», ориентированная на цель поддержки добросовестных субъектов предпринимательства, – освобождение от уголовной ответственности вследствие признания государством прав на имущество, выведенного из легального экономического оборота, на основании соблюдения процедуры его добровольного декларирования (легализации). Здесь, в частности, можно обозначить

[20] См., напр.: Послание Президента РФ от 01.03.2018 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902/page/4; Послание Президента РФ от 20.02.2019 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863

[21] Подробнее см.: Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. М., 2019. С. 126–128.

позитивный опыт Российской Федерации и Республики Казахстан.

* * *

В качестве краткого итога отметим несколько ключевых идей.

1. При заимствовании институтов частного права в публичные отрасли права, в нашем случае уголовное и уголовно-процессуальное, сохраняются границы их отраслевой идентичности. В целом, соглашаясь с реальностью расширения сферы диспозитивного метода правового регулирования, эти отрасли переходят в статус своеобразной «дрейфующей платформы», на которой периодически, под влиянием общественной трансформации, производится обновление регуляторных механизмов. И хотя порой такие новации обрекают практику оперировать «кластерными» образованиями, имеется и позитивный опыт. «Консенсусное правосудие» как яркий пример положительного результата многих попыток заимствования диспозитивных начал частного права предлагает «фигуранту» уголовного дела множество преимуществ от договорного порядка урегулирования уголовно-правового конфликта. В их числе право на «льготные» правовые последствия от привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания (заключить процессуальное соглашение и, как следствие, рассчитывать на более мягкий вид и размер наказания; возместить причиненный ущерб – освобождаться от уголовной ответственности) либо на обладание привилегиями («иммунитетом») в производстве по отдельным категориям уголовных дел (по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности – не подвергаться мере пресечения в виде заключения под стражу либо освобождаться от ответственности вследствие добровольного декларирования вывода доходов из национальной юрисдикции за рубеж).

2. В статье мы ограничились компаративным обзором заимствования института «договора». Вместе с тем «дрейфующая платформа» отраслей уголовного и уголовно-процессуального права нуждается в новых правовых регуляторах диспозитивной направленности и формах «консенсусного правосудия». Ведь роль судов в отправлении правосудия по уголовным делам не сводится лишь к вынесению приговоров, их основной вклад в разрешении споров заключается в обеспечении «бэкграунда», на базе которого урегулирование уголовно-правовых конфликтов происходит как в частном, так и в официальном порядке[22]. Уже сегодня уголовным и (или) уголовно-процессуальным законодательством некоторых государств – участников СНГ предлагаются диспозитивные варианты, характерные для других институтов частного права, например, обеспеченных правовой защитой «неформальных соглашений» (*pactum*[23]). Так, в некоторой аналогии с "*pactum compromissi*" находятся соглашения, ориентированные на использование нерепрессивных начал разрешения уголовно-правовых конфликтов посредством медиации. В данной части новаторство введения в публичные отрасли права обстоятельств освобождения от уголовной ответственности (применительно к уголовному праву) и прекращения в связи с этим уголовного преследования (относительно уголовно-процессуального права) принадлежит Республикам Казахстан[24], Кыргызстан[25] и Молдова[26].

3. В уголовно-процессуальном праве государств – участников СНГ также актуальна «судьба» еще одной тенденции – заимствования механизмов такого вида «неформального соглашения», как *"mandatum"*. Здесь несомненный интерес представляют механизмы прекращения уголовного преследования с освобождением от уголовной ответственности с установлением поручительства (ст. 69 УК Казахстана и ст. 36 УПК Казахстана). Например, в казахстанской юридической литературе[27] это основание отождествляется с согласительными формами освобождения от уголовной

---

[22] Подробнее см.: *Галантер М.* Правосудие в разных залах: суды, частное правовое регулирование и неформальное правосудие / пер. Е.С. Бормотова. Источник: *Galanter M.* 1981. Justice in Many Rooms: Courts, Privet Ordering, and indigenous Law. J. Legal Pluralism 196 1–47 // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов / науч. ред. Э.Л. Панеях; лит. ред. А.М. Кадникова. М., 2014. С. 396, 397.

[23] См.: *Новицкий И.Б.* Основы римского гражданского права. М., 2007.

[24] Подробнее см.: Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2017. С. 310–312.

[25] Подробнее см.: Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. С. 388–393.

[26] См. также: *Республика Казахстан:* ст. 1 Закона от 28.01.2011 г. № 401-IV «О медиации». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401; ст. 68 УК; п. 15 ч. 9 ст. 64, п. 8 ч. 6 ст. 71, ст. 85, п. 5 ч. 1, ч. 5 ст. 170 и др. УПК; *Кыргызская Республика:* ч. 2 ст. 1, ст. 26 Закона от 28.07.2017 г. № 161 «О медиации». URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111668; п. 18, 19 ст. 5, п. 24 ч. 4 ст. 41, п. 23 ч. 1 ст. 45, п. 14 ч. 1 ст. 47, ст. 62 и др. УПК; *Республика Молдова:* ст. 21, 22, 35–38 Закона от 03.07.2015 г. № 137 «О медиации». URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=110536&lang=ru; п. 24.1, 28 ч. (1) ст. 52, п. 14.1, 16.1 ч. (2) ст. 57, п. 12 ч. (3) ст. 58, п. 12.1 ч. (1) ст. 60, п. 18.1 ч. (1) ст. 62, п. 21.1 ч. (2) ст. 64, п. 29.1 ч. (2) ст. 66, п. 15.1 ч. (1) ст. 68, ч. 7 ст. 276, п. 1 (ч. 2) ст. 285, п. 5 ч. (1) ст. 287.1, ст. 344–1 и др. УПК.

[27] См., напр.: *Абидов Н.* Особенности применения ст. 69 УК Казахстана в уголовном судопроизводстве // Журнал «Заңгер» (Вестник права Республики Казахстан). 2016. № 11 (184). С. 70, 71.

ответственности, которые стимулируют лицо, совершившее уголовное правонарушение (проступок или преступление), к правомерному поведению и способствуют предупреждению рецидива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абидов Н.* Особенности применения ст. 69 УК Казахстана в уголовном судопроизводстве // Журнал «Заңгер» (Вестник права Республики Казахстан). 2016. № 11 (184). С. 70, 71.
2. *Авакьян С.А., Ковлер А.И., Кененова И.П. и др.* Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы / отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Авакьян. М., 2016.
3. *Бернам У.* Правовая система США. Вып. 3 / науч. ред. В.А. Власихин. М., 2006. С. 450, 459.
4. *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М., 2005. С. 106, 107.
5. *Галантер М.* Правосудие в разных залах: суды, частное правовое регулирование и неформальное правосудие / пер. Е.С. Бормотова. Источник: *Galanter M.* 1981. Justice in Many Rooms: Courts, Privet Ordering, and indigenous Law. J. Legal Pluralism 196 1–47 // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов / науч. ред. Э.Л. Панеях; лит. ред. А.М. Кадникова. М., 2014. С. 396, 397.
6. Договор как общеправовая ценность / В.Р. Авхадеев, В.С. Асташова, Л.В. Андриченко и др. М., 2018. С. 357–367, 370–380.
7. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
8. *Ковлер А.И.* Европейское Сообщество: институты «консенсусной демократии» // Европейская интеграция: правовые проблемы. М., 1992. С. 66–80.
9. *Нешатаева Т.Н.* Наднационализм: развитие внутреннего права ЕАЭС // Росс. правосудие. 2019. № 5. С. 38, 39.
10. *Новицкий И.Б.* Основы римского гражданского права. М., 2007.
11. Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. М., 2019. С. 126–128, 388–393.
12. Правовая защита потерпевших в зарубежных странах / отв. ред. С.П. Кубанцев. М., 2017. С. 208–216, 297–300.
13. Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2017. С. 310–312.
14. *Семыкина О.И.* К вопросу о конституционной категории «правосудие» в уголовном праве // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: сб. материалов Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 30–31 октября 2009 г. / сост. К.Б. Калиновский. СПб., 2010. С. 279–283.
15. *Семыкина О.И.* «Сделка с правосудием» в уголовном судопроизводстве США и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 6 (25). С. 146–153.
16. *Сидоренко Э.Л.* Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. М., 2013. С. 199.
17. *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал росс. права. 2018. № 2. С. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1
18. Юридический конфликт / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2017. С. 191–198.

REFERENCES

1. *Abidov N.* Features of the application of Article 69 of the Criminal Code of Kazakhstan in criminal proceedings // Journal “Zanger” (Bulletin of Law of the Republic of Kazakhstan). 2016. No. 11 (184). P. 70, 71 (in Russ.).
2. *Avakyan S.A., Kovler A.I., Kenenova I.P., etc.* Anticorruption: constitutional and legal approaches / ed. and the author’s hand. col. S.A. Avakyan. M., 2016 (in Russ.).
3. *Bernam U.* The US legal system. Issue 3 / scientific ed. V.A. Vlasikhin. M., 2006. P. 450, 459 (in Russ.).
4. *Bratus S.N.* The subject and system of Soviet Civil Law. M., 2005. P. 106, 107 (in Russ.).
5. *Galanter M.* Justice in different halls: courts, private legal regulation and informal justice / transl. E.S. Bormotova. Source: *Galanter M.* 1981. Justice in Many Rooms: Courts, Privet Ordering, and indigenous Law. J. Legal Pluralism 196 1–47 // Law and law enforcement in the mirror of social science: a reader of modern texts / scientific ed. by E.L. Paneyakh; lit. ed. by A.M. Kadnikova. M., 2014. P. 396, 397 (in Russ.).
6. The Treaty as a legal value / V.R. Avkhadiev, V.S. Astashova, L.V. Andrichenko, etc. M., 2018. P. 357–367, 370–380 (in Russ.).
7. *Zhalinsky A.E.* Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. 2nd ed., reprint. and additional. M., 2016 (in Russ.).
8. *Kovler A.I.* European Community: institutions of “consensus democracy” // European integration: legal problems. M., 1992. P. 66–80 (in Russ.).

9. *Neshataeva T.N.* Supranationalism: the development of the internal law of the EAEU // Russ. justice. 2019. No. 5. P. 38, 39 (in Russ.).

10. *Novitsky I.B.* Fundamentals of Roman Civil Law. M., 2007 (in Russ.).

11. New directions of development of the criminal legislation of foreign States: a comparative legal research / ed. N.A. Golovanova, S.P. Kubantsev. M., 2019. P. 126–128, 388–393 (in Russ.).

12. Legal protection of victims in foreign countries / ed. by S.P. Kubantsev. M., 2017. P. 208–216, 297–300 (in Russ.).

13. Justice in the modern world / ed. by V.M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva. 2nd ed., updated and rev. M., 2017. P. 310–312 (in Russ.).

14. *Semykina O.I.* On the question of the constitutional category "justice" in Criminal Law // Constitutional and legal problems of Criminal Law and process: collection of materials of the International Scientific Conference. St. Petersburg, October 30–31, 2009 / comp. K.B. Kalinovsky. SPb., 2010. P. 279–283 (in Russ.).

15. *Semykina O.I.* "Deal with justice" in criminal proceedings of the USA and the Russian Federation: comparative legal analysis // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2010. No. 6 (25). P. 146–153 (in Russ.).

16. *Sidorenko E.L.* Dispositive regime of criminal law regulation. M., 2013. P. 199 (in Russ.).

17. *Talapina E.V.* Law and digitalization: new challenges and prospects // Journal of Russ. law. 2018. No. 2. P. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1 (in Russ.).

18. Legal conflict / res. ed. Yu. A. Tikhomirov. M., 2017. P. 191–198 (in Russ.)

Сведения об авторе

СЕМЫКИНА Ольга Ивановна –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела зарубежного конституционного, административного, уголовного законодательства и международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;
117218 г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34

Authors' information

SEMYKINA Olga I. –
PhD in Law, senior researcher, Department of Foreign Constitutional, Administrative, Criminal Law and International Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., 117218 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 59–70
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 59–70

ХОЗЯЙСТВО, ТРУД, ПРАВО

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

© 2021 г. А. В. Ефимов

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

E-mail: av_efimov@inbox.ru

Поступила в редакцию 28.12.2020 г.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с несистемным, стихийным процессом формирования перечней организационно-правовых форм юридических лиц, что ставит под вопрос адекватность воздействия правовых регуляторов на экономику, затрудняет ознакомление инвесторов и иных заинтересованных лиц с особенностями юридических лиц в отдельных государствах, в т.ч. и в Российской Федерации, а также приводит к невозможности выдвижения научно обоснованных рекомендаций об увеличении или уменьшении количества организационно-правовых форм. В то же время доктринальное выделение критериев многообразия организационно-правовых форм осуществляется, как правило, абстрактно, не раскрываются характеристики критериев многообразия, что не позволяет осуществить общую систематизацию.
Проведенное исследование позволило выработать подход, согласно которому набор критериев многообразия организационно-правовых форм должен зависеть от структуры и состава органов управления юридического лица. Так, на основе идеи о том, что всем юридическим лицам присуща общая структура органов управления, была построена гибкая система организационно-правовых форм, математически учитывающая количество критериев многообразия организационно-правовых форм и количество характеристик критериев их многообразия.

Ключевые слова: организационно-правовая форма, юридическое лицо, органы управления юридического лица, систематизация, комбинаторный анализ, правовое положение.

Цитирование: *Ефимов А.В.* Систематизация организационно-правовых форм юридических лиц // Государство и право. 2021. № 8. С. 59–70.

DOI: 10.31857/S102694520013211-3

SYSTEMATIZATION OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF LEGAL ENTITIES

© 2021 A. V. Efimov

Russian state University of justice, Moscow

E-mail: av_efimov@inbox.ru

Received 28.12.2020

Аннотация. The article is devoted to the study of the problems of the non-systemic process of forming lists of organizational and legal forms of legal entities. This provision discredits the adequacy of the impact of the law on the economy, complicates the familiarization of investors and other interested persons with the peculiarities of legal entities in certain states, including Russian Federation, and also entails the impossibility of forming scientific recommendations on increasing or decreasing the number of organizational and legal forms. At the same time, theoretical studies of the criteria for the diversity of organizational and legal forms are carried out, as a rule, in a very abstract way, the characteristics of the criteria for diversity are not disclosed. In such conditions, the systematization of organizational and legal forms is difficult.

The article describes an approach according to which the set of criteria for the diversity of organizational and legal forms depends on the structure and composition of the governing bodies of a legal entity. So, based on the idea that all legal entities have a common structure of bodies, a flexible system of organizational and legal forms was created. This system allows mathematically taking into account the number of criteria for the diversity of organizational and legal forms and the number of characteristics of the criteria for their diversity.

Key words: organizational and legal form, legal entity, bodies of a legal entity, systematization, combinatorics, legal status.

For citation: *Efimov, A.V. (2021).* Systematization of organizational and legal forms of legal entities // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 59–70.

Экономические и иные социальные факторы в условиях глобализации обусловливают тенденцию унификации и гармонизации юридических форм ведения бизнеса в отдельных государствах, а также порождают проблему выработки общего подхода к описанию и типологии организационно-правовых форм юридических лиц (далее – ОПФ, ОПФ ЮЛ) (прежде всего коммерческих корпораций)[1]. При этом данная тенденция обнаруживается как на общемировом уровне, так и на уровне наднациональных образований (например, ЕС, ЕАЭС)[2]. Представляется, что в данном аспекте выработка общепризнанного подхода к закреплению ОПФ ЮЛ позволит инвесторам и иным заинтересованным лицам снизить трансакционные издержки в части ознакомления с юридическими лицами в различных государствах и повысить их экономическую активность.

Рассматривая ОПФ европейских корпораций, Е.А. Суханов пишет, что в основных западноевропейских правопорядках их перечень ограничен следующим набором: три вида неправосубъектных объединений лиц – простое, полное и коммандитное товарищества (общества); пять корпораций – акционерное общество, акционерная коммандита, общество с ограниченной ответственностью, кооператив и некоммерческое объединение (союз)[3]. Е.А. Суханов также обращает внимание на своеобразную унификацию и в отношении европейских унитарных юридических лиц, существующих в двух формах: учреждение и фонд[4]. Вместе с тем представленный классический набор ОПФ европейских юридических лиц не является уникальным.

Сближение национальных правопорядков в вопросе закрепления ОПФ позволяет обнаружить черты сходства между континентально-европейскими и англо-американскими юридическими лицами. Так, если в ФРГ юридические лица осуществляют бизнес либо в корпоративных формах, либо в форме партнерств (товариществ)[5], то традиционный набор бизнес-организаций США также состоит из партнерств (товариществ) и корпораций, хотя и допускается существование иных организаций (компании с ограниченной ответственностью, партнерства (товарищества) с ограниченной ответственностью), которые являются гибридами или разновидностями партнерств (товариществ) или корпораций[6]. Американские исследователи отмечают, что, например, партнерство (partnership) признано не только в США, но и в Австралии, Канаде, Кипре, Соединенном Королевстве, Индии, Израиле, Российской Федерации, ЮАР, Турции, Зимбабве и многих других государствах. Сходство с американскими корпорациями обнаруживается при исследовании публичных акционерных обществ в ФРГ (AG), поскольку их акции могут свободно обращаться, как и акции американских корпораций. Немецкое полное хозяйственное товарищество (OHG) и коммандитное хозяйственное товарищество (KG) представляют собой, по сути, то же самое, что и полное и ограниченное партнерства в США[7]. Признается, что одна из самых распространенных форм в мировом масштабе – общество с ограниченной ответственностью (GmbH и аналоги)[8]. Существование схожих ОПФ в различных государствах свидетельствует об их универсальности. Вместе с тем правопорядки оперируют

[1] См.: *Иншакова А.О.* Международное корпоративное право в глобализирующемся экономическом пространстве (эволюция и перспективы развития). Саратов; Волгоград, 2005. С. 74.

[2] См.: *Терновая О.А.* Основные тенденции развития зарубежного корпоративного законодательства. М., 2019. С. 38, 39, 165, 166.

[3] См.: *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 26.

[4] См.: там же. С. 28.

[5] См.: *Tremml B., Buecker B.* Recognized Forms of Business Organizations // Key Aspects of German Business Law / editors: M. Wendler, B. Tremml, B. Buecker. 4th ed. Berlin, Heidelberg, 2008. P. 7, 8.

[6] См.: *Balouziyeh John M.B.* A Legal Guide to United States Business Organizations. The Law of Partnerships, Corporations, and Limited Liability Companies. 2nd ed. Berlin, Heidelberg, 2013. P. 5.

[7] См.: Business Law: the Ethical, Global, and E-Commerce Environment / A.W. Langvardt [and others]. 17th ed. NY., 2019. P. 1035.

[8] См.: *Orts E.W.* Business Persons: A Legal Theory of the Firm. NY., 2015. P. 185, 186.

простыми перечнями ОПФ ЮЛ[9], которые никак не систематизированы.

Помимо универсальных ОПФ, отдельные правопорядки имеют собственную специфику. Д.В. Ломакин обращает внимание на «весьма существенные различия в корпоративном законодательстве развитых государств, обусловленные историей их развития, особенностями национального правопорядка»[10]. Е.А. Суханов пишет, что на увеличение классического набора ОПФ европейских юридических лиц влияют такие факторы, как: 1) исторически сложившиеся в качестве самостоятельных особые корпоративные формы, 2) создание специальных ОПФ на уровне ЕС, 3) введение дополнительных современных корпоративных форм[11]. При этом введение новых ОПФ, как правило, не сопровождается пересмотром уже существующих. Безусловно, специфические ОПФ, существование которых оправдывается историческими, традиционными, идеологическими причинами, влияют на общий перечень ОПФ, что значительно затрудняет процесс их общей систематизации.

В Российской Федерации наблюдается аналогичная ситуация, связанная с существованием как классических (например, хозяйственные товарищества и общества), так и специфических ОПФ. К числу последних можно отнести, например, унитарные предприятия, которые не являются собственниками. В Советской России наличие таких юридических лиц обосновывалось тем, что единственным носителем права государственной социалистической собственности могло быть только государство, в то время как отдельные части единого фонда государственной собственности могли передаваться предприятиям лишь в управление[12]. Тем самым по идеологическим причинам советская юридическая наука выработала особые ОПФ ЮЛ и соответствующие им права оперативного управления и хозяйственного ведения. Однако, несмотря на изменение идеологического фона, в Российской Федерации сохраняются ОПФ советской эпохи. Более того, под влиянием современных идеологических и политических мотивов появляются такие ОПФ, как казачьи общества, общины коренных малочисленных народов и т.д. (ст. 50, 65[1] ГК РФ).

Оценивая перечни ОПФ в Российской Федерации и в других государствах, О.Н. Дмитриев указывает на интуитивно-эмпирический метод их формирования. Он обоснованно пишет, что типология ОПФ ЮЛ далека от оптимальности, поскольку ее преобразования не проводятся на научной основе, а тем более, в основном осуществляется спорадически и эмпирически, в соответствии со спонтанно возникающими инициативами[13]. Тем самым процесс формирования перечней ОПФ характеризуется тем, что к существующим ОПФ стихийно добавляются новые (реже исключаются) без существенной переработки системы в целом, что приводит к их нагромождению.

В то же время в развитых правопорядках перечни ОПФ ЮЛ являются закрытыми; в силу принципа numerus clausus все ОПФ перечисляются в законодательстве. После реформы 2014 г. данный принцип закрытого перечня в полной мере получил закрепление в п. 2 ст. 48 ГК РФ. В научной литературе считается, что закрепление принципа numerus clausus является крупным достижением реформы[14]. Идея закрепления принципа numerus clausus обосновывается тем, что он «защищает контрагентов и мелких инвесторов, снимая с них издержки по анализу учредительных документов с целью определения структуры управления компанией, а также мелких инвесторов. Если бы можно было создавать любые уникальные формы юридических лиц, трансакционные издержки значительно бы выросли, так как при совершении любой трансакции пришлось бы тратить большие усилия на определение статуса того, с кем ты имеешь дело»[15]. Однако даже с учетом принципа numerus clausus законодательство и доктрина далеки от систематизации ОПФ.

При этом в юридической литературе предпринимаются попытки осмысления ОПФ в их системном единстве[16]. Однако А.А. Кузнецов пишет, что «российская “типология” организационно-правовых форм, очевидно, находится еще в зачаточном состоянии, поскольку отсутствуют сколько-нибудь понятные критерии в отношении того, каким образом разграничивать организационно-правовые формы (если эти критерии вообще нужно пытаться

---

[9] См.: List of legal entity types by country. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_legal_entity_types_by_country (дата обращения: 17.12.2020).

[10] *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 59.

[11] См.: *Суханов Е.А.* Указ. соч. С. 26, 27.

[12] См.: *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. М., Л., 1948. С. 324.

[13] См.: *Dmitriev O.N.* Conceptual idea to optimize institutional typological series of organization and legal forms of legal entities // Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9. No. 26. P. 433.

[14] См.: *Гутников О.В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве. М.; 2019. С. 84.

[15] *Карапетов А.Г.* Экономический анализ права. М., 2016. С. 236, 237.

[16] См.: *Шевченко Л.И.* Организационно-правовые формы юридических лиц и их правоспособность с учетом новелл Гражданского кодекса РФ // Современное право. 2018. № 5. С. 34–39; *Гутников О.В.* Оптимизация видов юридических лиц в соответствии с потребностями гражданского оборота // Журнал росс. права. 2011. № 1. С. 54–62.

сформулировать)»[17]. В ответ на некоторые сомнения А.А. Кузнецова по поводу необходимости выявления критериев разграничения и, соответственно, многообразия ОПФ, можно отметить, что без понимания таких критериев невозможно оценить влияние ОПФ на правовое положение юридического лица, невозможно научно обосновать необходимость увеличения или уменьшения количества ОПФ, наконец, проблематично оценить влияние права на экономическую деятельность юридических лиц через их ОПФ. При этом локальные исследования и локальная критика отдельных ОПФ не позволяют должным образом охарактеризовать в целом их систему.

В то же время выдвигаются суждения об избыточности ОПФ, причем как коммерческих юридических лиц[18], так и некоммерческих[19]. Представляется, что подобные предложения сталкиваются как минимум с двумя методологическими проблемами: 1) дескриптивные проблемы, связанные с отсутствием ясности в понимании критериев многообразия ОПФ (если отсутствует понимание того, от чего зависит количество ОПФ, то невозможно сказать много их или мало); 2) прескриптивные проблемы, связанные с произвольностью уменьшения или увеличения количества ОПФ (невозможность ориентирования в существующем количестве ОПФ влечет проблему произвольности рекомендаций по их должному количеству).

В контексте данных методологических проблем стоит согласиться с мнением О.В. Гутникова, что «отсутствует четкое понятие организационно-правовой формы юридического лица, что позволяет под видом конструирования новых организационно-правовых форм создавать самые фантастические организации под влиянием конъюнктурных соображений»[20]. Справедливым является и замечание В.А. Болдырева, что в рамках некоторых ОПФ существует деление юридических лиц на виды и типы (виды унитарных предприятий, типы учреждений), что фактически прикрывает наличие самостоятельных ОПФ[21]. Более того, бессистемный перечень ОПФ затрудняет процесс привязки определенных правовых последствий к тем или иным юридическим лицам или делает этот процесс произвольным.

В частности, российское законодательство исходит из того, что от ОПФ зависит в целом возможность индивидуального регулирования отношений по управлению юридическим лицом, поскольку ОПФ влияет на выбор и содержание учредительного документа (ст. 52 ГК РФ); от ОПФ поставлена в зависимость специфика ответственности юридического лица (ст. 56 ГК РФ) и возможность банкротства (ст. 65 ГК РФ)[22], от ОПФ зависит возможность получения статуса субъекта малого и среднего предпринимательства[23], правовой режим закупок[24] и т.д. Поскольку ОПФ не разграничены конкретными критериями, они имеют сомнительную связь с экономическими и иными социальными процессами. В итоге это приводит к необоснованному воздействию права на участников оборота, которые существуют в тех или иных ОПФ, и на экономику в целом.

Методологической основой систематизации ОПФ может быть такой способ формирования их перечня, при котором количество ОПФ будет поставлено в зависимость от определенного набора характеристик (свойств, признаков), разделяющих юридические лица на определенное количество в зависимости от наличия или их отсутствия[25]. Однако для определения характеристик, которые могут быть присущи юридическим лицам, необходимо выявить критерии, по которым они будут выделяться, и то, от чего зависит набор критериев.

Следует отметить, что предполагаемые критерии многообразия встречаются в литературе при определении понятия ОПФ. Так, в самом общем смысле отмечается, что «организационно-правовая форма есть совокупность характеристик, раскрывающих внутреннюю структуру организации, связи между ее отдельными элементами, основания

---

[17] *Кузнецов А.А.* Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М., 2017. С. 40.

[18] См.: Гражданское право: учеб: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М., 2019. Т. I. С. 239, 240.

[19] См.: *Суханов Е.А.* О систематике юридических лиц в современном российском праве // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М., 2019. С. 93.

[20] *Гутников О.В.* Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации о юридических лицах // Юридические лица в российском гражданском праве: в 3 т. / отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Синицын. М., 2020. Т. 1. Общие положения о юридических лицах. С. 145, 146.

[21] См.: *Болдырев В.А.* Конструкция юридического лица несобственника: опыт цивилистического исследования. М., 2012. С. 158.

[22] См.: *Долинская В.В.* Организационно-правовые формы хозяйствования: система и новеллы // Журнал росс. права. 2016. № 1. С. 18.

[23] См.: Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ (в ред. от 27.10.2020 г.) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 31. ст. 4006.

[24] См.: Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 24.02.2021 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652; Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ (в ред. от 24.02.2021 г.) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. I), ст. 4571.

[25] См.: *Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В.* Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К.Э. Альчуррон, Е.В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон; под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб., 2013. С. 57, 58; *Dmitriev O.N.* Op. cit. P. 436.

возникновения, изменения и прекращения этих связей»[26]. Схожие критерии многообразия ОПФ выделяли В.С. Мартемьянов[27] и В.В. Долинская[28], предлагая к ним относить имущественную и организационную обособленность; способы формирования имущественной базы; особенности взаимодействия учредителей (участников) с юридическим лицом; их ответственность друг перед другом и контрагентами. Критерий обособленности юридического лица от его участников также встречается в трудах В.К. Андреева[29], В.А. Белова[30]. Помимо этого к числу иных критериев В.К. Андреев относит систему органов юридического лица и внутренние отношения между ними и участниками (членами) юридического лица, а также ответственность перед третьими лицами. В.А. Белов пишет также о таком критерии, как способ организации деятельности юридического лица. Н.В. Козлова выделяет такие критерии, как способ создания юридических лиц, объем правоспособности, порядок управления, характер и содержание прав и обязанностей учредителей (участников) в отношении друг друга и юридического лица[31]. Помимо уже упомянутых критериев, связанных с формированием имущественной базы, особенностями участников юридического лица и их взаимодействием друг с другом и юридическим лицом, их полномочиями и ответственностью, порядком управления, объёмом гражданской и предпринимательской правосубъектности, Н.Е. Бодяк[32] дополнительно выделяет критерии, связанные с целью образования и деятельности юридического лица, особенностями его прекращения и с юридической судьбой доходов юридического лица.

Несмотря на частичные совпадения, предлагаемые в теории критерии многообразия ОПФ сильно разнятся. В целом выделение большого количества критериев позволяет описать юридическое лицо в контексте многочисленных ситуаций. Вместе с тем данные подходы называют набор критериев многообразия ОПФ произвольно, т.е. без соответствующих обоснований, при этом не называются характеристики, которыми в рамках данных критериев могут обладать юридические лица. Кроме того, выделение многочисленных критериев приводит к смешению исследуемого понятия с понятием «правовое положение (статус) юридического лица», поскольку права и обязанности юридического лица, определяемые по данным многочисленным критериям, фактически используются для характеристики его правового положения (статуса).

В то же время в научной литературе встречаются и такие подходы, которые основаны на выделении какого-то одного основного критерия многообразия ОПФ.

В качестве одного из таких критериев А.Л. Маковский называл специфику имущественной ответственности юридических лиц, полагая, что иные особенности не имеют значения для гражданского законодательства[33]. Аналогичное мнение высказывает и В.А. Болдырев, указывая на наличие или отсутствие субсидиарной ответственности по долгам юридического лица как на важнейший критерий многообразия ОПФ[34].

Еще одним критерием многообразия ОПФ называется правовой режим имущества юридических лиц. Например, М.А. Никифорова со ссылкой на ст. 48 ГК РФ писала, что «базовым критерием для определения организационно-правовой формы юридического лица является характер прав его участников на имущество юридического лица»[35].

Представляется, что данные идеи берут свои истоки от Закона РСФСР от 25 декабря 1990 г. «О предприятиях и предпринимательской деятельности»[36], который закреплял, что предприятия могут функционировать на основе различных форм собственности и могут по-разному нести ответственность. Так, в п. 2 ст. 1 закреплялось: «Предпринимательская деятельность осуществляется гражданами на свой риск и под имущественную ответственность в пределах, определяемых организационно-правовой формой предприятия». В п. 2 ст. 18 отмечалось, что «предприниматель отвечает перед кредиторами имуществом предприятия в соответствии с организационно-правовой формой предприятия». Таким образом, данный Закон РСФСР, действительно, предполагал

---

[26] Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2017. Т. 1. С. 144.

[27] См.: *Мартемьянов В.С.* Хозяйственное право: курс лекций. М., 1994. Т. 1. Общие положения. С. 75.

[28] См.: *Долинская В.В.* Указ. соч. С. 18.

[29] См.: *Андреев В.К., Кирпичев А.Е.* Юридические лица. Введение в корпоративное право: лекция. М., 2014. С. 9.

[30] См.: *Белов В.А.* Гражданское право: учеб. для акад. бакалавриата и магистратуры: в 4 т. Т. II. Общая часть: в 2 кн. Кн. 1. Лица, блага. 2-е изд. М., 2016. С. 148.

[31] См.: *Козлова Н.В.* Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. М., 2003. С. 259.

[32] См.: *Бодяк Н.Е.* Правовая категория «организационно-правовая форма юридического лица» в действующем законодательстве и цивилистической науке // Вестник Гродненского гос. ун-та им. Янки Купалы. Сер. 4. Правоведение. 2013. № 5. С. 58.

[33] См.: *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010. С. 292.

[34] См.: *Болдырев В.А.* Указ. соч. С. 158.

[35] *Никифорова М.А.* Возникновение юридического лица. Учредительные документы. Регистрация юридического лица // Субъекты гражданского права / отв. ред. Т.Е. Абова. М., 2000. С. 13, 14.

[36] См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30, ст. 418.

специфику ответственности в зависимости от ОПФ. Возможно, на фоне того Закона РСФСР выделение ответственности в качестве критерия многообразия звучало по-новаторски, однако сейчас использование данного критерия вызывает сомнения.

Ныне право стремится к унификации ответственности юридических лиц. По общему правилу они самостоятельно несут гражданско-правовую ответственность (ст. 56 ГК РФ). Конечно, необходимо учитывать специфику ответственности для отдельных ОПФ, которые названы в законодательстве (например, п. 1 ст. 75, п. 4 ст. 86^1, п. 2 ст. 106^1 ГК РФ). Вместе с тем данные исключения вызывают вопросы обоснованности и необходимости их существования, поскольку возникает противоречие с общей идеей о самостоятельной ответственности юридического лица и об ограничении ответственности его участников (членов). Представляется, что исключение из перечня ОПФ обществ с дополнительной ответственностью показывает неуместность субсидиарной ответственности при обычной деятельности юридических лиц. В то же время в гл. 3^2 Федерального закона от 27 сентября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)»[37] предусматривается субсидиарная ответственность контролирующих лиц (учредителей, участников, директоров и т.д., использующих конструкцию юридического лица в противоправных целях[38]), но независимо от ОПФ ЮЛ. При этом Верховным Судом РФ справедливо отмечалось, что данная ответственность носит не субсидиарный, а самостоятельный (деликтный) характер[39], что также указывает на отсутствие связи с многообразием ОПФ. В любом случае критерий ответственности с учетом существующих вариаций не может дать тот перечень ОПФ, который объективно существует в законодательстве. Это означает, что данный критерий неудовлетворительно объясняет существующее многообразие ОПФ и не позволяет полноценно провести их систематизацию.

Аналогичные рассуждения можно применить и к критерию правового режима имущества юридических лиц. По общему правилу юридические лица являются собственниками имущества. В российском праве исключение сделано для унитарных предприятий и учреждений, за которыми имущество закрепляется на праве оперативного управления или на праве хозяйственного ведения. Тем самым такое исключение не может объяснять многообразие всех ОПФ. Кроме того, идеологическая необходимость существования юридических лиц несобственников в Российской Федерации была преодолена возможностью существования юридических лиц, которые одновременно и являются собственниками, и контролируются публично-правовыми образованиями (хозяйственные общества с государственным (муниципальным) участием, публично-правовые компании, государственные корпорации, государственные компании и т.д.).

Как представляется, набор критериев многообразия ОПФ должен зависеть от того, что именно влияет на саму конструкцию юридического лица как организации. Организация предполагает наличие различных по компетенции уровней управления, которые применительно к юридическому лицу можно назвать его органами. В этой связи уместно сослаться на позицию О.В. Гутникова, что «любой орган юридического лица – это, по сути, всего лишь технико-юридическое обозначение определенных компетенций и набора полномочий, которые осуществляют назначенные в установленном порядке лица, составляющие этот орган и выполняющие его функции»[40]. Поскольку управление юридическим лицом осуществляется посредством различных органов управления, логично требовать, чтобы общая структура органов управления по своей компетенции охватывала весь спектр управленческих полномочий, которые возникают в отношении юридического лица. Следует подчеркнуть, что поскольку в законодательстве различаются органы (ст. 53 ГК РФ) и органы управления (ст. 65^3 ГК РФ) юридического лица, для данного исследования важны не вообще все органы юридического лица, а именно органы управления. Из этого можно вывести, что конструкция юридического лица определяется структурой его органов управления.

Акцентируя внимание на управленческих отношениях, О.В. Гутников пишет: «Под организационно-правовой формой должны пониматься действительно характерные для организации определенного вида **юридические признаки, связанные с отношениями по управлению юридическим лицом данного вида** (выделено мною. – *А.Е.*). Под организационно-правовой формой следует понимать типовую модификацию всего комплекса корпоративных отношений, возникающих в процессе создания, деятельности, реорганизации и ликвидации (в том числе банкротстве) юридического лица, связанных с управлением юридическим лицом, включая вопросы состава и компетенции органов управления, вида и объема корпоративных

[37] См.: СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

[38] См.: *Кондратьев В.А.* Трансформация системы регистрации юридических лиц в России // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5. С. 20.

[39] См.: Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 16.12.2019 г. № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016 // В официальных источниках не публиковалось.

[40] *Гутников О.В.* Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 57.

прав (правомочий) учредителей (участников), формированием его имущества, обеспечением интересов кредиторов, ответственностью участников (учредителей) и самого юридического лица по обязательствам перед кредиторами, участием (членством) в юридическом лице, распределением имущества (доходов)»[41]. Объяснение многообразия ОПФ с помощью специфики управленческих отношений значительно продвигает юридическую науку. Однако сам по себе указанный критерий является сложносоставным, т.к. состоит из множества элементов, которые в рамках данного подхода фактически и являются критериями многообразия. Несмотря на то что все перечисленные критерии связаны с управлением юридическим лицом, из-за их многочисленности и разноплановости сохраняется описанная выше опасность размытия понятия ОПФ. Кроме того, по причине отсутствия характеристик перечисленных критериев (сущих или должных) проблематично просчитать все возможные типовые модификации корпоративных отношений, которые предлагается понимать в качестве ОПФ.

Учитывая, что «построение внутренней структуры органов тесно связано с организационно-правовой формой юридического лица»[42], связь с управлением юридическим лицом представляется возможным использовать так, чтобы все управленческие полномочия, возникающие в отношении юридического лица, охватывались системой его органов управления. Так, сохраняя охват управленческих полномочий, но меняя структуру и состав органов управления, можно конструировать различные ОПФ. Такой подход позволяет определить, что органы управления предопределяют дискурс возможных критериев многообразия ОПФ ЮЛ.

В ст. 65^3 ГК РФ закреплен общий перечень органов управления корпораций: высший орган управления; коллегиальный орган управления; исполнительные органы: коллегиальный исполнительный орган, единоличный исполнительный орган (далее – ВОУ, КОУ, КИО, ЕИО соответственно). Вместе с тем возникает вопрос о возможности распространения данного перечня органов на унитарные юридические лица, поскольку в законодательстве органы управления унитарных юридических лиц описаны не всегда определенно, особенно это касается ВОУ.

Например, возникают вопросы о ВОУ в унитарных предприятиях и учреждениях, о возможности признания наблюдательного совета государственных корпораций в качестве ВОУ и т.д. При ознакомлении с законодательством создается впечатление, что все управленческие полномочия в отношении таких юридических лиц заканчиваются на руководителе (унитарные предприятия) или на наблюдательном совете (государственные корпорации). Однако данное впечатление является ложным, поскольку в самом нормативном правовом акте закреплены полномочия учредителей в отношении соответствующих юридических лиц (ст. 20 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»[43], ст. 5 Федерального закона «О Государственной корпорации по атомной энергии “Росатом”»[44]), которые схожи с полномочиями лиц на уровне ВОУ в корпорациях (определение основных направлений деятельности, изменение устава, формирование имущественной основы деятельности юридического лица, формирование органов управления и т.д.). В этой связи справедливо сказать, что функции ВОУ в унитарных юридических лицах осуществляют их учредители[45]. Развитие данного подхода приводит к идее о том, что сам по себе ВОУ, которому по компетенции соответствуют определенные управленческие полномочия, есть как у корпоративных, так и у унитарных юридических лиц. Исходя из единой правовой природы отношений по управлению любыми юридическими лицами[46], можно признать, что разница между корпоративными и унитарными юридическими лицами фактически заключается лишь в том, допустимо ли на уровне ВОУ множество лиц, осуществляющих управление.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях закон вообще не говорит об органах управления юридического лица (например, хозяйственные товарищества), в результате чего сформировалась позиция об отсутствии органов у таких юридических лиц[47]. С точки зрения буквального толкования закона такой подход имеет право на существование, более того, он является господствующим. Однако с точки зрения распределения (структурирования) управленческих полномочий невозможно

[41] *Гутников О. В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве. С. 84, 85.

[42] *Соловьева С. В.* Общие положения об управлении юридическими лицами // Юридические лица в российском гражданском праве: в 3 т. Т. 1. С. 206.

[43] См.: СЗ РФ. 2002. № 48, ст. 4746.

[44] См.: СЗ РФ. 2007. № 49, ст. 6078.

[45] *Соловьева С. В.* Указ. соч. С. 212, 213.

[46] См.: *Козлова Н. В.* Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 121; *Гутников О. В.* Государственные организации как субъекты корпоративных отношений: о допустимости участия в корпоративных отношениях унитарных юридических лиц // Журнал росс. права. 2016. № 7. С. 48; *Кирпичев А. Е.* Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в корпоративных и иных отношениях по поводу управления юридическими лицами // Росс. правосудие. 2013. № 9. С. 57.

[47] См.: *Андреев В. К.* Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права России: курс лекций. М., 2012. С. 154; Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица. Постатейный комментарий к главе 4 / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2014. С. 246, 247.

№ ОПФ \ Критерий	Допустимо ли множество лиц на уровне ВОУ	Наличие КОУ (НС, СД)	Наличие КИО	Допустимо ли множество лиц на уровне ЕИО
1	+	+	+	+
2	+	+	+	–
3	+	+	–	+
4	+	–	+	+
5	–	+	+	+
6	+	+	–	–
7	–	–	+	+
8	–	+	+	–
9	+	–	–	+
10	+	–	+	–
11	–	+	–	+
12	+	–	–	–
13	–	+	–	–
14	–	–	+	–
15	–	–	–	+
16	–	–	–	–

представить юридическое лицо без определенных уровней управления. В этой связи даже если закон по различным причинам прямо не называет уровни управления (органы управления), то их можно и нужно выделить по компетенции. Тем самым в хозяйственных товариществах также можно выделить по характеру управленческих полномочий как минимум ВОУ, в который входят все полные товарищи (ст. 71 ГК РФ), и ЕИО, в который могут входить или все полные товарищи, или некоторые из них, или только один полный товарищ (ст. 72 ГК РФ).

Исходя из данных позиций, в юридическом лице обязательно должны быть ВОУ и ЕИО, в то время как существование КОУ и КИО вариативно. При этом, если вариативные органы управления по определению предполагают множество лиц в своем составе, то состав ВОУ и ЕИО определяется индивидуально для конкретного юридического лица. Как уже было отмечено, вопрос о множестве лиц на уровне ВОУ фактически связан с делением юридических лиц на корпоративные и унитарные, а множество лиц на уровне ЕИО может быть предусмотрено уставом (ст. 53, 65^3 ГК РФ)[48]. Тем самым конструкция юридического лица как организации зависит от структуры органов управления, которые, в свою очередь, отличаются по составу входящих в них лиц. В этой связи структуру и состав органов управления можно рассматривать в качестве критериев многообразия ОПФ ЮЛ. Всего получается четыре критерия: из-за обязательности ВОУ и ЕИО в структуре органов управления можно учитывать только два критерия, определяющих наличие КОУ и КИО, а из-за предопределенности состава КОУ и КИО можно учитывать только два критерия о допустимости множества лиц на уровне ВОУ и ЕИО. При этом критерии структуры и состава органов управления характеризуются наличием или отсутствием соответствующих признаков.

На этой основе можно просчитать все возможные варианты ОПФ. В этих целях применима формула размещения признаков по выделенным критериям с повторениями. Согласно комбинаторному анализу «размещением с повторениями из n типов элементов по r называется упорядоченная повторная (n, r)-выборка. Их число обозначается $\bar{A}_n^r$ и вычисляется по формуле $\bar{A}_n^r = n^r$»[49]. В качестве показателя степени необходимо взять количество критериев многообразия ОПФ (их четыре), а в качестве основания степени – количество возможных характеристик критериев многообразия (их 2: наличие (+) или отсутствие (–) признаков по выделенным критериям). В результате возведения в степень получается число 16, обозначающее все возможные ОПФ.

Данная таблица позволяет рассмотреть все возможные комбинации структуры и состава органов управления юридических лиц. В силу обозначенных критериев таблица подходит для описания всех юридических лиц: корпоративных и унитарных, коммерческих и некоммерческих и т.д. В частности, все т.н. корпоративные юридические лица в таблице представлены номерами ОПФ, в которых допустимо множество лиц на уровне ВОУ. Однако таблица позволяет не только оценить состав ВОУ, но и системно рассмотреть другие органы

[48] Здесь не делается акцент на языковую проблему, когда в ситуации с множеством директоров ЕИО фактически не является собственно «единоличным» органом.

[49] *Пак В. Г.* Дискретная математика: теория множеств и комбинаторный анализ: сб. задач: учеб. пособие для вузов. М., 2020. С. 205.

управления. В этой связи в таблице ОПФ определяются совокупностью признаков всех органов управления юридических лиц.

Представленный подход позволяет создать гибкую систему ОПФ. Гибкость достигается за счет учета количества, во-первых, критериев многообразия ОПФ; во-вторых, характеристик критериев многообразия. В частности, при обосновании дополнительных критериев многообразия, их можно учитывать в показателе степени, а дополнительные характеристики критериев многообразия (при выходе за рамки дихотомического подхода, предполагающего деление характеристик на + и −) могут учитываться в основании степени. Более того, при увеличении количества критериев многообразия и их характеристик возможно построение иерархии критериев многообразия. Вместе с тем в любых случаях сохраняется принципиальная возможность определить существующее количество ОПФ и дать научно обоснованные рекомендации об их должном количестве, ориентируясь в целом на систему. При этом данная система не позволит вводить в законодательство произвольные ОПФ.

Поскольку «правовое положение конкретного юридического лица определяется его организационно-правовой формой»[50], можно сказать, что ОПФ задает основу для приобретения прав и обязанностей (содержания правового положения). Однако само правовое положение конкретного юридического лица зависит не только от ОПФ, но и от иных социально-экономических характеристик, например: вид деятельности, характеристика лиц на уровне ВОУ (публично-правовое образование, иностранный инвестор и др.), имущественное положение (например, размер чистых активов), количество рабочих мест и т.д. Связь ОПФ и правового положения позволяет проследить, как именно набор конкретных прав и обязанностей юридического лица может быть обусловлен выбранной ОПФ. Например, если предполагается выход юридического лица на фондовый рынок в качестве эмитента акций, то по аналогии с современными ПАО, в которых необходим КОУ, при выборе подходящей ОПФ будут автоматически отсекаться все ОПФ, в которых КОУ отсутствует. В целом можно сказать, что на основе комбинаторного анализа можно построить систему возможных правовых положений (статусов) юридических лиц, где в качестве критериев многообразия будут выступать не только ОПФ, но и конкретные социально-экономические характеристики, влияющие на дифференциацию правовых положений (статусов) конкретных юридических лиц.

* * *

Таким образом, несмотря на общемировую тенденцию гармонизации и унификации законодательства о юридических лицах, в отдельных государствах, в т.ч. и в Российской Федерации, перечни ОПФ ЮЛ имеют не системный, а стихийный, произвольный характер. Данное обстоятельство ставит под вопрос адекватность воздействия права на экономику, затрудняет ознакомление инвесторов и иных заинтересованных лиц с особенностями юридических лиц, а также приводит к невозможности выдвижения научно обоснованных рекомендаций об увеличении или уменьшении количества ОПФ.

Доктринальное выделение критериев многообразия ОПФ, как правило, осуществляется абстрактно, не называются характеристики, которыми могут обладать юридические лица по тем или иным критериям, что затрудняет процесс общей систематизации ОПФ. Кроме того, при обозначении многочисленных критериев создается опасность смешения понятий ОПФ и «правовое положение (статус)».

Перспективным видится подход, согласно которому набор критериев многообразия ОПФ должен зависеть от структуры и состава органов управления юридического лица. Так, на основе идеи о том, что всем юридическим лицам присуща общая структура органов управления, была построена гибкая система ОПФ, учитывающая количество критериев многообразия ОПФ и количество характеристик критериев их многообразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В.* Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К.Э. Альчуррон, Е.В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон; под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб., 2013. С. 57, 58.
2. *Андреев В.К.* Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права России: курс лекций. М., 2012. С. 154.
3. *Андреев В.К., Кирпичев А.Е.* Юридические лица. Введение в корпоративное право: лекция. М., 2014. С. 9.
4. *Белов В.А.* Гражданское право: учеб. для акад. бакалавриата и магистратуры: в 4 т. Т. II. Общая часть: в 2 кн. Кн. 1. Лица, блага. 2-е изд. М., 2016. С. 148.
5. *Бодяк Н.Е.* Правовая категория «организационно-правовая форма юридического лица» в действующем законодательстве и цивилистической нау-

[50] *Сабирова Л.Л.* Модернизация организационно-правовых форм юридического лица в свете реформирования гражданского законодательства // Право и государство: теория и практика. 2015. № 2. С. 11.

ке // Вестник Гродненского гос. ун-та им. Янки Купалы. Сер. 4. Правоведение. 2013. № 5. С. 58.

6. *Болдырев В.А.* Конструкция юридического лица несобственника: опыт цивилистического исследования. М., 2012. С. 158.
7. *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. М., Л., 1948. С. 324.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица. Постатейный комментарий к главе 4 / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2014. С. 246, 247.
9. Гражданское право: учеб: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М., 2019. Т. I. С. 239, 240.
10. *Гутников О.В.* Государственные организации как субъекты корпоративных отношений: о допустимости участия в корпоративных отношениях унитарных юридических лиц // Журнал росс. права. 2016. № 7. С. 48.
11. *Гутников О.В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве. М.; 2019. С. 84, 85.
12. *Гутников О.В.* Оптимизация видов юридических лиц в соответствии с потребностями гражданского оборота // Журнал росс. права. 2011. № 1. С. 54–62.
13. *Гутников О.В.* Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации о юридических лицах // Юридические лица в российском гражданском праве: в 3 т. / отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Синицын. М., 2020. Т. 1. Общие положения о юридических лицах. С. 145, 146.
14. *Гутников О.В.* Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 57.
15. *Долинская В.В.* Организационно-правовые формы хозяйствования: система и новеллы // Журнал росс. права. 2016. № 1. С. 18.
16. *Иншакова А.О.* Международное корпоративное право в глобализирующемся экономическом пространстве (эволюция и перспективы развития). Саратов; Волгоград, 2005. С. 74.
17. *Карапетов А.Г.* Экономический анализ права. М., 2016. С. 236, 237.
18. *Кирпичев А.Е.* Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в корпоративных и иных отношениях по поводу управления юридическими лицами // Росс. правосудие. 2013. № 9. С. 57.
19. *Козлова Н.В.* Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. М., 2003. С. 259.
20. *Козлова Н.В.* Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 121.
21. *Кондратьев В.А.* Трансформация системы регистрации юридических лиц в России // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5. С. 20.
22. Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2017. Т. 1. С. 144.
23. *Кузнецов А.А.* Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М., 2017. С. 40.
24. *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 59.
25. *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010. С. 292.
26. *Мартемьянов В.С.* Хозяйственное право: курс лекций. М., 1994. Т. 1. Общие положения. С. 75.
27. *Никифорова М.А.* Возникновение юридического лица. Учредительные документы. Регистрация юридического лица // Субъекты гражданского права / отв. ред. Т.Е. Абова. М., 2000. С. 13, 14.
28. *Пак В.Г.* Дискретная математика: теория множеств и комбинаторный анализ: сб. задач: учеб. пособие для вузов. М., 2020. С. 205.
29. *Сабирова Л.Л.* Модернизация организационно-правовых форм юридического лица в свете реформирования гражданского законодательства // Право и государство: теория и практика. 2015. № 2. С. 11.
30. *Соловьева С.В.* Общие положения об управлении юридическими лицами // Юридические лица в российском гражданском праве: в 3 т. Т. 1. С. 206, 212, 213.
31. *Суханов Е.А.* О систематике юридических лиц в современном российском праве // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М., 2019. С. 93.
32. *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 26–28.
33. *Терновая О.А.* Основные тенденции развития зарубежного корпоративного законодательства. М., 2019. С. 38, 39, 165, 166.
34. *Шевченко Л.И.* Организационно-правовые формы юридических лиц и их правоспособность с учетом новелл Гражданского кодекса РФ // Современное право. 2018. № 5. С. 34–39.
35. *Balouziyeh John M.B.* A Legal Guide to United States Business Organizations. The Law of Partnerships, Corporations, and Limited Liability Companies. 2nd ed. Berlin, Heidelberg, 2013. P. 5.
36. Business Law: the Ethical, Global, and E-Commerce Environment / A.W. Langvardt [and others]. 17th ed. NY., 2019. P. 1035.
37. *Dmitriev O.N.* Conceptual idea to optimize institutional typological series of organization and legal forms of legal entities // Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9. No. 26. P. 433.

38. List of legal entity types by country. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_legal_entity_types_by_country (дата обращения: 17.12.2020).

39. *Orts E.W.* Business Persons: A Legal Theory of the Firm. NY., 2015. P. 185, 186.

40. *Tremml B., Buecker B.* Recognized Forms of Business Organizations // Key Aspects of German Business Law / editors: M. Wendler, B. Tremml, B. Buecker. 4th ed. Berlin, Heidelberg, 2008. P. 7, 8.

REFERENCES

1. *Alchurron K.E., Bulygin E.V.* Normative system, legal system and other works on the Philosophy of Law and logic of norms / K.E. Alchurron, E.V. Bulygin, P. Gardenfors, D. Makinson; ed. by E.N. Lisanyuk. SPb., 2013. P. 57, 58 (in Russ.).

2. *Andreev V.K.* Topical issues of Civil and Business Law Russia: course of lectures. M., 2012. P. 154 (in Russ.).

3. *Andreev V.K., Kirpichev A.E.* Legal entities. Introduction to Corporate Law: lecture. M., 2014. P. 9 (in Russ.).

4. *Belov V.A.* Civil Law: textbook for acad. Bachelor's and master's degrees: in 4 vols. Vol. II. General part: in 2 books. Book 1. Persons, goods. 2nd ed. M., 2016. P. 148 (in Russ.).

5. *Bodyak N.E.* The legal category "organizational and legal form of a legal entity" in the current legislation and civil science // Herald of Kupala Grodno state University. Ser. 4. Jurisprudence. 2013. No. 5. P. 58 (in Russ.).

6. *Boldyrev V.A.* The construction of a legal entity of a non-owner: the experience of civilistic research. M., 2012. P. 158 (in Russ.).

7. *Venediktov A.V.* State socialist property. M., L., 1948. P. 324 (in Russ.).

8. The Civil Code of the Russian Federation. Legal entities. Article-by-article commentary to chapter 4 / ed. by P.V. Krasheninnikov. M., 2014. P. 246, 247 (in Russ.).

9. Civil Law: studies: in 4 vols / ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed. M., 2019. Vol. I. P. 239, 240 (in Russ.).

10. *Gutnikov O.V.* State organizations as subjects of corporate relations: on the admissibility of participation of unitary legal entities in corporate relations // Journal Russian law. 2016. No. 7. P. 48 (in Russ.).

11. *Gutnikov O.V.* Corporate responsibility in Civil Law. M.; 2019. P. 84, 85 (in Russ.).

12. *Gutnikov O.V.* Optimization of types of legal entities in accordance with the needs of civil turnover // Journal Russian law. 2011. No. 1. P. 54–62 (in Russ.).

13. *Gutnikov O.V.* Problems of improving the legislation of the Russian Federation on legal entities // Legal entity in the Russian Civil Law: in 3 vols / ed. by A.V. Gabov, O.V. Gutnikov, S.A. Sinitsyn. M., 2020. Vol. 1. General provisions on legal entities. P. 145, 146 (in Russ.).

14. *Gutnikov O.V.* Legal responsibility in corporate relations // Herald of Civil Law. 2014. No. 6. P. 57 (in Russ.).

15. *Dolinskaya V.V.* Organizational and legal forms of economic management: system and novellas // Journal Russian law. 2016. No. 1. P. 18 (in Russ.).

16. *Inshakova A.O.* International corporate law in the globalizing economic space (evolution and development prospects). Saratov; Volgograd, 2005. P. 74 (in Russ.).

17. *Karapetov A.G.* Economic analysis of law. M., 2016. P. 236, 237 (in Russ.).

18. *Kirpichev A.E.* Participation of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation and municipalities in corporate and other relations regarding the management of legal entities // Russian justice. 2013. No. 9. P. 57 (in Russ.).

19. *Kozlova N.V.* The concept and essence of a legal entity. An essay on history and theory: textbook. M., 2003. P. 259 (in Russ.).

20. *Kozlova N.V.* Legal personality of a legal entity. M., 2005. P. 121 (in Russ.).

21. *Kondratiev V.A.* Transformation of the system of registration of legal entities in Russia // Herald of arbitration practice. 2020. No. 5. P. 20 (in Russ.).

22. Corporate Law: textbook course: in 2 vols / ed. by I.S. Shitkina. M., 2017. Vol. 1. P. 144 (in Russ.).

23. *Kuznetsov A.A.* Limits of the autonomy of the will in Corporate Law: a brief essay. M., 2017. P. 40 (in Russ.).

24. *Lomakin D.V.* Corporate relations: theory and practice of its application in business entities. M., 2008. P. 59 (in Russ.).

25. *Makovsky A.L.* On the codification of Civil Law (1922–2006). M., 2010. P. 292 (in Russ.).

26. *Martemyanov V.S.* Economic Law: a course of lectures. M., 1994. Vol. 1. General provisions. P. 75 (in Russ.).

27. *Nikiforova M.A.* Emergence of the legal entity. Constituent documents. Registration of a legal entity // Subjects of Civil Law / ed. T.E. Abova. M., 2000. P. 13, 14 (in Russ.).

28. *Pak V.G.* Discrete mathematics: set theory and combinatorial analysis: collection of problems: handbook for universities. M., 2020. P. 205 (in Russ.).

29. *Sabirova L.L.* Modernization of organizational and legal forms of a legal entity in the light of civil legislation reform // Law and the State: theory and practice. 2015. No. 2. P. 11 (in Russ.).

30. *Solovyova S.V.* General provisions on the management of legal entities // Legal entities in Russian Civil Law: in 3 vols / ed. by A.V. Gabov, O.V. Gutnikov,

S.A. Sinitsyn. M., 2020. Vol. 1. General provisions on legal entities. P. 206, 212, 213 (in Russ.).

31. *Sukhanov E.A.* On the taxonomy of legal entities in the modern Russian law // Codification of Russian private law / ed. by D.A. Medvedev. M., 2019. P. 93 (in Russ.).
32. *Sukhanov E.A.* Comparative Corporate Law. M., 2014. P. 26–28 (in Russ.).
33. *Ternovaya O.A.* Main trends in the development of foreign corporate legislation. M., 2019. P. 38, 39, 165, 166 (in Russ.).
34. *Shevchenko L.I.* Organizational-legal form of legal entities and their legal capacity, taking account of changes in the Civil Code of the Russian Federation // Modern law. 2018. No. 5. P. 34–39 (in Russ.).
35. *Balouziyeh John M.B.* A Legal Guide to United States Business Organizations. The Law of Partnerships, Corporations, and Limited Liability Companies. 2nd ed. Berlin, Heidelberg, 2013. P. 5.
36. Business Law: the Ethical, Global, and E-Commerce Environment / A.W. Langvardt [and others]. 17th ed. NY., 2019. P. 1035.
37. *Dmitriev O.N.* Conceptual idea to optimize institutional typological series of organization and legal forms of legal entities // Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9. No. 26. P. 433.
38. List of legal entity types by country. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_legal_entity_types_by_country (accessed: 17.12.2020).
39. *Orts E.W.* Business Persons: A Legal Theory of the Firm. NY., 2015. P. 185, 186.
40. *Tremml B., Buecker B.* Recognized Forms of Business Organizations // Key Aspects of German Business Law / editors: M. Wendler, B. Tremml, B. Buecker. 4th ed. Berlin, Heidelberg, 2008. P. 7, 8.

Сведения об авторе

ЕФИМОВ Анатолий Викторович –
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского и корпоративного права, заместитель декана очного юридического факультета по организации научно-исследовательской работы студентов, Российский государственный университет правосудия; 117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Authors' information

EFIMOV Anatoly V. –
PhD in Law, senior lecturer of the Department of Business and Corporate Law, Deputy Dean of the Full-time Faculty of law for the organization of research work of students, Russian state University of justice; 69 Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 71–80
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 71–80

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

НАРУШЕНИЕ ЦЕЛЕЙ И УСЛОВИЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СУБСИДИЙ – УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© 2021 г. Е. М. Андреева[1, *], С. В. Запольский[2, **]

[1]Санкт-Петербургский государственный экономический университет
[2]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: elenaandreeva09@mail.ru*
***E-mail: zpmoscow@mail.ru*

Поступила в редакцию 16.06.2021 г.

Аннотация. Настоящая публикация посвящена анализу нарушений целей и условий использования бюджетных субсидий на примере грантов на научные исследования посредством уголовной ответственности. Поскольку за названные деяния предусмотрена всего лишь одна статья Уголовного кодекса РФ – 285[1] «Нецелевое расходование бюджетных средств», авторы сосредоточили свое внимание на ее изучении. Целями исследования являются, во-первых, оценка охвата данным составом преступления всех нарушений в области использования бюджетных субсидий, представляющих общественную опасность и требующих уголовного преследования. Во-вторых, всесторонняя характеристика элементов преступления, предусмотренного ст. 285[1] УК РФ, применительно к бюджетным субсидиям на научные исследования с использованием буквального, логического, систематического, а также исторического способов толкования норм права. Результатами исследования стали выявленные авторами недостатки уголовно-правовых норм, посвященных ответственности в области использования бюджетных средств. В качестве таковых можно назвать несоответствие терминологий Уголовного кодекса РФ и Бюджетного кодекса РФ в данной части, узкую сферу действия анализируемой статьи УК РФ по кругу лиц, небольшое количество правонарушений в исследуемой области, которые включены в ст. 285[1] УК РФ. Авторами аккумулированы предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, нецелевое расходование бюджетных средств, бюджет, субсидии, гранты, бюджетное финансирование.

Цитирование: *Андреева Е.М., Запольский С.В.* Нарушение целей и условий использования бюджетных субсидий – уголовно-правовой аспект // Государство и право. 2021. № 8. С. 71–80.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-29-15035 мк «Сравнительно-правовое исследование механизма назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ».

DOI: 10.31857/S102694520016388-7

VIOLATION OF THE GOALS AND CONDITIONS FOR THE USE OF BUDGET SUBSIDIES – CRIMINAL LAW ASPECT

© 2021 E. M. Andreeva[1, *], S. V. Zapolskii[2, **]

[1]Saint-Petersburg state University of Economics
[2]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: elenaandreeva09@mail.ru*
***E-mail: zpmoscow@mail.ru*

Received 16.06.2021

Аннотация. This publication is devoted to the analysis of violations of the goals and conditions for the use of budget subsidies on the example of grants for scientific research through criminal liability. Since only one article of the Criminal Code of the Russian Federation is provided for these acts – 285[1] "Misuse of budget funds", the authors focused their attention on its study. The objectives of the study are, firstly, to assess the coverage of all violations in the use of budget subsidies that pose a significant public danger and require criminal prosecution by this corpus delicti. Secondly, a comprehensive description of the elements of the crime provided for in Article 285[1] of the Criminal Code of the Russian Federation, in relation to budget subsidies for scientific research using literal, logical, systematic, as well as historical ways of interpreting the norms of law. The results of the study were the shortcomings of the criminal law norms on responsibility in the use of budget funds identified by the authors. As such, we can name the discrepancy between the terminology of the Criminal Code of the Russian Federation and the Budget Code of the Russian Federation in this part, the narrow scope of the analyzed article of the Criminal Code of the Russian Federation among persons, a small number of offenses in the studied area, which are included in Article 285[1] of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors have accumulated proposals for improving the current criminal legislation.

Key words: criminal liability, grants, expenditure of budgetary funds contrary to established goals, budget, subsidies, grants, budget funding.

For citation: *Andreeva, E.M., Zapolskii, S.V. (2021).* Violation of the goals and conditions for the use of budget subsidies - criminal law aspect // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 71–80.

The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-29-15035 mk "Comparative legal study of the mechanism for assigning, issuing and using grants to finance research, development and technological work".

В Уголовном кодексе РФ предусмотрена ответственность за два деяния, связанная с использованием бюджетных средств – нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285[1]) и нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285[2]). В основе двух этих составов фактически лежит одно деяние – нецелевое расходование публичных финансов, с той разницей, что в первом случае денежные средства предоставляются из бюджетов публично-правовых образований, во втором – из бюджетов государственных внебюджетных фондов. Согласно положениям Бюджетного кодекса РФ под бюджетной системой Российской Федерации понимается «совокупность федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов» (ст. 6). Таким образом, средства внебюджетных фондов также являются бюджетными суть публичными. Поскольку предмет исследования намеренно сужен авторами до рассмотрения вопроса о нарушениях, связанных с использованием бюджетных субсидий, выделяемых на научные исследования, ограничимся анализом ст. 285[1] УК РФ. Необходимо иметь в виду, что субсидии из бюджетов государственных внебюджетных фондов также предусмотрены в бюджетном законодательстве. Однако ст. 78[1] БК РФ, которой они в бóльшей части регламентируются, ориентируется на субсидии бюджетным и автономным учреждениям, учредителем которых являются названные фонды, на финансовое обеспечение выполнения данными учреждениями государственного задания (в т.ч. социального заказа), хотя допускает субсидии на иные цели.

В гипотезе нормы, закреплённой в ст. 285[1] УК РФ, не установлена форма получения бюджетных средств, израсходованных не по целевому назначению, из чего следует вывод, что она может быть любой – бюджетные инвестиции, финансирование в рамках бюджетной сметы, ассигнования на выполнение государственных целевых программ, выплаты по государственным (муниципальным) контрактам, а также субсидии и гранты. Соответственно, к ответственности по данной статье Уголовного кодекса РФ могут привлекаться лица, допустившие нарушение целей и условий использования бюджетных субсидий, в т.ч. грантов на научные исследования.

Термины «субсидии» и «гранты» соотносятся, по нашему мнению, как общее и частное. Согласно ст. 78, 78[1] БК РФ гранты являются формой бюджетных субсидий. Таким образом, в качестве целей настоящего исследования можно поставить, во-первых, оценку охвата данным составом преступления всех нарушений в области использования бюджетных субсидий, представляющих значительную общественную опасность и требующих уголовного преследования; во-вторых, всестороннюю характеристику элементов состава преступления, предусмотренного ст. 285[1] УК РФ, применительно к бюджетным субсидиям на научные исследования с использованием буквального, логического, систематического, а также исторического способов толкования норм права.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 285[1] УК РФ

Объективной стороной рассматриваемого состава является расходование бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенные бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных средств. Квалифицирующими признаками определены крупный размер – сумма нецелевого использования должна превышать 1 500 000 руб. и особо крупный размер – 7 500 000 руб. Во втором случае установлена более строгая ответственность по ч. 2 той же статьи.

В первую очередь обратим внимание на соотношение названия статьи 285[1] «Нецелевое расходование бюджетных средств» УК РФ и ее содержания. Легального определения понятию «нецелевое ***расходование*** бюджетных средств» нет. Тем не менее разъяснение рассматриваемой категории следует искать в бюджетном законодательстве. В нем закреплен принцип целевого характера бюджетных средств, который предусматривает доведение бюджетных ассигнований до конкретных получателей бюджетных средств с указанием цели их ***использования*** (ст. 38 БК РФ). Кроме того, мера уголовного принуждения, установленная комментируемой статьей Уголовного кодекса РФ, коррелирует с аналогичной, но уже бюджетной мерой, предусмотренной в ст. 306[4] «Нецелевое ***использование*** бюджетных средств» БК РФ. В ней нецелевым использованием бюджетных средств признается направление средств бюджета и оплата денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным в документах, являющихся основанием для предоставления указанных средств.

Из рассмотренных статей Бюджетного кодекса РФ следует, что нецелевое расходование бюджетных средств – это их *расходование* ***на цели, не соответствующие тем целям, на которые они были предоставлены***. Если обратиться к содержанию ст. 285[1] УК РФ, то в ней говорится о расходовании бюджетных средств на цели, ***не соответствующие условиям их получения***. Как показано, данная формулировка отличается от той, что вкладывает в понятие «нецелевое» бюджетное законодательство. Во-первых, в Бюджетном кодексе РФ используется иная терминология, например, слова «использование», а также «направление» вместо «расходование», слово «предоставление» вместо «получение». Во-вторых, из Уголовного кодекса РФ следует, что ответственность по ст. 285[1] наступает за расходование средств вопреки условиям их получения. Однако термин «условия получения бюджетных средств» также не имеет законодательного закрепления. Взамен в Бюджетном кодексе РФ применяется термин «условия предоставления» бюджетных средств, в т.ч. субсидий (ст. 74, 78, 78[1] и др.). Изучение данных статей показывает, что условия получения (предоставления) бюджетных средств – это предварительные условия, которые необходимо выполнить или которым должен соответствовать претендент для того, чтобы в его распоряжение поступили бюджетные средства. Они выполняются до того, как лицо приступит к их расходованию. Например, в ст. 78 БК РФ к таким условиям отнесены согласие претендента на проведение органами государственного (муниципального) финансового контроля проверок соблюдения условий, целей и порядка предоставления субсидий; соблюдение претендентом запрета на приобретение за счет полученных средств иностранной валюты.

В приказе Минфина России от 21 декабря 2018 г. № 280н добавлены такие условия предоставления грантов, как представление получателем в установленный срок определенных документов; подтверждение факта софинансирования (если таковое предусмотрено) и др., предусмотренные конкретным бюджетным грантом[1]. Поэтому можно сделать вывод, что соблюдение условий получения предшествует расходованию бюджетных средств, а значит, нельзя привлечь к ответственности за их нецелевое расходование. В ст. 285[1] УК РФ правильнее указать на ответственность за расходование бюджетных средств не в соответствии с целями их предоставления. Поэтому из данной статьи слова «условиям получения» следует исключить и приблизить гипотезу статьи к той, как она изложена в ст. 306[4] БК РФ. Возможно, законодатель такой редакцией уголовно-правовой нормы хотел охватить ситуацию, когда должностное лицо, действующее от имени получателя бюджетных средств, нарушило условия получения бюджетных средств, например, применительно к научным грантам перечислило грант в распоряжение научной организации, не проверив наличие всех необходимых документов, подтверждающих надлежащую научную квалификацию грантополучателей. Однако, на наш взгляд, данное деяние не вписывается в комментируемый состав. Таким образом, можно сделать вывод, что название и содержание ст. 285[1] УК РФ не соответствуют друг другу.

Выше уже был затронут вопрос расхождения терминологии Уголовного кодекса РФ и Бюджетного

[1] См.: приказ Минфина России от 21.12.2018 г. № 280н «Об утверждении типовых форм соглашений (договоров) о предоставлении из федерального бюджета грантов в форме субсидий в соответствии с пунктом 7 статьи 78 и пунктом 4 статьи 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации // http://www.pravo.gov.ru, 21.01.2019.

кодекса РФ в части понятий «расходование» и «использование». Термин «расходование» в законодательстве не детализируется. Однако, поскольку речь идет о расходовании средств **бюджетов**, для правильного понимания данной категории обратимся к Бюджетному кодексу РФ. Так, из него следует, что под расходованием понимаются отношения, обслуживающие оплату принятых денежных обязательств. К ним можно отнести отношения по составлению платежных и иных документов; санкционированию оплаты денежных обязательств; непосредственному списанию денежных средств с единого счета бюджета в пользу физических и юридических лиц[2]. Согласно ст. 6 БК РФ расходы бюджета определены как выплачиваемые *из бюджета денежные средства*, т.е. расходование осуществляется лицом, действующим от имени бюджета, и ***оканчивается выплатой денег из бюджета***. Исходя из сказанного, нецелевое расходование не охватывает случаи, когда денежные средства находятся в распоряжении (или управлении) получателя субсидии, например, научной организации, и последняя использует их не по целевому назначению. В то время как термин «использование бюджетных средств», по мнению авторов, имеет более широкое значение, хотя также не расшифровывается в законодательстве. Поверхностный анализ БК РФ показывает, что кодифицированный акт достаточно часто апеллирует термином «использование». Так, в ст. 28 Кодекса говорится об «эффективности ***использования*** бюджетных средств», в ст. 38, как было указано, постулируется принцип адресности и целевого характера бюджетных средств, который там же поясняется через слово «***использование***», ст. 78 БК РФ определяет судьбу «неиспользованных остатков субсидий» и пр. В качестве примера также приведем ст. 15.14 КоАП РФ, в которой установлена административная ответственность за «нецелевое ***использование*** бюджетных средств».

Документы, в которых могут быть определены цели расходования бюджетных средств, перечислены в ст. 285^1 УК РФ неисчерпывающим образом, что является обоснованным. В дополнение можем указать, например, Распоряжение Президента РФ (Правительства РФ) о выделении гранта из резервного фонда Президента РФ (Правительства РФ) тому или иному лицу. Однако среди тех документов, которые следовало бы упомянуть в перечне, необходимо назвать соглашение (договор) о предоставлении бюджетных средств, в частности субсидий (грантов). Согласно ст. 78, 78^1 БК РФ, определяющим правовой режим бюджетных субсидий юридическим и физическим лицам, предусмотрено обязательное заключение такого соглашения. Соглашение имеет важное значение именно для получателей субсидий, т.к. подписывается ими и самое главное – находится у них «под рукой». Соответственно, из данного документа получатели субсидий будут черпать информацию о своих правах и обязанностях, в т.ч. и в отношении обязанности целевого использования бюджетных средств.

Из анализа объективной стороны ст. 285^1 УК РФ можно сделать несколько промежуточных выводов. Во-первых, терминология уголовного законодательства не согласуется с той, что используется в бюджетном законодательстве. Во-вторых, уголовное преследование по рассматриваемой статье наступает только за нецелевые выплаты непосредственно из бюджета и не включает выплаты, осуществляемые лицами, в распоряжение или управление которых уже поступили средства из бюджета для дальнейшего использования. В-третьих, среди документов, в которых определяются цели расходования бюджетных средств, не включено соглашение (договор) о предоставлении субсидии (гранта).

Субъекты преступления, предусмотренного ст. 285^1 УК РФ

Субъект преступления по анализируемому составу – специальный. К ответственности привлекаются должностные лица *получателей бюджетных средств*. Уголовно-правовая норма носит бланкетный характер и отсылает к бюджетному законодательству. Именно в нем содержатся понятие и ***закрытый перечень*** получателей бюджетных средств. Таким образом, за нецелевое расходование бюджетных средств уголовному преследованию могут быть подвержены должностные лица названных организаций. Обратим внимание, что в понятия «получатель бюджетных средств» и «получатель средств бюджета» Бюджетный кодекс РФ вкладывает разное содержание. Последний термин шире. Согласно ст. 6 БК РФ к нему относятся органы публичной власти, в частности государственные органы и органы местного самоуправления, органы управления государственными внебюджетными фондами, а также казенные учреждения. Специфика казенных учреждений, к которым по своему статусу приравнены органы государственной власти и местного самоуправления, заключается в том, что они финансируются из бюджета, при этом их расходы фактически являются прямыми расходами бюджета. Более того, доходы казенных учреждений также поступают непосредственно в бюджет. Внимательное изучение данного перечня показывает, что он соотносится с объективной стороной комментируемого состава. Действительно, только получатели бюджетных средств, в лице соответствующих должностных лиц, могут осуществлять

[2] См.: *Андреева Е. М.* Финансово-правовые основы взаимного делегирования полномочий субъектов публичной власти в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 256.

расходование бюджетных средств, т.е. перечисление денежных средств из бюджета. Из изложенного можно сделать вывод, что ст. 285[1] УК РФ сконструирована под задачи пресечения незаконных действий участников бюджетного процесса, однако они составляют лишь малую часть тех субъектов, которые могут растратить бюджетные средства. Примечательно, что согласно ч. 10 ст. 161 БК РФ казенным учреждениям субсидии не предоставляются, т.к. они финансируются исключительно по бюджетной смете. Возможно, этим объясняется незначительное количество преступлений, возбуждаемых по данной статье Уголовного кодекса РФ. Так, органами предварительного следствия СК России в 2014 г. возбуждено 20 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 285[1] УК РФ, в 2015 г. – 29, в 2016 г. – 20, в 2017 г. – 39[3].

Возникает вопрос: намеренно или по ошибке законодатель сузил субъектов ответственности только должностными лицами получателей бюджетных средств? Статья 285[1] УК РФ была введена в действие в 2013 г.[4] В тот период времени еще не была реализована реформа государственных и муниципальных учреждений. Функционировали только бюджетные учреждения, которые являлись получателями бюджетных средств. В 2010 г. был принят Федеральный закон, которым государственные (муниципальные) учреждения были разделены на три типа – автономные, бюджетные и казенные[5]. При этом только последние сохранили статус получателей бюджетных средств. Автономные и бюджетные учреждения также продолжают получать целевое финансирование из бюджета, однако получателями бюджетных средств не являются. По состоянию на июнь 2021 г. в Российской Федерации насчитывается 145 577 государственных (муниципальных) учреждений, из них казенных только 2149. В 2018 г. всего выплачено только из федерального бюджета всем субъектам субсидий на сумму 1225.63 млрд руб.[6] Если сравнить перечень получателей бюджетных средств с кругом лиц, которым предоставляются целевые бюджетные средства, то последний гораздо шире.

В соответствии со ст. 78, 78[1] БК РФ получателями субсидий (грантов) могут быть коммерческие и некоммерческие организации, в том числе бюджетные и автономные учреждения, унитарные предприятия, а также физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели. Должностные лица указанных субъектов к ответственности по ст. 285[1] УК РФ привлечены быть не могут, что, на наш взгляд, не является обоснованным. Дополнительным аргументом в поддержку выступает новая редакция ст. 15.14 «Нецелевое использование бюджетных средств» КоАП РФ[7], по которой административная ответственность наступает именно за нецелевое ***использование бюджетных средств***, выразившееся в т.ч. в направлении средств, полученных из бюджета, на цели, не соответствующие целям, ***определенным договором (соглашением) либо иным документом***. При этом в качестве субъекта ответственности может быть любое должностное лицо, совершившее данное деяние.

Вместе с тем наш вывод не подтверждается судебной практикой. Например, в 2020 г. Промышленным районным судом г. Смоленска была установлена вина Г.С. Журавлевой в нецелевом расходовании бюджетных средств по ст. 285[1] УК РФ, которая заключалась в том, что в 2019 г. Г.С. Журавлева, находясь в должности главного бухгалтера областного государственного ***автономного учреждения*** здравоохранения «Смоленский областной центр контроля качества и сертификации лекарственных средств» (ОГАУЗ «СОМЦ»), незаконно изготовила платежные поручения, которые направила в Департамент бюджета и финансов Смоленской области, после чего бюджетные денежные средства были направлены с лицевого счета Департамента бюджетов и финансов Смоленской области на расчетный счет ФГУП «Московский эндокринный завод» для оплаты кредиторской задолженности по договору поставки от 29 июня 2018 г. Указанные средства были выделены ОГАУЗ «СОМЦ» из областного бюджета в форме субсидии по соглашению от 24 января 2019 г. с Департаментом Смоленской области по здравоохранению «О предоставлении из областного бюджета областному государственному бюджетному или областному государственному автономному учреждению субсидии в соответствии с абзацем вторым п. 1 ст. 78.1 БК РФ». В соответствии с п. 1.1 указанного соглашения предметом субсидии служило предоставление из областного бюджета в 2019 / 2020–2021 гг. средств на обеспечение отдельных групп населения Смоленской области лекарственными средствами и специализированными продуктами лечебного питания, отпускаемыми по рецептам врачей бесплатно. Согласно п. 2.1 соглашения субсидия

[3] См.: *Ступаченко Е.В.* О некоторых вопросах законодательного противодействия нецелевому использованию бюджетных средств // Финансовое право. 2019. № 1. С. 31–34.

[4] См.: СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4848.

[5] См.: Федеральный закон от 08.05.2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» // СЗ РФ. 2010. № 19, ст. 2291.

[6] См.: Единый портал бюджетной системы РФ. URL: http://budget.gov.ru (дата обращения: 03.06.2021).

[7] См.: Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 31, ст. 4191.

предоставлялась учреждению для достижения целей указанных в п. 1.1. Таким образом, Г.С. Журавлева совершила нецелевое расходование бюджетных денежных средств в размере 2 896 222 руб. 59 коп., выразившееся в направлении и использовании на цели, не соответствующие условиям получения указанных средств, определенным соглашением[8].

Однако есть примеры и корректного применения ст. 285[1] УК РФ. Например, в 2018 г. действия А.В. Голушкова были квалифицированы по п. «б» ч. 2 ст. 285[1] УК РФ – расходование бюджетных средств должностным лицом получателя бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным утвержденными бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных средств, совершенное в особо крупном размере. Так, А.В. Голушков в период времени с 11 августа 2018 г. по 7 ноября 2018 г., будучи главой МО «Шумячский район» Смоленской области и являясь должностным лицом получателя бюджетных средств, заведомо зная, что работы по ремонту автостоянки и строительству новой линии наружного освещения на общую сумму 12 932 607 руб. 6 коп. необоснованно включены в смету к соглашению от 16 мая 2018 г. между Департаментом Смоленской области по транспорту и дорожному хозяйству и администрацией МО «Шумячский район» Смоленской области о предоставлении в 2018 г. из бюджета Смоленской области в бюджет МО «Шумячский район» Смоленской области субсидий в рамках реализации областной программы «Развитие дорожно-транспортного комплекса Смоленской области на 2014–2018 годы», умышленно, с целью обезопасить дорожное движение и сделать удобным место парковки для отдыхающих на базе отдыха «Прудок», собственноручно подписал акты о приемке выполненных работ, являющиеся основанием для последующего перечисления подрядчикам субсидии в сумме 12 932 607 руб. 6 коп.[9]

Таким образом, во втором примере нецелевое расходование допущено должностным лицом получателя бюджетных средств – муниципального образования, а в первом – получателем средств бюджета – автономным учреждением.

В этой связи возникает еще одна проблема с применением ст. 285[1] УК РФ. Понятие должностного лица для целей гл. 30 УК РФ раскрыто в ст. 285 УК РФ. Поддерживая закрытый перечень лиц, которых Уголовный кодекс РФ относит к должностным, следует отметить, что он не дает возможность привлечь к уголовной ответственности лиц, выполняющих организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в организациях частного сектора, которые являются получателями средств бюджета, например, в негосударственных некоммерческих организациях. Субсидиям и грантам для таких юридических лиц посвящена бóльшая часть ст. 78[1] БК РФ.

Если расширить круг организаций, сотрудники которых будут являться должностными лицами за счет частных организаций, ст. 285[1] УК РФ не впишется в видовой объект посягательства, поскольку **видовым объектом посягательства для данного состава**, как следует из названия гл. 30 УК РФ, являются интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Рассматриваемое преступление, по мнению авторов, должно быть помещено в гл. 21 «Преступления против собственности» разд. VII «Преступления в сфере экономической деятельности», т.к. в данном случае нарушаются интересы собственника бюджетных средств соответствующего публично-правового образования.

Подведем промежуточные итоги проведенного анализа. Во-первых, по ст. 285[1] УК РФ могут быть привлечены только должностные лица получателей бюджетных средств, круг которых достаточно узок. Во-вторых, данная уголовно-правовая норма сконструирована для пресечения правонарушений участников бюджетного процесса, однако не распространяется на иных получателей средств бюджета.

Специфика нарушений в части использования бюджетных средств, выделенных в форме субсидий (грантов) на научные исследования

Гранты на научные исследования отличаются своей спецификой. Во-первых, в организации получения и использования грантов задействован большой субъектный состав. В него входят:

1) соответствующий главный распорядитель бюджетных средств, который определяет научные направления для государственной поддержки, организует конкурсный отбор заявителей, проверяет заявки претендентов на соответствие условиям получения гранта, заключает с победителями конкурсного отбора соглашение о предоставлении гранта, перечисляет бюджетные средства победителям, осуществляет контроль за достижением установленных научных результатов;

[8] См.: Постановление Промышленного районного суда г. Смоленска от 10.02.2020 г. по делу № 1-69/2020 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру). URL: https://sudact.ru/regular/doc (дата обращения: 01.06.2021).

[9] См.: Постановление Шумячского районного суда Смоленской области от 28.09.2020 г. по делу № 1-64/2020 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру). URL: https://sudact.ru/regular/doc (дата обращения: 01.06.2021).

2) конкурсные комиссии, которые осуществляют отбор заявок и определяют победителей – получателей гранта;

3) научные, учебные или иные организации – претенденты на получение гранта. Они готовят заявку и необходимые документы для участия в конкурсе, подтверждают свое соответствие условиям получения гранта, в случае победы получают средства грантов и перераспределяют их среди исполнителей, отчитываются о научных результатах, на достижение которых был предоставлен бюджетный грант;

4) сами ученые, которые также являются субъектами рассматриваемых отношений, поскольку являются непосредственными исполнителями научного заказа и конечными получателями средств грантов. На них также накладываются определенные обязанности, в частности исполнить взятые на себя научные обязательства.

Все указанные субъекты умышленно или по неосторожности могут допустить нарушения на этапах как предоставления, так и использования бюджетных средств.

Во-вторых, спецификой грантов на научные исследования является перечисление средств гранта авансовыми платежами, что не допускает его нецелевое использование со стороны получателей бюджетных средств.

В-третьих, в большей части сумма гранта направляется на оплату труда ученых. Последние, в свою очередь, используют денежные средства на свои личные нужды и не обязаны предоставлять отчет об их расходовании. Из этого можно сделать вывод, что гранты на оплату труда ученых в конечном счете вообще не имеют целевого назначения. Научные гранты имеют целевое назначение для научной организации, которой предоставлен грант, но не имеют целевого назначения для работника, который такой грант получил.

Для примера возьмем гранты в области науки в форме субсидий, предоставляемые из федерального бюджета с 2021 г. на обеспечение проведения российскими научными организациями и (или) образовательными организациями высшего образования совместно с иностранными организациями научных исследований в рамках обеспечения реализации программы двух- и многостороннего научно-технологического взаимодействия[10]. Согласно Закону о федеральном бюджете на 2021 год, а также Правилам предоставления данных грантов Министерство науки и высшего образования РФ является главным распорядителем и получателем средств федерального бюджета на данные цели, оно проводит отбор заявок, проверяет документы, представленные участниками отбора, заключает с победителями соглашение о предоставлении гранта, перечисляет победителю субсидию, собирает и проверяет отчеты о расходах, источником финансового обеспечения которых является грант, проводит обязательные проверки соблюдения получателем гранта целей, условий и порядка предоставления гранта, обеспечивает проведение комплекса мер, необходимых для мониторинга достижения результатов предоставления гранта (значений показателей, необходимых для достижения результата предоставления гранта). Возможна ли ответственность Минобрнауки России по ст. 285^1 УК РФ? Полагаем, что нет, поскольку последнее перечисляет средства гранта по графику авансовыми платежами и, соответственно, не может допустить нецелевого расходования бюджетных средств. Однако нарушения со стороны названного Министерства могут заключаться в нарушении установленных выше обязанностей, например, допуске к участию в отборе участников, которые не соответствуют выдвигаемым в Правилах требованиям, например, имеют неисполненные обязанности по уплате налогов или задолженность по возврату в федеральный бюджет иных субсидий или бюджетных инвестиций, являются иностранными юридическими лицами, или в ненадлежащей проверке достижения получателем гранта результатов выполнения гранта.

Участниками отбора на получение рассматриваемых грантов могут быть научные организации и образовательные организации высшего образования, ***за исключением казенных учреждений***. Таким образом, должностные лица потенциальных получателей грантов заранее исключаются из субъектов уголовной ответственности по ст. 285^1 УК РФ, поскольку последние не являются получателями бюджетных средств. Для участия в отборе данные организации представляют пакет документов, включающий обязательство по использованию средств гранта на установленные цели, согласие на осуществление Минобрнауки РФ и органами государственного финансового контроля обязательных проверок соблюдения участником отбора и лицами, являющимися соисполнителями по соглашению о предоставлении гранта, целей, условий и порядка предоставления гранта; проект с указанием перечня показателей, необходимых для достижения результата предоставления гранта, и их значений. Средства гранта организацией-победителем могу быть направлены на установленные цели, среди них: оплата труда, командировочных расходов, а также участие работников организации в реализации проекта, в конференциях, научных семинарах и проч.;

[10] См.: постановление Правительства РФ от 23.12.2020 г. № 2251 «Об утверждении Правил предоставления грантов в области науки в форме субсидий из федерального бюджета на обеспечение проведения российскими научными организациями и (или) образовательными организациями высшего образования совместно с иностранными организациями научных исследований в рамках обеспечения реализации программы двух- и многостороннего научно-технологического взаимодействия» // СЗ РФ. 2021. № 1, ст. 116.

приобретение оборудования, материалов и комплектующих для осуществления проекта; расходы, связанные с опубликованием научных статей и изданием монографий работников организации, непосредственно участвующих в реализации проекта; оплата работ, услуг, в т.ч. услуг связи, транспортных услуг, коммунальных и эксплуатационных услуг, арендной платы за пользование имуществом и прочих расходов, соответствующих целям предоставления гранта; прочие расходы, непосредственно связанные с осуществлением проекта. Кроме того, организация-победитель берет на себя обязательство по достижению тех научных результатов, которые она заявила для победы и которые финансирует грант. В п. 5 Правил к ним относятся: 1) количество публикаций в научных журналах, индексируемых в базах данных *Scopus* и (или) *Web of Science Core Collection*; 2) количество патентов и (или) заявок на получение патента на изобретение, поданных в рамках реализации проекта; 3) доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности работников организации, непосредственно участвующих в реализации проекта; 4) объем денежных средств, привлеченных иностранной организацией для сореализации проекта (не менее 50%).

Таким образом, со стороны должностных лиц грантополучателей могут быть допущены серьезные нарушения, связанные с использованием бюджетных грантов, однако они не всегда буду заключаться в их нецелевом расходовании. Например, они могут состоять в умышленном или неосторожном нарушении условий, предвещающих получение гранта. Однако, по мнению авторов, ***главное нарушение со стороны грантополучателей заключается в нарушении взятых на себя научных обязательств, исполнение которых обеспечивается грантом*** (в частности, непроведение заявленных мероприятий, неопубликование нужного количества научных статей). Кроме того, нарушения могут состоять в отклонении от условий получения грантов. За данные правонарушения уголовной ответственности не установлено, между тем они несут равную с нецелевым расходованием бюджетных средств степень общественной опасности.

Согласно анализируемым Правилам предоставления грантов на обеспечение проведения научных исследований в рамках обеспечения реализации программы двух- и многостороннего научно-технологического взаимодействия двухуровневый отбор заявок осуществляет конкурсная комиссия, которую создает Министерство науки и высшего образования РФ. Последняя оценивает заявки и определяет победителей. Как видится, со стороны членов конкурсной комиссии также могут быть нарушения, в частности умышленное отстранение заявок от участия в первом туре либо определение недостойного победителя. Уголовной ответственности членов конкурсных комиссий таких отборов законодательством не предусмотрено. Между тем в административном законодательстве последние отвечают, как должностные лица.

Хотелось бы также затронуть вопрос об ответственности физических лиц – ученых – членов научных коллективов за недостижение научных результатов. Данный вопрос, безусловно, в высшей степени дискуссионный, тем не менее он обладает актуальностью. Представим себе ситуацию, что научный работник получил из суммы гранта на научные исследования более 1 500 000 руб. в качестве заработной платы, не облагаемой НДФЛ, истратил их на отдых себя и своей семьи, между тем не сдал ни одной публикации, не участвовал ни в одном научном мероприятии с докладом, никаких научных исследований в рамках гранта не провел. При этом, несмотря на то что указанные средства уже покинули бюджетную систему и не имеют статус бюджетных, они сохраняют некий оттенок публичности и связь с бюджетом. Представляется, что такой научный работник может быть привлечен к гражданской ответственности за неосновательное обогащение.

Таким образом, проведенный анализ грантовых правоотношений в области науки привел нас к следующим предварительным выводам. Во-первых, в процесс получения бюджетных субсидий вовлечено большое количество участников, которые не являются получателями бюджетных средств. При этом они также могут допустить нарушения, которые сопряжены с высоким уровнем общественной опасности и вопреки интересам государства. Во-вторых, за рамками ст. 285^1 УК РФ остались такие нарушения в области использования бюджетных средств, в частности, грантов на научные исследования, как нарушения при отборе заявок на получение бюджетных средств; нарушения условий получения бюджетных средств; недостижение результатов, которые были заявлены при получении бюджетных средств и профинансированы за счет них.

В-третьих, организации – получатели субсидий не являются получателями бюджетных средств, а значит, не могут допустить нецелевое расходование бюджетных средств. В-четвертых, открытым остается вопрос с уголовной ответственностью физических лиц – ученых, получивших гранты, однако умышленно не выполнивших свои научные обязательства.

Выводы и предложения

На основании изложенного приходим к следующим выводам. Во-первых, преступление, предусмотренное ст. 285^1 УК РФ, целесообразно поместить в разд. VII «Преступления в сфере экономической деятельности» гл. 21 «Преступления против собственности». Предложение связано с тем, что при нецелевом использовании бюджетных средств нарушаются интересы собственника

бюджетных средств соответствующего публично-правового образования. Исходя из конституционного принципа равенства всех форм собственности, государственная (муниципальная) собственность должна охраняться аналогичными с иными формами собственности способами. Кроме того, данные изменения позволят расширить субъектный состав лиц, которые могут быть привлечены к ответственности за нецелевое использование бюджетных средств, за счет лиц, выполняющих организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в организациях частного сектора, которые также могут являться получателями целевых средств бюджета (по УК РФ они не относятся к должностным лицам).

Во-вторых, наблюдается расхождение терминологии, используемой в ст. 285^1 УК РФ и Бюджетном кодексе РФ. Для устранения юридических неточностей и сложностей в толковании рассматриваемого состава при изложении объективной стороны ст. 285^1 УК РФ следует придерживаться понятийного аппарата бюджетного законодательства. В частности, предлагается заменить слова «расходование бюджетных средств» на «использование бюджетных средств», а также вместо слов «должностным лицом получателя бюджетных средств» указать «должностным лицом получателя бюджетных средств или субъекта, которому предоставляются бюджетные средства». В обязательном порядке в перечень документов, которые перечислены в ст. 285^1 УК РФ и в которых указаны источники информации о целях расходования бюджетных средств, должно быть включено соглашение (договор) о предоставлении бюджетных средств. В общем и целом объективные стороны правонарушений, изложенных в ст. 285^1 УК РФ, ст. 15.14 КоАП РФ и ст. 306^4 БК РФ, должны быть гармонизированы. За основу необходимо взять редакцию ст. 306^4 БК РФ.

В-третьих, исследуемая уголовно-правовая норма нацелена на пресечение нецелевого использования бюджетных средств участниками бюджетного процесса, а именно получателями бюджетных средств. Однако определение данных категорий в Бюджетном кодексе РФ дает возможность причислить к ним лишь небольшой круг субъектов, которым предоставляются бюджетные средства на условиях целевого использования. Отсюда предложение – расширить перечень субъектов ответственности по ст. 285^1 УК РФ, а именно слова «должностным лицом получателя бюджетных средств» заменить словами «должностным лицом получателя бюджетных средств либо иным получателем средств бюджетов». Данная формулировка позволит привлекать к уголовной ответственности должностных лиц государственных и муниципальных автономных и бюджетных учреждений, а также унитарных предприятий. Кроме того, необходимо откорректировать понятие должностного лица, применяемое в ст. 285^1 УК РФ. В текущей редакции оно не включает лиц, обладающих организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями в организациях частного сектора, а значит данные субъекты выпадают из зоны уголовной ответственности данной статьи. Между тем частные организации наравне с публичными часто получают целевое бюджетное финансирование.

В-четвертых, необходимо ввести уголовную ответственность за иные нарушения в области использования бюджетных средств, в частности грантов на научные исследования, а именно: нарушение при отборе заявок на получение бюджетных средств; нарушение условий получения бюджетных средств; недостижение результатов, которые были заявлены при получении бюджетных средств и профинансированы из бюджета.

Кроме того, на обсуждение научной общественности стоит поставить вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности за указанные нарушения не только должностных, но и иных причастных к этому лиц, например, членов конкурсных комиссий по отбору проектов на грантовое финансирование, а также физических лиц – непосредственных получателей научных грантов. Полагаем, что сами ученые также должны нести уголовную ответственность за нарушение взятых научных обязательств, если данные действия они допустили умышленно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева Е.М.* Финансово-правовые основы взаимного делегирования полномочий субъектов публичной власти в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 256.
2. *Ступаченко Е.В.* О некоторых вопросах законодательного противодействия нецелевому использованию бюджетных средств // Финансовое право. 2019. № 1. С. 31–34.

REFERENCES

1. *Andreeva E.M.* Financial and legal bases of mutual delegation of powers of public authorities in the Russian Federation: dis. ... Doctor of Law. M., 2018. P. 256 (in Russ.).
2. *Stupachenko E.V.* On some issues of legislative counteraction to the misuse of budget funds // Financial Law. 2019. No. 1. P. 31–34 (in Russ.).

Сведения об авторах

АНДРЕЕВА Елена Михайловна –
доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой финансового права
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета; 191023
г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21

ЗАПОЛЬСКИЙ Сергей Васильевич –
доктор юридических наук, профессор, главный
научный сотрудник Института государства и
права Российской академии наук; 119019
г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ANDREEVA Elena M. –
Doctor of Law, associate Professor, Chief of
Financial Law Department, Saint-Petersburg state
University of Economics; 21 Sadovaya str., 191023
Saint-Petersburg, Russia

ZAPOLSKII Sergey V. –
Doctor of Law, Professor, chief researcher,
Institute of State and Law of the Russian Academy
of Sciences; 10 Znamenka str.,
119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 81–89
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 81–89

УДК 342

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

© 2021 г. А. С. Руднев

Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, п. Старотеряево

E-mail: Rudnef78@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.03.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем установления административной ответственности юридических лиц, наступающей за совершение правонарушений в области дорожного движения. На основе анализа административно наказуемых деяний юридических лиц, предусмотренных в гл. 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, сформулированы и обоснованы предложения, направленные на дальнейшее совершенствование законодательства об административной ответственности юридических лиц в области дорожного движения.

Ключевые слова: административная ответственность, административное приостановление деятельности, административный штраф, обязанности юридических лиц, основные требования к юридическим лицам, субъекты административной ответственности, юридические лица.

Цитирование: *Руднев А.С.* Проблемы установления административной ответственности юридических лиц за правонарушения в области дорожного движения и пути их решения // Государство и право. 2021. № 8. С. 81–89.

DOI: 10.31857/S102694520016389-8

PROBLEMS OF ESTABLISHING ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF LEGAL ENTITIES FOR TRAFFIC OFFENSES AND WAYS TO SOLVE THEM

© 2021 A. S. Rudnev

Moscow regional branch of Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, village Staroteryaevo

E-mail: Rudnef78@yandex.ru

Received 26.03.2021

Abstract. The article is devoted to the consideration of the problems of establishing the administrative responsibility of legal entities that occur for committing offenses in the field of road traffic. Based on the analysis of the administratively punishable acts of legal entities provided for in Chapter 12 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, proposals aimed at further improving the legislation on administrative liability of legal entities in the field of road traffic are formulated and justified.

Key words: administrative responsibility, administrative suspension of activity, administrative penalty, obligations of legal entities, basic requirements for legal entities, subjects of administrative responsibility, legal entities.

For citation: *Rudnev, A.S. (2021).* Problems of establishing administrative responsibility of legal entities for traffic offenses and ways to solve them // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 81–89.

Обеспечение безопасности дорожного движения было и остается одной из актуальных задач государства. Немаловажную роль в ее решении играет деятельность юридических лиц, непосредственно участвующих в организации, обеспечении и осуществлении процесса дорожного движения.

За неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей в рассматриваемой сфере деятельности юридические лица привлекаются к административной ответственности в соответствии со статьями гл. 12 «Административные правонарушения в области дорожного движения» КоАП РФ.

В ч. 2 ст. 12.31 КоАП РФ ответственность юридических лиц наступает за выпуск на линию транспортного средства, имеющего неисправности, с которыми запрещена эксплуатация (за исключением случаев, предусмотренных в ч. 2 ст. 11.23 Кодекса), или переоборудованного без соответствующего разрешения.

Определение термина «выпуск на линию транспортного средства» в нормативных правовых актах не содержится. В соответствии со сложившейся практикой под этим понимается разрешение на выезд из гаража, автохозяйства и т.п., данное должностным лицом, ответственным за техническое состояние и эксплуатацию транспортных средств[1].

Перечень неисправностей, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств, содержится в Основных положениях по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения (далее – Основные положения)[2].

Переоборудование транспортных средств регламентируется Правилами внесения изменения в конструкцию находящихся в эксплуатации колесных транспортных средств и осуществления последующей проверки выполнения требований технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств»[3].

Выдача разрешений на внесение изменений в конструкцию находящихся в эксплуатации колесных транспортных средств осуществляется подразделениями Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России в соответствии с Административным регламентом[4].

Согласно п. 12 Основных положений должностным и иным лицам, ответственным за техническое состояние и эксплуатацию транспортных средств, запрещается выпускать на линию транспортные средства, имеющие неисправности, с которыми запрещается их эксплуатация, или переоборудованные без соответствующего разрешения.

В соответствии со ст. 20 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»[5] (далее – Федеральный закон о БДД) к юридическим лицам, деятельность которых связана с эксплуатацией транспортных средств, предъявляются определенные требования по обеспечению безопасности дорожного движения[6].

В их число входит обязанность обеспечения соответствия технического состояния транспортных средств требованиям законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения и законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, а также требованиям международных договоров Российской Федерации и не допущение транспортных средств к эксплуатации при наличии у них неисправностей, при которых эксплуатация транспортных средств запрещена (п. 1 ст. 20 Федерального закона о БДД).

Однако в ч. 2 ст. 12.31 КоАП РФ административная ответственность юридических лиц за неисполнение или ненадлежащее исполнение соответствующих обязанностей не установлена.

Кроме того, как было отмечено ранее, следует учесть, что в диспозиции данной нормы в качестве исключения упомянуты случаи, предусмотренные в ч. 2 ст. 11.23 КоАП РФ (имеется в виду выпуск на линию транспортного средства без тахографа,

---

[1] См., напр.: Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / под общ. ред. Н.Г. Салищевой. 7-е изд. М., 2011. С. 477.

[2] См.: постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23.10.1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» // САПП РФ. 1993. № 47, ст. 4531.

[3] См.: постановление Правительства РФ от 06.04.2019 г. № 413 «Об утверждении Правил изменений в конструкцию находящихся в эксплуатации колесных транспортных средств и осуществления последующей проверки выполнения требований технического регламента Таможенного союза “О безопасности колесных транспортных средств”» // СЗ РФ. 2019. № 15 (ч. IV), ст. 1779.

[4] См.: приказ МВД России от 10.09.2019 г. № 612 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по выдаче разрешения на внесение изменений в конструкцию находящегося в эксплуатации колесного транспортного средства». URL: http://www.pravo.gov.ru, 06.11.2019 (дата обращения: 08.02.2021).

[5] См.: СЗ РФ. 1995. № 50, ст. 4873.

[6] См. подр.: *Руднев А.С.* Юридические лица, осуществляющие деятельность по эксплуатации транспортных средств и образовательную деятельность // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 256–261.

если его установка предусмотрена, либо с нарушением установленных требований к использованию тахографа).

В отличие от ч. 2 ст. 12.31 КоАП РФ в ч. 2 ст. 11.23 за подобные нарушения установлена ответственность юридических лиц в виде административного штрафа в размере от 20 тыс. до 50 тыс. руб.

По нашему мнению, с учетом изложенного имеются все основания для внесения изменений в ч. 2 ст. 12.31 КоАП РФ путем включения в нее положений аналогичного характера.

Далее проведем сравнительно-правовой анализ ст. 12.32 и 12.32[1] КоАП РФ, которые по своему содержанию близки.

Объективная сторона состава, включенного в ст. 12.32 Кодекса, выражается в нарушении запрета должностным и иным лицам, ответственным за техническое состояние и эксплуатацию транспортных средств, допускать к управлению транспортными средствами водителей, находящихся в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), а также лиц, не имеющих права управления транспортным средством данной категории.

Составом указанного правонарушения охватываются случаи допуска к управлению транспортным средством лица, не имеющего права управления транспортными средствами вообще либо лишенного такого права[7]. Санкция данной статьи предусматривает назначение юридическим лицам административного штрафа в размере 100 тыс. руб.

Объективная сторона ст. 12.32[1] КоАП РФ выражается в нарушении запрета допускать к управлению транспортным средством водителя, не имеющего в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения, российского национального водительского удостоверения.

Положение о недопущении управления транспортными средствами на основании иностранных национальных или международных водительских удостоверений при осуществлении предпринимательской и трудовой деятельности, непосредственно связанной с управлением транспортными средствами, включено в п. 13 ст. 25 Федерального закона о БДД.

На юридических лиц, осуществляющих эксплуатацию транспортных средств, вышеуказанная обязанность возлагается в соответствии с п. 1 ст. 20 Федерального закона о БДД.

Однако административная ответственность юридического лица, не выполнившего установленную обязанность, в ст. 12.32[1] КоАП РФ не установлена.

На наш взгляд, было бы целесообразно предусмотреть указанную ответственность, включив оба рассмотренных состава административных правонарушений в одну статью с разделением ее на две части.

Далее рассмотрим ст. 12.21[2] КоАП РФ, предусматривающую административную ответственность юридических лиц за нарушение правил перевозки опасных грузов.

Ныне действуют Правила перевозок грузов автомобильным транспортом, утвержденные постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2020 г. № 2200[8] (далее – Правила перевозки грузов).

Перевозка опасных грузов автомобильным транспортом в городском, пригородном и междугородном сообщении осуществляется в соответствии с требованиями, установленными Соглашением о международной дорожной перевозке опасных грузов от 30 сентября 1957 г. (ДОПОГ)[9] (п. 3 Правил перевозки грузов).

По ч. 1 ст. 12.21[2] КоАП РФ ответственность наступает за перевозку опасных грузов водителем, не имеющим свидетельства о подготовке водителей транспортных средств, перевозящих опасные грузы, свидетельства о допуске транспортного средства к перевозке опасных грузов, специального разрешения или аварийной карточки системы информации об опасности, а равно перевозка опасных грузов на транспортном средстве, конструкция которого не соответствует требованиям правил перевозки опасных грузов или на котором отсутствуют элементы системы информации об опасности либо оборудование или средства, применяемые для ликвидации последствий происшествия при перевозке опасных грузов, либо несоблюдение условий перевозки опасных грузов, предусмотренных указанными правилами.

Совершение подобных деяний юридическим лицом влечет наказание, которое представляет собой административный штраф в размере от 400 тыс. до 500 тыс. руб.

Согласно ч. 2 данной статьи за иное нарушение правил перевозки опасных грузов юридическое лицо наказывается штрафом меньшего размера – от 150 тыс. до 250 тыс. руб.

---

[7] См., напр.: *Якимов А. Ю.* Прекращение, приостановление и восстановление действия права на управление транспортными средствами, участвующими в дорожном движении (основания и процедуры) // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 40, 41.

[8] См.: СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. II), ст. 8877.

[9] См.: Европейское соглашение о международной дорожной перевозке опасных грузов (ДОПОГ/ADR) (заключено в г. Женеве 30.09.1957 г.). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.02.2021).

В составах административных правонарушений в области дорожного движения для юридических лиц предусмотрены только два вида наказания: штраф и конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения (в отдельных случаях).

Очевидно, что административные наказания, применяемые к юридическим лицам, связаны между собой и образуют единую систему, объединенную общей целью: защитой правопорядка и воздействием на юридических лиц, совершивших административные правонарушения[10].

При этом, как было отмечено в юридической литературе, административные наказания должны быть адекватны как общественной опасности совершенных правонарушений, так и противоправной направленности совершивших их лиц[11].

В этой связи следует обратить внимание на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 3.2 КоАП РФ юридическому лицу может быть назначено такое наказание, как административное приостановление деятельности.

Для оценки целесообразности применения данного наказания за отдельные правонарушения в области дорожного движения представляется разумным прибегнуть к аналогии и рассмотреть лишение права управления транспортными средствами, назначаемого физическим лицам.

В соответствии с ч. 1 ст. 3.8 КоАП РФ лишение физического лица ранее предоставленного ему специального права устанавливается за грубое или систематическое нарушение порядка пользования этим правом.

Данный вид наказания применяется в целом ряде статей гл. 12 КоАП РФ, причем нередко в качестве квалифицирующего признака используется повторность (ч. 6 и 7 ст. 12.9, ч. 3 ст. 12.10, ч. 3 ст. 12.12 и др.).

Можно согласиться с мнением Ю.Н. Калюжного о том, что конкретизация признака повторности в отдельных частях статей, устанавливающих ответственность в области дорожного движения, наглядно показывает разнообразие административных правонарушений и значимость для государства установления в юридических нормах повышенной ответственности за совершение таковых в целях их искоренения и недопущения, имеющих наибольшую общественную опасность для общественных отношений в сфере дорожного движения[12].

Если для физических лиц при совершении грубых или повторных однородных правонарушений в области дорожного движения помимо административного штрафа предусмотрено более строгое наказание – лишение права управления транспортными средствами, логично предположить, что для юридических лиц таким наказанием может быть административное приостановление деятельности (ст. 3.12 КоАП РФ).

С учетом того факта, что перевозки опасных грузов автомобильным транспортом осуществляются, как правило, специализированными автопредприятиями, являющимися юридическими лицами, особую актуальность приобретает вопрос об усилении мер ответственности данных субъектов перевозочной деятельности.

Представляется целесообразным установить в ст. 12.21^2 КоАП РФ повышенную административную ответственность за нарушение правил перевозки опасных грузов, создавшее угрозу безопасности дорожного движения, и за повторное нарушение указанных правил.

Предлагается дополнить данную статью новой частью, предусмотрев за указанные деяния ответственность юридических лиц в виде административного приостановления деятельности на срок до 90 суток.

Далее обратимся к ст. 12.23 КоАП РФ, в ч. 3–6 которой устанавливается ответственность юридических лиц за нарушения различных требований, предъявляемых к перевозке детей.

По ч. 3 рассматриваемой статьи ответственность юридических лиц наступает за нарушение требований к перевозке детей, установленных в Правилах дорожного движения РФ (далее – ПДД)[13].

В частях 4, 5 и 6 ст. 12.23 КоАП РФ установлена ответственность юридических лиц за различные нарушения связанные с организованной перевозкой группы детей автобусами.

С 1 января 2021 г. вступили в силу Правила организованной перевозки группы детей автобусами, утвержденные постановлением Правительства РФ от 23 сентября 2020 г. № 1527[14] (далее – Правила).

---

[10] См.: *Шилов Ю.В.* Общая характеристика системы административных санкций, применяемых к юридическим лицам за совершение административных правонарушений // Полицейское право. 2005. № 4. С. 52–56.

[11] См.: *Якимов А.Ю.* Формирование административно-наказательной политики (концептуальная основа) // Административное право и процесс. 2006. № 2. С. 26–30.

[12] См.: *Калюжный Ю.Н.* Повторность, как квалифицирующий признак административных деликтов в области дорожного движения // Полицейская и следственная деятельность. 2019. № 2. С. 55–62.

[13] См.: постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23.10.1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» // САПП РФ. 1993. № 47, ст. 4531.

[14] См.: СЗ РФ. 2020. № 40, ст. 6259.

Юридические лица наказываются по ч. 4 ст. 12.23 КоАП РФ за организованную перевозку группы детей автобусами, не соответствующими требованиям Правил, либо водителем, не соответствующим требованиям Правил, либо без договора фрахтования или иных документов, предусмотренных Правилами.

За нарушение требований к организованной перевозке группы детей в ночное время (с 22 часов до 6 часов), установленных Правилами, юридические лица привлекаются к ответственности по ч. 5 рассматриваемой статьи. По ч. 6 ст. 12.23 КоАП РФ квалифицируются иные нарушения требований к перевозке детей, установленных Правилами.

Санкции ст. 12.23 КоАП РФ предусматривают назначение юридическим лицам наказания в виде административного штрафа (ч. 3, 4 и 6 – 100 тыс. руб., ч. 5 – 200 тыс. руб.).

Как показывает практика, деятельность по перевозке организованных групп детей автобусами в основном осуществляется автопредприятиями, являющимися юридическими лицами.

Обратим внимание на то, что в соответствии со ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»[15] рассматриваемая деятельность подлежит лицензированию.

В настоящее время действует Положение о лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами (далее – Положение о лицензировании), утвержденное постановлением Правительства РФ от 7 октября 2020 г. № 1616 «О лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами»[16].

Ответственность юридических лиц за осуществление предпринимательской деятельности с грубым нарушением требований и условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией), предусмотрена в ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ.

К грубым нарушениям лицензионных требований относятся нарушения, повлекшие возникновение угрозы причинения вреда жизни, здоровью граждан, вреда окружающей среде, угрозы чрезвычайных ситуаций техногенного характера, не говоря уже о нарушениях, повлекших человеческие жертвы или причинение средней тяжести либо тяжкого вреда здоровью граждан, вреда окружающей среде и возникновение чрезвычайных ситуаций техногенного характера (п. 11 ст. 19 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»).

Санкция ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ предусматривает назначение наказания юридическим лицам в виде штрафа в размере от 100 тыс. до 200 тыс. руб. или административного приостановления деятельности на срок до 90 суток.

Анализируя нормы, содержащиеся в ч. 4 ст. 12.23 и в ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ, можно сформулировать вывод о том, что их диспозиции частично совпадают.

Так, например, в диспозиции ч. 4 ст. 12.23 КоАП РФ упоминается о водителе, не соответствующем требованиям Правил, а в диспозиции ч. 4 ст. 14.1 указывается грубое нарушение лицензионных требований, в число которых согласно п. 39 Положения о лицензировании включено требование о допуске к управлению автобусами водителей, соответствующих требованиям Правил.

На наш взгляд, в данном случае имеется коллизия норм, которая создает неопределенность при принятии решения о квалификации совершенного правонарушения.

В этой связи нужно отметить, что норма, включенная в ч. 4 ст. 12.23 КоАП РФ, является специальной по отношению к положениям, содержащимся в ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ, причем она вступила в силу позже[17]. Полагаем, что отсюда вытекает применение именно этой нормы.

В целях предупреждения правонарушений, создающих угрозу жизни и здоровью людей, считаем целесообразным внести изменения в ст. 12.23 КоАП РФ, предусмотрев ответственность юридических лиц в виде штрафа в размере от 300 тыс. до 400 тыс. руб. или административного приостановления деятельности на срок до 90 суток за грубые нарушения требований Правил организованной перевозки группы детей автобусами.

Имеется в виду дополнение ст. 12.23 КоАП РФ частью с включением в диспозицию положений об организованной перевозке группы детей автобусами, не соответствующими требованиям ранее упомянутых Правил, либо водителем, не соответствующем требованиям Правил (с одновременным исключением данных положений из ч. 4), или совершении иных нарушений Правил, создавших угрозу безопасности дорожного движения.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что перевозчики нередко допускают повторные нарушения установленных Правил, что негативно сказывается на обеспечении безопасности перевозок.

[15] См.: СЗ РФ. 2011. № 19, ст. 2716.

[16] См.: СЗ РФ. 2020. № 42 (ч. II), ст. 6582.

[17] См.: Федеральный закон от 01.05.2016 г. № 138-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2016. № 18, ст. 2514.

Поэтому полагаем возможным одновременно проработать ситуацию об установлении повышенной ответственности юридических лиц за повторное совершение некоторых нарушений требований к перевозке детей, предусмотренных в ст. 12.23 КоАП РФ.

Далее рассмотрим составы административных правонарушений, содержащиеся в ст. 12.33 КоАП РФ, которые относятся к т.н. «материальным составам», поскольку их объективная сторона включает материальные последствия.

Во-первых, юридические лица привлекаются к административной ответственности за повреждение дорог и определенных элементов дорожной инфраструктуры.

При этом только наличие факта причинения повреждения не образует состава административного правонарушения, поскольку обязательным условием является создание угрозы безопасности дорожного движения.

Обратим внимание на то, что термин «угроза безопасности дорожного движения» не имеет легального толкования. На наш взгляд, с учетом того, что транспортные средства относятся к источникам повышенной опасности, имеются в виду угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, существенных повреждений транспортным средствам, сооружениям, грузам, а также вреда окружающей среде.

В юридической литературе высказывается мнение о том, что следует изменить редакцию диспозиции ст. 12.33 КоАП РФ, исключив упоминание о квалифицирующем признаке в виде угрозы безопасности дорожного движения.

Такое предложение аргументируется следующим образом: случаи разрушений проезжей части, обочин, различных элементов дорожной инфраструктуры встречаются довольно часто, поэтому лица, совершающие данные деяния должны нести юридическую ответственность, достаточную для компенсации ущерба, причиненного ими[18].

Признавая определенную логику такого рассуждения, считаем необходимым выступить в роли оппонентов и обратить внимание на следующие важные моменты.

Во-первых, не всякое повреждение дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений либо технических средств организации дорожного движения может фактически повлиять на безопасность дорожного движения.

В качестве примеров приведем случаи незначительных повреждений дорожных ограждений в результате контактов с транспортными средствами либо повреждений дорожного покрытия, допускаемых установленными нормативными требованиями[19].

Во-вторых, в соответствии с ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Предлагаемые изменения не будут отвечать целям и задачам законодательства об административных правонарушениях[20], т.к., по сути, имеется в виду замена гражданско-правовой ответственности (в части возмещения ущерба).

В-третьих, в соответствии с п. 5 ст. 26.1 КоАП РФ по делу об административном правонарушении выяснению подлежат характер и размер ущерба, причиненного административным правонарушением. При оценке доказательств, должностное лицо, осуществляющее производство по делу может и должно учитывать обстоятельства дела, характер и размер причиненного ущерба при вынесении постановления о назначении административного наказания.

Кроме того, необходимо учитывать позицию Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал, что меры административной ответственности и правила их применения, устанавливаемые законодательством об административных правонарушениях, должны не только отвечать характеру правонарушения, его опасности для защищаемых ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, личности правонарушителя и степени вины, гарантируя адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к административной ответственности, тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и сохраняя баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса,

[18] См.: *Кретов В.В., Севрюгин В.Е.* О необходимости установления административной ответственности за правонарушения в области дорожного хозяйства Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 386.

[19] См.: Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 50597–2017 «Дороги автомобильные и улицы. Требования к эксплуатационному состоянию, допустимому по условиям обеспечения безопасности дорожного движения. Методы контроля» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26.09.2017 г. № 1245-ст). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.02.2021).

[20] См., напр.:*Зырянов С.М.* Цели административной ответственности // Актуальные проблемы и перспективы административного и административно-процессуального права: сб. ст. М., 2020. С. 91–95.

состоящего в защите личности, общества и государства от административных правонарушений (например, Постановления Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 г. № 4-П[21], от 17.02.2016 г. № 5-П[22], от 18.01.2019 г. № 5-П[23]).

Дополнительным аргументом в пользу сохранения квалифицирующего признака в виде угрозы безопасности дорожного движения является тот факт, что несколько лет назад в п. 2.7 ПДД РФ был включен термин «опасное вождение»[24].

Оно выражается в последовательном совершении водителем ряда нарушений ПДД (несоблюдение бокового интервала или безопасной дистанции, резкое торможение, препятствование обгону и др.), если указанные действия создали угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба в результате дорожно-транспортного происшествия[25].

Что касается второго состава, содержащегося в рассматриваемой статье, то его объективная сторона заключается в умышленном создании помех в дорожном движении, в т.ч. путем загрязнения дорожного покрытия.

Необходимо отметить упоминание «умышленного создания помех». С учетом того, что умышленная форма вины установлена только для физических лиц (ч. 1 ст. 2.2 КоАП РФ), подобная редакция представляется неудачной.

Представляется логичным акцентировать внимание на общественной опасности совершаемых деяний и их последствий, указав на то, что создание помех повлекло возникновение угрозы безопасности дорожного движения.

Санкция в рассматриваемой статье применительно к юридическим лицам представляет собой штраф в размере 300 тыс. руб. Целесообразно внести изменения в эту санкцию статьи, установив следующий размер штрафа: от 100 тыс. до 300 тыс. руб.

Это позволит субъектам административной юрисдикции, рассматривающим дела данной категории, осуществлять индивидуализацию административной ответственности юридических лиц и тем самым обеспечивать соразмерность назначаемого административного наказания общественной опасности деяния.

Кроме того, в целях предотвращения повторных совершений указанных правонарушений полагаем целесообразным установить повышенную ответственность за это, введя новую часть статьи, и предусмотреть санкцию в виде штрафа в размере от 400 тыс. до 500 тыс. руб. либо административного приостановления деятельности на срок до 90 суток.

Теперь обратимся к ст. 12.34 КоАП РФ. В ч. 1 этой статьи установлена ответственность юридических лиц за несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений либо непринятие мер по своевременному устранению помех в дорожном движении, по осуществлению временного ограничения или прекращения движения транспортных средств на отдельных участках дорог в случаях, если пользование такими участками угрожает безопасности дорожного движения.

Следует указать на наличие пробельности нормы, в которой перечисляются виды дорожной деятельности. Согласно ст. 3 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[26] она представляет собой деятельность по проектированию, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, ремонту и содержанию автомобильных дорог.

На этом основании следует уточнить диспозицию ч. 1 ст. 12.34 КоАП РФ, упомянув о несоблюдении требований по обеспечению безопасности дорожного движения при капитальном ремонте автомобильных дорог.

В ч. 2 рассматриваемой статьи установлена ответственность юридических лиц за действия, указанные в диспозиции ч. 1 и повлекшие причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего.

Согласно примечанию к указанной статье причинение легкого вреда здоровью означает кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, а под причинением средней тяжести вреда здоровью понимается неопасное для жизни длительное расстройство здоровья или значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть.

Санкция, содержащаяся в ч. 1 ст. 12.34 КоАП РФ, применительно к юридическим лицам представляет собой штраф в размере от 200 тыс.

---

[21] См.: СЗ РФ. 2014. № 10, ст. 1087.

[22] См.: СЗ РФ. 2016. № 9, ст. 1308.

[23] См.: СЗ РФ. 2019. № 4, ст. 360.

[24] См.: постановление Правительства РФ от 30.05.2016 г. № 477 «О внесении изменения в правила дорожного движения Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 23, ст. 3325.

[25] См., напр.: *Майоров В.И., Бекетов О.И.* О нормативно-правовом определении понятия опасного вождения в контексте законодательства об административных правонарушениях // Вестник Омской юрид. академии. 2017. Т. 14. № 1. С. 77–81.

[26] См.: СЗ РФ. 2007. № 46, ст. 5553.

до 300 тыс. руб., а по ч. 2 – штраф в размере от 400 тыс. до 500 тыс. руб.

По аналогии с ранее сформулированными предложениями полагаем целесообразным усилить административную ответственность, установленную в ч. 2 рассматриваемой статьи, предусмотрев альтернативу в виде административного приостановления деятельности на срок до 90 суток.

В ст. 12.31[1] КоАП РФ установлена ответственность юридических лиц за нарушения требований обеспечения безопасности перевозок пассажиров и багажа, грузов автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом.

Данная деятельность регулируется как на законодательном уровне – Федеральным законом от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного и городского наземного электрического транспорта»[27], так и подзаконными нормативными правовыми актами.

Ныне действуют Правила перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом, утвержденные постановлением Правительства РФ от 1 октября 2020 г. № 1586[28] (далее – Правила перевозок пассажиров и багажа).

Акцентируем внимание на отдельных частях ст. 12.31[1] КоАП РФ. Так, согласно ч. 3 этой статьи юридические лица привлекаются к ответственности за осуществление упомянутых перевозок с нарушением требований о проведении предрейсового контроля технического состояния транспортных средств.

Эта обязанность возложена на юридических лиц в соответствии с п. 2 ст. 20 Федерального закона о БДД, согласно которому они обязаны организовывать и проводить предрейсовый или предсменный контроль технического состояния транспортных средств в порядке, установленном Минтрансом России.

В ч. 4–6 рассматриваемой статьи ответственность юридических лиц предусмотрена за различные нарушения Правил обеспечения безопасности перевозок пассажиров и грузов автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом, которые также утверждаются Минтрансом России (п. 2 ст. 20 Федерального закона о БДД).

К ним относятся следующие правонарушения: нарушение требований обеспечения безопасности перевозок пассажиров и грузов в особых условиях (ч. 4); нарушение требования о запрете допускать водителей к работе, связанной с управлением транспортными средствами, без прохождения ими соответствующих инструктажей (ч. 5); нарушение указанных Правил, за исключением случаев, предусмотренных в ч. 1–5 ст. 12.31[1], ст. 11.15[1], 11.23 и 12.21[1] КоАП РФ (ч. 6).

Необходимо отметить, что в рамках реализации механизма «регуляторной гильотины» с 1 января 2021 г. утратили силу Порядок организации и проведения предрейсового или предсменного контроля технического состояния транспортных средств, утвержденный Приказом Минтранса России от 8 августа 2018 г. № 296, и Правила обеспечения безопасности перевозок пассажиров и грузов автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом, утвержденные Приказом Минтранса России от 15 января 2014 г. № 7[29].

При этом новые редакции указанных нормативных актов Минтрансом России не утверждены. Поэтому возникает вопрос о правомерности применения приведенных выше норм, содержащихся в ч. 3–6 ст. 12.31[1] КоАП РФ, который требует скорейшего разрешения.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что административная ответственность юридических лиц, являясь важным правовым средством охраны общественных отношений в области дорожного движения, имеет ряд недостатков.

По нашему мнению, предлагаемые изменения в КоАП РФ в части, касающейся административной ответственности юридических лиц за правонарушения в области дорожного движения, позволят оказать позитивное влияние на эффективность их деятельности в соответствующей сфере и будут способствовать снижению количества и тяжести последствий дорожно-транспортных происшествий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зырянов С. М.* Цели административной ответственности // Актуальные проблемы и перспективы административного и административно-процессуального права: сб. ст. М., 2020. С. 91–95.

[27] См.: СЗ РФ. 2007. № 46, ст. 5555.

[28] См.: СЗ РФ. 2020. № 41, ст. 6428.

[29] См.: постановление Правительства РФ от 26.12.2020 г. № 1742 «О признании утратившими силу актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации, об отмене некоторых актов и отдельных положений актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю при осуществлении федерального государственного транспортного надзора, федерального государственного контроля (надзора) в области транспортной безопасности, а также обязательные требования в области технического осмотра транспортных средств» // СЗ РФ. 2020. № 44, ст. 6999.

2. *Калюжный Ю. Н.* Повторность, как квалифицирующий признак административных деликтов в области дорожного движения // Полицейская и следственная деятельность. 2019. № 2. С. 55–62.
3. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / под общ. ред. Н.Г. Салищевой. 7-е изд. М., 2011. С. 477.
4. *Кретов В.В., Севрюгин В.Е.* О необходимости установления административной ответственности за правонарушения в области дорожного хозяйства Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 386.
5. *Майоров В.И., Бекетов О.И.* О нормативно-правовом определении понятия опасного вождения в контексте законодательства об административных правонарушениях // Вестник Омской юрид. академии. 2017. Т. 14. № 1. С. 77–81.
6. *Руднев А.С.* Юридические лица, осуществляющие деятельность по эксплуатации транспортных средств и образовательную деятельность // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 256–261.
7. *Шилов Ю.В.* Общая характеристика системы административных санкций, применяемых к юридическим лицам за совершение административных правонарушений // Полицейское право. 2005. № 4. С. 52–56.
8. *Якимов А.Ю.* Прекращение, приостановление и восстановление действия права на управление транспортными средствами, участвующими в дорожном движении (основания и процедуры) // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 40, 41.
9. *Якимов А.Ю.* Формирование административно-наказательной политики (концептуальная основа) // Административное право и процесс. 2006. № 2. С. 26–30.

Сведения об авторе

РУДНЕВ Александр Сергеевич –
заместитель начальника факультета переподготовки и повышения квалификации сотрудников подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения, Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя; 143100 Московская область, Рузский городской округ, п. Старотеряево

REFERENCES

1. *Zyryanov S.M.* Goals of administrative responsibility // Actual problems and prospects of Administrative and administrative-procedural Law: collection of art. M., 2020. P. 91–95 (in Russ.).
2. *Kalyuzhny Yu.N.* Repetition as a qualifying sign of administrative offenses in the field of traffic // Police and investigative activities. 2019. No. 2. P. 55–62 (in Russ.).
3. Commentary to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (article-by-article) / under the general ed. of N.G. Salishcheva. 7th ed. M., 2011. P. 477 (in Russ.).
4. *Kretov V.V., Sevryugin V.E.* On the need to establish administrative responsibility for offenses in the field of road management of the Russian Federation // Administrative and Municipal Law. 2015. No. 4. P. 386 (in Russ.).
5. *Mayorov V.I., Beketov O.I.* On the regulatory and legal definition of the concept of dangerous driving in the context of legislation on administrative offenses // Herald of the Omsk legal academy. 2017. Vol. 14. No. 1. P. 77–81 (in Russ.).
6. *Rudnev A.S.* Legal entities engaged in the operation of vehicles and educational activities // Herald of Economic Security. 2020. No. 2. P. 256–261 (in Russ.).
7. *Shilov Yu. V.* General characteristics of the system of administrative sanctions applied to legal entities for committing administrative offenses // Police Law. 2005. No. 4. P. 52–56 (in Russ.).
8. *Yakimov A. Yu.* Termination, suspension and restoration of validity of the right to drive vehicles involved in road traffic (the grounds and procedures) // Administrative Law and process. 2017. No. 10. P. 40, 41 (in Russ.).
9. *Yakimov A. Yu.* The formation of an administrative penalty policy (the conceptual framework) // Administrative Law and process. 2006. No. 2. P. 26–30 (in Russ.).

Authors' information

RUDNEV Alexander S. –
Moscow regional branch of Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 143100 village Staroteryaevo, Ruzsky city district, Moscow region, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 90–99
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 90–99

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 349.2

ЗАНЯТОСТЬ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОКТРИНЕ: КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2021 г. О. Ю. Павловская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: olga_pavlovskay@hse.ru

Поступила в редакцию 08.07.2020 г.

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению феномена занятости населения. На основе анализа сложившихся в отечественной экономической и юридической науке подходов к определению дефиниции занятости, классификации ее видов и форм, обосновывается целесообразность применения узкого и широкого подходов трактовки понятия занятости. В статье также исследованы эволюция нестандартных форм занятости и ее новые формы в условиях цифровизации экономических отношений с указанием имеющихся проблем и возможных путей их решения. Выделяется тенденция роста в современных условиях неустойчивой самостоятельной (прекаризованной) занятости, ставшей предметом продолжительной научной дискуссии. Предложено авторское определение занятости как правовой категории.

Ключевые слова: занятость населения, неустойчивая занятость, нестандартные формы занятости, самостоятельная занятость, рынок труда, трудовая занятость.

Цитирование: *Павловская О.Ю.* Занятость как правовая категория в отечественной доктрине: классика и современность // Государство и право. 2021. № 8. С. 90–99.

DOI: 10.31857/S102694520015046-1

EMPLOYMENT AS A LEGAL CATEGORY IN THE HOMELAND DOCTRINE: CLASSIC AND MODERN

© 2021 O. Yu. Pavlovskaya

E-mail: olga_pavlovskay@hse.ru

Received 08.07.2020

Abstract. The article is devoted to the theoretical understanding of the phenomenon of employment. Based on the analysis of existing approaches to the definition of employment, classification of its types and forms in the Russian economic and legal science, the expediency of applying narrow and broad approaches to the interpretation of the concept of employment is justified. The article also sheds light on the evolution of non-standard forms of employment into new forms in the conditions of digitalization of economic relations, indicating the existing problems and possible ways to solve them. The article highlights the growth trend in modern conditions of unstable independent (precarized) employment, which has become the subject of a long scientific discussion. The author's definition of employment as a legal category is proposed.

Key words: employment of the population, unstable employment, non-standard forms of employment, self-employment, labor market, labor employment.

For citation: *Pavlovskaya, O. Yu. (2021).* Employment as a legal category in the homeland doctrine: classic and modern // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 90–99.

В российской науке занятость традиционно рассматривается как две связанные категории: как экономическая, «что определяется экономической природой самого рынка», и как правовая категория, «что обусловлено правовым статусом субъектов, занятых на рынке труда»[1].

Экономисты, исследуя понятие занятости, как правило, указывают на ее социально-экономическую сущность.

Например, Н.Д. Гаузнер рассматривает занятость как условие формирования производительной силы общества, тем самым выступающей одной из основных жизненных потребностей населения[2].

А.Э. Котляр определяет занятость как всеобщую экономическую категорию, существующую во всех общественных формациях, а также общественные отношения между людьми, в основном, экономические и правовые, по поводу включения работника в определенную кооперацию труда на конкретном рабочем месте[3].

Встречается и более широкая формулировка занятости, например, предложенная Б.Д. Бреевым, раскрывающая ее сущность с «двух позиций»: с позиции производства и накопления, где речь идёт об обеспечении населения рабочими местами, и как процесс обеспечения человека первостепенными средствами существования[4].

Трактовку занятости в широком и узком смысле этого слова используют в своей работе П.А. Чукреев и Е.В. Корытова[5].

Некоторые авторы, опираются в своих рассуждениях на определении занятости как категории общественного производства, не отождествляющейся с трудом и использованием рабочей силы[6].

Не останавливаясь подробно на регламентации данного понятия учеными-экономистами, отметим, что при некотором различии даваемых определений все же они сходятся во мнении о том, что занятость следует рассматривать как сложное социально-экономическое явление, выступающее составной частью общественного производства[7].

Ученые-юристы как представители науки трудового права, говоря о правовом, юридическом понятии занятости, также в целом не единодушны в подходах к определению сущности этого понятия.

Например, В.С. Андреев рассматривал занятость «как условие включения в процесс производства». При этом сущность занятости он определял с нескольких позиций: с позиций производства, где труд является его условием, т.к. для организации процесса производства необходимо соединить работника со средствами производства; с позиций потребления, предусматривающих реализованную трудообеспеченность, согласно которой предоставляемые работником услуги материально вознаграждаются; с позиций разделения труда, т.е. закрепление работника за какой-либо сферой деятельности[8].

В формулировке О.М. Медведева эта дефиниция звучит как «удовлетворение потребности трудоспособного населения в сфере общественного и личного труда в не противоречащих законодательству формах и направленную на получение заработка (трудового дохода) или иного вознаграждения»[9].

Е.Е. Орлова поддерживает мнение С.Х. Джиоева[10], говоря о том, что «занятость – это не просто деятельность, как правовая категория, она характеризуется не только указанными в ст. 1 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1031-1 «О занятости населения в Российской Федерации»[11] (далее – Закон РФ № 1031-1) признаками: направленности на удовлетворение личных и общественных потребностей, легальности и доходности». С ее точки зрения, занятости характерны и признаки свободы и доступности[12].

И.В. Храновский, вследствие проведенного анализа доктринальных подходов к определению

---

[1] *Котова С.И.* Правовое положение прекриата на рынке труда и концепция занятости: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 44.

[2] См.: *Гаузнер Н.Д.* Методы регулирования занятости в странах Запада // Проблемы теории и практики управления. 1993. № 1. С. 97.

[3] См.: *Котляр А.Э.* Теоретические проблемы занятости остаются актуальными // Человек и труд. 1995. № 2. С. 49; 1996. № 5. С. 9.

[4] См.: *Бреев Б.Д.* Становление рыночных отношений и занятость населения // Общество и экономика. 1995. № 7–8. С. 162, 163.

[5] См.: *Чукреев П.А., Корытова Е.В.* Занятость населения и её регулирование: учеб. пособие. Улан-Удэ, 2010. С. 22.

[6] См. подр.: *Иванова В.Н., Безденежных Т.И.* Управление занятостью населения на местном уровне: учеб. пособие. М., 2002. С. 11.

[7] См.: *Бреев Б.Д.* Безработица в современной России. М., 2005. С. 11.

[8] См.: *Андреев С.В.* Кадровый потенциал и проблемы занятости в условиях перехода России к рыночным отношениям. М., 1997. С. 56.

[9] *Медведев О.М.* Правовые проблемы обеспечения занятости населения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 16.

[10] См.: *Джиоев С.Х.* Правовые проблемы содействия трудовой занятости. М., 2006. С. 20.

[11] См.: СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1915.

[12] См.: *Орлова Е.Е.* Занятость как правовая категория: понятие и признаки // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 14–17.

рассматриваемого понятия[13] обращает внимание, в частности, на тот факт, что одни авторы определяют занятость как деятельность граждан, другие – придерживаются мнения, что понятие занятости необходимо рассматривать с точки зрения общественных отношений[14].

Отдавая должное представленной ниже точке зрения, все же выскажем предположение, что отмеченные в указанном исследовании подходы обусловлены позициями авторов, которые исходят из узкого или широкого смысла трактовки понятия занятости.

Феномен занятости обусловлен неоднозначностью этого явления, что, по сути, вытекает из норм Закона РФ № 1031-1.

Действительно, согласно ст. 1 указанного Закона занятость – это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход.

Вместе с тем анализ положений ст. 2 данного Закона позволяет говорить о том, что указанный термин включает в себя кроме трудовой занятости также и предпринимательскую, самостоятельную, занятость военнослужащих и др.

Как отмечено в литературе, перечисленные выше виды деятельности в совокупности с деятельностью, не приносящей дохода, направленной на удовлетворение личных и общественных интересов, но выходящей за рамки определения занятости, содержащегося в ст. 1 Закона РФ № 1031-1, рассматриваются как занятость в широком смысле[15].

В данном контексте представляется справедливой точка зрения, высказанная Г.С. Скачковой, что «все эти виды занятости объединены общим понятием “занятость”, определяемым в Законе о занятости», именно из «широкого понимания занятости в экономическом его значении исходит большинство ученых-трудовиков»[16].

Ввиду многоплановости и сложности унификации этого явления преемственность применения широкой и узкой трактовок занятости сохраняется и в новейших исследованиях.

Примером тому может служить определение занятости как правовой категории, предложенное, в частности, С.И. Котовой. По мнению указанного автора, занятость населения в широком смысле – «это совокупность общественных отношений в сфере занятости, которую регулирует государство с помощью норм права». В узком смысле – «это деятельность экономически активного населения, которая создает предпосылки для наличия у занятого гражданина правового статуса в связи с его экономико-правовой активностью по реализации права на свободный труд на рынке труда и с его трудовой деятельностью непосредственно для достижения достойного уровня жизни»[17].

На широком разнообразии акцентируются классификации занятости, которая традиционно осуществляется по видам и формам.

В некоторых случаях авторы формы занятости отождествляют с ее видами[18].

В доктрине по этому поводу существует, как представляется, компромиссная точка зрения, позволяющая разграничивать названные термины: «в случаях, когда речь идет о формах занятости, прежде всего, имеются ввиду ее экономические характеристики, отражающие в целом направление государственной политики в области занятости и охватывающие все экономически активное население. Применительно же к конкретному человеку большее практическое значение имеет деление занятости на виды»[19].

Переходя к анализу классификаций видов занятости, отметим, что в правовой доктрине традиционно выделяют неполную, полную и эффективную занятость.

Полная занятость предполагает равновесие между предложением рабочей силы и спросом на нее как в стране в целом, так и по отдельным регионам. Применительно к конкретному гражданину полная занятость означает, что гражданин занят полное рабочее время с получением соответствующего вознаграждения.

Неполная занятость – это занятость граждан в неполное рабочее время либо по желанию работника, либо по экономическим причинам, когда сокращается длительность рабочего времени с согласия или без согласия работников.

С качественной стороны занятость отражает понятие «эффективной занятости», которая

---

[13] См.: *Храновский И.В.* Правовой статус безработных граждан в России и некоторых зарубежных странах в период мирового финансового экономического кризиса (сравнительно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 15.

[14] См.: там же. С. 20.

[15] См.: *Сулейманова Г.В.* Трудоустройство и занятость. Правовое регулирование. М., 1999. С. 5.

[16] *Скачкова Г.С., Шугаев А.А.* Занятость и трудоустройство в современной России: состояние и перспективы развития. М., 2015. С. 42.

[17] *Котова С.И.* Указ. соч. С. 18.

[18] См.: *Андреева Л.А., Медведев О.М. К* вопросу о понятиях трудовой занятости и ее обеспечения // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: сб. науч. тр. М., 2000. С. 23.

[19] *Собченко О.В.* Некоторые правовые проблемы занятости населения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 39.

предполагает способность общественного управления воспроизводить социально-экономические условия развития работников, диктуемые критериями образа жизни на данном этапе развития общества. Эффективной может быть занятость населения, которая обеспечивает достойный труд, здоровье, развитие личности, рост образовательного и профессионального уровня для каждого члена общества на основе роста общественной производительности труда. Вместе с тем «в новой экономике, в условиях, которые уже частично произошли, и неизбежно будут нарастать»[20], достижение эффективной занятости предполагает: с одной стороны, ее трансформацию в новые формы занятости, которые должны способствовать наиболее рациональному использованию человеческих ресурсов, с другой – наиболее соответствовать интересам человека труда[21].

В науке существуют и иные подходы к классификации занятости: исследователи выделяют виды и формы занятости в зависимости от различных критериев: сферы общественно полезной деятельности (трудовая, учебная и др.), экономических и экономико-естественных особенностей (типа хозяйства, содержания труда, квалификации, пола и т.д.) и др.

Например, О.М. Медведев в зависимости от целевой направленности выделяет три основных вида занятости: учебная, трудовая, занятость на военной службе и службе в органах внутренних дел[22].

При этом, как уже было отмечено ранее, под трудовой занятостью им понимается занятость граждан в сфере общественного и личного труда в не противоречащих законодательству видах, направленная на получение заработка (трудового дохода) или иного вознаграждения, так и не имеющая такой цели.

С.П. Маврин и Е.Б. Хохлов, говоря о наличии трудовой и нетрудовой занятости, в трудовой занятости, в свою очередь, различают занятость в сфере наемного труда и самодеятельную занятость. При этом к трудовой занятости в сфере наемного труда они относят работу по трудовому договору; работу на основании гражданско-правового договора, предметом которого является труд; работу на основании акта избрания или акта назначения; военную службу по контракту и приравненную к ней службу. Все эти виды занятости, по мнению указанных авторов, характеризуются тем, что «их правовой формой выступает договор и вознаграждение, размер которого прямо не зависит от дохода работодателя. К трудовой занятости самодеятельного характера относится членство в производственных кооперативах, работа в подсобных промыслах и реализация продукции по договорам; занятие предпринимательской деятельностью; неоплачиваемый труд на семейных предприятиях»[23].

Иной подход к классификации по видам занятости предлагает И.В. Храновский, выделив несколько основных признаков, по которым, по его мнению, целесообразно классифицировать все виды занятости. Так, например, по степени вовлеченности трудовых ресурсов в социально-экономическую (трудовую деятельность) он предлагает выделить такие виды занятости, как полная и неполная (частичная) занятость. По качеству вовлеченности трудовых ресурсов в социально-экономическую (трудовую) деятельность данный автор относит социально полезную занятость, подразумевающую, как правило, участие в общественном производстве, а также удовлетворение общественных потребностей, рациональную (продуктивную) занятость и эффективную занятость[24]. По схожим критериям рассматривают полную, продуктивную и свободно избранную занятость и отдельные ученые-экономисты[25].

В науке довольно широко представлены классификации по формам занятости. Остановимся на некоторых из них.

Например, основу классификации, разработанную представителями экономической науки, в частности В.Е. Гимпельсоном и Р.И. Капелюшниковым[26], составляют две основные формы занятости: стандартная и нестандартная. Последняя дифференцируется ими на следующие формы: неполная занятость; временная занятость; занятость на основе договоров гражданско-правового характера; занятость в компаниях, осуществляющих лизинг персонала, вторичная занятость; неформальная занятость (в том числе индивидуальная; по найму физических лиц; занятость в домашнем хозяйстве; нерегистрируемая занятость). Существует точка зрения, что такая классификация является актуальной, поскольку она «акцентируется на разнообразии новых форм занятости в современном мире»[27].

В трудо-правовой доктрине занятость принято подразделять на стандартную (типичную)

[20] *Гимпельсон В.Е.* Пора хорошенько почистить наш Трудовой кодекс // Закон. 2019. № 11. С. 13.

[21] См.: *Чукреев П.А., Корытова Е.В.* Указ. соч. С. 25.

[22] См.: *Медведев О.М.* Указ. соч. С. 15.

[23] Трудовое право России: учеб. / под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. М., 2002. С. 229.

[24] См.: *Храновский И.В.* Указ. соч. С. 20–24.

[25] См.: *Чукреев П.А., Корытова Е.В.* Указ. соч. С. 25–27.

[26] См.: *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 122–143.

[27] *Дикусарова М.Ю., Агрицкая А.И., Волуглина А.Н.* Теоретико-методологические подходы к исследованию занятости населения // Экономическая наука и практика: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2018 г.). Чита, 2018. С. 3, 4.

и нестандартную (нетипичную) – в зависимости от специфики организации трудового процесса.

Стандартная (типичная) занятость предполагает работу по найму в режиме полного рабочего времени на основе бессрочного трудового договора на стационарном рабочем месте под непосредственным руководством работодателя, иными словами, «в рамках классического правоотношения, когда все признаки трудового отношения сохранены»[28].

Все формы занятости, отклоняющиеся от описанного стандарта (при сохранении всех трудо-правовых гарантий, вытекающих из трудового договора), рассматриваются как нестандартные (нетипичные)[29]. При этом к нестандартным (нетипичным) формам занятости относят формы, для которых характерны самостоятельное распределение и рациональное использование рабочего времени: надомный труд; неполная или временная занятость; занятость, связанная с нестандартными режимами рабочего времени (гибкий рабочий год, укороченная (сжатая) рабочая неделя, гибкие графики рабочего времени, посменная работа); занятость по нестандартным организационным формам (временная работа, совместительство); занятость на работах с нестандартными рабочими местами и (или) организацией труда (надомный труд, вахтово-экспедиционная деятельность и др.).

Позднее к ним добавились заёмный и дистанционный труд, работа на интернет-платформах и другие нестандартные формы занятости[30].

Активизация процессов внедрения технологических новаций, использования информационно-коммуникационных технологий служат отправной точкой для развития как новых форм занятости, так и новых форм труда, на которые указывают современные исследователи.

Одним из примеров тому является выдвинутое в науке предположение о перспективе развития в Российской Федерации такой новой формы занятости, как «работа в облаке» в рамках «концепции виртуального труда и виртуальных предприятий[31], которая «обеспечивает независимость и новые возможности любому человеку, подключенному к сети Интернет, и которая способна устранить дефицит профессионалов»[32].

Для людей, находящихся в облаке, основным преимуществом является свобода (работать или не работать) и беспрецедентная мобильность, которую они получают, будучи частью глобальной виртуальной Сети. Некоторые независимые исполнители считают это идеальным сочетанием большой степени свободы, отсутствия стресса и повышенной удовлетворенности от работы. Хотя человеческое облако находится в возрасте младенчества, уже накоплены значительные данные о том, что это связано с «негласным выводом работы в офшор» («негласным», потому что платформы человеческого облака нигде не числятся и не обязаны раскрывать своих данных)[33].

Цифровые технологии способствуют развитию таких форм труда, как crowdwork – онлайн-работа на базе Интернет, позволяющая устанавливать контакт между неограниченным количеством юридических и физических лиц независимо от их территориального местонахождения; work-ondemand via apps – работа, предлагаемая посредством мобильных приложений. Распространение дистанционного труда, труда на основе онлайн-платформ и др. затрагивает рынок труда в целом, его отдельные сегменты (занятость молодежи, женщин, пожилых, инвалидов, малообразованных и неквалифицированных работников и т.д.). Расширения возможностей занятости для молодежи, пенсионеров, матерей с малолетними детьми и других групп работников с пониженной конкурентоспособностью, работа на неполный рабочий день становится все более популярной.

Однако не все нетипичные формы занятости получили должное правовое закрепление, «что создаёт препятствия к реализации гражданами конституционного права на защиту от безработицы. В связи с этим возникает необходимость поиска подходов к совершенствованию системы социальной защиты от безработицы граждан, реализующих способности к труду в таких нетипичных формах»[34].

Всё это требуют внесения соответствующих изменений в трудовое законодательство и законодательство о занятости.

Отметим, что пока наблюдается стремление законодателя подробнее регламентировать только нормы Трудового кодекса РФ, регулирующие дистанционный труд[35].

---

[28] *Котова С.И.* Указ. соч. С. 17.

[29] См.: *Чиканова Л.А., Серёгина Л.*В. Правовая защита граждан от безработицы в условиях информационных технологических новаций в сфере труда и занятости // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 3. С. 150, 151.

[30] См.: там же. С. 151.

[31] См.: там же. С. 151, 152.

[32] *Шваб К.* Четвёртая промышленная революция. М., 2016 (Top Rusiness). С. 41.

[33] См.: там же.

[34] *Чиканова Л.А., Серёгина Л.В.* Указ. соч. С. 153, 154.

[35] См.: проект федерального закона № 973264-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удалённой работы (ред. внесения в ГД СФ РФ, текст по состоянию на 16.06.2020) [Электронный ресурс].

В связи с этим трудно не согласиться с мнением, что «жесткость» и «негибкость» законодательства могут привести к реальному ухудшению положения работников, а также сформировать целые сектора экономики, не попадающие под действующее трудовое законодательство, что и происходит в реальной жизни как в западных государствах, так и в Российской Федерации. Именно нестандартная занятость стала основным способом создания новых или альтернативных рабочих мест, компенсируя в определенной степени «запретительность» и жесткость трудового законодательства в отношении стандартных работников[36].

В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р), предусматривавшей реализацию Стратегии развития информационного общества РФ на 2017–2030 гг., в числе основных направлений были определены: комплексное правовое регулирование отношений с развитием цифровой экономики; кадры и образование для формирования рынка труда, соответствующего требованиям цифровой экономики[37].

Потребности в разработке и адаптации гибкого правового регулирования труда и обеспечения занятости в условиях цифровой экономики актуальны и в глобальном аспекте, что можно подтвердить конкретными примерами.

Так, например, в 2015 г. Федеральное министерство труда и социальных вопросов ФРГ выпустило доклад[38], посвященный концепции будущего организации трудовой деятельности населения (до 2030 г.), где лейтмотивом выступила потребность в пересмотре официального подхода к определению трудового отношения: в направлении легализации некоторых нетипичных форм занятости, ранее ограниченных или запрещенных законодательством[39].

Следует упомянуть и масштабную реформу Основного закона о труде в Бразилии в 2017 г. Целью такого реформирования было именно обновление «устаревшего» законодательства и его адаптация под современные экономические и социальные реалии[40].

Необходимость в гибком регулировании трудовых отношений и модернизации регулирования рынка труда также стали официальной причиной поспешно проведенного реформирования Основного закона Норвегии, регулирующего трудовую деятельность (Working Environment Act 2005 – Закон о рабочей среде)[41].

Таким образом, тенденция вытеснения типичной трудовой занятости ее нетипичными формами, как на зарубежном, так и российском рынках труда должна способствовать корректировке подхода МОТ по вопросам будущего сферы труда. По сути, это и было озвучено на Международной конференции труда в конце января 2019 г., в частности, в докладе Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда[42].

Кроме мер, связанных с адаптацией трудящихся к меняющемуся миру труда, авторы доклада сделали упор на то, что в современных условиях должно быть в центре внимания МОТ: на необходимость распространения защиты трудовых прав работающих независимо от формы трудовой деятельности, включая неформальную занятость, самозанятых лиц и работающих через онлайн-платформы. Для адекватной защиты прав последней категории предлагается принять специальную комплексную конвенцию МОТ[43].

Между тем в Декларации столетия МОТ, принятой 21 июня 2019 г. в Женеве[44], к числу основных задач, на выполнение которых должны быть сконцентрированы усилия МОТ, отнесено «содействие разработке эффективной политики, направленной на обеспечение полной производительной и свободно выбранной занятости и достойной работы для всех, и, в частности, содействие переходу от образования и профессиональной подготовки

---

[36] См.: *Капелюшников Р.И.* Конец российской модели рынка труда? М., 2009. С. 56.

[37] Утратила силу. Указом Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 создан Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации».

[38] См.: Re-Imagining Work: Green Paper Work 4.0 (2015) // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. URL: https://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/DE/PDF-Publikationen/arbeiten-4-0-green-paper.pdf?__blob=publicationFile&v=2. S. 24, 25 (Abrufdatum: 10.04.2020); Re-Imagining Work: White Paper Work 4.0 (2017) // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. URL: https://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/EN/PDF-Publikationen/a883-white-paper.pdf?__blob=publicationFile&v=3. S. 94 (Abrufdatum: 10.04.2020).

[39] См.: *Вишневская Н.Т.* Реформа немецкого рынка труда: особый случай или пример для подражания? // Экономический журнал ВШЭ. 2014. № 2. С. 249–284.

[40] См.: *Melek M.A.* Trabalhista! E agora? Onde as empresas mais erram / ed. por A. Paranaenses. 2 ed. Curitiba, 2016. P. 35.

[41] См.: Arbeidstilsynets høringsinnspill til forslag om endringer i arbeidsmiljøloven / Regjeringsside. Arbeids – og social department. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/8ca0c73b19624d3f8ab0df6bb49eb9b7/m_atil_aml_juni_2014.pdf (accessed: 30.04.2020).

[42] См.: Работать ради лучшего будущего – Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда. Женева, 2019 г. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--dgreports/--cabinet/documents/publication/wcms_662472.pdf; *Лютов Н.Л.* Трансформация трудового правоотношения в новые формы занятости в условиях цифровой экономики // Журнал росс. права. 2019. № 7. С. 115–130.

[43] См.: там же.

[44] См.: Декларация столетия МОТ о будущем сферы труда. URL: https://bspn.by/images/2019/2019-12-29_MOT_y_Маскве/Декларация_100-летия_МОТ.pdf

к трудовой деятельности при особом внимании эффективной интеграции молодежи в мир труда»[45].

Поскольку в современных условиях развития науки и техники для успешного трудоустройства и выполнения работы уже недостаточно пройти разовую профессиональную подготовку, в Рекомендации МОТ № 195 «О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение» (2004) говорится о необходимости непрерывного обучения в течение всей жизни. Это особенно актуально, принимая во внимание, что развитие инновационных направлений деятельности неизбежно влечет за собой увеличение потребности в работниках высокотехнологичных производств[46].

Важно подчеркнуть, что цифровая экономика с возможностями развития новых форм занятости одновременно предполагает и новые вызовы для экономики и общества.

Так, ныне существенную часть новых форм занятости относят к неустойчивой занятости (precarious employment)[47].

Неустойчивая занятость как вынужденная утрата работником стандартных трудовых отношений, основанных на трудовом договоре с неопределенным сроком и полным рабочим временем, способствует «снижению или прогнозируемым рискам снижения социальных гарантий для занятых лиц» и является причиной роста неустойчивого характера труда (прекаризации)»[48].

Например, Н.Л. Лютов среди форм неустойчивой занятости выделяет: работу через агентства временной занятости; трудовые договоры с нулевым рабочим временем; занятость через онлайн-платформы, совместное трудоустройство, совместное использование труда, промежуточное управление. Причём последние три, по его мнению, нельзя однозначно отнести к неустойчивым формам, но «непродуманная легализация таких форм без учета рисков в отношении работников может приводить их в неустойчивую форму»[49].

К разновидности неустойчивой (прекаризованной) занятости современные исследователи относят самозанятость[50].

С традиционными формами самостоятельной занятости Закон о занятости (ст. 2) связывает: участие в качестве учредителя в коммерческих организациях, регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, нотариуса, учредившего адвокатский кабинет, членство в КФХ, осуществление профессиональной деятельности. Последняя форма после вступления в силу Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ[51] стала рассматриваться некоторыми исследователями как особая форма или «новый вид» занятости[52] при отсутствии законодательного закрепления юридического статуса самозанятого гражданина.

В процессе продолжительной дискуссии в попытке сформулировать дефиницию понятия «самозанятость» исследователи неминуемо сталкиваются с основной проблемой определения, а соответственно, и правового регулирования самозанятости – ее смешение с предпринимательством.

Например, одни исследователи придерживаются точки зрения, что «предпринимательство» и «самозанятость» «по сути, это однокоренные понятия, содержанием которых является деятельность, приносящая прибыль (доход), но различающиеся по признаку формальной легализации»[53].

С точки зрения других, самозанятый гражданин – «самозанятый предприниматель», или «предприниматель, но с особым статусом, так как только он один решает вопросы своей предпринимательской деятельности»[54].

Среди дискуссантов есть сторонники[55], как представляется, позитивного предложения Министерства юстиции РФ, размещённого на сайте проектов нормативных правовых актов[56], которые так и не были учтены законодателем.

Принимая во внимание и уважая мнения других исследователей, все же попытаемся

---

[45] См.: Декларация столетия МОТ о будущем сферы труда. URL: https://bspn.by/images/2019/2019-12-29_MOT_y_Maskve/Декларация_100-летия_MOT.pdf

[46] См.: *Чиканова Л.А., Серёгина Л.В.* Указ. соч. С. 158.

[47] См.: *Лютов Н.Л.* Указ. соч. С. 115–130.

[48] *Котова С.И.* Указ. соч. С. 69.

[49] *Лютов Н.Л.* Указ. соч.

[50] См., напр.: *Хасенов М.Х.* Правовое регулирование деятельности самозанятого населения // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 21–24.

[51] См.: Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ (в ред. от 15.12.2019 г.) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I), ст. 7494.

[52] См., напр.: *Хабибуллина А.С.* Самозанятость и трудовые отношения: различия в практике применения // Вопросы трудового права. 2019. № 12. С. 19.

[53] *Куракин А.В., Карпухин Д.В.* Самозанятость граждан: проблемы становления механизма правового регулирования административного принуждения в сфере обеспечения самозанятости // Административное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 40.

[54] *Крылова Е.Г.* Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // Юрист. 2017. № 6. С. 11.

[55] См.: *Долинская В.В., Долинская Л.М.* Проблемы правового статуса самозанятых // Вестник МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 122, 123.

[56] См.: URL: https://regulation.gov.ru (дата обращения: 01.02.2020).

сформулировать свою точку зрения по данному вопросу.

В отличие от предпринимательской деятельности деятельность по получению профессионального дохода всегда предполагает личное оказание работ и услуг, а также получения дохода от использования личного имущества.

Полагаем, что главное отличие самозанятых от предпринимателей выражается в том, что первые не ставят себе целью (исходя из своих профессиональных и деловых качеств) заниматься определенным трудом ради извлечения прибыли как таковой. В процессе реализации личного труда вне найма и формального статуса, они приобретают для себя источник пусть не всегда стабильного, но адекватного дохода с целью удовлетворения элементарных личных, семейных потребностей. В данном контексте в сущностном понимании дефиниции «прибыль» и «доход» все-таки не являются тождественными.

На наш взгляд, к группе основных критериев идентификации самозанятого гражданина, осуществляющего свою трудовую деятельность в рамках сложившихся правоотношений не по найму, следует отнести: независимый самостоятельный труд не по найму без привлечения наемных работников; отсутствие регистрации индивидуального предпринимателя; законодательная неопределенность юридического статуса; получение дохода с целью удовлетворения элементарных личных (семейных) жизненных потребностей (материальных и духовных); самостоятельное планирование режима работы, отдыха[57].

Фокусируя внимание в большей степени на понимании, чем на определении анализируемого понятия самозанятости, мы исходим из того, что в данном случае важной представляется не столько форма занятости, сколько статус субъекта, осуществляющего деятельность в данной сфере, который пока законодательно не закреплён.

* * *

По итогам проведенного анализа можно констатировать отсутствие единства в понятийном аппарате феномена занятости. Многообразие научных подходов к определению дефиниции этого понятия, равно как и к классификациям видов и форм занятости, подтверждает целесообразность применения узкой и широкой трактовки к определению занятости, как правовой категории. Обобщая изложенное, можно предложить авторское определение занятости как правовой категории.

В широком смысле – это регулируемая нормами права совокупность общественных отношений в сфере занятости.

В узком смысле – это деятельность трудоспособного и экономически активного населения с целью удовлетворения личных (семейных) потребностей (материальных и духовных) в ходе реализации конституционного принципа свободы труда на рынке труда при законодательном закреплении соответствующего статуса субъекта, осуществляющего ту или иную деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев С.В.* Кадровый потенциал и проблемы занятости в условиях перехода России к рыночным отношениям. М., 1997. С. 56.
2. *Андреева Л.А., Медведев О.М.* К вопросу о понятиях трудовой занятости и ее обеспечения // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: сб. науч. тр. М., 2000. С. 23.
3. *Бреев Б.Д.* Безработица в современной России. М., 2005. С. 11.
4. *Бреев Б.Д.* Становление рыночных отношений и занятость населения // Общество и экономика. 1995. № 7–8. С. 162, 163.
5. *Вишневская Н.Т.* Реформа немецкого рынка труда: особый случай или пример для подражания? // Экономический журнал ВШЭ. 2014. № 2. С. 249–284.
6. *Гаузнер Н.Д.* Методы регулирования занятости в странах Запада // Проблемы теории и практики управления. 1993. № 1. С. 97.
7. *Гимпельсон В.Е.* Пора хорошенько почистить наш Трудовой кодекс // Закон. 2019. № 11. С. 13.
8. *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 122–143.
9. *Джиоев С.Х.* Правовые проблемы содействия трудовой занятости. М., 2006. С. 20.
10. *Дикусарова М.Ю., Агрицкая А.И., Волуглина А.Н.* Теоретико-методологические подходы к исследованию занятости населения // Экономическая наука и практика: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2018 г.). Чита, 2018. С. 3, 4.
11. *Долинская В.В., Долинская Л.М.* Проблемы правового статуса самозанятых // Вестник МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 122, 123.
12. *Иванова В.Н., Безденежных Т.И.* Управление занятостью населения на местном уровне: учеб. пособие. М., 2002. С. 11.

[57] См.: *Павловская О.Ю.* К вопросу о проблемах правового регулирования самозанятости // Право и экономика. 2018. № 1. С. 12–17.

13. *Капелюшников Р.И.* Конец российской модели рынка труда? М., 2009. С. 56.

14. *Котляр А.Э.* Теоретические проблемы занятости остаются актуальными // Человек и труд. 1995. № 2. С. 49; 1996. № 5. С. 9.

15. *Котова С.И.* Правовое положение прекриата на рынке труда и концепция занятости: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 17, 18, 44, 69.

16. *Крылова Е.Г.* Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // Юрист. 2017. № 6. С. 11.

17. *Куракин А.В., Карпухин Д.В.* Самозанятость граждан: проблемы становления механизма правового регулирования административного принуждения в сфере обеспечения самозанятости // Административное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 40.

18. *Лютов Н.Л.* Трансформация трудового правоотношения в новые формы занятости в условиях цифровой экономики // Журнал росс. права. 2019. № 7. С. 115–130.

19. *Медведев О.М.* Правовые проблемы обеспечения занятости населения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 15, 16.

20. *Орлова Е.Е.* Занятость как правовая категория: понятие и признаки // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 14–17.

21. *Павловская О.Ю.* К вопросу о проблемах правового регулирования самозанятости // Право и экономика. 2018. № 1. С. 12–17.

22. *Скачкова Г.С., Шугаев А.А.* Занятость и трудоустройство в современной России: состояние и перспективы развития. М., 2015. С. 42.

23. *Собченко О.В.* Некоторые правовые проблемы занятости населения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 39.

24. *Сулейманова Г.В.* Трудоустройство и занятость. Правовое регулирование. М., 1999. С. 5.

25. Трудовое право России: учеб. / под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. М., 2002. С. 229.

26. *Хабибуллина А.С.* Самозанятость и трудовые отношения: различия в практике применения // Вопросы трудового права. 2019. № 12. С. 19.

27. *Хасенов М.Х.* Правовое регулирование деятельности самозанятого населения // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 21–24.

28. *Храновский И.В.* Правовой статус безработных граждан в России и некоторых зарубежных странах в период мирового финансового экономического кризиса (сравнительно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 15, 20–24.

29. *Чиканова Л.А., Серёгина Л.В.* Правовая защита граждан от безработицы в условиях информационных технологических новаций в сфере труда и занятости // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 3. С. 150–154, 158.

30. *Чукреев П.А., Корытова Е.В.* Занятость населения и её регулирование: учеб. пособие. Улан-Удэ, 2010. С. 22, 25–27.

31. *Шваб К.* Четвёртая промышленная революция. М., 2016 (Top Rusiness). С. 41.

32. *Melek M.A.* Trabalhista! E agora? Onde as empresas mais erram / ed. por A. Paranaenses. 2 ed. Curitiba, 2016. P. 35.

33. Re-Imagining Work: Green Paper Work 4.0 (2015) // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. URL: https://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/DE/PDF-Publikationen/arbeiten-4-0-green-paper.pdf?__blob=publicationFile&v=2. S. 24, 25 (Abrufdatum: 10.04.2020).

34. Re-Imagining Work: White Paper Work 4.0 (2017) // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. URL: https://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/EN/PDF-Publikationen/a883-white-paper.pdf?__blob=publicationFile&v=3. S. 94 (Abrufdatum: 10.04.2020).

REFERENCES

1. *Andreev S.V.* Personnel potential and employment problems in the conditions of Russia's transition to market relations. M., 1997. P. 56 (in Russ.).

2. *Andreeva L.A., Medvedev O.M.* On the question of the concepts of labor employment and its provision // Actual problems of social and humanitarian sciences: collection of scientific papers. M., 2000. P. 23 (in Russ.).

3. *Breev B.D.* Unemployment in modern Russia. M., 2005. P. 11 (in Russ.).

4. *Breev B.D.* Formation of market relations and employment of the population // Society and economy. 1995. No. 7–8. P. 162, 163 (in Russ.).

5. *Vishnevskaya N.T.* Reform of the German labor market: a special case or an example to follow? // Economic Journal of the Higher School of Economics. 2014. No. 2. P. 249–284 (in Russ.).

6. *Gausner N.D.* Methods of employment regulation in Western countries // Problems of theory and practice of management. 1993. No. 1. P. 97 (in Russ.).

7. *Gimpelson V.E.* It's time to thoroughly clean our Labor Code // Law. 2019. No. 11. P. 13 (in Russ.).

8. *Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I.* Non-standard employment and the Russian labor market // Economic issues. 2006. No. 1. P. 122–143 (in Russ.).

9. *Dzhioev S.H.* Legal problems of promoting labor employment. M., 2006. P. 20 (in Russ.).

10. *Dikusarova M. Yu., Agritskaya A.I., Voluuglina A.N.* Theoretical and methodological approaches to the study of employment of the population // Eco-

nomic science and practice: materials of the VI International Scientific Conference (Chita, April 2018). Chita, 2018. P. 3, 4 (in Russ.).

11. *Dolinskaya V.V., Dolinskaya L.M.* Problems of the legal status of the self-employed // Herald of the MSR. Ser.: Jurisprudence. 2018. No. 1. P. 122, 123 (in Russ.).
12. *Ivanova V.N., Bezdenezhnykh T.I.* Management of employment of the population at the local level: textbook. M., 2002. P. 11 (in Russ.).
13. *Kapelyushnikov R.I.* The end of the Russian model of the labor market? M., 2009. P. 56 (in Russ.).
14. *Kotlyar A.E.* Theoretical problems of employment remain relevant // Man and labor. 1995. No. 2. P. 49; 1996. No. 5. P. 9 (in Russ.).
15. *Kotova S.I.* The legal status of the precariat in the labor market and the concept of employment: dis. ... PhD in Law. M., 2019. P. 17, 18, 44, 69 (in Russ.).
16. *Krylova E.G.* Features of economic regulation of entrepreneurial activity of the self-employed in Russia and abroad // Lawyer. 2017. No. 6. P. 11 (in Russ.).
17. *Kurakin A.V., Karpukhin D.V.* Self-employment of citizens: problems of formation of the mechanism of legal regulation of administrative coercion in the sphere of self-employment provision // Administrative and Municipal Law. 2014. No. 4. P. 40 (in Russ.).
18. *Lyutov N.L.* Transformation of labor relations into new forms of employment in the digital economy // Journal of Russian law. 2019. No. 7. P. 115–130 (in Russ.).
19. *Medvedev O.M.* Legal problems of ensuring employment of the population: abstract ... Doctor of Law. M., 1994. P. 15, 16 (in Russ.).
20. *Orlova E.E.* Employment as a legal category: the concept and signs // Labor Law in Russia and abroad. 2017. No. 1. P. 14–17 (in Russ.).
21. *Pavlovskaya O. Yu.* On the issue of the problems of legal regulation of self-employment // Law and economics. 2018. No. 1. P. 12–17 (in Russ.).
22. *Skachkova G.S., Shugaev A.A.* Employment and employment in modern Russia: state and prospects of development. M., 2015. P. 42 (in Russ.).
23. *Sobchenko O.V.* Some legal problems of employment of the population in the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. M., 2005. P. 39 (in Russ.).
24. *Suleymanova G.V.* Employment and employment. Legal regulation. M., 1999. P. 5 (in Russ.).
25. Labor Law of Russia: textbook / ed. by S.P. Mavrin, E.B. Khokhlova. M., 2002. P. 229 (in Russ.).
26. *Khabibullina A.S.* Self-employment and labor relations: differences in the practice of application // Issues of Labor Law. 2019. No. 12. P. 19 (in Russ.).
27. *Khasenov M. Kh.* Legal regulation of the activity of the self-employed population // Labor Law in Russia and abroad. 2019. No. 1. P. 21–24 (in Russ.).
28. *Khranovsky I.V.* The legal status of unemployed citizens in Russia and some foreign countries during the global financial and economic crisis (comparative legal analysis): dis. ... PhD in Law. M., 2014. P. 15, 20–24 (in Russ.).
29. *Chikanova L.A., Seregina L.V.* Legal protection of citizens from unemployment in the conditions of information technological innovations in the sphere of labor and employment // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 3. P. 150–154, 158 (in Russ.).
30. *Chukreev P.A., Korytova E.V.* Employment of the population and its regulation: textbook. Ulan-Ude, 2010. P. 22, 25–27 (in Russ.).
31. *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. M., 2016 (Top Rusiness). P. 41 (in Russ.).
32. *Melek M.A.* Trabalhista! E agora? Onde as empresas mais erram / ed. por A. Paranaenses. 2 ed. Curitiba, 2016. P. 35.
33. Re-Imagining Work: Green Paper Work 4.0 (2015) // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. URL: https://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/DE/PDF-Publikationen/arbeiten-4–0-green-paper.pdf?__blob=publicationFile&v=2. S. 24, 25 (Abrufdatum: 10.04.2020).
34. Re-Imagining Work: White Paper Work 4.0 (2017) // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. URL: https://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/EN/PDF-Publikationen/a883-white-paper.pdf?__blob=publicationFile&v=3. S. 94 (Abrufdatum: 10.04.2020).

Сведения об авторе

ПАВЛОВСКАЯ Ольга Юрьевна –
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Author's information

PAVLOVSKAYA Olga Yu. –
PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Labor Law and social security law of the Department of general and intersectoral legal disciplines of the National Research University "Higher School of Economics";
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 100–109
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 100–109

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПРОБЛЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ЛУНЫ И ДРУГИХ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ В КОММЕРЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

© 2021 г. Н. Аль Али

Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва

E-mail: drnasernimer@yahoo.com

Поступила в редакцию 20.01.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы международно-правового регулирования использования природных ресурсов Луны и других небесных тел в коммерческих целях. Проводится правовой анализ положений основных соглашений о правовом режиме космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, а также анализ принятых в одностороннем порядке США, Люксембургом и ОАЭ актов об использовании природных ресурсов Луны и других небесных тел в коммерческих целях и оценка их соответствия космическим соглашениям. Формулируются выводы о необходимости совершенствования космических соглашений и принятия нового международного договора об установлении международного режима использования космических ресурсов и создания международного космического органа на основе принципов международного космического права и концепции общего наследия человечества.

Ключевые слова: Луна и другие небесные тела, исследование космоса, США, Люксембург, ОАЭ, Договор о космосе 1967 г., Соглашение о Луне 1979 г., добыча астероидов, Международный космический орган, концепция общего наследия человечества.

Цитирование: *Аль Али Н. (2021).* Проблема регулирования использования природных ресурсов Луны и других небесных тел в коммерческих целях // Государство и право. 2021. № 8. С. 100–109.

DOI: 10.31857/S102694520016442-7

THE PROBLEM OF THE USE OF NATURAL RESOURCES OF THE MOON AND OTHER CELESTIAL BODIES FOR COMMERCIAL PURPOSES

© 2021 N. Al Ali

Russian University of transport (MIIT), Moscow

E-mail: drnasernimer@yahoo.com

Received 20.01.2021

Abstract. The article deals with modern problems of international legal regulation of the use of natural resources of the Moon and other celestial bodies for commercial purposes. A legal analysis of the provisions of the main space agreements on the legal regime of outer space, including the Moon and other celestial bodies is being carried out. It also analyses the acts adopted unilaterally by the United States, Luxembourg and the UAE on the use of the natural resources of the Moon and other celestial bodies for commercial purposes and their assessment of the compliance with space agreements. Conclusions are formulated about the need to improve space agreements and the adoption of a new international treaty on the establishment of the international regime for the use of space resources and the creation of an international space authority on the basis principles of International Space Law and the concept of the common heritage of mankind.

Key words: Moon and other celestial bodies, Space exploration, USA, Luxembourg, UAE, Outer space Treaty 1967, Moon Agreement 1979, Asteroid mining, International Space Authority, concept of the common heritage of mankind.

For citation: *Al Ali, N. (2021).* The problem of the use of natural resources of the Moon and other celestial bodies for commercial purposes // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 100–109.

Введение. Проблема исследования и использования природных ресурсов на Луне и других небесных телах в коммерческих целях в последнее время стала актуальной и привлекла большое внимание как государств и международных организаций, так и частных исследователей.

Следует отметить, что действующие международные космические соглашения были приняты в то время, когда деятельность по освоению космоса в коммерческих целях не была возможной, и космическая технология в те времена не позволяла даже думать об этом. Поэтому ни Договор о космосе 1967 г., ни Соглашение о Луне 1979 г. не содержат необходимых норм для регулирования исследования и использования космических ресурсов в коммерческих целях. Однако с развитием космических технологий и с появлением новых направлений соответствующей деятельности некоторые государства, частные компании и ученые стали активно заниматься вопросом освоения космических ресурсов для коммерческих целей и принимать соответствующие национальные нормативные акты, позволяющие им коммерциализировать освоение космоса в обход положений и требований соответствующих международных соглашений в этой области. Актуальным остается поиск комплексного решения правовых проблем, возникающих в связи с использованием этих ресурсов в коммерческих целях и с участием в этой деятельности частных лиц.

Цель исследования – комплексный анализ действующего международно-правового регулирования и использования природных ресурсов на Луне и других небесных телах и принятых в некоторых государствах (США, Люксембург, ОАЭ) законов о добыче космических ресурсов и их использовании в коммерческих целях, а также оценка их соответствия международным соглашениям в этой области. Задачами исследования являлись выявление причин коммерциализации освоения космических ресурсов, анализ международно-правового режима космических ресурсов Луны и других небесных тел, анализ нормативных правовых актов (США, Люксембург, ОАЭ) и их соответствие международным космическим соглашениям, обзор позиций некоторых государств, Комитета по космосу и некоторых ведущих отечественных и зарубежных ученых в этой области относительно подобных актов, а также оценка перспектив развития международно-правового режима деятельности по исследованию и использованию этих ресурсов в коммерческих целях.

Методологическую основу исследования составили методы анализа, обобщения, научной абстракции, сравнительно-правовой метод и метод толкования.

Причины коммерциализации освоения космических ресурсов. Коммерциализация космических ресурсов обусловлена различными факторами.

Космические природные ресурсы считаются подходящей альтернативой, которая компенсирует нехватку природных ресурсов на планете Земля, а также являются катализатором всестороннего экономического развития, достаточного для планеты в течение миллионов лет независимо от числа ее населения и степени потребления им этих ресурсов[1].

Важность этой темы не ограничивается только экономической стороной – есть и другие аспекты, которые не менее важны, в т.ч. правовой аспект, в соответствии с которым исследование космических ресурсов и их коммерческая эксплуатация неизбежно приведет к необходимости поиска регулятора, подходящего для регламентирования деятельности как государств, так и частных хозяйствующих субъектов по использованию космических ресурсов в коммерческих целях.

Луна, другие небесные тела и Солнечная система содержат большое количество природных ресурсов. Поверхность Луны богата химическими элементами, которые редко встречаются на планете Земля. Использование космических ресурсов в качестве источника энергии способно разрешить текущий энергетический кризис на планете Земля.

Наличие огромного количества природных ресурсов на Луне и других небесных телах привлекло внимание некоторых космических держав и некоторых частных компаний к разведке, добыче и эксплуатации этих ресурсов в коммерческих целях.

Рост населения во всем мире и чрезмерная эксплуатация природных ресурсов неизбежно приведут к истощению многих из этих ресурсов. В связи с этим некоторые космические державы и некоторые частные компании начали разрабатывать различные программы и проекты для разведки, добычи и эксплуатации этих ресурсов в коммерческих целях.

Развитие космических технологий способствует тому, чтобы начать разведку, добычу и использование этих ресурсов.

Однако реальная проблема, которая может помешать реализации этих амбициозных проектов, заключается в отсутствии международно-правовых

[1] См.: *Sarah Coffey*. Establishing a Legal Framework for Property Rights to Natural Resources in Outer Space, Case Western Reserve // Journal of International Law. 2009. Vol. 41. No. 1. P. 119.

норм, регулирующих добычу и использование космических природных ресурсов в коммерческих целях. Кроме того, есть много вопросов, которые требуют адекватных ответов, например: кому принадлежат космические природные ресурсы? Будут ли они исключительной собственностью того, кто их добыл, или общим наследием человечества? Какова судьба добытых ресурсов? Кто имеет право выдавать лицензии и регулировать разведку, добычу и эксплуатацию этих ресурсов? Кто будет осуществлять мониторинг и устранение вредных последствий деятельности, связанной с космическими ресурсами? Какой компетентный орган необходим для разрешения споров, которые могут возникнуть в этой сфере?[2] Каков правовой статус частных хозяйствующих субъектов, привлеченных для разведки? Удовлетворяют ли нынешние космические соглашения экономическим интересам этих частных хозяйствующих субъектов?[3]

Международно-правовой режим космических ресурсов Луны и других небесных тел. Правовой режим космических ресурсов Луны и других небесных тел установлен в Договоре о принципах деятельности государств в области исследования и использования космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (далее – Договор о космосе 1967 г.), и в Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах (далее – Соглашение о Луне 1979 г.). Исходя из этого, возникает вопрос: можно ли на основе существующих космических соглашений использовать космические ресурсы в коммерческих целях?

Договор о космосе 1967 г. и Соглашение о Луне 1979 г. включают основные положения и принципы по освоению космоса.

Договор о космосе 1967 г. и Соглашение о Луне 1979 г. устанавливают, что «исследование и использование Луны является достоянием всего человечества и осуществляется на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития» (ст. 1 Договора о космосе 1967 г.; п. 1 ст. 4 Соглашения о Луне 1979 г.). Более того, Соглашение о Луне 1979 г. предусматривает, что «Луна и ее природные ресурсы являются общим наследием человечества, что находит свое выражение в положениях настоящего Соглашения и, в частности, в пункте 5 настоящей статьи» (п. 1 ст. 11). Закрепление концепции общего наследия человечества в этом Соглашении вызвало противодействие со стороны ряда космических держав о признании Луны и ее природных ресурсов общим наследием человечества.

В результате закрепления концепции общего наследия человечества в этом Соглашении число присоединившихся к нему и ратифицировавших его государств составило только 18, и ни одна из крупных космических держав не ратифицировала Соглашение.

Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежат национальному присвоению ни путем распространения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами (ст. 2 Договора о космосе 1967 г.; п. 2 ст. 11 Соглашения о Луне 1979 г.).

Согласно Договору о космосе 1967 г. и Соглашению о Луне 1979 г. государства могут собирать на Луне образцы космических природных ресурсов и других веществ для использования их в научных целях (п. 2 ст. 6). Эти вещества могут также применяться для поддержания жизнедеятельности космических экспедиций в необходимых для этой цели количествах. Данное положение исключает любую коммерческую эксплуатацию этих природных ресурсов.

В п. 3 ст. 11 Соглашения о Луне 1979 г. говорится, что «поверхность или недра Луны, а также участки ее поверхности или недр или природные ресурсы там, где они находятся, не могут быть собственностью какого-либо государства, международной межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или любого физического лица.

Размещение на поверхности Луны или в ее недрах персонала, космических аппаратов, оборудования, установок, станций и сооружений, включая конструкции, неразрывно связанные с ее поверхностью или недрами, не создают права собственности на поверхность или недра Луны или их участки». При этом в Соглашении о Луне 1979 г. подчеркивается, что принципу неприсвоения не противоречит право государств на сбор образцов минеральных и других веществ, доставляемых на планету Земля.

Исходя из этого, право государств использовать космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела,– это не право собственности или суверенитета, а право, основанное на передаче их в использование международным сообществом и на благо всего человечества.

В п. 5 ст. 11 Соглашения о Луне 1979 г. предусмотрено установление международного режима для регулирования эксплуатации природных ресурсов Луны, «когда будет очевидно, что такая эксплуатация станет возможной в ближайшее

[2] См.: *Arda Alp Gürel*. Space Mining Law, Master of Laws in International Law Program (LL.M), Near East University, Nicosia 2016. P. 8, 9.

[3] См.: *Blake Gilson*. Defending Your Client's Property Rights in Space: A practical Guide for the Lunar Litigator, Fordham Law Review, 2011. Vol. 80. P. 1367.

время». Основные цели этого режима, как указывается в п. 7 этой статьи, следующие: «a) упорядоченное и безопасное освоение природных ресурсов Луны; b) рациональное регулирование этих ресурсов; c) расширение возможностей в деле использования этих ресурсов; d) справедливое распределение между всеми государствами-участниками благ, получаемых от этих ресурсов, с особым учетом интересов и нужд развивающихся стран, а также усилий тех стран, которые прямо или косвенно внесли свой вклад в исследование Луны».

В связи с этим формулировка «справедливое распределение» благ, получаемых от ресурсов, не должна означать равного распределения результатов деятельности по эксплуатации природных ресурсов независимо от вклада государства. «Справедливое распределение» подразумевает такое распределение, которое «адекватно усилиям и вкладу тех государств, которые осуществляют эксплуатацию природных ресурсов Луны и других небесных тел[4].

О добыче природных ресурсов на Луне и использовании их в коммерческих целях ничего не говорится в соглашениях по космосу. Это связано с тем, что при принятии этих соглашений у государств не было возможности осуществлять разведку и добывать космические природные ресурсы. Пункт 5 говорит об эксплуатации природных ресурсов в ближайшее время, и для многих государств это время наступило с точки зрения космической науки, техники и возможностей. С точки зрения же правового регулирования и создания механизма для эксплуатации их в коммерческих целях, к сожалению, определенность отсутствует.

Для установления такого режима от государств и международных организаций требуется создание международного органа по исследованию и использованию космических ресурсов.

Будущий международный космический орган мог бы выдавать лицензии на осуществление добычи космических полезных ископаемых, определять, какие именно сырьевые космические ресурсы возможно добывать.

Когда в будущем природные богатства Луны, небесных тел и Солнечной системы станут использоваться в целях, выходящих за рамки чисто научных исследований, проблема их охраны и рационального использования встанет особенно остро. Некоторые виды природных ресурсов могут иметь уникальный характер. Такого рода ресурсы должны быть поставлены под особую международно-правовую защиту.

Еще одна немаловажная проблема – это проблема определения районов планет и других небесных тел, на которых государства могут осуществлять свою разведку и эксплуатацию космических природных ресурсов.

Все эти проблемы, безусловно, приведут к конфликту интересов между государствами. Космические державы и другие страны из-за отсутствия четкого правового регулирования коммерческого использования этих ресурсов будут пытаться получить наибольшее количество преимуществ и выгод от эксплуатации космических природных ресурсов, а развивающиеся государства будут сопротивляться этому приобретению, пока они не попытаются создать правовую основу, которая гарантирует им соответствующие экономические выгоды.

Для устранения конфликта интересов от государств требуется установить международный режим, включая соответствующие процедуры для регулирования эксплуатации природных ресурсов на Луне и других небесных телах, с учетом того, что многие государства уже обладают космическими технологиями и иными возможностями, которые позволяют им достичь этого.

Позиция некоторых государств, Комитета по космосу и ученых по исследованию и использованию космических ресурсов в коммерческих целях. Отсутствие международно-правового регулирования космических природных ресурсов и международного режима эксплуатации космических ресурсов в коммерческих целях привело к тому, что в США, Люксембурге и ОАЭ были приняты законы о добыче, эксплуатации и использовании космических ресурсов в коммерческих целях.

Конгрессом США 25 ноября 2015 г. был принят Закон «О конкурентоспособности в области коммерческих космических запусков» (публичный закон 114–90)[5].

Указанный правовой акт закрепляет и легализует на национальном уровне право американцев и американских частных компаний участвовать в космической деятельности. Наибольший интерес в документе представляет гл. 4 «Исследование и использование космических ресурсов», которая, если кратко суммировать, «разрешает гражданам и частным компаниям США свободно заниматься разработкой планет и астероидов, владеть и распоряжаться полученными ресурсами, в том числе водой и минералами “но не живыми объектами”».

6 апреля 2020 г. Президентом США был подписан Исполнительный указ о поощрении

[4] См.: *Жукова Э.Г.* Правовой режим небесных тел // Международное космическое право. М., 1999. С. 68.

[5] См.: H.R.2262 – U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act. Public Law 114–90 of 11/25/2015 (51 USC51301-51303). URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262/text (дата обращения: 13.01.2021).

международной поддержки восстановления и использования космических ресурсов[6].

В Указе Президента США утверждается, что в Соглашении о Луне 1979 г. нет определенности в отношении права на извлечение и использование космических и лунных ресурсов в коммерческих целях, и Соглашение не создает для государств правовые рамки, касающиеся исследования и использования космических ресурсов, тем более что США не подписывали и не ратифицировали Соглашение о Луне 1979 г.

В Указе подчеркивается, что американцы имеют право заниматься коммерческой разведкой, добычей и использованием ресурсов в космическом пространстве в соответствии с действующим законодательством. Соединенные Штаты Америки не рассматривают космос как общее достояние. Соответственно, политика США состоит в том, чтобы поощрять международную поддержку государственного и частного исследования и использования ресурсов в космическом пространстве в соответствии с применимым национальным законодательством.

В разд. 2 Указа говорится, что Соединенные Штаты Америки не являются стороной Соглашения о Луне 1979 г. Кроме того, США не считают Соглашение о Луне 1979 г. эффективным или необходимым инструментом для руководства государствами в отношении содействия коммерческому участию в долгосрочном исследовании, научных открытиях и использовании Луны, Марса или других небесных тел. Соответственно, Государственный секретарь США должен возражать против любых попыток любого другого государства или международной организации рассматривать Соглашение о Луне 1979 г. как отражающее или иным образом выражающее обычное международное право[7].

В США не признают, что космическое пространство и другие небесные тела являются общим наследием человечества.

Положения Указа Президента США о распространении юрисдикции США на космические природные ресурсы является явным нарушением ст. 1 и 2 Договора о космосе 1967 г. и п. 5 ст. 11 Соглашения о Луне 1979 г., поскольку до сих пор не установлен международный режим для регулирования эксплуатации природных ресурсов Луны в коммерческих целях.

Из этого вытекает, что США в соответствии с этими нормативными актами пытаются уйти от своих международных обязательств, скрываясь за частными организациями, а также предоставляя им право исследовать природные ресурсы в космическом пространстве и использовать их в коммерческих целях. В Указе Президента США прямо не оговаривается порядок выдачи лицензий на осуществление деятельности по разведке природных ресурсов в космическом пространстве частными организациями. Осуществление этой деятельности без лицензий является опасным прецедентом, несовместимым с текстом ст. 6 Договора о космосе 1967 г.[8]

В Люксембурге, вслед за США, приняли Закон от 20 июля 2017 г. об исследовании и использовании космических ресурсов. Существенная его норма содержится в ст. 1 «Ресурсы космического пространства могут быть присвоены»[9]. Таким образом, вопреки Договору о космосе 1967 г. сразу декларируется право частной собственности на космические ресурсы. Остальные 17 статей этого Закона посвящены разрешительным процедурам, аккредитации, заявкам, сертификации и штрафам, т.е. довольно подробно расписаны взаимоотношения добывающей компании и государственных органов Люксембурга.

В Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) 31 декабря 2019 г. приняли Закон № 12 «О регулировании космического сектора»[10]. Закон состоит из 9 глав и 54 статей, регулирующих космическую деятельность государства и связанную с ней деятельность. Закон содержит положения об использовании космических ресурсов, о регистрации объектов и космических аппаратов, космическом туризме, об ответственности и страховании в космической деятельности, о космических авариях и рисках, о переходном периоде для действующих операторов, а также положения о строительстве объектов на других небесных телах, способах уменьшения образования космического мусора. Закон также регулирует роль и полномочия космического агентства, а также механизм выдачи разрешений на космическую деятельность.

Пункты I и j ст. 4 и ст. 18 указанного Закона содержат положения о добыче, эксплуатации и использовании космических ресурсов. В п. I и j ст. 4 Закона регулируется деятельность по разведке, добыче, эксплуатации и использованию космических

[6] См.: Executive Order on encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources. URL: https://www.federalregister.gov/documents/2020/04/10/2020–07800/encouraging-international-support-for-the-recovery-and-use-of-space-resources (дата обращения: 20.01.2021).

[7] См.: ibid.

[8] См.: *Arda Alp Gürel.* Op. cit. P. 37.

[9] См.: Loi du 20 juillet 2017 sur l'exploration et l'utilisation des ressources de l'espace. URL: http://data.legilux.public.lu/file/eli-etat-leg-loi-2017–07–20-a674-jo-fr-pdf.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

[10] См.: URL: https://space.gov.ae/Documents/PublicationPDFFiles/SpaceSectorFederalLaw_AR.pdf (дата обращения: 07.03.2021).

ресурсов в научных, коммерческих или иных целях. В ст. 18 предписано: «В соответствии с положениями статьи (14) настоящего Закона, условия, касающиеся Разрешения на добычу, эксплуатацию и использование космических ресурсов, включая их владение, покупку, продажу, торговлю, транспортировку, хранение и любую космическую деятельность, нацеленные на предоставление логистических услуг в этом отношении, определяются Постановлением Совета Министров».

12 ноября 2019 г. по инициативе Гаагской рабочей группы по управлению космическими ресурсами, созданной при Лейденском университете, был принят документ «Элементы для разработки международной рамочной основы деятельности, связанной с космическими ресурсами»[11]. Этот документ был представлен Люксембургом и Нидерландами в Комитет по использованию космического пространства в мирных целях. 3 февраля 2020 г. Комитет одобрил и принял его[12].

Данный документ является первой попыткой разработать механизм осуществления деятельности по добыче полезных ресурсов в космическом пространстве.

Положения документа носят рекомендательный характер и адресованы государствам, международным организациям и другим субъектам, которые могут участвовать в деятельности, связанной с космическими ресурсами.

Документ состоит из 20 положений, которые касаются различных аспектов деятельности, связанной с космическими ресурсами.

Цель документа заключается в создании благоприятных условий для деятельности, связанной с космическими ресурсами, с учетом интересов и выгод для всех государств (1.1).

В документе закреплены положения о том, что космические ресурсы используются исключительно в мирных целях, деятельность, связанная с ними, осуществляется на благо и в интересах всех государств независимо от уровня их экономического и научного развития, а также в соответствии с международным правом (4.3).

Право на ресурсы, закрепленное в п. 8, может быть приобретено согласно национальному законодательству, двухсторонним или многосторонним соглашениям. Но каким образом космические ресурсы могут быть приобретены на основе национального законодательства или двухстороннего соглашения, если они не принадлежат конкретным государствам?

Приобретение права на ресурсы может быть реализовано на основе многостороннего соглашения, которое может обеспечивать возможность взаимного признания государствами этого права.

Фактически открытым остается вопрос о совместном использовании выгод, получаемых от эксплуатации космических ресурсов. В п. 13 предусмотрено, что исследование и использование космического пространства должны осуществляться на благо и в интересах всех государств. Предусмотрено также содействие участию всех государств в этой деятельности, в особенности развивающихся. Нет сомнения, в праве каждого государства на исследование и использование космического пространства в мирных и научных целях. При этом имеют ли государства, у которых нет таких возможностей, право на использование выгод, получаемых от использования космических ресурсов? Пункт 13 не предлагает конкретные механизмы реализации совместного использования выгод и требует соответствующей доработки.

В конечном счете международная рамочная основа направлена на создание благоприятных условий для деятельности, связанной с космическими ресурсами, которая учитывает все интересы и приносит пользу всем государствам.

Документ является не столько юридическим, сколько политическим инструментом, предназначенным для легализации позиции некоторых государств по коммерциализации деятельности в области космических ресурсов.

Согласно данному документу деятельность, связанная с космическими ресурсами, должна осуществляться в соответствии с международным космическим правом, включая положения соглашений ООН по космосу, но оно практически не содержит положений о разрешении очевидных конфликтов между свободой экономической деятельности и императивом использования космоса и его ресурсов исключительно в интересах всех государств[13].

В результате влияния частного сектора на положения этого документа он не предусматривает

[11] См.: Building Blocks for the development of an international framework on space resource activities, 2019. URL: https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/rechtsgeleerdheid/instituut-voor-publiekrecht/lucht–en-ruimterecht/space-resources/bb-thissrwg–cover.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

[12] См.: A/AC.105/C.2/L.315. Элементы для разработки международной рамочной основы деятельности, связанной с космическими ресурсами. URL: https://www.unoosa.org/oosa/oosadoc/data/documents/2020/aac.105c.2l/aac.105c.2l.315_0.html (дата обращения: 20.01.2021).

[13] См.: *Попова С. М.* «Гаагская модель» правового регулирования деятельности в области космических ресурсов и перспективы трансформации международного космического права // Исследования космоса. 2018. № 2. С. 144–174. DOI: 10.7256/2453–8817.2018.2.28631

ни концепции общего достояния человечества, ни концепции общего наследия человечества.

Позиция России состоит в том, что все подобные односторонние решения противоречат международному праву. Российская Федерация продвигает идею о необходимости разработки всеобъемлющей конвенции ООН по международному космическому праву, позволяющей устранить имеющиеся противоречия и восполнить пробелы в действующем международно-правовом регулировании космической деятельности, рассмотреть все аспекты освоения космического пространства и использования космических технологий в рамках единого, целостного документа, а также учесть интересы всех участников космической деятельности[14]. Позиция Российской Федерации также выражается в том, что Юридический подкомитет Комитета ООН по космосу – это действенное подразделение ООН для согласования воли максимального количества заинтересованных государств[15].

Особое внимание можно уделить позиции Бельгии и Греции, предложивших создание рабочей группы в рамках Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу для разработки международного режима разведки и эксплуатации космических ресурсов. К 2022 г. рабочая группа должна предложить Юридическому подкомитету окончательный проект, содержащий принципы по исследованию и использованию космического пространства[16].

Генеральная Ассамблея ООН в своих резолюциях подтверждает важность совместных усилий государств в развитии международного космического права и рекомендует в первую очередь рассматривать вопросы, связанные с обеспечением ответственного, мирного и безопасного использования космоса. Большинство участников Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу на своей 56-й сессии, прошедшей в Вене 27 марта – 7 апреля 2017 г., подчеркнули необходимость разработки согласованного многостороннего международно-правового режима по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов[17]. Данный вопрос был удостоен внимания на 62-й сессии самого Комитета ООН по космосу, прошедшей в июне 2019 г.

В доктрине международного космического права отражены различные подходы к проблеме исследования и использования космических природных ресурсов в коммерческих целях. Например, М.Р. Юзбашян отмечает, что «Договор по космосу определяет основные элементы правового режима космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, однако не содержит специальных норм относительно правового режима природных ресурсов небесных тел и в то же время прямо не запрещает эксплуатацию таковых»[18].

Как полагает И.Ю. Штодина, «сегодня необходимо предпринять срочные усилия на международном уровне для запрета создания на национальном уровне правовых условий, обеспечивающих коммерческим компаниям право на разведку, добычу и присвоение ресурсов в космическом пространстве и на небесных телах, хотя бы и без провозглашения права собственности на астрономические объекты»[19]. М. Хофманн – один из соавторов Закона Люксембурга 2017 г., подчеркивает, что присвоение космических ресурсов (как res nullius) с точки зрения международного космического права не запрещено, любые выгоды от этих ресурсов можно рассматривать как справедливое возмещение расходов на подготовку и реализацию соответствующих технических проектов, представляющих интерес для всего человечества[20]. Необходимо заметить, что Ю.М. Колосов еще в 2007 г. указал на то, что «ресурсы Луны следует считать res nullius, а их использование будет регулироваться национальными законами государств, которые их добудут и доставят на Землю». Профессор Бэйханского университета Ф. Трончетти отмечает, что международное космическое право не дает однозначного и общепринятого ответа на вопрос: законно ли коммерческое использование космических ресурсов в соответствии с международным космическим правом? В качестве возможного решения он предлагает считать принятие национальных законов

---

[14] См.: Международно-правовое обеспечение космической деятельности. URL: https://www.roscosmos.ru/22886/ (дата обращения: 06.03.2021).

[15] См.: *Алексеев М.А.* Перспективы согласования международно-правового режима природных ресурсов небесных тел // Исследования космоса. 2019. № 1. С. 56–66. DOI: 10.7256/2453–8817.2019.1.30558

[16] См.: Сайт Committee on the Peaceful Uses of Outer Space // http://www. unoosa. org/oosa/en/ourwork/copuos/index. html (дата обращения: 06.03.2021).

[17] См.: Комитет по использованию космического пространства в мирных целях, Юридический подкомитет, пятьдесят шестая сессия Вена, 27 марта – 7 апреля 2017 года. Общий обмен мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2017/aac_105c_2tre/aac_105c_22017trel_1_0_html/AC105_C2_2017_TRE_L01R.pdf (дата обращения: 06.03.2021).

[18] *Юзбашян М.Р.* Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право // Московский журнал междунар. права. 2017. № 2 (106). С. 76.

[19] *Штодина И.Ю.* Некоторые актуальные вопросы правового обеспечения исследования и использования космоса // Московский журнал междунар. права. 2018. № 2. С. 79.

[20] См.: *Алексеев М.А.* Указ. соч.

сложившейся практикой государств по добыче и использованию космических ресурсов[21].

Х.М. Фильо, Ш. Хобе и Ф. де Ман выразили противоположные точки зрения. Фильо справедливо в своем вступлении подчеркнул, что космическое пространство и его природные ресурсы никоим образом не могут быть присвоены. В ст. II Договора о космосе нет пробелов, национальный закон может применяться только в пределах территориальной юрисдикции соответствующего государства. Закон США о конкурентоспособности запусков коммерческих космических объектов, разд. IV которого касается эксплуатации природных космических ресурсов, – национальный закон. Таким образом, это не может быть применено к космическому пространству и небесным телам, которые являются res communis и не относятся к юрисдикции США. Поэтому эксплуатация природных космических ресурсов – это прежде всего международная глобальная проблема, представляющая фундаментальный интерес для всех государств. Эксплуатация природных космических ресурсов частными компаниями не соответствует требованиям Договора о космосе[22].

Ш. Хобе и Ф. де Ман в своих выступлениях подтвердили, что космическое пространство и небесные тела, включая их ресурсы, есть всеобщее достояние и находятся под исключительной юрисдикцией международного сообщества, и государства в рамках своего национального законодательства не могут устанавливать правовой режим космических ресурсов[23].

Принятие таких актов в одностороннем порядке со стороны США, Люксембурга и ОАЭ подтверждает необходимость совершенствования международных космических соглашений для устранения в них существующих правовых пробелов или принятия нового международного договора по использованию космических ресурсов в коммерческих целях.

Необходимо осознавать, что принятие такого договора при нынешней ситуации – весьма сложный и длительный процесс, т.к. есть противоречия между космическими и развивающимися государствами. Некоторые космические государства настаивают на том, чтобы космические ресурсы были собственностью тех, кто их добывает. Развивающиеся государства считают, что использование этих ресурсов должно осуществляться на основе концепции общего наследия человечества. Принятие договора возможно, только если он будет предметом широкого согласия или консенсуса со стороны всех государств. Договор должен учитывать интересы всех государств.

Принятие правовых актов в одностороннем порядке создает неприемлемый прецедент, приводящий к конфронтации и соперничеству по добыче и использованию этих ресурсов, которые могут привести к гонке вооружения в космосе и войнам за освоение космических ресурсов.

Для того чтобы США и другие государства смогли эксплуатировать природные ресурсы Луны и других небесных тел, от них требуется соблюдение норм и принципов международного космического права, поддержание концепции общего наследия человечества и установление международного режима по использованию космических ресурсов. Примером такого режима является созданный Международный орган по морскому дну, на который возложена задача организации и контроля деятельности на дне морей и океанов и их недрах за пределами национальной юрисдикции[24].

Необходимо создать международный космический орган по регулированию и контролю за деятельностью государств, международных организаций и частных хозяйствующих субъектов. Участие в его деятельности как развитых, так и развивающихся государств должно быть доступным всем государствам без дискриминации и без ущерба для космической среды. Права на космические ресурсы принадлежат всему человечеству, от имени которого действует орган.

Создание международного космического органа осуществляется на основании принятия международного договора о его создании, который также будет содержать положения о разработке, добыче и эксплуатации природных ресурсов в коммерческих целях.

Учреждение международного космического органа окажет значительное влияние на решение ряда юридических и политических проблем, которые препятствуют деятельности государств в космическом пространстве, и станет общей основой, в рамках которой, в частности, может осуществляться

[21] См.: *Tronchetti F.* Current International Legal Framework Applicability to Space Resource Activities. URL: http://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2017/symp-01.pdf (дата обращения: 07.03.2021).

[22] См.: *Filho J.M.* Developing Countries and the Exploitation of Space Resources. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2017/symp-07.pdf (дата обращения: 07.03.2021).

[23] См.: *Hobe S., Man Ph. de* The National Appropriation of Outer Space and its Resources. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2017/symp-08.pdf (дата обращения: 07.03.2021).

[24] См.: *Круглов Д.А., Конева А.Е.* Добыча полезных ископаемых небесных тел: перспективы совершенствования правового регулирования с точки зрения современного международного права // Вопросы росс. и междунар. права. 2018. Т. 8. № 11А. С. 89.

деятельность по разведке, добыче и эксплуатации космических природных ресурсов[25].

* * *

Подведем итог. Для того чтобы государства и частный сектор смогли добывать, эксплуатировать и использовать космические природные ресурсы в коммерческих целях, потребуется принять международный договор, устанавливающий правовой режим космических ресурсов и регулирующий деятельность по добыче, эксплуатации и использованию космических природных ресурсов, а также предусматривающий учреждение международного органа для мониторинга деятельности государств и частных лиц в этой области. Положения принятых законов в одностороннем порядке во многом противоречат действующим международным космическим соглашениям. Концепция общего наследия человечества считается идеальной концепцией для эксплуатации космических ресурсов, отвечающей требованиям и потребностям нынешнего и будущих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев М.А.* Перспективы согласования международно-правового режима природных ресурсов небесных тел // Исследования космоса. 2019. № 1. С. 56–66. DOI: 10.7256/2453-8817.2019.1.30558
2. *Жукова Э.Г.* Правовой режим небесных тел // Международное космическое право. М., 1999. С. 68.
3. *Круглов Д.А., Конева А.Е.* Добыча полезных ископаемых небесных тел: перспективы совершенствования правового регулирования с точки зрения современного международного права // Вопросы росс. и междунар. права. 2018. Т. 8. № 11А. С. 89.
4. Международно-правовое обеспечение космической деятельности. URL: https://www.roscosmos.ru/22886/ (дата обращения: 06.03.2021).
5. *Попова С.М.* «Гаагская модель» правового регулирования деятельности в области космических ресурсов и перспективы трансформации международного космического права // Исследования космоса. 2018. № 2. С. 144–174. DOI: 10.7256/2453-8817.2018.2.28631
6. *Штодина И.Ю.* Некоторые актуальные вопросы правового обеспечения исследования и использования космоса // Московский журнал междунар. права. 2018. № 2. С. 79.
7. *Юзбашян М.Р.* Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право // Московский журнал междунар. права. 2017. № 2 (106). С. 76.
8. *Arda Alp Gürel*. Space Mining Law, Master of Laws in International Law Program (LL.M), Near East University, Nicosia 2016. P. 8, 9, 37.
9. *Blake Gilson*. Defending Your Client's Property Rights in Space: A practical Guide for the Lunar Litigator, Fordham Law Review, 2011. Vol. (80). P. 1367.
10. *Filho J.M.* Developing Countries and the Exploitation of Space Resources. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2017/symp-07.pdf (дата обращения: 07.03.2021).
11. *Hobe S., Man C. Ph. de* The National Appropriation of Outer Space and its Resources. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2017/symp-08.pdf (дата обращения: 07.03.2021).
12. *Ricky J. Lee*. Law and Regulation of Commercial Mining of Minerals in Outer Space, Space Regulations Library. 2012. Vol. 7. P. 295.
13. *Sarah Coffey*. Establishing a Legal Framework for Property Rights to Natural Resources in Outer Space, Case Western Reserve // Journal of International Law. 2009. Vol. 41. No. 1. P. 119.
14. *Tronchetti F.* Current International Legal Framework Applicability to Space Resource Activities. URL: http://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2017/symp-01.pdf (дата обращения: 07.03.2021).

REFERENCES

1. *Alekseev M.A.* Prospects for the harmonization of the international legal regime of natural resources of celestial bodies // Space Research. 2019. No. 1. P. 56–66. DOI: 10.7256/2453–8817.2019.1.30558 (in Russ.).
2. *Zhukova E.G.* Legal regime of celestial bodies // International space law. M., 1999. P 68 (in Russ.).
3. *Kruglov D.A., Koneva A.E.* Mining of celestial bodies: prospects for improving legal regulation from the point of view of modern International Law // Questions of Russian and International Law. 2018. Vol. 8. No. 11A. P. 89 (in Russ.).
4. International legal support of space activities. URL: https://www.roscosmos.ru/22886/ (in Russ.).
5. *Popova S.M.* "The Hague model" of legal regulation of activities in the field of space resources and the prospects for the transformation of International Space Law // Space Research. 2018. No. 2. P. 144–174 (in Russ.). DOI: 10.7256/2453-8817.2018.2.28631
6. *Shtodina I.Y.* Some topical issues of legal support for the exploration and use of space // Moscow Journal of International Law. 2018. No. 2. P. 79 (in Russ.).

[25] См.: *Ricky J. Lee*. Law and Regulation of Commercial Mining of Minerals in Outer Space, Space Regulations Library. 2012. Vol. 7. P. 295.

7. *Yuzbashyan M.R.* US Space Exploration and Utilization Act 2015 and International Space Law // Moscow Journal of International Law. 2017. No. 2 (106). P. 76 (in Russ.).
8. *Arda Alp Gürel*. Space Mining Law, Master of Laws in International Law Program (LL.M), Near East University, Nicosia 2016. P. 8, 9, 37.
9. *Blake Gilson*. Defending Your Client's Property Rights in Space: A practical Guide for the Lunar Litigator, Fordham Law Review, 2011. Vol. 80. P. 1367.
10. *Filho J.M.* Developing Countries and the Exploitation of Space Resources. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2017/symp-07.pdf (accessed: 07.03.2021).
11. *Hobe S., Man Ph. de* The National Appropriation of Outer Space and its Resources. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2017/symp-08.pdf (accessed: 07.03.2021).
12. *Ricky J. Lee*. Law and Regulation of Commercial Mining of Minerals in Outer Space, Space Regulations Library. 2012. Vol. 7. P. 295.
13. *Sarah Coffey*. Establishing a Legal Framework for Property Rights to Natural Resources in Outer Space, Case Western Reserve // Journal of International Law. 2009. Vol. 41. No. 1. P. 119.
14. *Tronchetti F.* Current International Legal Framework Applicability to Space Resource Activities. URL: http://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2017/symp-01.pdf (accessed: 07.03.2021).

Сведения об авторе

АЛЬ АЛИ Насер –
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Морское право» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ); 127994 г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 4

Authors' information

AL ALI Naser –
PhD in Law, associate Professor of the Department of "Maritime Law" of the Law Institute of the Russian University of transport (MIIT); 9, bldg. 4 Obraztsova str., 127994 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 110–119
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 110–119

ПРОПРИЕТАРНЫЙ АСПЕКТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ КАК НОРМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В СФЕРЕ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

© 2021 г. С. И. Крупко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: svetlana.krupko@gmail.com

Поступила в редакцию 26.03.2021 г.

Аннотация. Интеллектуальные права обладают рядом устойчивых, регулярно повторяющихся отличительных признаков, которые препятствуют определению применимого к ним права на основании коллизионных привязок, традиционно используемых в сфере неинтеллектуальных имущественных и личных неимущественных прав. В этой связи в международном частном праве широкую поддержку получает позиция, согласно которой отношения интеллектуальных прав рассматриваются как специальный вид отношений в целях правового коллизионного регулирования. В настоящей статье проприетарный аспект исключительных прав исследуется как материальный фактор, оказывающий наибольшее влияние на формирование правового коллизионного регулирования в сфере интеллектуальной собственности. В целях установления тесной связи отношений интеллектуальных прав с государством, право которого подлежит применению, а также при оценке значимости и направленности эмпирически локализуемых потребностей лиц, затронутых правом, определяющими являются дуализм исключительного права, выражающийся в неразрывном единстве экономической функции и юридического содержания исключительного права, и первичность экономической функции исключительного права по отношению к его юридическому содержанию.

Ключевые слова: коллизионное регулирование интеллектуальных прав, интеллектуальная собственность, проприетарные аспекты исключительных прав, коллизионные интересы, международное частное право, lex loci protectionis, lex originis.

Цитирование: *Крупко С.И.* Проприетарный аспект исключительных прав как нормообразующий фактор в сфере коллизионного регулирования интеллектуальной собственности // Государство и право. 2021. № 8. С. 110–119.

DOI: 10.31857/S102694520016390-0

PROPRIETARY ASPECT OF EXCLUSIVE RIGHTS AS A LAW-MAKING FACTOR IN THE FIELD OF THE CHOICE-OF-LAW REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY

© 2021 S. I. Krupko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: svetlana.krupko@gmail.com

Received 26.03.2021

Abstract. Intellectual property rights have a number of stable, regular distinctive features that prevent the determination of the law applicable to them on the basis of connecting factors being traditionally used in the field of non-intellectual property and personal non-property rights. In this regard, the point of view wins more widespread support in Private International Law that the relations of intellectual property rights are considered

to be a special type of relations for the purposes of choice-of-law regulation. The proprietary aspect of exclusive rights is examined in this article as a material factor having the greatest impact on the formation of choice-of-law regulation in the field of intellectual property. In order to establish the closest connection of the relations of intellectual property rights with the state, whose law is applied, as well as when evaluating the significance and directionality of the empirically localized needs of persons affected by the law, the dualism of exclusive right expressed in the indivisibility of the economic function and the legal content of the exclusive right, as well as the priority of the economic function of the exclusive right to its legal content is essential.

Key words: choice-of-law regulation of intellectual property rights, intellectual property, proprietary aspect of exclusive rights, choice-of-law interests, Private International Law, lex loci protectionis, lex loci originis.

For citation: *Krupko S.I. (2021).* Proprietary aspect of exclusive rights as a law-making factor in the field of the choice-of-law regulation of intellectual property // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 110–119.

Интеллектуальные права обладают рядом устойчивых, регулярно повторяющихся отличительных признаков, которые препятствуют определению применимого к ним права на основании коллизионных привязок, традиционно используемых в сфере неинтеллектуальных имущественных и личных неимущественных прав. К таким признакам относятся: 1) особые качества результатов интеллектуальной деятельности (РИД) как объекта интеллектуальных прав (нематериальность, повсеместность, неисчерпаемость, непотребляемость); 2) особые социальная и экономическая функции интеллектуальных прав; 3) дуализм исключительного права, выражающегося в неразрывно связанных экономической функции и юридическом содержании исключительного права); 4) целеполагание материальных норм позитивного права интеллектуальной собственности; 5) относительно территориальная сфера действия интеллектуальных прав. В связи с изложенным в международном частном праве широкую поддержку получает позиция, согласно которой отношения интеллектуальных прав рассматриваются как специальный вид отношений в целях правового коллизионного регулирования. Об этом свидетельствует включение специальных коллизионных норм в национальные законодательные акты о международном частном праве, а также разработка специальных негосударственных регуляторов, содержащих нормы международного частного права, применяемые в сфере интеллектуальной собственности[1]. Автор исходит из широкого понимания такого специального вида отношений интеллектуальных прав, относящихся к предмету правового коллизионного регулирования, который охватывает все территориальные, абсолютные и относительные, имущественные и личные неимущественные, необязательственные и обязательственные, кроме внедоговорных обязательств и договоров о распоряжении интеллектуальными правами, интеллектуальные права на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности человека, приравненные к ним средства индивидуализации (далее, если не сказано иное, – РИД) и схожие с ними права.

Сравнительно-правовой анализ государственных и негосударственных регуляторов показал, что специальные коллизионные нормы о праве, подлежащем применению к интеллектуальным правам, формируются на основе территориального и универсального подходов. При территориальном подходе параллельные, разнотерриториальные интеллектуальные права на один и тот же идеальный объект регулируются правом разных государств, которое определяется на основе коллизионного принципа *lex loci protectionis* и его модификаций (multiyple law model), а при универсальном подходе – ко всем параллельным, разнотерриториальным интеллектуальным правам на один и тот же идеальный объект применяется право одного государства, которое определяется, как правило, *на основании коллизионного принципа lex originis* и его модификаций (single law model).

Структура и содержание, критерии дифференциации объемов и специализации привязок коллизионных норм о праве, применимом к отношениям интеллектуальных прав, толкование формулировок, выраженных идентичными терминами, существенно отличаются. В одних регуляторах содержится только общая норма о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав, не

[1] См., напр.: Intellectual Property: Principles Governing Jurisdiction, Choice of Law, and Judgments in Transnational Disputes. St. Paul, Minn., 2008 (далее – АЛИ-принципы); Principles of Private International Law on Intellectual Property Rights in: Commentary on Principles of Private International Law on Intellectual Property Rights, 14 October 2010. URL: http://www.win-cls.sakura.ne.jp/pdf/28/08.pdf (дата обращения: 30.11.2020) (далее – Корейско-японские принципы); Guidelines on Intellectual Property and Private International Law ("Kyoto Guidelines"). URL: https://www.ila-hq.org/index.php/committees (далее – Киотские принципы); Principles for Conflict of Law in Intellectual Property, developed by the CLIP Group funded by the Max Planck Society, Final Text, 1 December, 2011. URL: http://www.cl-ip.eu/_www/en/pub/home.html (дата обращения: 30.11.2020) (далее – КЛИП-принципы); Transparency Proposal on Jurisdiction, Choice of Law, Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Intellectual Property (October, 2009). URL: http://www.tomeika.jur.kyushu-u.ac.jp/ip/pdf/Transparency%20RULES%20%202009%20Nov1.pdf (дата обращения: 30.11.2020) (далее – Транспаренси принципы).

специализированная по критерию вида РИД и основанию возникновения исключительного права на него[2]. В законодательстве отдельных государств[3] содержатся различающиеся по привязке коллизионные нормы о праве, применимом к отношениям интеллектуальных прав на объекты авторского и смежных с ними прав и на объекты промышленной собственности. В нормативные акты других государств наряду с общей коллизионной нормой включены специальные нормы о праве, применимом к установлению первоначального правообладателя, а также о праве, применимом к отношениям между работодателем и работником, возникающим в связи с созданием служебного РИД[4].

Используемые в привязках норм о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав, коллизионные факторы, их модификации, особенности толкования были подробно проанализированы автором в предыдущих публикациях[5].

В настоящей статье, продолжающей серию публикаций автора о теоретической основе коллизионного регулирования в сфере интеллектуальной собственности, исследуется проприетарный аспект исключительных прав как материальный фактор, оказывающий наибольшее влияние на формирование коллизионной привязки нормы о праве, применимом к отношениям интеллектуальных прав.

В российском гражданском праве, как и в гражданском праве других государств, исключительное право рассматривается как разновидность имущества, что прямо следует из положений ст. 1226 ГК РФ во взаимосвязи со ст. 128 ГК РФ. В ст. 1226, в частности, установлено, что РИД признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом. Согласно ст. 128 к объектам гражданских прав относится, среди прочих объектов, имущество, в том числе имущественные права. При этом в Кодексе отсутствует указание на то, к какому виду имущества относятся исключительные права. Изучение российской и иностранной юридической литературы, отечественного и зарубежного законодательства показало, что имущественные исключительные права, как правило, квалифицируются как движимое имущество. Фоусетт полагает, что нет ни одного правопорядка, где бы права интеллектуальной собственности были отнесены к недвижимому имуществу[6]. Однако, например, в одном из отчетов национальной группы Сингапура AIPPI указано, что в аспекте коллизионного регулирования в праве Сингапура исключительное право квалифицируется как недвижимое имущество[7].

Кроме того, субъективное исключительное право выступает в двух качествах:

1) как собственность[8], которая выражает экономическую функцию имущественного исключительного права (экономический аспект);

2) как законное[9] юридическое право, которое выражает юридическое содержание имущественного исключительного права (правовой аспект).

На дуализм имущественного исключительного права обращали внимание российские и иностранные юристы. Так, В.А. Дозорцев писал, что термины «интеллектуальное право» и «интеллектуальная собственность» «характеризуют одну и ту же категорию с разных сторон: “интеллектуальная собственность” – с точки зрения политической и экономической функций, “интеллектуальные права” – с точки зрения юридического содержания права»[10]. Схожее мнение высказано

---

[2] См., например, законодательство о международном частном праве Австрии, Албании, Армении, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Испании, Италии, Казахстана, Кыргызстана, КНР, Литвы, Молдовы, Польши, Румынии, Таджикистана, Турции, Узбекистана, Украины, Черногории, Швейцарии, Чехии, Эстонии, Южной Кореи.

[3] Например, Албании, Болгарии, Венгрии, Молдовы, Румынии, Черногории.

[4] Например, специальная коллизионная норма о праве, подлежащем применению к РИД, созданным в рамках трудовых отношений, включена в законодательство о международном частном праве Австрии, Албании, Болгарии, Литвы, Польши, Турции, Хорватии, Черногории, Швейцарии.

[5] Подробнее см.: *Крупко С.И.* Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на коллизионном принципе lex loci protectionis: сравнительно-правовой анализ // Труды ИГП РАН. 2020. № 5. С. 74–96. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-krupko; *Ее же.* Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на универсальном подходе, в сфере интеллектуальной собственности: сравнительно-правовой анализ // Труды ИГП РАН. 2020. № 6. С. 169–189. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-krupko

[6] *Fawcett J.J.* Intellectual property and Private International Law. Oxford, 2011.

[7] См. подр.: Отчет национальной группы Сингапура комитета AIPPI Q194 “The Impact of Co-Ownership of Intellectual Property Rights on their Exploitation”. URL: https://aippi.org/committee/the-impact-of-co-ownership-of-intellectual-property-rights-on-their-exploitation/

[8] В широком понимании экономической категории собственности, не в узком понимании вещного права собственности.

[9] Термин «законные права» использован в значении частных прав, возникающих из закона, в противопоставление консенсуальным частным правам, возникающим по волеизъявлению субъектов частноправовых отношений, например, из договора.

[10] *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. М., 2005. С. 141. На необходимость различать интеллектуальные права как разновидность прав и как разновидность имущества в российской доктрине гражданского права обращает внимание М.А. Рожкова (см.: *Новоселова Л.А., Рожкова М.А.* Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования. М., 2014. § 1 гл. 1; Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права / под общ. ред. М.А. Рожковой. М., 2018. § 2.1 гл. 2).

представителем германской доктрины Фезером, который, рассматривая теорию интеллектуальных прав (*Immaterialgüterrecht*) с позиции права собственности в широком понимании (не в узком значении вещного права собственности) во взаимосвязи с функциональной теорией субъективных прав (*Individualrechte*), считает, что собственность на вещи и интеллектуальная собственность понимаются как имущество. Это право собственности; собственность, независимо от того, идет ли речь о собственности материальной или нематериальной,– это понятие функции, а содержание права собственности определяется по функциональности привилегированных альтернатив действий граждан[11]. Близкая позиция высказана Ф. Мартином-Барито, который, рассматривая права интеллектуальной собственности как нематериальное имущество, на которое может быть заявлена претензия (a chose in action[12]), выделяет три их признака: 1) собственность как ценность – это отношения между благом и его собственником; собственность существует, чтобы защитить благо; создатель активов с новой ценностью получает право на их защиту с момента возникновения на них права интеллектуальной собственности; 2) собственность как эксклюзивное право, предоставляющее правообладателю возможность исключать других от делания чего-либо в отношении объекта; 3) собственность как передаваемое право[13].

На необходимость различать право собственности с экономической и правовой точек зрения обращал внимание и А. Троллер в работе, посвященной вопросам международного частного права в сфере интеллектуальной собственности[14]. Представители англо-американской доктрины международного частного права также обращают внимание на то, что исключительное право является собственностью, разновидностью нематериального имущества[15].

По мнению автора, в аспекте международного частного права в целях правового коллизионного регулирования оба качества исключительного права надлежит учитывать как единое целое, кумулятивно, в неразрывном единстве и взаимодействии экономической функции и юридического содержания, исходя из первичности экономической функции исключительного права по отношению к его содержанию.

Исключительное право как собственность представляет собой благо, имеющее экономическую ценность, разновидность нематериального имущества (res incorporales[16], intangible property) особого вида (sui generis), которое одновременно отвечает следующим признакам:

1) существует, идентифицируемо, экономически и юридически обособлено, передаваемо и, как правило, отделимо от правообладателя[17];

2) способно приносить будущую экономическую выгоду, в т.ч. приносить доход от распоряжения исключительным правом и от использования охраняемого им ресурса – РИД (лицензионные платежи, доход от продажи исключительного права, выручка от продажи продукции, произведенной с использованием РИД, снижение себестоимости продукции в результате использования РИД, использование исключительного права в качестве залога и т.д.);

3) контролируемо правообладателем, т.е. правообладатель обладает всей полнотой власти в отношении исключительного права, ему принадлежит право на получение будущей экономической выгоды от обладания имуществом и правом ограничивать доступ третьих лиц к этим выгодам.

Собственность – это экономическая функция исключительного права, именно она определяет его юридическое содержание и правовые свойства.

Эффективная реализация экономической функции исключительного права комплексно и системно обеспечивается международным и национальным правом. Нормы права интеллектуальной собственности, действуя во взаимной связи с нормами

---

[11] Подробнее см.: *Fezer K.-H.* Theorie der Funktionalität der Immaterialgüterrechte als geistiges Eigentum // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. 2016. Heft 1. S. 33. URL: https://beck-online.beck.de (дата обращения: 23.11.2020).

[12] "Choses in action" в противоположность "chooses in possesion".

[13] Подробнее см.: *Martin-Bariteau F.* The Idea of Property in Intellectual Property (February 12, 2019). 52 UBC L Rev 891 (2019); Ottawa Faculty of Law Working Paper No. 2019–19. P. 921, 923. URL: https://ssrn.com/abstract=3371128 (дата обращения: 23.11.2020).

[14] См.: *Troller A.* Das internationale Privat- und Zivilprozeßrecht im gewerblichen Rechtsschutz und Urheberrecht. Basel, 1952. S. 50, 51.

[15] См., напр.: *Fawcett J.J.* Op. cit. P. 694, 698.

[16] О понятии "res incorporales" см.: *Барон Ю.* Система римского гражданского права: в 6 кн. СПб., 2005. С. 131; *Дождев Д.В.* Римское частное право: учеб. / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 368; *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права: учеб. / пер. с итал. И.И. Маханькова; под общ. ред. Д.В. Дождева. М., 2008. С. 92. О понимании исключительного права как нематериального имущества см.: *Rahmatian A.* (2011). Intellectual Property and the Concept of Dematerialised Property. In: *Bright S.* (ed.). Modern Studies in Property Law. Oxford. Vol. 6. Chapter 17. P. 361. URL: http://ssrn.com/anstract=1917950 (дата обращения: 23.11.2020); *Бартен Э.* Основы международного частного права согласно французскому законодательству и судебной практике / пер. с франц. Д.В. Тариканова. М., 2019. Т. 3. С. 53.

[17] Передаваемость исключительных прав может быть ограничена государством. Так, в праве некоторых государств исключительное право на товарный знак передаваемо только вместе с предприятием.

международного публичного права, международного частного права, гражданского, уголовного, административного, конкурентного права и других отраслей права, позволяют правообладателю эффективно осуществлять исключительное право, распоряжаться им, пресекать посягательства на него, защищать от незаконного присвоения и нарушения, а также восстанавливать его в случае нарушения.

Исключительное право – это законное юридическое право. Оно выражает общественные отношения между лицами, возникающие по поводу РИД. Как подчеркивал Л.А. Лунц, всякое право, в т.ч. вещное, есть общественное отношение, отношение между лицами, коллизионный принцип объясняется в конечном счете производственными отношениями[18]. На принципиальность квалификации собственности как отношений между лицами, возникающими по поводу объекта, обращается внимание и в работах по гражданскому праву и праву интеллектуальной собственности[19].

Юридическое содержание исключительного права определяет меру дозволенного возможного поведения правообладателя (управомоченного лица) и меру должного поведения всех других обязанных лиц, которые должны воздерживаться от действий, нарушающих права правообладателя исключительного права. В этом аспекте исключительные права отвечают признакам абсолютных прав и возникают из законодательства.

Прежде всего исключительное право затрагивает права и интересы создателя, чьим творческим трудом был создан объект, и правообладателя РИД. Исключительное право на объекты, созданные творческим трудом человека, как разновидность права собственности первично возникает у его создателя. Однако законодательство может первоначально закреплять исключительное право не за создателем РИД, а за иным субъектом (такое первоначальное исключительное право производно по отношению к первичному исключительному праву создателя РИД). Исключительный характер права обеспечивает «монополию» правообладателя на использование РИД на рынке отдельно взятого государства (или нескольких государств в случае правовой охраны РИД на основании международного договора или наднационального акта). Оно тем самым ограничивает свободную конкуренцию на таком рынке и предоставляет правообладателю возможность требовать должного поведения от всех обязанных лиц, противопоставляя правообладателя всем третьим лицам и затрагивая интересы последних.

Именно субъективное исключительное право, олицетворяя контролируемую правообладателем экономическую власть над РИД[20], является разновидностью собственности, юридически обособленного имущества и обладает экономической ценностью[21].

В аспекте правового коллизионного регулирования в сфере интеллектуальной собственности целесообразно исходить из того, что исключительное право на РИД представляет собой разновидность собственности и разновидность субъективного частного права собственности. Однако следует отметить, что в российском материальном праве интеллектуальной собственности с принятием Части четвертой Гражданского кодекса РФ за термином «интеллектуальная собственность» в ст. 1225 законодательно закреплено значение РИД, что отличается от понимания термина «интеллектуальная собственность» в иностранном праве и отдельных международных договорах Российской Федерации, включая Конвенцию, учреждающую Всемирную организацию интеллектуальной собственности (заключена в г. Стокгольме 14.07.1967 г.; с изм. от 02.10.1979 г.), в которых термин «интеллектуальная собственность» означает исключительные права на РИД, а не сами РИД. Отметим, что ранее термин «интеллектуальная собственность» использовался в отечественном праве в значении исключительных прав. В советском законодательстве отдельные материальные нормы о РИД были включены в ч. 4 ст. 1, ч. 4 ст. 2 Закона РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР». Дискуссии относительно толкования данного термина велись

[18] См. подр.: *Лунц Л.А.* Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002. С. 207.

[19] Е.А. Суханов, рассматривая собственность как экономико-правовую категорию, подчеркивает, что собственность – «это определенное экономическое (фактическое) отношение, подвергаемое правовому оформлению. В качестве экономического отношения собственность (присвоение) характеризуется двояко: – с одной стороны, это отношение лица к присвоенным им материальным и иным благам как к своим.., с другой стороны, собственность – это отношение между людьми по поводу присвоенного имущества» (см.: *Суханов Е.А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М., 2017. § 1 гл. 4); см. также: *Van Houweling M. Sh.* Intellectual Property as property // Research Handbook on the Economics of Intellectual Property Law. Vol. 1: Theory. Research Handbooks in Law and Economics series / ed. by B. Depoorter, P. Menell. Edward Elgar Publishing, Inc., 2019. P. 2.

[20] «Право в субъективном смысле (так наз. jus agendi, частное право, правомочие) есть господство, принадлежащее определенному лицу (или совокупности лиц) над определенным предметом для цели удовлетворения их интересов... на основании норм права» (см.: *Барон. Ю.* Указ. соч. С. 82).

[21] Отметим, что в качестве нематериального актива в бухгалтерско-финансовой отчетности учитывается именно исключительное право, а не РИД (см., например, п. 3 ст. 257 НК РФ, Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 38 «Нематериальные активы» (введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 28.12.2015 г. № 217н) (в ред. от 30.10.2018 г.)).

в процессе разработки Части четвертой Гражданского кодекса РФ и продолжаются доныне[22].

Место реализации экономической функции конкретного субъективного исключительного права совпадает с национальным или региональным рынком, корреспондирующим с пространственной сферой действия субъективного исключительного права, на котором можно извлечь выгоду от «монополии» на использование РИД, вытекающей из субъективного исключительного права.

Сущность исключительных прав как «монополии» неразрывно связана с общественными интересами и интересами государства, направленными на развитие общества, что находит отражение в судебной практике. Так, в одном из решений суд США, исходя из природы авторского права, установил, что исключительные права на объект авторского права – это ценная выгода, предоставляемая правительством США для главной цели – извлечения выгоды на благо общества, и их нарушение не является частным вопросом[23]. Суд Соединенного Королевства в одном из решений установил, что спорные отношения из-за нарушения патента затрагивают общество; установление факта нарушения исключительных прав патента – это установление того, что публичная монополия, предоставленная государством, подлежит принудительному осуществлению; результат неизменен, т.к. общество должно платить более высокую цену, чем если бы монополии не существовало[24]. Х. Гайгер справедливо отмечает, что объекты и условия осуществления права интеллектуальной собственности должны всегда экзаменоваться в свете общего интереса (General Interest – англ.); законодатель, определяя контуры права интеллектуальной собственности, обязан всегда уважать другие фундаментальные права равной ценности (пер. с англ. – *Авт.*)[25].

Государство, упорядочивая воздействие на исключительное право как имущество (форму собственности) и, как следствие, упорядочивая воздействие на РИД, охраняемый субъективным исключительным правом, реализует свой интерес к использованию интеллектуальной собственности на своей территории и контролю за ней[26], в том числе посредством ведения государственного реестра, регистрации (депонирования) в нём отдельных видов РИД и перехода и распоряжения субъективных исключительных прав, введением налогов на исключительное право как на имущество, предоставлением налоговых и иных льгот и гарантий, стимулирующих создание и коммерциализацию РИД, включая инвестиционные гарантии. Например, на исключительное право как разновидность капиталовложений распространяется действие специальных гарантий от некоммерческих рисков, предоставляемых иностранным инвесторам на основании национального законодательства и международных договоров о поощрении и взаимной защите капиталовложений.

Государство принимает меры по обеспечению эффективной реализации и защите исключительного права на РИД как разновидности частного права собственности, гарантируемого и охраняемого как одно из фундаментальных прав человека согласно ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[27]. В соответствии с прецедентной практикой

---

[22] См., напр.: *Крашенинников П.В.* Право интеллектуальной собственности: учеб. / под общ. ред. Д.А. Новоселовой. М., 2017. Т. 1. Общие положения. С. 42–47; *Щербак Н.В.* Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. II. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права С. 240, 242, 243. Критический анализ проприетарного подхода к интеллектуальной собственности и к имущественным интеллектуальным правам на РИД представлен М.А. Рожковой (см.: *Новоселова Л.А., Рожкова М.А.* Указ. соч.; Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права / под общ. ред. М.А. Рожковой). На принципиальное различие между правом собственности и исключительными правами обращали внимание Г.В. Шершеневич, В.А. Дозорцев (см.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 368; *Дозорцев В.А.* Указ. соч. С. 115, 142). Об истории появления термина «интеллектуальная собственность» и понятии «объект интеллектуальной собственности» см. также: *Матвеев А.Г., Синельникова В.Н.* Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 283–288. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309

[23] См.: Creative Technology, Ltd v Aztech System Pte, Ltd, 61 F.3d 696 (9 the Cir 1995).

[24] См.: Plastus Kreative A.B. v Minesota Mining and Manufacturing Co [1995] RPC438, 447.

[25] *Christophe G.* The Social Function of Intellectual Property Rights, or How Ethics can Influence the Shape and Use of IP Law (March 4, 2013); *Dinwoodie G.B.* (ed.). Intellectual Property Law: Methods and Perspectives, Cheltenham, UK/Northampton, 2013. P. 153–176; Max Planck Institute for Intellectual Property & Competition Law Research Paper No. 13–06. P. 10, 16. URL: https://ssrn.com/abstract=2228067 (дата обращения: 21.11.2020).

[26] Как отмечают американские юристы, каждое государство имеет интерес к использованию собственности на своей территории, а контроль за собственностью отражает интерес в отношении оптимального экономического развития и безопасности рынка. Из этого вытекает интерес к государственной регистрации РИД. Таким образом, имущественный статут упорядочивает воздействие на объект (см. подр.: *Hay P., Borchers P.J., Symeonides S.* Conflict of laws. 5th ed. St. Paul, MN, 2010. XXXII (Hornbook series). P. 1231; *Richman W.M., Reynolds W.L.* Understanding conflict of laws. Newark, NJ, 2003. P. 284).

[27] Статьей 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20.03.1952 г.) (с изм. от 11.05.1994 г.) предусмотрено, что каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать

Европейского Суда по правам человека понятие «собственность», содержащееся в ст. 1 указанного Протокола имеет автономное значение, которое охватывает и интеллектуальную собственность, включая исключительные права на объекты авторского, патентного права, товарные знаки[28].

Кроме того, каждое государство по своему усмотрению, исходя из своих политических целей и задач и общественных интересов и соблюдая принцип верховенства права, баланс частных и публичных интересов и судебный контроль, осуществляет вмешательство в субъективные исключительные права. В частности, государство устанавливает в национальном позитивном праве интеллектуальной собственности ограничения исключительных прав, в том числе определяет условия свободного использования и принудительного лицензирования РИД на своей территории, устанавливает пределы применения мер, направленных на защиту исключительных прав. Например, норма абз. 2 п. 3 ст. 1252 ГК РФ обязывает суд определять размер подлежащей взысканию компенсации за нарушение исключительного права с учетом требований разумности и справедливости, что, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, направлено на реализацию положений *ч. 3 ст. 17, ч. 1 ст. 44 и ч. 3 ст. 55* Конституции РФ[29]. Суды Российской Федерации выработали устойчивую судебную практику, пресекающую использование права на компенсацию за нарушение исключительного права в целях неосновательного обогащения[30]. В этом проявляется ограничение субъективного исключительного права индивидуума, исходя из принципа добросовестности[31].

В Государственной Думе РФ на рассмотрении находится проект федерального закона «О внесении изменения в статью 1515 Части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», которым предлагается разрешить судам снижать размер компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак, установленный п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств, в целях исключения возможности применения к нарушителю прав на товарный знак санкции, являющейся несоразмерной допущенному нарушению или многократно превышающей размер причиненных правообладателю убытков, и тем самым исключает также нарушение баланса их прав и законных интересов[32]. Кроме того, вмешательство государства в право частной собственности проявляется в том, что исключительное право на служебный РИД, первичным правообладателем которого является автор-работник, законодательством закрепляется за работодателем с условием выплаты автору-работнику компенсации в виде вознаграждения за создание РИД, а также в случае, когда законодательство предоставляет исполнителю, создавшему РИД по заказу и не являющемуся правообладателем, право на безвозмездное использование такого РИД[33]. Устанавливая в своем законодательстве режим правовой охраны РИД, государство также реализует свою конкурентную политику, которая относится к вопросам публичного порядка. Как отмечает Фоусетт, каждое государство должно на основе своих воззрений на публичный порядок регулировать создание и объем каждого права, которое ограничивает конкуренцию, к которым относятся и права интеллектуальной собственности[34].

выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов.

[28] См.: Anheuser-Busch Inc. v. Portugal, Kamoy Radyo Televizyon Yayincilik ve Organizasyon A.S. v. Turkey, Smith Kline and French Laboratories Ltd v. the Netherlands, Melnychuk v. Ukraine, Neij and Sunde Kolmisoppi v. Sweden; SIA AKKA/LAA v. Latvia, SC Editura Orizonturi SRL v. Romania См. подр.: Guide on Article 1 of Protocol No. 1 to the European Convention on Human Rights – Protection of property (Updated on 31 August 2020). P. 8, 14. URL: https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=caselaw/analysis/guides&c=, 01.02.2021; см. также: *Сальвиа М.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004. С. 966, 967; *Старженецкий В.В.* Россия и Совет Европы: право собственности. М., 2004. С. 50.

[29] См., в частности: п. 3.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 г. № 28-П, Определения Конституционного Суда РФ: от 25.09.2014 г. № 1844-О; от 20.10.2011 г. № 1458-О-О; от 24.09.2013 г. № 1342-О; от 24.12.2013 г. № 2133-О.

[30] См., в частности: Апелляционное определение Псковского областного суда от 24.05.2016 г. по делу № 33-826/2016, Апелляционное определение Московского городского суда от 28.04.2015 г. по делу № 33-15698, Апелляционное определение Московского городского суда от 28.04.2015 по делу № 33-1569 // СПС «КонсультантПлюс».

[31] Согласно ст. 1 ГК РФ «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно» (п. 3); «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» (п. 4).

[32] См.: законопроект № 1100176-7 «О внесении изменения в статью 1515 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1100176-7 (дата обращения: 01.02.2021).

[33] Например, в соответствии с п. 2 ст. 1372 ГК РФ, если право на получение патента и исключительное право на промышленный образец, созданный по заказу, принадлежат заказчику, подрядчик (исполнитель) вправе, поскольку договором не предусмотрено иное, использовать такой промышленный образец для собственных нужд на условиях безвозмездной простой (неисключительной) лицензии в течение всего срока действия патента.

[34] *Fawcett J.J.* Op. cit. P. 702.

Таким образом, государство, учитывая экономическую функцию исключительного права в процессе законотворчества на материальном, коллизионном и процессуальном уровнях, обеспечивает реализацию своих политических целей и задач в области получения, распространения и применения новых знаний, культурного, социального, научно-технологического, промышленного, экономического развития общества, поддержки конкуренции на внутреннем рынке, повышения конкурентоспособности национальной экономики на международном рынке, а также обеспечивает исполнение своих международных обязательств.

* * *

Итак, право, регулирующее отношения интеллектуальных прав, охватывает все интеллектуальные имущественные и личные неимущественные права (кроме внедоговорных обязательств и договоров о распоряжении интеллектуальными правами) на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности человека, приравненные к ним средства индивидуализации и схожие с ними права. Статут отношений интеллектуальных прав, определенный в результате разрешения коллизионного вопроса, может быть признан эффективным и справедливым, если применимое право обеспечивает реализацию и защиту субъективных прав с учетом оправданных ожиданий конкретных участников отношений интеллектуальных прав, общества и государства в условиях международного общения.

Так как исключительные права представляют собой ядро режима правовой охраны РИД, системообразующий элемент права интеллектуальной собственности[35], именно они имеют наибольший вес при локализации центра тяжести отношений интеллектуальных прав. Дуализм исключительного права, выражающийся в неразрывном единстве экономической функции и юридического содержания исключительного права, и первичность экономической функции исключительного права по отношению к его юридическому содержанию являются определяющими факторами при выявлении направленности значимых абстрактно-генерализованных, презюмируемых, типичных коллизионных интересов конкретных и потенциальных участников отношений интеллектуальных прав и государства. Таким образом, проприетарный аспект исключительных прав как нормообразующий фактор оказывает влияние на формирование общего коллизионного начала, определяющего фактическую сферу действия в пространстве законов, регулирующих отношения интеллектуальных прав[36].

[35] Отметим, что изначально именно из-за того, что РИД как источник материальных благ представляли имущественный интерес для участников экономического оборота, они получили правовую охрану. Личные неимущественные права создателей РИД стали признаваться позднее. Кроме того, юридическая судьба отдельных видов личных неимущественных интеллектуальных прав зависима от исключительного права, они прекращают свое существование с прекращением исключительного права.

[36] Анализ значимых коллизионных интересов, их направленность в аспекте определения права, применимого к отношениям интеллектуальных прав, будут подробно исследованы в отдельной статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барон Ю.* Система римского гражданского права: в 6 кн. СПб., 2005. С. 82, 131.
2. *Бартен Э.* Основы международного частного права согласно французскому законодательству и судебной практике / пер. с франц. Д.В. Тариканова. М., 2019. Т. 3. С. 53.
3. *Дождев Д.В.* Римское частное право: учеб. / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 368.
4. *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. М., 2005. С. 115, 141, 142.
5. *Крашенинников П.В.* Право интеллектуальной собственности: учеб. / под общ. ред. Д.А. Новоселовой. М., 2017. Т. 1. Общие положения. С. 42–47.
6. *Крупко С.И.* Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на коллизионном принципе lex loci protectionis: сравнительно-правовой анализ // Труды ИГП РАН. 2020. № 5. С. 74–96. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-krupko
7. *Крупко С.И.* Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на универсальном подходе, в сфере интеллектуальной собственности: сравнительно-правовой анализ // Труды ИГП РАН. 2020. № 6. С. 169–189. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-krupko
8. *Лунц Л.А.* Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002. С. 207.
9. *Матвеев А.Г., Синельникова В.Н.* Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 283–288. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309
10. *Новоселова Л.А., Рожкова М.А.* Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования. М., 2014. § 1 гл. 1.
11. *Сальвиа М.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных сво-

бод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004. С. 966, 967.

12. *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права: учеб. / пер. с итал. И.И. Маханькова; под общ. ред. Д.В. Дождева. М., 2008. С. 92.
13. *Старженецкий В.В.* Россия и Совет Европы: право собственности. М., 2004. С. 50.
14. *Суханов Е.А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М., 2017. § 1 гл. 4.
15. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права / под общ. ред. М.А. Рожковой. М., 2018. § 2.1 гл. 2.
16. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 368.
17. *Щербак Н.В.* Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. II. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права С. 240, 242, 243.
18. *Christophe G.* The Social Function of Intellectual Property Rights, or How Ethics can Influence the Shape and Use of IP Law (March 4, 2013).
19. *Dinwoodie G.B.* (ed.). Intellectual Property Law: Methods and Perspectives, Cheltenham, UK/ Northampton, 2013. P. 153–176.
20. *Fawcett J.J.* Intellectual property and Private International Law. Oxford, 2011. P. 694, 698, 702.
21. *Fezer K.-H.* Theorie der Funktionalität der Immaterialgüterrechte als geistiges Eigentum // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. 2016. Heft 1. S. 33. URL: https://beck-online.beck.de (дата обращения: 23.11.2020).
22. *Hay P., Borchers P.J., Symeonides S.* Conflict of laws. 5th ed. St. Paul, MN, 2010. XXXII (Hornbook series). P. 1231.
23. *Martin-Bariteau F.* The Idea of Property in Intellectual Property (February 12, 2019). 52 UBC L Rev 891 (2019).
24. *Rahmatian A.* (2011). Intellectual Property and the Concept of Dematerialised Property. In: *Bright S.* (ed.). Modern Studies in Property Law. Oxford. Vol. 6. Chapter 17. P. 361. URL: http://ssrn.com/anstract=1917950 (дата обращения: 23.11.2020).
25. *Richman W.M., Reynolds W.L.* Understanding conflict of laws. Newark, NJ, 2003. P. 284.
26. *Troller A.* Das internationale Privat- und Zivilprozeßrecht im gewerblichen Rechtsschutz und Urheberrecht. Basel, 1952. S. 50, 51.
27. *Van Houweling M. Sh.* Intellectual Property as property // Research Handbook on the Economics of Intellectual Property Law. Vol. 1: Theory. Research Handbooks in Law and Economics series / ed. by B. Depoorter, P. Menell. Edward Elgar Publishing, Inc., 2019. P. 2.

REFERENCES

1. *Baron Yu.* The system of Roman civil law: in 6 books. SPb., 2005. P. 82, 131 (in Russ.).
2. *Barten E.* Fundamentals of private international law according to French legislation and judicial practice / transl. from French by D.V. Tarikanov. M., 2019. Vol. 3. P. 53 (in Russ.).
3. *Dozhdev D.V.* Roman Private Law: textbook / under the general editorship of V.S. Nersesyants. 3rd ed., rev. and add. M., 2008. P. 368 (in Russ.).
4. *Dozortsev V.A.* Intellectual rights. The concept. System. Tasks of codification: collection of articles. M., 2005. P. 115, 141, 142 (in Russ.).
5. *Krasheninnikov P.V.* Intellectual property law: textbook / under the general editorship of D.A. Novoselova. M., 2017. Vol. 1. General provisions. P. 42–47 (in Russ.).
6. *Krupko S.I.* Modification and interpretation of conflicting factors, based on conflict of law principle lex loci protectionis: comparative legal analysis // Proceedings of the ISL of the RAS. 2020. No. 5. P. 74–96. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-krupko (in Russ.).
7. *Krupko S.I.* Modifications and interpretation of conflict factors based on a universal approach in the field of intellectual property: comparative legal analysis // Proceedings of the ISL of the RAS. 2020. No. 6. P. 169–189. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-krupko (in Russ.).
8. *Lunts L.A.* Course of Private International Law: in 3 vols. M., 2002. P. 207 (in Russ.).
9. *Matveev A.G., Sinelnikova V.N.* Intellectual property objects receiving protection in the XXI century // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2019. Issue 44. P. 283–288. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309 (in Russ.).
10. *Novoselova L.A., Rozhkova M.A.* Intellectual property: some aspects of legal regulation. M., 2014. § 1 ch. 1 (in Russ.).
11. *Salvia M.* Precedents of the European Court of Human Rights. Guidelines for judicial practice related to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Judicial practice from 1960 to 2002. SPb., 2004. P. 966, 967 (in Russ.).
12. *Sanfilippo Ch.* Course of Roman Private Law: textbook / transl. from Italian by I.I. Makhankova; under the general editorship of D.V. Dozhdev. M., 2008. P. 92 (in Russ.).
13. *Starzhenetsky V.V.* Russia and the Council of Europe: the right of ownership. M., 2004. P. 50 (in Russ.).
14. *Sukhanov E.A.* Real law: a scientific and educational essay. M., 2017. § 1 ch. 4 (in Russ.).

15. The civil law concept of intellectual property in the system of Russian law / ed. by M.A. Rozhkova. M., 2018. § 2.1 ch. 2 (in Russ.).

16. *Shershenevich G.F.* Uchebnik russkogo civil rights (for ed. 1907). M., 1995. P. 368 (in Russ.).

17. *Shcherbak N.V.* Civil Law: textbook: in 4 vols / ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., reprint. and add. M., 2019. Vol. II. Property law. Inheritance law. Intellectual property rights. Personal non-property rights. P. 240, 242, 243 (in Russ.).

18. *Christophe G.* The Social Function of Intellectual Property Rights, or How Ethics can Influence the Shape and Use of IP Law (March 4, 2013).

19. *Dinwoodie G.B.* (ed.). Intellectual Property Law: Methods and Perspectives, Cheltenham, UK/ Northampton, 2013. P. 153–176.

20. *Fawcett J.J.* Intellectual property and Private International Law. Oxford, 2011. P. 694, 698, 702.

21. *Fezer K.-H.* Theorie der Funktionalität der Immaterialgüterrechte als geistiges Eigentum // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. 2016. Heft 1. S. 33. URL: https://beck-online.beck.de (accessed: 23.11.2020).

22. *Hay P., Borchers P.J., Symeonides S.* Conflict of laws. 5th ed. St. Paul, MN, 2010. XXXII (Hornbook series). P. 1231.

23. *Martin-Bariteau F.* The Idea of Property in Intellectual Property (February 12, 2019). 52 UBC L Rev 891 (2019).

24. *Rahmatian A.* (2011). Intellectual Property and the Concept of Dematerialised Property. In: *Bright S.* (ed.). Modern Studies in Property Law. Oxford. Vol. 6. Chapter 17. P. 361. URL: http://ssrn.com/anstract=1917950 (accessed: 23.11.2020).

25. *Richman W.M., Reynolds W.L.* Understanding conflict of laws. Newark, NJ, 2003. P. 284.

26. *Troller A.* Das internationale Privat- und Zivilprozeßrecht im gewerblichen Rechtsschutz und Urheberrecht. Basel, 1952. S. 50, 51.

27. *Van Houweling M. Sh.* Intellectual Property as property // Research Handbook on the Economics of Intellectual Property Law. Vol. 1: Theory. Research Handbooks in Law and Economics series / ed. by B. Depoorter, P. Menell. Edward Elgar Publishing, Inc., 2019. P. 2.

Сведения об авторе

КРУПКО Светлана Игоревна –
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KRUPKO Svetlana I. –
PhD in Law, associate Professor, senior researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 120–137
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 120–137

ЗА РУБЕЖОМ

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОСОБОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО РАЙОНА ГОНКОНГ КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ В СОСТАВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: АКТУАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ

© 2021 г. И. В. Ирхин

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E-mail: dissertacia@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.11.2020 г.

Аннотация. В статье рассмотрен генезис становления и развития Гонконга в составе Китайской Народной Республики, проанализирован конституционно-правовой статус системы органов публичной власти данного района и правовое регулирование их взаимоотношений с властями центральной части КНР. Сделан вывод о том, что определяющими детерминантами квалификации Гонконга в качестве территориальной автономии являются аутентичная правовая система, финансово-экономический и международно-правовой статус. Подчеркивается, что модель конституционно-правового регулирования статуса Гонконга характеризуется «ползучим» раздвоением формального и фактического подходов к интерпретации сферы компетенции данного района, что привело к массовым протестным акциям (2019–2020 гг.), отчасти инспирируемым реакциями некоторых зарубежных акторов. Сформулированы выводы о конвергенции конституционно-правового режима территориальной автономии с принципами государственного единства и территориальной целостности.

Ключевые слова: КНР, Гонконг, публичное право, территориальная автономия, публичная власть, национальная безопасность.

Цитирование: *Ирхин И.В.* Конституционно-правовой статус особого административного района Гонконг как территориальной автономии в составе Китайской Народной Республики: актуальные траектории трансформации // Государство и право. 2021. № 8. С. 120–137.

DOI: 10.31857/S102694520012493-3

CONSTITUTIONAL-LEGAL STATUS OF THE SPECIAL ADMINISTRATIVE REGION OF HONG KONG AS A TERRITORIAL AUTONOMY WITHIN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: CURRENT TRAJECTORIES OF TRANSFORMATION

© 2021 I. V. Irkhin

Kuban state University, Krasnodar

E-mail: dissertacia@yandex.ru

Received 02.11.2020

Abstract. In this article examines the genesis of the formation and development of Hong Kong as part of the People's Republic of China, analyzes the current constitutional-legal status of the system of public authorities in this region and the problems of legal regulation of their relationship with the authorities of the central of the PRC. Author is concluding that the determining determinants of Hong Kong's qualifications as territorial autonomy are

the authentic legal system, financial-economic and international-legal status. Also is emphasized that the model of the constitutional-legal regulation of the status of Hong Kong is characterized by a "creeping" bifurcation of formal and actual approaches to interpreting the area of competence of this region, which led to mass protest actions (2019–2020), partly inspired by the reactions of some foreign actors. In final of article author is formulated thesis on the convergence of the constitutional-legal regime of territorial autonomy with the principles of state unity and territorial integrity.

Key words: China, Hong Kong, public law, territorial autonomy, public authority, national security.

For citation: *Irkhin, I.V. (2021).* Constitutional-legal status of the special administrative region of Hong Kong as a territorial autonomy within the People's Republic of China: current trajectories of transformation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 120–137.

В современной мировой конституционно-правовой практике сформировано значительное количество территориальных автономий. В.Е. Чиркин указывал, что «существует более 200 автономных образований, выделяются до 40 их разновидностей»[1]. Среди них особое место занимает особый административный район Гонконг, обладающий уникальными конституционно-правовыми характеристиками, детерминированным комплексом аутентичных исторических, правовых и финансово-экономических факторов.

Гонконг был включен в состав КНР на основании межгосударственного соглашения[2], соответствующих декретов председателя КНР и решений Всекитайского Собрания Народных Представителей (далее – ВСНП).

19 декабря 1984 г. китайское и британское правительства подписали Совместную декларацию по Гонконгу, согласно которому правительство КНР продолжит осуществление суверенитета над Гонконгом с 1 июля 1997 г., реализуя, таким образом, стремление китайцев к воссоединению[3].

В 1990 г. был принят Основной закон особого административного региона Гонконг Китайской Народной Республики[4], в основу которого была положена вышеуказанная Совместная декларация[5].

К.А. Кокарев отмечает, что «образование Сянганского (Гонконгского) особого административного района КНР представляло собой длительный процесс, насыщенный сложными переговорами, важными решениями и мерами в интересах обеспечения плавного перехода бывшей британской колонии под суверенитет КНР»[6].

П.М. Иванов указывает, что «английской стороне пришлось считаться с тем, что КНР заявила о решимости объявить свой собственный план воссоединения, если двустороннее соглашение по Гонконгу не будет достигнуто. Толчок успешному развитию переговоров дало послание М. Тэтчер Чжао Цзыяну, в котором говорилось о готовности Великобритании отказаться от суверенитета в случае китайских гарантий сохранения в колонии статус-кво»[7].

В данном аспекте примечательно то, что население Гонконга не было привлечено к участию в обсуждении и утверждении положений Основного закона. Фактически данный акт был представлен Гонконгу в итоговом варианте без учета мнения (интересов) населения этого района. В определенной мере такой подход предопределяется действовавшей в период колониализма позицией британских властей к ограничению возможности реализации демократических прав населением данного района[8].

---

[1] *Чиркин В.Е.* Территориальная организация публичной власти. М., 2017. С. 138, 141.

[2] Официальное название – Совместная декларация Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительства Китайской Народной Республики по вопросу о Гонконге (см.: Joint Declaration of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the People's Republic of China on the Question of Hong Kong, 1984. URL: https://www.elegislation.gov.hk/hk/capA301?tab=m (дата обращения: 25.08.2020)).

[3] См.: ibid.

[4] См.: The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China, 1990. URL: www.basiclaw.gov.hk/en/basiclawtext/index.html (дата обращения: 24.08.2020).

[5] При этом необходимо учитывать, что данные акты в полной мере не дублируют друг друга.

[6] *Кокарев К.А.* Политический механизм особых автономий Китая. М., 2004. С. 5.

[7] *Иванов П.М.* Гонконг: история и современность. М., 1990. С. 198.

[8] В литературе указывается, что в состав комитета, который занимался разработкой проекта Основного закона Гонконга, 12 из 20 мест, зарезервированных для Гонконга, заняли крупные капиталисты, обладающие возможностью смоделировать институты под свои перспективные интересы (см.: *Scartozzi C.* Political reforms vs. Undemocratic Institutional Arrangements in Hong Kong // Seoul National University Journal of International Studies. 2017. Vol. 2. P. 5. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/91325/1/MPRA_paper_91325.pdf (дата обращения: 25.08.2020)). В свою очередь, согласно Белой книге «Практика реализации политики "Одна страна, две системы"» в Гонконге в составе рабочего комитета по разработке проекта Основного закона Гонконга 23 из 59 участников представляли различные группы гонконгского общества. Комитет также уполномочил представителей

П. В. Трощинский подчеркивает, «что в период колониального господства Великобритании над Гонконгом речи о демократии не шло. Население Сянгана не допускалось к управлению государственными делами, все свободы жителей жестко ограничивались требованием соблюдать колониальное законодательство. Губернатор, члены Законодательного Совета назначались английской короной. Гонконгцы не участвовали в выборах. В отношении китайцев, проживавших в Гонконге, действовали многочисленные дискриминационные запреты»[9].

Одна из главных особенностей конституционно-правового статуса Гонконга – подлежащая применению на его территории капиталистическая модель финансово-экономических отношений, действующая на фоне социалистического режима КНР (принцип «одно государство, две системы»). Необходимо отметить, что такой подход не имеет аналогов в мировой практике институционализации конституционно-правовых статусов территориальных автономий (исключая Макао).

Вместе с тем действие указанного принципа ограничено во времени. Статья 5 Основного закона устанавливает, что в течение 50 лет (до 2047 г.) социалистическая система и политика не должны практиковаться в Гонконге, а предшествующая капиталистическая система и образ жизни должны оставаться неизменными.

Я. Гай указывает, что «главная цель Основного закона заключается в сохранении определенной капиталистической модели: колониальная система, которая предусматривает преимущества свободной экономики, сильной администрации, государственного управления на основе кооптации бизнес-элиты. Вместе с тем демократическая составляющая оставлена на втором плане. В свою очередь, режим автономии важен, однако он является средством достижения более общей цели (демократии)»[10]. Следует отметить, что отсутствие демократических условий также не позволит сформировать конституционно-правовой режим автономии.

В Конституции КНР[11] о Гонконге не упоминается. Статья 31 указанного документа только определяет, что государство в случае необходимости создает особые административные районы. Режим особых административных районов устанавливается с учетом конкретной обстановки законами, принимаемыми ВСНП.

Буквальный анализ данной фабулы свидетельствует о том, что ВСНП обладает весьма обширными возможностями регуляции конституционно-правового статуса Гонконга. Определенным сдерживающим фактором расширения дискреции ВСНП являются положения Совместной декларации[12], однако необходимо учитывать, что содержащиеся в ней критерии не определяют точные параметры подлежащего применению в Гонконге конституционно-правового режима. Кроме того, ввиду пространности норм этого документа не исключаются риски вариативных версий интерпретационных практик, адаптивных актуальной конъюнктуре. В этом контексте усматривается определенная уязвимость гарантий конституционно-правового статуса Гонконга.

В литературе Гонконг именуется «квазигосударством в рамках унитарного и социалистического государства»[13], «территориальной автономией»[14], «нетрадиционной моделью территориальной

Гонконга на создание консультативного комитета из 180 членов для сбора и обобщения мнений населения района (см.: The Practice of the 'One Country, Two Systems' Policy in the Hong Kong Special Administrative Region. Information Office of the State Council the People's Republic of China June 2014, Beijing. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986578.htm (дата обращения: 25.08.2020)). В другой работе отмечается, что Основной закон был разработан комитетом, состав которого был сформирован китайским правительством. При этом большинство членов комитета были с материковой части КНР и только некоторые члены из Гонконга (см.: Legal Issue relating Democratic Participation in Hong Kong. Scoping Report, 2014. P. 10. URL: https://www.researchgate.net/publication/267151536_LEGAL_ISSUES_RELATING_TO_DEMOCRATIC_PARTICIPATION_IN_HONG_KONG (дата обращения: 25.08.2020)).

[9] *Трощинский П. В.* Современная правовая система Гонконга // Труды ИГП РАН. 2016. № 2. С. 197; см. также: *Flaherty M.* Hong Kong Fifteen Years after the Handover: One Country, Which Direction? // Columbia Journal of Transnational Law. 2013. Vol. 51. P. 277, 278.

[10] *Ghai Y.* Hong Kong's New Constitutional Order: The Resumption of Chinese Sovereignty and the Basic Law. 2nd ed. Hong Kong, 1999. P. 139, 140, 184.

[11] См.: Конституция КНР 1982 г. (в ред. 2018 г.). URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 25.08.2020).

[12] Принимая во внимание, что Совместная декларация фактически является международным договором, заключенным между КНР и Великобританией, следует с оговоркой принимать во внимание довод о том, что «китайское правительство не советовалось с Великобританией о положениях Основного закона, поскольку исходило из того, что данный документ является исключительно актом национального права» (см.: Legal Issue relating Democratic Participation in Hong Kong. P. 10). Несмотря на то что Основной закон – акт национального права, его содержание предопределено договоренностями, отраженными в Совместной декларации.

[13] *Goncalves A.* Hong Kong and Macau Special Administrative Regions: The Downfall of The "One Country, Two Systems" Policy // International Journal of Humanities and Social Science. 2019. Vol. 9. No. 10. P. 14.

[14] *Suksi M.* Sub-State Governance through Territorial Autonomy: A Comparative Study in Constitutional Law of Powers, Procedures and Institutions. Berlin, Heidelberg, 2011. P. 647; *Cardinal P., Zhang Y.* Subnational Constitutionalism in the Sars of the People's Republic of China. An Exceptional Tailored Model // Perspectives on Federalism. 2012. Vol. 3. P. 103.

автономии»[15], как «нечто среднее между ассоциированным государством и территориальной автономией»[16], подчеркивается, что «степень автономии Гонконга сопоставима с объемом компетенции субъектов некоторых федеративных государств (США, ФРГ), а по ряду аспектов является более обширной»[17]. Отмечается также, что «по сравнению с другими территориями КНР, Гонконг обладает высоким уровнем автономии»[18], указывается, что «Гонконг представляет собой редкий случай, когда локальное сообщество, которое является частью этнического большинства суверенного государства, приобрело статус автономного района, тогда как большинство населения в рамках этого же государства автономией не обладает»[19].

Территориальную автономию мы предлагаем рассматривать в качестве правового режима и формы территориальной организации внутригосударственного территориального объединения.

В качестве правового режима территориальная автономия представляет собой предусмотренный правовыми нормами порядок регулирования статуса территориального образования, основывающийся на принципах признания идентичности социальных групп и (или) специфических особенностей территорий и выражающийся в специфике способов и гарантий реализации, охраны и защиты этого статуса.

В рамках Гонконга создана особая правовая система. Так, помимо китайского и местного права, в т.ч. обычного права, на территории района сохраняют юридическую силу ранее действовавшее британское право (общее право, право справедливости, ордонансы, подзаконные акты, обычное право) (ст. 8 Основного закона Гонконга). Кроме того, в границах Гонконга подлежат применению акты международного права, которые не действуют на материковой части КНР (например, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.). В своем единстве синтез указанных источников (форм) права дает основания для признания аутентичной (гибридной) правовой системы Гонконга.

В этом плане спорными представляются доводы о том, что «правовая система Гонконга может быть отождествлена с «англо-американской правовой семьей»»[20] или «с семьей общего права»[21] (при бесспорности наличия между ними характерных сходств).

Как форма территориальной организации территориальная автономия представляет собой элемент государственно-территориального устройства, характеризующийся особой, специфической системой взаимоотношений автономии с центральной государственной властью, отличной от тех, что складываются в системе отношений с государственной властью регионального уровня и публичной властью муниципальных образований, а также расширенной по сравнению с иными внутригосударственными образованиями компетенцией в сфере локального самоуправления в рамках нормативно (конституционно) зафиксированного перечня вопросов, гарантированного государством.

Базовым документом, определяющим конституционно-правовой статус Гонконга, является его Основной закон[22]. Примечательно то, что этот документ одновременно является актом национального права (принят ВСНП) и фактической Конституцией[23] (мини-конституцией относительно Конституции КНР[24]) Гонконга.

Статья 3 данного акта устанавливает, что ВСНП уполномочивает Гонконг на осуществление

---

[15] *Cardinal P., Zhang Y.* Op. cit. P. 133, 134. Непринадлежность к классической модели территориальной автономии обусловливается степенью, объемом и природой режима автономии Гонконга.

[16] *Goncalves A.* A Paradigm of Autonomy: The Hong Kong and Macau SARs // Contemporary Southeast Asia. 1996. Vol. 18. No. 1. P. 46.

[17] *Chen A.* The Theory, Constitution and Practice of Autonomy: the Case of Hong Kong. P. 7; *Goncalves A.* Hong Kong and Macau Special Administrative Regions: The Downfall of the "One Country, Two Systems" Policy. P. 14.

[18] *Cheung A.* From Colony to Special Administrative Region: Issue of Hong Kong's Autonomy within a Centralized State // Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. 1998. Vol. 31. No. 3. P. 305.

[19] *Xiaobing X., Wilson G.* The Hong Kong Special Administrative Region as a Model of Regional External Autonomy // Case Western Reserve of International Law. 2000. Vol. 32. P. 6. URL: https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1481&context=jil (дата обращения: 25.08.2020).

[20] *Петрыкина Н.И., Тюрина Д.Д.* Нетрадиционная модель административной автономии КНР – Гонконг. Взгляд российского исследователя // Административное право и процесс. 2019. № 3. С. 4, 5.

[21] *Martin T.* Hong Kong Right of Abode: Ng Siu Tung & (and) Others v. Director of Immigration – Constitutional and Human Rights at the Mercy of China // San Diego International Law Journal. 2004. Vol. 5. P. 469.

[22] См.: *Shigong J.* China's Hong Kong: A Political and Cultural Perspective. Singapore, 2017. P. 151; *Jgaveri S., Scully-Hill A.* Executive and legislative reactions to judicial invalidity in Hong Kong: Engagement, acceptance or avoidance // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. Issue 2. P. 507.

[23] См.: *Chan C.* Reconceptualising the Relationship between the Mainland Chinese Legal System and the Hong Kong Legal System // Asian Journal of Comparative Law. 2011. Vol. 6. P. 5.

[24] *Chan J.* Basic Law and Constitutional Review: The First Decade // Hong. Kong Law Journal, 2007. P. 407. URL: https://hub.hku.hk/bitstream/10722/87975/3/content.pdf?accept=1 (дата обращения 25.08.2020).

автономии высшей степени, а также на реализацию исполнительной, законодательной и независимой судебной власти, в том числе на право принятия окончательных решений в соответствии с положениями этого Закона.

Акты центральных органов власти по общему правилу не действуют на территории Гонконга, кроме тех актов, которые определены в Приложении № 3 к Основному закону (ст. 18). Постоянный комитет ВСНП может дополнить или удалить из Приложения 3 отдельные акты после консультации с Комитетом по Основному закону Гонконга[25] и правительством района. Законы, указанные в Приложении 3, должны ограничиваться вопросами обороны, внешней политики, а также иными вопросами, которые находятся вне пределов автономии Гонконга. Однако в случае, если Постоянный комитет ВСНП объявит войну или при возникновении беспорядков в Гонконге, которые угрожают национальному единству и безопасности и не могут быть устранены властями района самостоятельно, вводится режим чрезвычайной ситуации. В этом случае Госсовет КНР может принять акт, предусматривающий применение соответствующих законов на территории района. Указанный подход свидетельствует о нормативной фиксации возможности применения института федерального вмешательства, известного в практике конституционного регулирования внутригосударственных отношений во многих зарубежных странах[26].

Одновременно следует иметь в виду, что согласно Белой книге центральное правительство осуществляет всеобъемлющее (overall) правовое регулирование Гонконга, поэтому концепция принадлежности КНР остаточных полномочий не подлежит применению[27].

В то же время примечательно то, что ни в Конституции КНР, ни в Основном законе Гонконга не выделена сфера конкурирующей компетенции при условии, что в ряде сфер ее наличие усматривается (вопросы ведения регистра флота (ст. 125), гражданской авиации (ст. 128–135), инкорпорации национального законодательства согласно Приложению 3 (ст. 18)). Кроме того, в силу положений ст. 151 Основного закона Гонконг, используя имя «Гонконг, Китай», вправе поддерживать и развивать отношения, а также заключать соглашения с иностранными государствами, регионами, международными организациями по ряду направлений деятельности.

Следует также обратить внимание, что к взаимоотношениям между КНР и Гонконгом подлежит применению принцип деволюции, поскольку допускается расширение объема компетенции района на основании ст. 20 Основного закона, которая предусматривает, что Гонконг может обладать иными полномочиями, предоставленными ВСНП или Госсоветом.

В этой связи нельзя в полной мере согласиться с мнением о том, что «формула разграничения полномочий между центром и Гонконгом простая, поскольку в ведении данного района находятся практически все вопросы, кроме обороны и иностранных дел. Сфера автономии Гонконга настолько обширна, что чрезвычайно мало случаев, при которых осуществление полномочий центрального правительства потребуется»[28].

Компетенция Гонконга имеет сложную конфигурацию, которая может варьироваться в зависимости от наступления дифференцированных условий, в т.ч. возникновения экстраординарных обстоятельств, позволяющих центральным властям КНР осуществлять дискреционное регулирование конституционно-правового статуса данного района.

Система органов публичной власти

Правовая система Гонконга основана на принципе сотрудничества властей (законодательная, исполнительная, судебная)[29].

В качестве органа законодательной власти действует Законодательный Совет, избираемый на основе всеобщего избирательного права сроком на четыре года в составе 70 членов. Примечательными особенностями обладает избирательная система, применяющаяся на выборах данного Совета. Его члены избираются поровну (по 35 человек) от территориальных и функциональных избирательных округов. Территориальные округа формируются по территориальному принципу с учетом нормативов сбалансированности представительства интересов проживающего в их пределах населения.

[25] Комитет по Основному закону – консультативный институт, состоящий из двенадцати известных специалистов (шесть от Пекина, шесть от Гонконга), большинство из которых являются экспертами в области права.

[26] См.: *Михайлова М.Ю.* Федеральное вмешательство в зарубежных странах. М., 2005.

[27] См.: The Practice of the 'One Country, Two Systems' Policy in the Hong Kong Special Administrative Region.

[28] *Chen A.* Op. cit. P. 9.

[29] В период работы над проектом Основного закона Дэн Сяопин подчеркивал «неприменимость «западного принципа» разделения властей в силу его несовместимости с национальной ситуацией в КНР и реалиями в Гонконге. Основной закон может восприниматься как определенная модель конституционного сотрудничества между тремя ветвями власти, предусматривающая подчинение институциональным прерогативам одной ветви другой при условии, когда это необходимо» (см.: *Ip E.* Op. cit. P. 584; см. также: *Zhu G., Kouroutakis A.* The Hong Kong Subconstitutional Model of Separation of Powers: The Case of Weak Judicial Review // Hong Kong Law Journal. 2017. P. 1, 3. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2967650 (дата обращения: 25.08.2020)).

Функциональные округа образуются по производственному критерию, в соответствии с которым обеспечивается представительство интересов различных отраслей народного хозяйства и профессий (сельское хозяйство, транспорт, образование, здравоохранение, туризм, финансы и другие секторы экономики, представители социальных и инженерных специальностей, архитектуры, рабочих, социальных служб и т.д.)[30].

Законодательный Совет осуществляет полномочия по принятию, изменению, отмене законов и иных правовых актов, проводит анализ и утверждает бюджет, устанавливает налоги и публичные расходы, принимает и обсуждает политические программы правительства, направляет вопросы правительству, обсуждает любые социально значимые вопросы, принимает решения о назначении или отставке судей Суда последней инстанции и главного судьи Высшего суда, может отправлять в отставку главу администрации Гонконга по решению двух третей от общего числа членов (ст. 73).

Необходимо отметить, что законы, принятые легислатурой Гонконга, должны быть направлены в Постоянный комитет ВСНП для регистрации и учета (при этом факт отправки не влияет на вступление законов района в силу). Однако, если Постоянный комитет ВСНП после проведения консультации с комитетом по Основному закону Гонконга придет к выводу, что принятый закон не соответствует положениям Основного закона в части вопросов, относящихся к сфере ответственности центральных органов власти, или отношений центральных властей и района, Постоянный комитет ВСНП вправе возвратить закон и приложить к нему имеющиеся вопросы (однако внесение изменений не допускается). В этом случае возвращенный закон немедленно утрачивает юридическую силу. Фактически отмененный закон не обладает ретроактивностью, если иное не предусмотрено в законодательстве Гонконга.

Исполнительную власть в Гонконге возглавляет глава администрации, который подотчетен Госсовету КНР и особому административному району (ст. 43). Должность главы администрации власти может занять лицо, имеющее гражданство КНР, достигшее возраста 40 лет, являющееся постоянным жителем Гонконга, который постоянно и непрерывно проживает не менее 20 лет в Гонконге, не имеет право на проживание в иностранных государствах (ст. 44).

В силу ст. 45 Основного закона глава администрации избирается Избирательным комитетом, состоящим из 1200 человек[31], и назначается Госсоветом КНР на срок пять лет не более двух раз подряд (ст. 46). Способ избрания определяется с учетом актуальной ситуации в Гонконге на основе принципа постепенного роста (gradual) и прогресса (orderly progress). При этом главная цель состоит в том, чтобы избрание главы администрации состоялось на основе всеобщего избирательного права с обеспечением широкого представительства и соблюдением демократических процедур.

Необходимо отметить, что установленные условия избрания и назначения главы администрации Гонконга в литературе нередко оцениваются критически, что в значительной мере обусловливается неопределенностью факторов, влияющих на выбор конкретной модели избрания, а также фиксацией главенствующего положения Госсовета КНР, позволяющего в директивном порядке квалифицировать (оценивать) электоральные решения. Кроме того, такой подход делает главу администрации полностью зависимым от центральных властей КНР.

Так, некоторые авторы утверждают, что «высокая степень автономии с трудом может быть ассоциирована с подлинным самоуправлением ввиду того, что назначаемый Госсоветом глава администрации Гонконга является представителем КНР в Гонконге»[32]. В данном аспекте необходимо отметить, что конституционно-правовой режим автономии не исчерпывается механизмом назначения главы исполнительной власти центром, хотя

[30] В литературе указывается, что функциональные округа являются пережитком колониального прошлого, когда члены легислатуры назначались и отражали не только интересы географически маркируемого округа, но и основных производственных груп (см.: *Jhaveri S., Scully-Hill A.* Executive and legislative reactions to judicial invalidity in Hong Kong: Engagement, acceptance or avoidance. P. 510). Отмечается, что функциональные округа в основном представляют коммерческий сектор. Избираемые от данных округов члены представляют весьма ограниченный круг интересов (по сравнению с избирательными округами, сформированными по географическому принципу) при условии, что обладают идентичным объемом прав в Законодательном Совете. Функциональные округа рассматриваются как проправительственные единицы, закономерным образом связанные с администрацией с целью обеспечения поддержки сохранения стабильных и благоприятных условий ведения бизнеса. Избираемые от этих округов члены Законодательного Совета именуются элитой (см.: *Jhaveri S.* Reconstitutionalizing Politics in the Hong Kong Special Administrative Region of China // Asian Journal of Comparative Law. 2018. Vol. 13 (1). P. 44; *Sadowski M.* The Rule of Law, the Rule of Conflict? Hong Kong and Democracy – Past and Present Revisited // Revue quebecoise de droit international. 2019. P. 34. URL: https://www.sqdi.org/wp-content/uploads/19-48-The-Rule-of-Law-The-Rule-of-Conflict-Hong-Kong-and-Democracy%E2%80%94Past-and-Present-Revisited.pdf (дата обращения: 25.08.2020)).

[31] См.: Amendment to Annex I to the Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China Concerning the Method for the Selection of the Chief Executive of the Hong Kong Special Administrative Region, 28 August 2010. URL: https://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclawtext/images/basiclawtext_doc2.pdf (дата обращения: 25.08.2020).

[32] *Ip E.* Op. cit. P. 573.

нельзя не учитывать, что такой подход продуцирует создание политически структурированной субординации.

Согласно ст. 48 Основного закона Гонконга глава администрации возглавляет правительство района, несет ответственность за реализацию Основного закона и других законов, подлежащих применению в Гонконге, подписывает билли, принятые Законодательным Советом, и осуществляет их опубликование; определяет политику правительства и принимает исполнительные приказы; предлагает Госсовету КНР кандидатуры (и отчитывается за них) для замещения (отстранения от занимаемых должностей) кандидатур на некоторые ключевые должности (секретари департаментов и их заместители; руководители бюро, комиссар по вопросам противодействия коррупции, начальник службы аудита, комиссар полиции, начальник иммиграционной службы, комиссар по таможенным и акцизным вопросам и др.).

Глава администрации обладает правом вето. Статья 49 Основного закона предусматривает, что если глава администрации сочтет, что принятый Законодательным Советом билль не совместим с общими интересами Гонконга (!), он вправе его возвратить в Законодательный Совет в пределах трех месяцев со дня рассмотрения. Если Законодательный Совет повторно примет указанный билль в неизменной редакции не менее двумя третями голосов от установленного числа членов Совета, то глава администрации должен подписать и промульгировать соответствующий акт в срок не позднее одного месяца или действовать согласно положениям ст. 50 Основного закона. Статья 50 документа устанавливает, что если глава администрации отказал в подписании билля, принятого повторно Законодательным Советом, или Законодательный Совет отказался принимать бюджет или любой иной важный билль (!), предложенный правительством Гонконга, и при этом отсутствует возможность достижения между ними консенсуса, глава администрации вправе распустить Законодательный Совет.

Таким образом, главе администрации принадлежит дискреционное право принимать решения о роспуске представительного органа Гонконга в рамках работы в сфере нормотворческой деятельности. Однако, если следующий созыв Законодательного Совета двумя третями голосов примет повторно закон, в отношении которого глава администрации ранее (применительно к ситуации, когда предшествующий созыв Законодательного Совета был распущен главой исполнительной власти из-за разногласий о законе) воспользовался правом вето, глава администрации должен подать в отставку (ст. 52).

В контексте формулы институционализации принципа сдержек и противовесов в системе организации публичной власти Гонконга характерным образом прослеживается асимметрия конституционно-правовых статусов главы администрации и Законодательного Совета. Так, представляется несоразмерным право главы администрации распускать Законодательный Совет по пространно сформулированным основаниям непринятия («несовместимости с общими интересами района», «важного билля») и право отправлять в отставку главу администрации очередным созывом Законодательного Совета при условии, что предшествующий созыв был распущен именно по этой причине. Такой подход свидетельствует о фиксации приоритетных позиций главы администрации в системе публично-правовых органов Гонконга.

Главе администрации оказывает содействие в реализации принадлежащих полномочий Исполнительный Совет (ст. 54 Основного закона), на заседаниях которого он председательствует (ст. 56). Члены Исполнительного Совета назначаются и увольняются главой исполнительной власти из руководящего состава служащих администрации, членов Законодательного Совета и известных лиц (public figures). Глава исполнительной власти советуется с Исполнительным Советом перед разработкой важных политических решений, внесением в Законодательный Совет законопроектов, при разработке подзаконных актов, рассмотрении вопроса о роспуске Законодательного Совета (ст. 56).

При этом исполнительную власть осуществляет Правительство Гонконга. Данному органу принадлежат такие функции, как формирование и реализация основных направлений политики, администрирование, реализация мер по вопросам внешней политики с учетом полномочий, предоставленных Госсоветом КНР, составление бюджета, его внесение и отчет об исполнении, разработка и внесение законопроектов, ходатайств, подзаконных актов, назначение представителей для участия в заседаниях Законодательного Совета. Правительство Гонконга подотчетно Законодательному Совету (при этом весомых контрольных функций у Совета не имеется. – *И.И.*), оно должно обеспечивать применение законов, принятых Законодательным Советом, представлять на регулярной основе политические программы, давать ответы на вопросы, адресованные членами Законодательного Совета, получать подтверждение Совета по вопросам налогообложения и публичных расходов (ст. 64 Основного закона).

На основе анализа особенностей конституционно-правового статуса главы администрации некоторые авторы характеризуют государственную систему Гонконга как ««суперпрезидентскую» или

«систему главенства администрации, подчиненную Госсовету»[33].

Надо признать, что глава администрации обладает широким диапазоном полномочий, позволяющих влиять на формирование и ход развития Гонконга в системе государственности КНР. Однако признание политического режима Гонконга в качестве суперпрезидентской модели едва ли обоснованно, учитывая относительно независимую систему законодательной и судебной власти[34]. Более достоверной представляется вторая часть тезиса, характеризующая наличие субординационной связи между Госсоветом и главой администрации, позволяющей констатировать преимущественное положение исполнительной власти над властью законодательной.

Статья 19 Основного закона Гонконга определяет, что район обладает независимой судебной властью, включая право на окончательное судебное решение.

Некоторые исследователи указывают, что «судебная автономия является основополагающим аспектом территориальной автономии, поскольку имеет важнейшее значение для успешной реализации режима автономии»[35]. Необходимо уточнить, что ни в одном государстве (по имеющимся данным, кроме Боливии), в рамках которых сформированы территориальные автономии, не предусмотрена «судебная автономия» (институт судебной власти в территориальных автономиях[36]), предусматривающая право принятия окончательных решений. Во всех случаях решения судов территориальных автономий могут быть пересмотрены вышестоящими судами государства, что объективно предопределяется инстанционным устройством судебной власти. При этом судебная власть в Гонконге считается «обладающей наибольшей степенью независимости от Пекина»[37].

В соответствии со ст. 80 данного акта суды Гонконга образуют судебную систему района, реализуют от его имени полномочия. Суды Гонконга осуществляют судебную власть независимо, свободно от любого вмешательства (ст. 85).

В судебную систему Гонконга входят Апелляционный суд последней инстанции, Высший суд, окружные суды, магистратские суды и других специализированные суды. Высший суд состоит из апелляционного суда и суда первой инстанции (ст. 81)[38].

Суды осуществляют судебную юрисдикцию в соответствии с законами, подлежащими применению в районе в рамках положений ст. 18 Основного закона, могут обращаться к прецедентам иных юрисдикций общего права (ст. 84), поскольку судебная система, ранее применявшаяся в Гонконге, должна сохраниться с учетом изменений, которые возникнут вследствие учреждения Апелляционного суда последней инстанции (ст. 82). Суд присяжных, принцип уголовного и гражданского процесса, ранее применявшиеся в Гонконге, сохраняются (ст. 86).

Особое внимание следует обратить на то, что правом толкования Основного закона обладают суды Гонконга, а также Постоянный комитет ВСНП, правовым позициям которого надлежит следовать. Речь идет о том, что в силу ст. 158 указанного документа Постоянный комитет ВСНП должен уполномочить суды Гонконга осуществлять интерпретацию (в рамках конкретной формы нормоконтроля) положений настоящего Закона в рамках компетенции района[39]. Однако, если судам Гонконга при рассмотрении конкретных дел необходимо интерпретировать положения Закона по вопросам, которые относятся к сфере ответственности Госсовета КНР или касаются отношений центральных органов власти и района, и если такие положения будут иметь влияние на судебные решения, суды Гонконга перед принятием

---

[33] *Suksi M.* Op. cit. P. 554, 555.

[34] При этом нельзя не учитывать верховное положение ВСНП при интерпретации положений Основного закона (см.: *Castellucci I.* Legal Hybridity in Hong Kong and Macau // McGill Law Journal ~ Revue de droit de Mcgill. 2012. Vol. 57:4. P. 668–720.

[35] *Tai B.* Judicial Autonomy in Hong Kong, 2010. P. 295. URL: https://www.researchgate.net/publication/239770928_Judicial_autonomy_in_Hong_Kong (дата обращения: 25.08.2020).

[36] См. подр.: *Ирхин И.В.* Конституционно-правовые статусы территориальных автономий в государствах современного мира (Европа, Азия, Америка): дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2019. С. 30, 254, 255.

[37] *Martin T.* Op. cit. P. 465–501.

[38] Необходимо отметить, что в рамках Гонконга функционируют множественные специализированные суды: коронерские суды, ювенальные суды, земельные трибуналы, трибунал по трудовым спорам, малый трибунал по трудовым спорам, трибунал по делам о непристойных материалах. Коронерские суды рассматривают дела о внезапной, насильственной, неестественной смерти. Ювенальные суды рассматривают дела в отношении несовершеннолетних до 18 лет за совершение любых правонарушений, кроме убийства. Трибунал по делам о непристойных материалах рассматривает дела об ответственности за размещение материалов, подготовленных должностными лицами, авторами, издателями, производителями, дистрибьюторами и иными лицами. Данный суд также обладает юрисдикцией квалифицировать материал на предмет наличия в содержании непристойных сведений.

[39] При этом ВСНП не ограничено в праве интерпретации любых положений Основного закона Гонконга. Следует также отметить, что Апелляционный суд последней инстанции Гонконга признал, что по сравнению с ВСНП обладает более ограниченными полномочиями толковать Основной закон (см.: Lau Kong Yung and Others v. the Director of Immigration [1999] HKCFA 5; [1999] 3 HKLRD778; (1999) 2 HKCFAR300; [1999] 4 HKC731; FACV 11/1999 (3 DECEMBER1999). URL: https://www.hklii.hk/cgi-bin/sinodisp/eng/hk/cases/hkcfa/1999/5.html?stem=&synonyms=&query=title(lau%20kong%20yung)&nocontext=1 (дата обращения: 25.08.2020)).

окончательного решения должны выявить через Апелляционной суд последней инстанции Гонконга сопряженные позиции Постоянного комитета ВСНП и руководствоваться ими.

В данном аспекте необходимо отметить проблематичность юридически однозначной квалификации фабул «относится к сфере ответственности», «касаются отношений» ввиду их значительного объема, имплицитно допускающего возможность различных интерпретаций.

В литературе критически оценивается институционализация права Постоянного комитета ВСНП толковать Основной закон Гонконга[40]. Указывается, что «в силу расплывчатости содержания формулировок, Пекин сохраняет значительный ресурс полномочий для интерпретации положений Основного закона. Принятие итоговых решений фактически находится в ведении ВСНП»[41]. Отмечается, что «перспективы развития судебной автономии Гонконга в полной мере зависят от сценария развития конституционализма на материковой части КНР. Пока текущая ситуация будет сохраняться, судебная автономия данного района может быть только «замком на песке»»[42]. Подчеркивается, что «если ВСНП КНР активно реализует принадлежащие полномочия по толкованию положений Основного закона Гонконга, то это создает впечатление, что центральные органы власти стремятся к подрыву автономии Гонконга. В этой связи ВСНП КНР должен воздерживаться от толкования Основного закона Гонконга без привлечения органов власти данного района, кроме случаев исключительной необходимости»[43]. На практике ВСНП осуществляет интерпретацию положений Основного закона безотносительно (autonomously) наличия таких особых случаев (trigger)[44].

Особым образом конституционно-правовой статус Гонконга проявляется в ракурсе действующего в отношении него финансово-экономического, валютного, таможенного, налогового, пограничного режимов, поскольку именно в этом плане выразительно проявляется имманентная специфика режима территориальной автономии. В соответствии со ст. 108 Основного закона правительство должно обеспечивать создание соответствующих экономических и правовых условий для сохранения Гонконга как международного финансового центра. В силу ст. 106, 107 Основного закона Гонконг обладает независимыми финансами и налоговой системой. Получаемые доходы используются исключительно в собственных целях и не могут быть переданы правительству КНР. Согласно ст. 108 указанного акта в Гонконге подлежит реализации ранее применявшаяся политика налогообложения с низкой ставкой, могут приниматься законы по вопросам собственных видов налогов (ставок, льгот, исключений в этой сфере). Госсовет КНР не вправе взимать налоги на территории Гонконга (ст. 106). Запрещается введение правил валютного контроля (ст. 112). Предусмотрено, что Гонконг должен следовать политике свободной торговли и обеспечивать свободное движение товаров, нематериальных активов и капитала (ст. 115). Создана обособленная таможенная территория (ст. 116). Предусмотрено наличие собственной валюты – свободно конвертируемого гонконгского доллара (ст. 111, 112). Гонконг сохраняет статус свободного порта (ст. 114), продолжает следовать политике свободной торговли, сохраняется свободное передвижение товаров, нематериальных активов и капитала (ст. 115).

В литературе указывается, что «сегодня в финансово-экономическом отношении Гонконг является одним из крупнейших финансовых, эмиссионных, фондовых, торговых и деловых центров мира. В Гонконге не имеется валютных ограничений, местная валюта – гонконгский доллар – жестко привязан к доллару США, является свободно конвертируемой. На денежном рынке представлены практически все банки, пользующиеся мировой известностью, многие из них имеют в Гонконге свои региональные штаб-квартиры. Экономика Гонконга – полностью сервисная, здесь практически отсутствует собственное производство, давно перебазированное в соседние районы КНР. Финансовую систему Гонконга можно охарактеризовать как высокоразвитый многоотраслевой и высокорентабельный сектор, сформировавшийся под

[40] Следует отметить, что суды Гонконга (Апелляционный суд последней инстанции) не обладают правомочиями признавать несоответствующими Основному закону правовые акты, принятые на материковой части КНР (см.: Ng Ka Ling and Another v. the Director of Immigration [1999] HKCFA 72; [1999] 1 HKLRD315; (1999) 2 HKCFAR4; [1999] 1 HKC291; FACV 14/1998 (29 January 1999)). Некоторые исследователи приравнивают данное решение к решению Верховного суда США по делу *Marbury v. Madison*, поскольку впервые судом Гонконга была дана оценка соответствия правового акта Основному закона района (впоследствии пересмотрено на основании акта толкования ВСНП) (см.: *Krebs J.* One Country, Three Systems? Judicial Review in Macau after Ng Ka Lling // Washington International Law Journal. 2000. Vol. 10. No. 1. P. 115).

[41] *Chou B.* Local Autonomy in Action: Beijing's Hong Kong and Macau Policies // Journal of Current Chinese Affairs. 2013. No. 3. P. 35, 36. URL: https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/186810261304200303 (дата обращения: 25.08.2020).

[42] *Tai B.* Op. cit. P. 310.

[43] *Xuanwei W.* A New Constitutional Order in Hong Kong: Managing Conflict Over the Interpretation of the Basic Law // Tsinghua China Law Review. 2009. Vol. 1. P. 165.

[44] См.: *Jhaveri S.* Reconstitutionalizing Politics in the Hong Kong Special Administrative Region of China. P. 6.

непосредственным влиянием английского и британского капиталов»[45].

Отмечается также, что «Гонконг входит в десятку наиболее крупных мировых торговых и финансовых центров, что делает уровень его жизни одним из самых высоких в Азии. Все индексы Гонконга в наибольшей степени соответствуют критериям самой открытой экономики, а по золотовалютным резервам Гонконг занимает лидирующие позиции в мире»[46].

На наш взгляд, наряду с аутентичной правовой системой именно финансово-экономический режим (в широком смысле) выступает доминирующим критерием квалификации Гонконга в качестве территориальной автономии[47]. На этом основании рассматриваемый район правомерно отнести к разновидности финансово-экономических территориальных автономий, сущность которых предопределяется доминированием финансово-экономических индикаторов в структуре их конституционно-правовых статусов, обусловливающих корреспондирующую функционально-телеологическую направленность развития и место в системе государственности[48].

Вместе с тем объем политико-правовой самостоятельности Гонконга имеет ограниченные параметры ввиду имплементированных в систему (и структуру) конституционно-правовых отношений централизующих элементов, позволяющих КНР осуществлять целостный контроль и координацию этой территории. Помимо прочего, в этом аспекте характерным образом прослеживается условность разграничения территориальных автономий на политические и административные[49].

Неурегулированные дискуссии относительно приемлемых объемов самостоятельности Гонконга в сфере внутреннего самоуправления инспирирует конфликтные ситуации между КНР и крупными общественными группами Гонконга. Однако необходимо учитывать, что природа этих конфликтов имеет перманентный и локализованный характер ввиду того, что предопределяется статичными требованиями заинтересованных кругов в расширении объемов политической самостоятельности района при одновременном сдерживании нарастающих ассимиляционных тенденций. Следует также обратить внимание, что конфликтность отношений обусловливается внутренней диалектической взаимосвязью их внутриструктурных элементов. Речь идет о том, что усиление требований ряда локальных сообществ Гонконга к расширению объемов политической автономии вызывает ответную реакцию центральных властей в виде наращивания инструментария, позволяющего обеспечить эффективный контроль над этой территорией с целью минимизации рисков развития и распространения сепаратистских тенденций, нейтрализации очагов радикализма. Соответственно, ужесточение мер со стороны властей КНР продуцирует развитие тенденций автономизации, нарастанию протестной составляющей[50]. При этом, разумеется, необходимо учитывать, что развитие конфликтности осуществляется дискретно, а также следует сделать акцент на отсутствии сбалансированности между факторами нарастания конфликтности и последствиями реализуемых мер.

В литературе указывается, что «в ответ на изменяющийся социально-политический ландшафт Гонконга, в последние десятилетия центральное правительство прибегает к реализации агрессивных мер по обеспечению законности, что обусловливается необходимостью осуществления координации и контроля нарастающего продемократического активизма и углубляющегося раскола гонконгского общества. В ряде критических ситуаций центральное правительство эффективно

---

[45] *Гудошников Л.М.* Гонконг (Сянган): справочник. М., 2004. С. 162, 174. Подробнее см.: The Practice of the 'One Country, Two Systems' Policy in the Hong Kong Special Administrative Region.

[46] *Новакова О., Балгабаева Г.* Конституционно-правовой статус Гонконга и Макао после присоединения к КНР // Азия и Африка сегодня. 2018. № 10. С. 27.

[47] В этом плане спорной представляется позиция, в соответствии с которой подчеркивается, что принцип «одна страна, две системы» в наибольшей степени относится к социальной и политической системам КНР и Гонконга. В экономическом, культурном отношениях, а также в сфере жизнеобеспечения не имеется непреодолимой пропасти в силу того, что принимаются меры по достижению и развитию взаимного сотрудничества, совместного развития». Следует отметить, что в силу активизирующихся тенденций интеграции Гонконга в публично-правовое и политическое пространство КНР едва ли обоснованно полагать о наличии «пропасти между ними» (см.: *Eagleton J.* Rhetorical Ambiguity, Democracy and Political Chang: The Contradictions of the Hong Kong Political System // Contrastes. Revista Internacional de Filosofia, Suplemento. 2015. Vol. 20. P. 90, 91).

[48] В этом плане неоднозначную реакцию вызывает содержащаяся в Белой книге фабула о том, что автономия Гонконга высшей степени не предполагает децентрализацию власти (при этом подчеркивается, что Гонконг был наделен полномочиями в сфере внутреннего самоуправления центральными органами власти КНР). Между тем из курса публичного права известно, что расширение сферы самостоятельности субнациональных единиц по решению национальных властей является отражением реализации концепции децентрализации, которая в Гонконге наиболее выразительно проявляется в финансово-экономической сфере и международных отношениях.

[49] См.: *Григонис Э.П., Григонис В.П.* Конституционное право зарубежных стран. М. [и др.], 2006; *Осавелюк А.М.* Конституционное право зарубежных стран: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция»; по научной специальности 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право». М., 2010.

[50] См.: *Tin-bor Hui V.* Beijing's Hard and Soft Repression in Hong Kong. Published for the Foreign Policy Research Institute by Elsevier Ltd. 2020. P. 310. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7102642/ (дата обращения: 25.08.2020).

использовало правовые механизмы Основного закона для нейтрализации политического сопротивления, разрешения сложных вопросов, подавления сепаратистских тенденций»[51].

Отмечается, что «правительство Пекина толерантно относится к локализму Гонконга, если данное понятие исчерпывается такими составляющими, как идентичность, традиция и культура. Однако Пекин жестко осуждает и подавляет перерастание локализма в радикализм с антикитайскими настроениями, независимостью и враждой»[52].

Подчеркивается, что «напряжение в Гонконге является более сложным явлением, чем это может показаться на первый взгляд. Это не просто конфликт в виде перетягивания каната между центральным правительством и населением Гонконга, желающим сохранить территориальную автономию, – это сложная борьба, участниками которой являются материковая часть КНР, частный капитал, местные предприниматели, различные уровни национального и гонконгского правительства»[53]. В данный перечень необходимо включить иностранные государства, международные организации и иных субъектов международного общения, имеющих собственные интересы в этом регионе[54].

Речь идет о том, что Гонконг обладает уникальными по объему (для внутригосударственного территориального объединения) правами в сфере международного сотрудничества. Так, ст. 116 Основного закона предусматривает, что Гонконг может быть членом международных организаций, участвовать в международных торговых соглашениях (ст. 116)[55]. Представители правительства Гонконга в составе делегаций Центрального Правительства могут участвовать в переговорах дипломатического уровня по вопросам, затрагивающим интересы района (ст. 150). Гонконг, используя имя «Гонконг, Китай», вправе поддерживать и развивать отношения, а также заключать соглашения с иностранными государствами, регионами, международными организациями в таких областях, как экономика, торговля, финансы и деньги, судоходство, связи, туризм, культура, спорт (ст. 151).

В литературе указывается, что «Гонконг квалифицируется в качестве субъекта международного права, ограниченного в своих полномочиях ввиду отсутствия всего объема признаков самостоятельного государства (отсутствие суверенитета)»[56]. Подчеркивается, что «в сфере иностранных дел Гонконг не имеет аналогов среди автономных единиц других государств[57], а в таких вопросах внешней автономии, как торговля и иммиграционный контроль, КНР и Гонконг фактически могут рассматриваться в качестве разных государств»[58].

Если исходить из того, что сфера международных отношений Гонконга исчерпывается неполитическими вопросами, очевидно, что в силу обширных финансово-экономических, торговых и иных связей с другими государствами, последние будут лоббировать (с различной степенью латентности) самостоятельные интересы в Гонконге, в т.ч. политически ангажированные.

За более чем 20-летний период нахождения Гонконга в составе КНР можно отметить постепенное наращивание влияния со стороны центральных органов власти. В этом плане заслуживает внимания тезис о том, что «официальный дискурс эволюционировал от позиции “правительство, возглавляемое исполнительной властью”, до “верховных (plenary) полномочий по управлению Гонконгом” и применения Конституции КНР к данному району»[59].

Применяющийся в текущий период подход по увеличению удельного веса нормативно-правового регулирования актов КНР на территории Гонконга сокращает пространство самостоятельности в сфере внутреннего самоуправления рассматриваемого района.

---

[51] *Zhu H.* Beijing's “Rule of Law” Strategy for Governing Hong Kong // China Perspectives. 2019. No. 1. P. 23. URL: https://www.researchgate.net/publication/337885599_Hong_Kong's_Summer_of_Uprising_From_Anti-Extradition_to_Anti-Authoritarian_Protests/link/5dfa36c8299bf10bc3637b95/download (дата обращения: 25.08.2020).

[52] *Ying-ho K.* The Growth of “Localism” in Hong Kong // China Perspectives. 2016. Vol. 3. P. 66. URL: https://journals.openedition.org/chinaperspectives/7057

[53] *Yuen S., Cheng W.* Between high autonomy and sovereign control in a subnational island jurisdiction: The paradox of Hong Kong under “One Country, Two Systems” // Island Studies Journal. Vol. 15. P. 140.

[54] Следует отметить, что в гл. 66 разд. 22 Свода законодательства США указано, что Гонконг играет важную роль в современной региональной и мировой экономике, которая проявляется в наличии тесных экономических, культурных, экономических и других отношений с США, что подкрепляет существенный интерес США к дальнейшему процветанию, развитию и стабильности Гонконга. Поддержка развития демократии является основополагающим принципом внешней политики США. Соответственно, закономерно применение данного подхода в отношении Гонконга (см.: URL: https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title22/chapter66&edition=prelim (дата обращения: 25.08.2020)).

[55] Гонконг является членом ВТО, ВОЗ, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, Олимпийских игр, мирового футбольного клуба FIFA.

[56] *Xiaobing X., Wilson G.* Op. cit. P. 35, 36.

[57] См.: ibid. P. 6.

[58] Ibid. P. 18.

[59] *Zhu H.* Op. cit. P. 32.

В этом плане дискуссионной представляется позиция М. Сукси: «Основным законом Гонконга создан самостоятельный правовой режим, в рамках которого население и предприятия данного района осуществляют деятельность, практически не подпадая под действие правового порядка КНР»[60].

П.В. Трощинским обоснованно подчеркивается, что «руководство КНР незаметно, шаг за шагом старается ограничить "юридическую независимость" бывшей британской колонии. Правительство Китая вправе в рамках закона принудить гонконгское население жить по своим правилам. Пролетят десятилетия, и население Гонконга обязательно столкнется с новыми правовыми реалиями: не исключено полное изменение действующей законодательной базы региона в течение текущего столетия»[61].

Спорна точка зрения о том, что «с 1997 года правовая система Гонконга должна функционировать под покровительством правовой системы КНР или, если говорить более откровенно, под эгидой политической системы КНР»[62], поскольку юридико-политическая ассимиляция Гонконга – это не одномоментный акт, а длительный и дискретный процесс.

В литературе отмечается, что «Гонконг является свидетелем потенциального роста авторитарного легализма»[63], указывается, что «на практике Пекин постепенно пересматривает содержание положений и концепций, реализуемых по отношению к Основному закону Гонконга ради собственных управленческих целей»[64].

Следует отметить, что в системном единстве названные тенденции способствуют выхолащиванию действия принципа «одно государство, две системы». При реализации цели инкорпорации Гонконга в относительно гомогенное публично-правовое пространство КНР предпринимаемые меры должны быть соразмерными[65], открытыми, понятными и прогнозируемыми, соответствовать объективным условиям, что предполагает необходимость внесения адаптивных изменений в текст Основного закона Гонконга. Изменение концептуальных начал данного акта путем внесения поправок в текущее законодательство под нужные политические цели не является эффективным способом нормативно-правового регулирования, поскольку таким образом деформируются сами основы правовой системы.

Возможным инструментом оптимизации урегулирования дискуссий между КНР и Гонконгом мог бы стать орган, уполномоченных рассматривать конституционные споры (разумеется, в условиях, что данный орган не будет политизирован). Некоторыми исследователями предлагается сформировать квазиконституционный орган для названных целей. Так, отмечается, что «Основной закон Гонконга определяет линию между предметами ведения центрального правительства и Гонконгом при реализации данным районом автономии, однако эта линия недостаточно четкая и в некоторых случаях возникают вопросы, решить которые проблематично. В этой связи предлагается сформировать механизм сотрудничества КНР и Гонконга из представителей Комитета по правовым вопросам ВСНП КНР и Апелляционного суда последней инстанции Гонконга. Реализация такого подхода позволит минимизировать вероятность того, что ВСНП КНР будет осуществлять толкование законодательства, отменять действующие решения Апелляционного суда последней инстанции так, что это становится неожиданностью»[66].

Проведенный анализ свидетельствует о наличии уязвимости политико-правовой составляющей в структуре конституционно-правового статуса Гонконга, дефектах организации механизма урегулирования дискуссий между КНР и Гонконгом в рамках внутригосударственных отношений.

Я. Гай отмечает, что «автономия стала переходной формой к полной интеграции (ассимиляции), в том числе в политическое, правовое, культурное, идеологическое пространства КНР»[67]. Указанный довод следует принимать с оговоркой ввиду неравновесности указанных составляющих друг относительно друга, а также различных объемов их интегрированности (ассимиляции).

* * *

В заключение следует отметить, что при формировании конституционно-правового статуса Гонконга в его структуру были имплементированы конфликтные переменные, детерминированные принципиальными различиями в подходах к организации двух систем конституционного строя (КНР и Гонконг).

---

[60] *Suksi M.* Op. cit. P. 647.

[61] *Трощинский П.В.* Правовая система Китая. М., 2016. С. 341, 342.

[62] *Cullen R.* The Rule of Law in Hong Kong. Civil Exchange, 2005. P. 17. URL: https://www.academia.edu/5156780/Rule_of_Law_in_Hong_Kong

[63] *Zhu H.* Op. cit. P. 24.

[64] Ibid. P. 32.

[65] О применении жестких и мягких мер КНР в отношении Гонконга (отдельных категорий его жителей) см.: *Hui T.-b.* Op. cit. P. 289–311.

[66] *Xuanwei W.* Op. cit. P. 162.

[67] *Ghai Y.* Op. cit. P. 326; см. также: *Gittings D.* What will happen to Hong Kong after 2047? // California Western International Law Journal. 2011. Vol. 42. No. 1. P. 40.

Наличие неустраненных факторов (детерминант) конфликтности обостряет ситуацию в Гонконге. В последние два года состоялись масштабные протестные акции против отдельных решений центральных властей КНР, влияющих на объемы самостоятельности в сфере внутреннего самоуправления Гонконга. В частности, летом 2020 г. была проведена акция против принятия Закона КНР о национальной безопасности в Гонконге[68]. Данный акт предусматривает формирование самостоятельного правового режима обеспечения национальной безопасности (с криминализацией ряда общественно опасных деяний) при одновременном учреждении трех органов публичной власти, уполномоченных на решение вопросов в этой сфере. Подлежит учреждению Специальный комитет национальной безопасности с прямым подчинением Госсовету КНР, в ведении которого находятся вопросы анализа и оценки развития ситуации в сфере национальной безопасности, формирование рабочих планов и политического курса по этому направлению, содействие развитию правовой системы и обеспечение действенности механизмов обеспечения национальной безопасности, координация работы (ст. 14). В полиции Гонконга должен быть создан отдел национальной безопасности во главе с руководителем, назначаемым главой администрации района. К полномочиям указанного отдела относится сбор и анализ данных о национальной безопасности, планирование, координация и обеспечение применения мер в сфере национальной безопасности, расследование преступлений, угрожающих национальной безопасности, мониторинг ситуации в рассматриваемой сфере, выполнение иных целей и задач (ст. 17). Кроме того, должна быть создана Служба национальной безопасности Госсовета КНР в Гонконге, в сферу ведения которой входят анализ и оценка развития ситуации в сфере национальной безопасности, подготовка предложений об основных стратегиях и наиболее значимых вопросах в рамках данного направления деятельности, мониторинг, руководство, координация совместно с районом исполнения обязанностей по обеспечению национальной безопасности, оказание содействия Гонконгу в этой области, рассмотрение дел о преступлениях, угрожающих национальной безопасности (ст. 49). Предусмотрены виды преступлений в сфере национальной безопасности и наказаний за их совершение[69].

[68] См.: The Law of the People's Republic of China on Safeguarding National Security in the Hong Kong Special Administrative Region. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-07/01/c_139178753.htm (дата обращения: 25.08.2020). Следует отметить, что этот документ должен быть принят властями Гонконга. Статья 23 Основного закона устанавливает, что в Гонконге должны быть приняты законы, запрещающие любые акты государственной измены, сецессии, подстрекательства к беспорядкам, диверсии против центрального народного правительства, хищения сведений, составляющих государственную тайну. Должны быть также приняты законы, запрещающие иностранным политическим организациям осуществлять политическую деятельность в Гонконге, запрещено политическим организациям района вступать в связь с зарубежными политическими организациями. Однако данный акт не был принят из-за того, что воспринимается как угроза основным гражданским и политическим свободам (см.: *Hargreaves S.* Online Monitoring of 'Localists' in Hong Kong: A Return to Political Policing // Surveillance & Society, 15 (3/4). P. 426; *Castellucci I.* Legal Hybridity in Hong Kong and Macau. P. 700). Заметим, что принятие указанного документа вызвало широкий резонанс в международном сообществе. Некоторые государства рассматривают этот документ как ликвидацию автономии Гонконга. Так, 14 июля 2020 г. Президентом США был подписан исполнительный приказ, в котором отмечается, что согласно § 202 Акта о политике взаимоотношений США и Гонконга специальный административный район Гонконг более не является достаточно самостоятельным для применения к нему режима, отличающего от того, который действует в отношении КНР в соответствии с законами США и положениями настоящего приказа. Подчеркивается, что вследствие принятия Закона о национальной безопасности Гонконг утратил гарантии, которые действовали до 1 июля 1997 г. Предусматривается пакет санкций в таких сферах сотрудничества как финансово-экономический сектор, иммиграция, оборонное производство, особый лицензионный режим для экспорта, реэкспорта, обмен лицами, скрывающимися от правосудия, обмен осужденными. Кроме того, установлены санкции в отношении лиц, имеющих прямое или косвенное отношение к подрыву демократических процессов или институтов в Гонконге, действия которых угрожают миру, безопасности, стабильности или автономии Гонконга (см.: Executive Order 13936 of July 14, 2020. The President's Executive Order on Hong Kong Normalization. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/13936.pdf (дата обращения: 25.08.2020)).

[69] Часть 1 гл. 3 указанного документа определяет признаки сецессии. В частности, установлено, что лицо, которое организует, планирует, исполняет или участвует в любых действиях (независимо от применения силы) с целью сецессии или подрыва государственного единства, например, выступает за выход Гонконга или иной территории из состава КНР, изменение незаконными средствами правового статуса Гонконга или иной территории КНР подлежит привлечению к ответственности. Часть 2 определяет признаки диверсии, которая квалифицируется как организация, планирование, исполнение или участие в любых действиях, направленных на свержение или подрыв конституционного строя КНР, свержение органов центральной власти КНР или органов власти Гонконга, серьезное вмешательство в работу органов власти КНР или Гонконга, срыв или подрыв их деятельности, нападение или повреждение зданий и оборудования органов власти Гонконга. Часть 3 квалифицирует признаки террористической деятельности, ч. 4 определяет признаки сговора с иностранным государством или с внешними элементами, угрожающего национальной безопасности. Ответственность за совершение указанных преступлений варьируется от трех лет лишения свободы до пожизненного лишения свободы наряду с конфискацией имущества, лишением права занимать определенные должности. Следует также отметить, что Гонконг обладает юрисдикцией по рассмотрению видов преступлений, предусмотренных настоящим Законом (ст. 40). Исключение составляют случаи, предусмотренные ст. 55 Основного закона. Положениями данной статьи определено, что служба национальной безопасности по требованию Правительства Гонконга или по своей инициативе осуществляет юрисдикцию в отношении дел, угрожающих национальной безопасности, в случае, когда такие дела являются сложными в связи с участием в них иностранного государства, иностранных элементов, имеется серьезная ситуация, при которой правительство Гонконга не способно обеспечить эффективную реализацию Основного закона, возникла значительная (major) и неизбежная угроза национальной безопасности.

Указанный документ вызвал широкий международный резонанс. Так, 14 июля 2020 г. Президентом США был подписан исполнительный приказ, а Конгрессом США принят закон о введении санкции в отношении КНР, в т.ч. Гонконга, в связи с принятием указанного правового акта[70]. Премьер-министр Соединенного Королевства выступил в Палате общин с предложением о предоставлении жителям Гонконга британского гражданства[71].

31 июля 2020 г. правительство Гонконга из-за коронавируса приняло решение о переносе выборов в Законодательный Совет с 6 сентября 2020 г. на 5 сентября 2021 г.,[72] что вызвало негативную реакцию со стороны ряда западных стран[73].

Указанные факты подтверждают наличие высокой степени заинтересованности некоторых зарубежных государств к вопросам организации и осуществления внутреннего самоуправления в Гонконге, имманентных рисках (угрозах) дестабилизации ситуации внешними факторами.

Следует отметить, что режим территориальной автономии не означает полную свободу и независимость от КНР, не предопределяет возможность в дискреционном порядке определять сферу регулируемых правоотношений, осуществлять правоинтерпретационные и правоприменительные практики на основе аксиоматизации субнациональных интересов. Вместе с тем деструктивным представляется применение конспирированных технологий корректуры концептуальных характеристик Основного закона.

Наращивание КНР объемов централизации должно быть не самоцелью, а средством решения корреспондирующих задач. Как представляется, актуальными задачами являются необходимость нейтрализации объективно существующих очагов радикализации конституционно-правового режима территориальной автономии[74], в т.ч. инспирируемых иностранными элементами (силами), предупреждения рисков развития тенденций интенсификации центробежных тенденций для сохранения государственного единства и территориальной целостности КНР. При этом используемый инструментарий должен быть основан на подлинной взаимной заинтересованности участвующих сторон в налаживании конструктивного диалога, балансе интересов, прозрачных понятных и соразмерных политико-правовых подходах к достижению компромисса при условии признания первостепенными общегосударственных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Григонис Э.П., Григонис В.П.* Конституционное право зарубежных стран. М. [и др.], 2006.
2. *Гудошников Л.М.* Гонконг (Сянган): справочник. М., 2004. С. 162, 174.
3. *Иванов П.М.* Гонконг: история и современность. М., 1990. С. 198.
4. *Ирхин И.В.* Конституционно-правовые статусы территориальных автономий в государствах современного мира (Европа, Азия, Америка): дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2019. С. 30, 254, 255.
5. *Козенко А.* Великобритания хочет дать гражданство жителям Гонконга. 30 лет она делала все, чтобы этого не произошло. 6 июня 2020 г. BBC News. URL: https://www.bbc.com/russian/news-52939704
6. *Кокарев К.А.* Политический механизм особых автономий Китая. М., 2004. С. 5.
7. *Михайлова М.Ю.* Федеральное вмешательство в зарубежных странах. М., 2005.
8. *Новакова О., Балгабаева Г.* Конституционно-правовой статус Гонконга и Макао после присоединения к КНР // Азия и Африка сегодня. 2018. № 10. С. 27.

[70] См.: Act to impose sanctions with respect to foreign persons involved in the erosion of certain obligations of China with respect to Hong Kong, and for other purposes (The President's Executive Order on Hong Kong Normalization).

[71] См.: *Козенко А.* Великобритания хочет дать гражданство жителям Гонконга. 30 лет она делала все, чтобы этого не произошло. 6 июня 2020 г. BBC News. URL: https://www.bbc.com/russian/news-52939704

[72] См.: LegCo General Election postponed for a year. URL: https://www.info.gov.hk/gia/general/202007/31/P2020073100898.htm (дата обращения: 25.08.2020); *Саможнев А.* Парламент Китая продлил полномочия законодательного собрания Гонконга. URL: https://rg.ru/2020/08/11/parlament-kitaia-prodlil-polnomochiia-zakonodatelnogo-sobraniia-gonkonga.html (дата обращения: 25.08.2020).

[73] См.: *Pompeo M.* On the Postponement of Hong Kong's Legislative Council Elections. 1 August 2020. URL: https://www.state.gov/on-the-postponement-of-hong-kongs-legislative-council-elections/. Declaration of the High Representative on behalf of the EU on the postponement of the Legislative Council elections in Hong Kong. 3 August 2020. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/08/03/declaration-of-the-high-representative-on-behalf-of-the-eu-on-the-postponement-of-the-legislative-council-elections-in-hong-kong/ (дата обращения: 25.08.2020).

[74] В литературе отмечается, что порядка 93.5% лиц, не достигших 30-летнего возраста, участвующих в протестах, выступают с лозунгом «освобождение Гонконга, революция нашего времени» (см.: *Lee F., Yuen S., Tang G., Cheng E.* Hong Kong's Summer of Uprising: From Anti-Extradition to Anti-Authoritarian Protests // The China Review. 2019. Vol. 19. No. 4. P. 22). Сторонники Гонконгской национальной партии (запрещена в КНР в 2018 г. – *И.И.*) выступают за сецессию Гонконга, указывая, что колониальный режим не был ликвидирован – город просто стал китайской колонией с 1997 г. (см.: *Tang R.* Internal Self-Determination as Democracy: A Case Study of Hong Kong. 2016. P. 10, 11. URL: https://www.academia.edu/29711974/Internal_Self_Determination_as_Democracy_A_Case_Study_of_Hong_Kong (дата обращения: 25.08.2020)).

9. *Осавелюк А.М.* Конституционное право зарубежных стран: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция»; по научной специальности 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право». М., 2010.

10. *Петрыкина Н.И., Тюрина Д.Д.* Нетрадиционная модель административной автономии КНР – Гонконг. Взгляд российского исследователя // Административное право и процесс. 2019. № 3. С. 4, 5.

11. *Саможнев А.* Парламент Китая продлил полномочия законодательного собрания Гонконга. URL: https://rg.ru/2020/08/11/parlament-kitaia-prodlil-polnomochiia-zakonodatelnogo-sobraniia-gonkonga.html (дата обращения: 25.08.2020).

12. *Трощинский П.В.* Правовая система Китая. М., 2016. С. 341, 342.

13. *Трощинский П.В.* Современная правовая система Гонконга // Труды ИГП РАН. 2016. № 2. С. 197.

14. *Чиркин В.Е.* Территориальная организация публичной власти. М., 2017. С. 138, 141.

15. *Cardinal P., Zhang Y.* Subnational Constitutionalism in the Sars of the People's Republic of China. An Exceptional Tailored Model // Perspectives on Federalism. 2012. Vol. 3. P. 103, 133, 134.

16. *Castellucci I.* Legal Hybridity in Hong Kong and Macau // McGill Law Journal ~ Revue de droit de Mcgill. 2012. Vol. 57:4. P. 668–720.

17. *Chan C.* Reconceptualising the Relationship between the Mainland Chinese Legal System and the Hong Kong Legal System // Asian Journal of Comparative Law. 2011. Vol. 6. P. 5.

18. *Chan J.* Basic Law and Constitutional Review: The First Decade // Hong. Kong Law Journal, 2007. P. 407. URL: https://hub.hku.hk/bitstream/10722/87975/3/content.pdf?accept=1 (дата обращения 25.08.2020).

19. *Chen A.* The Theory, Constitution and Practice of Autonomy: the Case of Hong Kong. P. 7, 9.

20. *Cheung A.* From Colony to Special Administrative Region: Issue of Hong Kong's Autonomy within a Centralized State // Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. 1998. Vol. 31. No. 3. P. 305.

21. *Chou B.* Local Autonomy in Action: Beijing's Hong Kong and Macau Policies // Journal of Current Chinese Affairs. 2013. No. 3. P. 35, 36. URL: https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/186810261304200303 (дата обращения: 25.08.2020).

22. *Cullen R.* The Rule of Law in Hong Kong. Civil Exchange, 2005. P. 17. URL: https://www.academia.edu/5156780/Rule_of_Law_in_Hong_Kong

23. *Eagleton J.* Rhetorical Ambiguity, Democracy and Political Chang: The Contradictions of the Hong Kong Political System // Contrastes. Revista Internacional de Filosofia, Suplemento. 2015. Vol. 20. P. 90, 91.

24. *Flaherty M.* Hong Kong Fifteen Years after the Handover: One Country, Which Direction? // Columbia Journal of Transnational Law. 2013. Vol. 51. P. 277, 278.

25. *Ghai Y.* Hong Kong's New Constitutional Order: The Resumption of Chinese Sovereignty and the Basic Law. 2nd ed. Hong Kong, 1999. P. 139, 140, 184, 326.

26. *Gittings D.* What will happen to Hong Kong after 2047? // California Western International Law Journal. 2011. Vol. 42. No. 1. P. 40.

27. *Goncalves A.* A Paradigm of Autonomy: The Hong Kong and Macau SARs // Contemporary Southeast Asia. 1996. Vol. 18. No. 1. P. 46.

28. *Goncalves A.* Hong Kong and Macau Special Administrative Regions: The Downfall of The "One Country, Two Systems" Policy // International Journal of Humanities and Social Science. 2019. Vol. 9. No. 10. P. 14.

29. *Hargreaves S.* Online Monitoring of 'Localists' in Hong Kong: A Return to Political Policing // Surveillance & Society, 15 (3/4). P. 426.

30. *Jhaveri S., Scully-Hill A.* Executive and legislative reactions to judicial invalidity in Hong Kong: Engagement, acceptance or avoidance // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. Issue 2. P. 507, 510.

31. *Jhaveri S.* Reconstitutionalizing Politics in the Hong Kong Special Administrative Region of China // Asian Journal of Comparative Law. 2018. Vol. 13 (1). P. 6, 44.

32. *Krebs J.* One Country, Three Systems? Judicial Review in Macau after Ng Ka Lling // Washington International Law Journal. 2000. Vol. 10. No. 1. P. 115.

33. *Lee F., Yuen S., Tang G., Cheng E.* Hong Kong's Summer of Uprising: From Anti-Extradition to Anti-Authoritarian Protests // The China Review. 2019. Vol. 19. No. 4. P. 22.

34. LegCo General Election postponed for a year. URL: https://www.info.gov.hk/gia/general/202007/31/P2020073100898.htm (дата обращения: 25.08.2020).

35. *Martin T.* Hong Kong Right of Abode: Ng Siu Tung & (and) Others v. Director of Immigration – Constitutional and Human Rights at the Mercy of China // San Diego International Law Journal. 2004. Vol. 5. P. 465–501.

36. *Pompeo M.* On the Postponement of Hong Kong's Legislative Council Elections. 1 August 2020. URL: https://www.state.gov/on-the-postponement-of-hong-kongs-legislative-council-elections/

37. *Sadowski M.* The Rule of Law, the Rule of Conflict? Hong Kong and Democracy – Past and Present Revisited // Revue quebecoise de droit international. 2019. P. 34. URL: https://www.sqdi.org/wp-content/uploads/19-48-The-Rule-of-Law-The-Rule-of-Conflict-Hong-Kong-and-Democracy%E2%80%94Past-and-Present-Revisited.pdf (дата обращения: 25.08.2020).

38. *Scartozzi C.* Political reforms vs. Undemocratic Institutional Arrangements in Hong Kong // Seoul National University Journal of International Studi-

es. 2017. Vol. 2. P. 5. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/91325/1/MPRA_paper_91325.pdf (дата обращения: 25.08.2020).

39. *Shigong J.* China's Hong Kong: A Political and Cultural Perspective. Singapore, 2017. P. 151.
40. *Suksi M.* Sub-State Governance through Territorial Autonomy: A Comparative Study in Constitutional Law of Powers, Procedures and Institutions. Berlin, Heidelberg, 2011. P. 554, 555, 647.
41. *Tai B.* Judicial Autonomy in Hong Kong, 2010. P. 295, 310. URL: https://www.researchgate.net/publication/239770928_Judicial_autonomy_in_Hong_Kong (дата обращения: 25.08.2020).
42. *Tang R.* Internal Self-Determination as Democracy: A Case Study of Hong Kong. 2016. P. 10, 11. URL: https://www.academia.edu/29711974/Internal_Self_Determination_as_Democracy_A_Case_Study_of_Hong_Kong (дата обращения: 25.08.2020).
43. *Tin-bor Hui V.* Beijing's Hard and Soft Repression in Hong Kong. Published for the Foreign Policy Research Institute by Elsevier Ltd. 2020. P. 310. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7102642/ (дата обращения: 25.08.2020).
44. *Xiaobing X., Wilson G.* The Hong Kong Special Administrative Region as a Model of Regional External Autonomy // Case Western Reserve of International Law. 2000. Vol. 32. P. 6, 18, 35, 36. URL: https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1481&context=jil (дата обращения: 25.08.2020).
45. *Xuanwei W.* A New Constitutional Order in Hong Kong: Managing Conflict Over the Interpretation of the Basic Law // Tsinghua China Law Review. 2009. Vol. 1. P. 162, 165.
46. *Ying-ho K.* The Growth of "Localism" in Hong Kong // China Perspectives. 2016. Vol. 3. P. 66. URL: https://journals.openedition.org/chinaperspectives/7057
47. *Yuen S., Cheng W.* Between high autonomy and sovereign control in a subnational island jurisdiction: The paradox of Hong Kong under "One Country, Two Systems" // Island Studies Journal. Vol. 15. P. 140.
48. *Zhu G., Kouroutakis A.* The Hong Kong Subconstitutional Model of Separation of Powers: The Case of Weak Judicial Review // Hong Kong Law Journal. 2017. P. 1, 3. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2967650 (дата обращения: 25.08.2020).
49. *Zhu H.* Beijing's "Rule of Law" Strategy for Governing Hong Kong // China Perspectives. 2019. No. 1. P. 23, 24, 32.

REFERENCES

1. *Grigonis E.P., Grigonis V.P.* Constitutional Law of foreign countries. M. [et al.], 2006 (in Russ.).
2. *Gudoshnikov L.M.* Hong Kong (Hong Kong): handbook. M., 2004. P. 162, 174 (in Russ.).
3. *Ivanov P.M.* Hong Kong: history and modernity. M., 1990. P. 198 (in Russ.).
4. *Irkhin I.V.* Constitutional and legal statuses of territorial autonomies in the states of the modern world (Europe, Asia, America): dis. ... Doctor of Law. Rostov n/D., 2019. P. 30, 254, 255 (in Russ.).
5. *Kozenko A.* Great Britain wants to give citizenship to residents of Hong Kong. For 30 years, she did everything to prevent this from happening. June 6, 2020 BBC News. URL: https://www.bbc.com/russian/news-52939704 (in Russ.).
6. *Kokarev K.A.* The political mechanism of China's special autonomies. M., 2004. P. 5 (in Russ.).
7. *Mikhailova M. Yu.* Federal intervention in foreign countries. M., 2005 (in Russ.).
8. *Novakova O., Balgabaeva G.* The constitutional and legal status of Hong Kong and Macau after joining the PRC // Asia and Africa Today. 2018. No. 10. P. 27 (in Russ.).
9. *Osavelyuk A.M.* Constitutional Law of foreign countries: textbook for university students studying in the specialty 030501 "Jurisprudence"; in the scientific specialty 12.00.02 "Constitutional Law; Municipal Law". M., 2010 (in Russ.).
10. *Petrykina N.I., Tyurina D.D.* Non-traditional model of administrative autonomy of the People's Republic of China – Hong Kong. The view of a Russian researcher // Administrative Law and process. 2019. No. 3. P. 4, 5 (in Russ.).
11. *Samozhnev A.* The Chinese Parliament has extended the powers of the Legislative Assembly of Hong Kong. URL: https://rg.ru/2020/08/11/parlament-kitaia-prodlil-polnomochiia-zakonodatelnogo-sobraniia-gonkonga.html (accessed: 25.08.2020) (in Russ.).
12. *Troshchinsky P.V.* Legal system of China. M., 2016. P. 341, 342 (in Russ.).
13. *Trohchinsky P.V.* Modern legal system of Hong Kong // Proceedings of the ISL RAS. P. 197 (in Russ.).
14. *Chirkin V.E.* The territorial organization of public power. M., 2017. P. 138, 141 (in Russ.).
15. *Cardinal P., Zhang Y.* Subnational Constitutionalism in the Sars of the People's Republic of China. An Exceptional Tailored Model // Perspectives on Federalism. 2012. Vol. 3. P. 103, 133, 134.
16. *Castellucci I.* Legal Hybridity in Hong Kong and Macau // McGill Law Journal ~ Revue de droit de Mcgill. 2012. Vol. 57:4. P. 668–720.
17. *Chan C.* Reconceptualising the Relationship between the Mainland Chinese Legal System and the Hong Kong Legal System // Asian Journal of Comparative Law. 2011. Vol. 6. P. 5.

18. *Chan J.* Basic Law and Constitutional Review: The First Decade // Hong. Kong Law Journal, 2007. P. 407. URL: https://hub.hku.hk/bitstream/10722/87975/3/content.pdf?accept=1 (accessed: 25.08.2020).

19. *Chen A.* The Theory, Constitution and Practice of Autonomy: the Case of Hong Kong. P. 7, 9.

20. *Cheung A.* From Colony to Special Administrative Region: Issue of Hong Kong's Autonomy within a Centralized State // Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. 1998. Vol. 31. No. 3. P. 305.

21. *Chou B.* Local Autonomy in Action: Beijing's Hong Kong and Macau Policies // Journal of Current Chinese Affairs. 2013. No. 3. P. 35, 36. URL: https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/186810261304200303 (accessed: 25.08.2020).

22. *Cullen R.* The Rule of Law in Hong Kong. Civil Exchange, 2005. P. 17. URL: https://www.academia.edu/5156780/Rule_of_Law_in_Hong_Kong

23. *Eagleton J.* Rhetorical Ambiguity, Democracy and Political Chang: The Contradictions of the Hong Kong Political System // Contrastes. Revista Internacional de Filosofia, Suplemento. 2015. Vol. 20. P. 90, 91.

24. *Flaherty M.* Hong Kong Fifteen Years after the Handover: One Country, Which Direction? // Columbia Journal of Transnational Law. 2013. Vol. 51. P. 277, 278.

25. *Ghai Y.* Hong Kong's New Constitutional Order: The Resumption of Chinese Sovereignty and the Basic Law. 2nd ed. Hong Kong, 1999. P. 139, 140, 184, 326.

26. *Gittings D.* What will happen to Hong Kong after 2047? // California Western International Law Journal. 2011. Vol. 42. No. 1. P. 40.

27. *Goncalves A.* A Paradigm of Autonomy: The Hong Kong and Macau SARs // Contemporary Southeast Asia. 1996. Vol. 18. No. 1. P. 46.

28. *Goncalves A.* Hong Kong and Macau Special Administrative Regions: The Downfall of The "One Country, Two Systems" Policy // International Journal of Humanities and Social Science. 2019. Vol. 9. No. 10. P. 14.

29. *Hargreaves S.* Online Monitoring of 'Localists' in Hong Kong: A Return to Political Policing // Surveillance & Society, 15 (3/4). P. 426.

30. *Jhaveri S., Scully-Hill A.* Executive and legislative reactions to judicial invalidity in Hong Kong: Engagement, acceptance or avoidance // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. Issue 2. P. 507, 510.

31. *Jhaveri S.* Reconstitutionalizing Politics in the Hong Kong Special Administrative Region of China // Asian Journal of Comparative Law. 2018. Vol. 13 (1). P. 6, 44.

32. *Krebs J.* One Country, Three Systems? Judicial Review in Macau after Ng Ka Lling // Washington International Law Journal. 2000. Vol. 10. No. 1. P. 115.

33. *Lee F., Yuen S., Tang G., Cheng E.* Hong Kong's Summer of Uprising: From Anti-Extradition to Anti-Authoritarian Protests // The China Review. 2019. Vol. 19. No. 4. P. 22.

34. LegCo General Election postponed for a year. URL: https://www.info.gov.hk/gia/general/202007/31/P2020073100898.htm (accessed: 25.08.2020).

35. *Martin T.* Hong Kong Right of Abode: Ng Siu Tung & (and) Others v. Director of Immigration – Constitutional and Human Rights at the Mercy of China // San Diego International Law Journal. 2004. Vol. 5. P. 465–501.

36. *Pompeo M.* On the Postponement of Hong Kong's Legislative Council Elections. 1 August 2020. URL: https://www.state.gov/on-the-postponement-of-hong-kongs-legislative-council-elections/

37. *Sadowski M.* The Rule of Law, the Rule of Conflict? Hong Kong and Democracy – Past and Present Revisited // Revue quebecoise de droit international. 2019. P. 34. URL: https://www.sqdi.org/wp-content/uploads/19-48-The-Rule-of-Law-The-Rule-of-Conflict-Hong-Kong-and-Democracy%E2%80%94Past-and-Present-Revisited.pdf (accessed: 25.08.2020).

38. *Scartozzi C.* Political reforms vs. Undemocratic Institutional Arrangements in Hong Kong // Seoul National University Journal of International Studies. 2017. Vol. 2. P. 5. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/91325/1/MPRA_paper_91325.pdf (accessed: 25.08.2020).

39. *Shigong J.* China's Hong Kong: A Political and Cultural Perspective. Singapore, 2017. P. 151.

40. *Suksi M.* Sub-State Governance through Territorial Autonomy: A Comparative Study in Constitutional Law of Powers, Procedures and Institutions. Berlin, Heidelberg, 2011. P. 554, 555, 647.

41. *Tai B.* Judicial Autonomy in Hong Kong, 2010. P. 295, 310. URL: https://www.researchgate.net/publication/239770928_Judicial_autonomy_in_Hong_Kong (accessed: 25.08.2020).

42. *Tang R.* Internal Self-Determination as Democracy: A Case Study of Hong Kong. 2016. P. 10, 11. URL: https://www.academia.edu/29711974/Internal_Self_Determination_as_Democracy_A_Case_Study_of_Hong_Kong (accessed: 25.08.2020).

43. *Tin-bor Hui V.* Beijing's Hard and Soft Repression in Hong Kong. Published for the Foreign Policy Research Institute by Elsevier Ltd. 2020. P. 310. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7102642/ (accessed: 25.08.2020).

44. *Xiaobing X., Wilson G.* The Hong Kong Special Administrative Region as a Model of Regional External Autonomy // Case Western Reserve of International Law. 2000. Vol. 32. P. 6, 18, 35, 36. URL: https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1481&context=jil (accessed: 25.08.2020).

45. *Xuanwei W.* A New Constitutional Order in Hong Kong: Managing Conflict Over the Interpretation of the Basic Law // Tsinghua China Law Review. 2009. Vol. 1. P. 162, 165.

46. *Ying-ho K.* The Growth of "Localism" in Hong Kong // China Perspectives. 2016. Vol. 3. P. 66. URL: https://journals.openedition.org/chinaperspectives/7057

47. *Yuen S., Cheng W.* Between high autonomy and sovereign control in a subnational island jurisdiction: The paradox of Hong Kong under "One Country, Two Systems" // Island Studies Journal. Vol. 15. P. 140.

48. *Zhu G., Kouroutakis A.* The Hong Kong Subconstitutional Model of Separation of Powers: The Case of Weak Judicial Review // Hong Kong Law Journal. 2017. P. 1, 3. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2967650 (accessed: 25.08.2020).

49. *Zhu H.* Beijing's "Rule of Law" Strategy for Governing Hong Kong // China Perspectives. 2019. No. 1. P. 23, 24, 32.

Сведения об авторе

ИРХИН Игорь Валерьевич –
доктор юридических наук, старший научный сотрудник Кубанского государственного университета; 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Authors' information

IRKHIN Igor V. –
Doctor of Law, senior researcher, Kuban state University; 149 Stavropolskaya str., 350040 Krasnodar, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 138–149
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 138–149

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

О НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

© 2021 г. К. С. Родионов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: rodionova76@gmail.com

Поступила в редакцию 11.02.2021 г.

Аннотация. В статье исследуются обстоятельства и условия принятия Гитлером решения о нападении на Польшу 1 сентября 1939 г., ставшем началом Второй мировой войны. Автор исследует обстоятельства о том, что больше повлияло на его принятие – политика умиротворения, которой по отношению к Гитлеру придерживались Англия и Франция, или же секретный протокол, ставший дополнением к Пакту о ненападении (Пакт Молотова-Риббентропа), подписанный Германией и СССР 23 августа 1939 г.?

Ключевые слова: Пакт о ненападении (Пакт Молотова-Риббентропа), дополнительный секретный Протокол, сфера влияния, демаркационная линия, Лига Наций, политика умиротворения, агрессия, вторжение в страну.

Цитирование: *Родионов К.С.* О начале Второй мировой войны: историко-правовое исследование. Часть вторая // Государство и право. 2021. № 8. С. 138–149.

DOI: 10.31857/S102694520015048-3

ABOUT THE BEGINNING OF WORLD WAR II: HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH. PART TWO

© 2021 K. S. Rodionov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: rodionova76@gmail.com

Received 11.02.2021

Abstract. The article examines the circumstances of Hitler's decision to attack Poland on September 1, 1939, which began the Second World War. The author decides what influenced his acceptance more – the policy of appeasement, which Britain and France adhered to in relation to Hitler, or the signing by the Soviet Union of an additional secret protocol to the Non-Aggression Pact (Molotov-Ribbentrop Pact) signed by its parties on August 23, 1939?

Key words: Non-Aggression Pact (Molotov-Ribbentrop Pact), additional secret Protocol, sphere of influence, line of demarcation, League Nation, policy of appeasement, aggression, invade a country.

For citation: *Rodionov, K.S. (2021).* About the beginning of World War II: historical and legal research. Part two // Gosudarstvo i pravo=State and Law, № 8, pp. 138–149.

В первой части нашего исследования[1] была рассмотрена корреспонденция МИД Германии со своим послом в Москве, проходившая в режиме «совершенно секретно» в середине 1939 г. Её содержание и ускоренный Берлином обмен посланиями свидетельствовали о том, что к концу лета Гитлер проявил повышенный интерес к тому, чтобы как можно быстрее восстановить политические отношения с СССР. После его прихода к власти в Германии Советский Союз свел к минимуму такие контакты с этим государством.

Важное место в её внешней политике заняла борьба Гитлера с «мировоззренческой», как он ее называл, «чудовищной коммунистической опасностью для Германии»[2] Советской России, её «большевизма». Это быстро привело к отчуждению в отношениях двух стран.

Начатые Гитлером в марте 1939 г. попытки восстановить политические связи с СССР к концу лета приняли более чем настойчивый характер. 18 августа Сталин, наконец, дал согласие на визит в Москву министра иностранных дел фашистской Германии И. фон Риббентропа. А уже 23 августа в Кремле после кратких переговоров стороны неожиданно подписали сразу два документа – Пакт о ненападении и секретный Протокол к нему, что стало «рекордом скорости в дипломатии»[3].

Как создавался этот рекорд, Риббентроп рассказал в мемуарах: «Делегация из Берлина прибыла в московский аэропорт 23 августа между 4 и 5 часами дня, а уже в 6 часов в Кремле «Сталин, Молотов, Шуленбург (посол Германии. – *К.Р.*) и я уселись за стол переговоров. Кроме нас присутствовал наш переводчик Хильгер и русский переводчик Павлов».

По ходу обсуждений был сделан перерыв, после которого они продолжились в 10 часов вечера и завершились почти на рассвете подписанием Пакта о ненападении и секретного Протокола[4].

Павел Судоплатов, глава одной из наших спецслужб в те годы, писал: «Быстрота, с какой был подписан договор о ненападении с Гитлером, поразила: за два дня до того я получил приказ искать возможные пути урегулирования наших отношений с Германией. Мы еще продолжали посылать наши стратегические предложения Сталину и Молотову, а договор был уже подписан». Судоплатов отметил и то, что «Сталин вёл переговоры в обстановке строжайшей секретности»[5].

В международную практику государств заключение пактов, как документов большой политической важности, вошло после Первой мировой войны, как средство обезопасить себя от подобной угрозы в будущем. Но та же практика показала, что не каждый пакт заключался с целью укрепления мира. Известны были случаи, когда руководители государств хотели усыпить им бдительность второй стороны о готовящемся на нее же нападении. Как позже стало известно, 11 августа 1939 г. (за 12 дней до подписания Пакта. – *К.Р.*) Гитлер в беседе с Карлом Буркхардтом, в тот период верховным комиссаром Лиги Наций в «вольном городе» Данциге, сказал: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может этого понять, я буду вынужден договориться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами обращусь против Советского Союза»[6]. Как видим, это было сказано в те же дни августа, когда более чем настойчиво он предлагал Сталину стать его союзником в противодействии Англии и Франции, тем самым идя на его явный обман.

Гитлер решил воспользоваться Пактом о ненападении, чтобы «привязать» им Советский Союз к выполнению своих экспансионистских планов, тогда как советская сторона рассчитывала обеспечить им собственную безопасность от возможной агрессии. Поскольку такие опасения были, спешно было принято решение о подготовке проекта пакта. 19 августа Молотов направил его Гитлеру, и тот, одобрив его, сообщил об этом в Москву. 23 августа он был подписан в Кремле Молотовым и Риббентропом, а на другой день – опубликован в газете «Правда», как Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом», но известен стал как Пакт Молотова-Риббентропа. В нём правительства СССР и Германии руководствовались желанием укрепления дела мира во взаимных отношениях и положениями Договора о нейтралитете, заключенного ими в апреле 1926 г. Его содержательная часть – пять статей, которые можно считать стандартными для договоров этого титула. Статья 1 – обязательство сторон воздерживаться от всякого насилия, агрессивных действий и нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами. А в случае, если одна из сторон станет объектом военных действий третьей державы, вторая не будет поддерживать эту державу (ст. 2). Согласно ст. 3 Пакта стороны обязались «консультироваться друг с другом по вопросам, затрагивающим их общие интересы». Ни одна из сторон не

[1] См.: Государство и право. 2020. № 8. С. 91–103.

[2] *Риббентроп И. фон* Мемуары нацистского дипломата / пер. с нем. Г.Я. Рудого. Смоленск; М., 1998. С. 240.

[3] *Шмидт П.-О.* Переводчик Гитлера: статист на дипломатической сцене. М., 2020. С. 171.

[4] См.: *Риббентроп И. фон* Указ. соч. С. 186, 187.

[5] *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997. С. 75.

[6] *Безыменский Л.* Августовское предложение Гитлера Лондону // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 49.

будет участвовать в группировке держав, которая прямо или косвенно будет направлена против другой стороны (ст. 4). Стороны также обязались все споры или конфликты разрешать исключительно мирным путем в порядке дружеского обмена мнениями или путем создания комиссий по урегулированию конфликтов (ст. 5). Пакт заключался сроком на 10 лет с возможностью его автоматического продления еще на пять лет.

В отличие от пактов, история которых насчитывала около двух десятков лет, приложения к договорам – протоколы, обладающие той же юридической силой международного соглашения сторон, известны давно. Они принимались с разными целями, но чаще, чтобы скрыть в них особую форму регулирования отдельных вопросов договора, чем нередко и объяснялась их секретность.

Подписанный 23 августа протокол – творение Гитлера, от лица которого «творил» Риббентроп. Из Берлина в Москву он привез географическую карту Восточной Европы, на которой, как объяснил Риббентроп, Гитлер авторучкой с цветными чернилами провел «жирную линию», разделившую этот регион на «сферы влияния». Страны, расположенные западнее этой линии, вошли в «сферу влияния» Германии, восточнее – СССР. Само собой, осталось лишь согласиться с этим «проектом», что советская сторона в лице Сталина и сделала, и написать к нему текст, что здесь же и было сделано Риббентропом и его помощниками.

Работать над ним они начали еще в самолёте по пути в Москву. Об этом П.-О. Шмидт, входивший в состав делегации, писал: отправившаяся в Москву 22 августа на двух самолетах с Риббентропом большая делегация сделала остановку в Кёнигсберге. «Но об отдыхе не было речи. Всю ночь Риббентроп готовил материалы для переговоров со Сталиным, заполняя многочисленные листы рукописными пометками, делались звонки в Берлин с запросами, и вся команда сбилась с ног. На следующий день мы отправились в Москву»[7], но уже с проектом протокола, которому предстояло дополнить Пакт. Его текст приводится ниже в принятой сторонами редакции.

«Секретный дополнительный протокол».

«По случаю подписания Пакта о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся представители обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальных беседах вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем:

В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва) северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими Сторонами.

В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях.

4. Данный протокол рассматривается обеими Сторонами как строго секретный.

Москва 23 августа 1939 года.

За Правительство Германии — Полномочный представитель Й. Риббентроп.

Правительства СССР — В. Молотов».

18 августа в ответ на очередной призыв Риббентропа заключить договор Молотов назвал два предварительных условия, с которых, как он считал, Москва могла бы начать «сближение» сторон. Вторым после торгового соглашения он назвал Пакт о ненападении и, как приложение к нему – специальный Протокол, «который определит интересы сторон в том или ином вопросе их внешней политики и явится неотъемлемой частью пакта».

Даже беглого взгляда на Протокол достаточно, чтобы убедиться в том, что ничего общего, кроме даты подписания, с Пактом он не имел. Это разные акты, и не только потому, что их готовили представители разных государств, но и потому, что они преследовали несовместимые цели. СССР стремился этим пактом обеспечить собственную безопасность от возможной агрессии Германии. А Германия была одержима идеей расправы с Польшей, втянув в свой замысел СССР. Этого и добился Риббентроп, включив ст. 2 Протокола, а посредством его «привязки» к Пакту о ненападении поместить под «крышу» его титула. Решающее значение, конечно, имела подпись советского представителя под Протоколом на случай, если Лига Наций призовет Гитлера к ответу за Польшу, как год назад за аннексию им чешских Судетов.

Анализ положений секретного Протокола начнём с понятия «сфера влияния». В Пакте его нет. Ф. Лист, немецкий специалист в вопросах международного права того периода, писал: «“Сферы влияния” в теперешней мировой политике держав играют особенно важную роль. Они возникают, когда какое-нибудь государство обеспечивает за собою исключительное

[7] *Шмидт П.-О.* Указ. соч. С. 165, 166.

политическое или экономическое влияние в пределах другого государства»[8].

Французский автор К. Кольяр дал более широкую характеристику понятия «сферы влияния». Согласно его концепции, их появление преследовало цель ограничить «соперничество в определенном районе посредством разграничения зон, в которых государства присваивают себе право на вмешательство, а также путем взаимного обязательства воздерживаться от вмешательства за пределами признанных за ними сфер влияния». Автор особо отметил, что «сферы влияния не ведут к установлению правового режима сотрудничества, а разграничивают поле империалистической конкуренции чисто дипломатическим путем»[9].

Приведенные концепции Ф. Листа и К. Кольяра не противоречат одна другой. Наоборот, вторая, высказанная в 1970 г., развивает первую, дата появления которой – 1892 год, выход первого издания книги Ф. Листа. В ней он говорил лишь о начальном периоде «сфер влияния», тогда как К. Кольяр вскрыл мотивацию их появления – империалистическая конкуренция и необходимость ограничить соперничество государств «полем» этой конкуренции, как и «путем взаимных обязательств воздерживаться от вмешательства за пределы признанной за ними “сферы влияния”».

Создание «сфер влияния» закрепляется в договорном порядке, практика заключения которых продолжалась и в начале XX в.: соглашения об установлении зон влияния между Францией и Великобританией от 8 апреля 1904 г., Россией и Великобританией о Персии от 31 августа 1907 г.

Анализируемый нами Протокол констатирует договоренность его сторон о разделении их сфер влияния в Восточной Европе на германскую и советскую. Здесь следует лишь помнить, что линию эту на географической карте региона «начертал» Гитлер, в правую от нее (советскую сферу влияния) включив Финляндию, Эстонию и Латвию, оставив Литву Германии.

Статьи 1 и 3 Протокола – это те обещания немецкой стороны в пользу СССР, которыми Риббентроп от лица Гитлера склонял советскую сторону к союзу с Германией. Но Гитлер не хотел просто так пойти на такую щедрость. За 10 дней до подписания Протокола советский поверенный в Германии Астахов писал в Москву: «Чтобы развязать себе руки на случай назревающего конфликта с Польшей, отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши – минимум, на который пойдут немцы без разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей»[10].

Польше поэтому в Протоколе его автор – немецкая сторона и уделила главное внимание: одну из трех его статей – вторую, самую объемную. Если до ее территории демаркационная линия разделяла сферы влияния сторон – по линии границ государств, вошедших в сферу влияния его сторон, то дойдя до Польши, она пошла по её территории по течению внутренних рек. При этом такая ее часть, как «Виленская область» с городом Вильнюс, представляющая интерес для Литвы, была зарезервирована. Иными словами, его ст. 2 воплотила две цели Гитлера: а) возможность ликвидации Польши как государства; б) начало реализации им политики отрыва стран Прибалтики от лидеров Антанты Англии и Франции и приближение к Германии. Литва стала первой из них, т.к. граничила с Германией.

За исключением Польши в Протоколе не говорилось о форме, в какой и как стороны собирались «влиять» на государства. Что же касается Польши, то в ст. 2 указывалось, что в повестку дня поставлен вопрос о ее независимости как государства, и «в любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия». Но решаться он будет «ходом будущих политических событий» и, «если это будет в интересах обеих сторон». Эти оговорки преследовали цель смягчить категоричность ст. 2 по наказанию Польши, т.к. давали возможность иного решения вопроса. Скорее всего появились они по желанию советской стороны, отметившей тем самым свое скромное участие в нём.

Переговоры проходили «в строго конфиденциальных беседах», их процесс сторонами не фиксировался. Скудные сведения о них есть лишь в мемуарах Риббентропа и в личных воспоминаниях двух членов группы сопровождения: помощника Риббентропа по юридическим вопросам Ф. Гауса и переводчика П.-О. Шмидта, выполнявшего иную функцию.

П.-О. Шмидт в своей книге «Переводчик Гитлера: статист на дипломатической сцене» писал, что в переговорах в Кремле ему участвовать не удалось, поэтому о том, как они проходили, «узнал, когда Риббентроп вернулся в посольство после их окончания в наилучшем расположении духа и с восторгом сообщал любому, кто готов был слушать, о Сталине и об отошедших к Германии и России сферах интересов в Восточной Европе, подробности которых держались в секрете»[11]. Это все, что он сообщил, и об этом можно было бы не говорить, если бы не чувство тревоги, возникшее у автора после просмотра подписанных сторонами

[8] *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении / пер. с нем. В.Э. Грабаря. Рига, 1923. С. 106.

[9] *Кольяр К.* Международные организации и учреждения / пер. с франц. М., 1972. С. 81, 82.

[10] *Богуславский К.* Черный передел: версия 1939 года // Дилетант. 2019. № 47. С. 18.

[11] *Шмидт П.-О.* Указ. соч. С. 164.

актов, которое он подытожил словами, что «это было прощание с миром»[12].

Помощник Риббентропа Ф. Гаус свои впечатления о них изложил в марте 1946 г., т.е. спустя семь лет. Ниже приводится лишь та их часть, где речь идет о секретном Протоколе: «Быстро и без трудностей было достигнуто согласие о германо-советском пакте о ненападении. Гораздо дольше велись переговоры о дополнительном секретном протоколе. В нём Германия заявляла о своей незаинтересованности в Латвии, Эстонии и Финляндии, но причисляла в сферу своих интересов Литву. Что касается польской территории, то была установлена демаркационная линия и достигнуто соглашение, что обе державы рассматривают урегулирование относящихся к этой стране вопросов во взаимном согласии. Пакт и секретный документ были подписаны в ту же ночь»[13].

Обратимся к участнику переговоров – Риббентропу: мемуары он писал, находясь в тюрьме в ходе Нюрнбергского процесса, понимая, что его ожидает. Поэтому все изложенное им было направлено на то, чтобы оправдаться в глазах читателей, показать себя если и не оппонентом Гитлера в его поступках, то и не союзником. А это не согласуется с фактами. П.-О. Шмидт считал его «голосом своего хозяина», а Г. Геринг – «попугаем № 1 при Гитлере». Риббентроп замечен и в заведомо ложной трактовке или подаче отдельных фактов, за что на Нюрнбергском процессе главный обвинитель от США Р. Джексон назвал его «двуликим» и «торговцем ложью»[14].

Ложь есть и в мемуарах. Вот что писал Риббентроп о визите в Москву 23 августа 1939 г. В самолете он вместе с советником Гаусом набросал проект пакта о ненападении, а «при обсуждения в Кремле это оказалось полезным, поскольку русские никакого текста не подготовили»[15]. То же самое он заявил и в Нюрнберге перед Международным военным трибуналом[16].

Убедиться в том, что это ложь, можно, посмотрев письмо Гитлера к Сталину от 20 августа 1939 г.[17] В нём Гитлер писал: «Я принимаю пакт о ненападении с Советским Союзом, который передал мне Ваш министр иностранных дел господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно более скорое выяснение связанных с этим вопросов»[18].

По мемуарам Риббентропа нельзя узнать, как проходили переговоры, есть лишь впечатления, которые на него произвел Сталин. Автор писал, что после его (Риббентропа) вступительной речи (о чем, неизвестно) «заговорил Сталин: кратко, точно, без лишних слов, ясно и недвусмысленно и был столь позитивен, что после первой принципиальной беседы мы конкретизировали взаимную готовность к заключению пакта о ненападении. Мы смогли договориться о материальной стороне разграничения наших обоюдных интересов и, особенно, о германо-польском кризисе. На случай возникновения конфликта, который в создавшемся положении казался не исключенным, была согласована “демаркационная линия”, чтобы германские и русские интересы не столкнулись. Я заверил Сталина, что с германской стороны будет предпринято все, чтобы урегулировать вопрос с Польшей мирным путем»[19].

Попробуем в этом лишенном фактов описании Риббентропом переговоров в Кремле увидеть «что-то», что он не хотел, чтобы знали читатели. Начнём с фразы «смогли договориться»: её можно считать косвенным указанием на то, что прошли они не без трудностей, как и писал Ф. Гаус, – и заняли больше времени, чем Пакт. Можно догадаться, в связи с чем Риббентроп «особенно» отметил «германо-польский кризис» и «возможность его возникновения», что «казалось» ему «не исключенным». Становится понятным, почему ему пришлось «заверять Сталина, что с германской стороны будет предпринято все, чтобы “вопрос с Польшей” был урегулирован “мирным путем”». В этой связи сам собой возникает и еще один вопрос: почему свой рассказ о поездке в Москву на переговоры Риббентроп начал с заверения читателей в чистоте своих помыслов относительно Польши. Он писал: «При отъезде я ничего не знал о якобы уже принятом фюрером решении напасть на Польшу, как не верил в то, что он принял его окончательно. Ни о каких военных шагах с нашей стороны речь не шла, и я придерживался взгляда, что Гитлер, хотя и желает оказать сильное давление на Польшу, хочет разрешить эту проблему дипломатическим путем»[20].

Остается лишь предполагать, к каким средствам прибегал Риббентроп, убеждая Сталина и Молотова в миролюбивых замыслах Гитлера относительно Польши, якобы скрытых им в ст. 2 Протокола, и в итоге склонить их к решению подписать его, уверяя их в том, что Гитлер всего-навсего пугает Польшу.

---

[12] *Шмидт П.-О.* Указ. соч. С. 170.

[13] Цит. по: *Риббентроп И. фон* Указ. соч. С. 365.

[14] Нюрнбергский процесс: сб. материалов. М., 1951. Т. 2.

[15] *Риббентроп И. фон* Указ. соч. С. 185, 186.

[16] См.: там же. С. 363.

[17] См.: *Родионов К.С.* О начале Второй мировой войны: историко-правовое исследование. Часть первая // Государство и право. 2020. № 8. С. 91.

[18] Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 59.

[19] *Риббентроп И. фон* Указ. соч. С. 188, 189.

[20] Там же. С. 185.

Автор предисловия к русскому изданию мемуаров И.Г. Усачёв указал на наличие у Риббентропа при множестве недостатков характера «здравого ума и холодного расчета, а также вероломства в решении политических вопросов[21]. П.-О. Шмидт к его упорству и настойчивости добавил умение говорить «цветисто» и нагло давить на собеседника. Наблюдатели и жертвы называли это «настойчивым проникновением», которые Риббентроп использовал с целью убедить оппонента в своем мнении[22].

Вероятно, все эти умения в тот день он применил в переговорах со Сталиным и Молотовым. Иначе кажется невозможным, чтобы слывший весьма подозрительным Сталин и всегда осторожный Молотов так быстро согласились подписать протокол. Риббентроп, вероятно, убедил их в том, что вопрос о целостности Польши в Протоколе реально не ставится, а то, что в нем есть – написано ей в назидание «вести себя хорошо». Реально она потеряет лишь Данциг. В подтверждение он мог сослаться на известную в политических кругах Европы версию о требовании Гитлера к Польше передать Германии Данциг. Советский Союз был согласен с такой передачей, что подтвердил 27 июля в МИД Германии поверенный в делах СССР в Германии Г. Астахов, заявив: «Так или иначе, Данциг будет возвращен Германии». А три дня спустя он писал в Москву, что «немцы хотели бы от нас подтверждения нашей незаинтересованности к судьбе Данцига»[23].

Убеждать Риббентроп умел, за что его и ценил Гитлер. В 1935 г. в Великобритании, куда Риббентроп был направлен послом, в переговорах с министром иностранных дел этой страны сэром С. Хором ему удалось уговорить его дать согласие на заключение договора, разрешавшего Третьему рейху начать производство подводных лодок. Это было прямым нарушением Версальского договора, запрещавшего Германии вообще иметь военно-морской флот. Но английский министр согласился включить в этот акт и норму, разрешившую его создание в Германии в пределах тоннажа, не превышающего 45% от английского, что и стало началом его возрождения. На это умение Риббентропа и рассчитывал Гитлер, направляя его в Москву, и не ошибся.

Протокол подписан как «строго секретный» документ. Высокий уровень его секретности Риббентроп объяснил тем, что протокол нарушал соглашения России с Польшей и с Францией 1936 г., обязывавшие их консультироваться при заключении договоров с третьими государствами. Риббентроп считал, что Сталин был крайне заинтересован в протоколе, и ради его принятия решил нарушить договоры с Польшей и Францией. Причиной его секретности была его ст. 2, включенная по желанию Гитлера, её и нужно было скрыть.

По отношению к Польше СССР придерживался в целом миролюбивой политики. После проигранной из-за вмешательства государств Антанты советско-польской войны 1919–1920 года в марте 1921 г. её сторонами был заключен мирный договор (Рижский), а в 1926 г. его дополнил Договор о нейтралитете. Тем не менее все 30-е годы Правительство Польши проявляло к нашей стране нежелание установить добрососедские отношения. Можно согласиться с автором четырехтомной «Истории внешней политики Российской империи» О. Айрапетовым, сказавшим в интервью редактору журнала «Историк» В. Рудакову, что в лице Польши в 1920–1939 гг. «мы имели злобного и враждебного соседа, какого имеем и сейчас после 1990 года». Это «не значит, что поляки плохи»[24], а то, что в стране «русофобия является политическим фактором и присутствует (даже) в польской культуре, не говоря уже о том, в каких формах и какими средствами, начиная с 20-х годов прошлого века, польская администрация полонизировала жизнь территорий, населенных белорусами и украинцами, и вытесняла православную религию»[25].

К этому надо добавить, что в 1939 г. советская служба внешней разведки получила информацию о том, что штаб польской армии готовил план нападения на нашу страну. Несмотря на это, 11 мая 1939 г. СССР предложил Польше заключить пакт о взаимопомощи, на что польский посол в Москве В. Гжибовский заявил, что «Польша не считает это возможным».

Сказанное позволяет думать, что Сталин и Молотов без «мучительных» раздумий, на которые у них не было и времени, поддались на уговоры и обман Риббентропа подписать Протокол, надеясь, что его ст. 2 – это крайняя мера, сформулированная так немецкой стороной, чтобы заставить Польшу пойти на уступки по вопросу о Данциге.

В мемуарах Риббентроп похвалил себя, отметив, что такого быстрого и радикального успеха не ожидал и Гитлер. Своей радостью Гитлер на другой же день, 25 августа, поспешил поделиться с Муссолини, он писал: «Я понятия не имел о возможной их (переговоров) продолжительности или о какой-либо гарантии успеха. Открывшаяся готовность со стороны Кремля пересмотреть отношения с Германией дала возможность отправить министра иностранных дел в Москву для заключения договора – пакта о ненападении.

[21] См.: *Риббентроп И. фон* Указ. соч. С. 431, 443.

[22] См.: *Шмидт П.-О.* Указ. соч. С. 148.

[23] Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский.

[24] Разделенная Речь // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2020. № 10 (70). С. 48, 49.

[25] *Шевченко К.* Под гнетом польских оккупантов // Там же. С. 50–55.

Могу сказать Вам, Дуче, что соглашение гарантирует благожелательное отношение России на случай любого конфликта. Отношения Германии и Польши, не по вине Германской империи, но в результате деятельности Англии с весны ухудшились еще более, а последние несколько недель ситуация стала просто невыносимой. Эти причины и заставили меня поспешить с завершением германо-русских переговоров»[26].

Протокол, подписанный в Москве 23 августа, «развязал» Гитлеру руки. Он этого ждал давно. По его приказу вермахт (министерство обороны) еще весной подготовил план, согласно которому 26 августа 1939 г. германские войска должны пересечь границу с Польшей и начать её оккупацию. И все шло по плану. Но в тот же день, **25 августа**, Гитлер получил два срочных сообщения: первое – личное письмо от премьер-министра Англии Чемберлена, в котором тот писал: «Очевидно, известие о германо-советском соглашении воспринято в Берлине как показатель того, что вмешательство Великобритании в польские дела больше не является обстоятельством, с которым приходится считаться. Какой бы характер не носило германо-советское соглашение, оно не может изменить обязательств Великобритании в отношении Польши, о которых правительство его Величества неоднократно заявляло и которое намерено соблюдать». Свое недвусмысленное предупреждение Чемберлен завершил предложением прекратить антипольскую кампанию и немедленно начать дружественные переговоры между Германией и Польшей»[27].

Из Лондона было и второе срочное сообщение о том, что парламент Англии ратифицировал подписанное 6 апреля 1939 г. соглашение с Польшей о взаимопомощи. В нём было и обязательство Англии защищать ее, вплоть до объявления войны нападающему государству. Гитлер не хотел конфликта с Англией, а поэтому решил отложить нападение на Польшу до 1 сентября. Он считал, что это даст ему возможность проверить реакцию Англии на заключенный им с СССР пакт о ненападении. Пока же приказ о переносе даты нападения срочно был направлен во все пункты дислокации готовых к этому германских войск.

Гитлер был почти уверен в том, что Англия, а за ней и Франция не выступят в защиту Польши. Думать так у него были основания. Пару недель назад Англия вновь прощупывала почву с виноватым упоминанием 1914 г. Присутствовавший при этом Риббентроп предложил фюреру попугать англичан тем, «что в случае германо-польского конфликта в ответ на любой их враждебный акт против Германии последует её бомбардировка Лондона»[28].

Для нашего исследования этот факт интересен тем, что в нём речь шла о неофициальной встрече англичан с Гитлером, состоявшейся тогда, когда Риббентроп и немецкий посол в Москве усиленно «давили» на Молотова, требуя свидания со Сталиным. В те же дни августа 1939 г. прибывшая в Москву англо-французская военная делегация решала с правительством СССР вопрос о создании антигитлеровской коалиции.

Ю.Я. Баскин и Д.И. Фельдман писали: «В Берлине и Лондоне большое внимание уделяли англо-германским негласным контактам, которые в апреле – августе 1939 года происходили на самых различных уровнях почти параллельно с англо-франко-советскими переговорами»[29]. Их безуспешное завершение 17 августа и позволило Гитлеру срочно усилить натиск на Советскую Россию с целью сделать ее срочно союзником в расправе с Польшей. Этот союзник одновременно мог стать и гарантией спокойствия от возможной попытки Великобритании защитить подопечную Польшу.

На другой день к Гитлеру по вызову прибыл британский посол, которому вместо обещанных «окончательных предложений по урегулированию англо-германских отношений» он сразу стал перечислять обвинения в адрес поляков, начав со случая стрельбы по гражданскому самолету, и завершив заявлением, что «при любых обстоятельствах проблема Данцига и вопрос о “коридоре” следует урегулировать». И что «на этот раз Германии не придется сражаться на два фронта, так как соглашение с Россией является безоговорочным и представляет долгосрочное изменение в немецкой внешней политике. Россия и Германия никогда больше не поднимут оружие друг против друга»[30].

Утром 27 августа этот ответ Гитлера Правительству Великобритании был отправлен специальным самолетом в Лондон.

В этот же день прибыл французский посол Кулондр. Гитлер также сразу же пошел в атаку против Польши и поляков, чьи «провокации невыносимы. Даже угроза войны с Англией и Францией не заставят его отказаться от защиты интересов Германии». Однако, когда он приподнялся со стула, давая понять, что разговор окончен, Кулондр заявил, что «в такой критической ситуации, как эта, непонимание между странами является самым страшным. И я даю вам

[26] Цит. по: Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский.

[27] Цит.: *Шмидт П.-О.* Указ. соч. С. 173, 174.

[28] Оглашению подлежит. СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. С. 75.

[29] *Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И.* История международного права. М., 1990. С. 159.

[30] *Шмидт П.-О.* Указ. соч. С. 176.

честное слово французского офицера, что французская армия будет сражаться на стороне Польши, если эта страна подвергнется нападению. Французское правительство готово сделать все возможное для сохранения мира и стать посредником в вопросах урегулирования в Варшаве».

Не успел Кулондр продолжить, как Гитлер бросился в новую атаку против Польши со словами, что ему «больно сознавать необходимость вступления в войну против Франции, но это решение не зависит от меня», – сказал он и протянул руку Кулондру, проговорив с ним едва ли полчаса[31].

Следующим из вызванных для разговора был итальянский посол, который вручил Гитлеру ответ на его письмо Муссолини о готовящемся вторжении в Польшу. Гитлер ждал этого ответа, но Муссолини сообщил ему, что «Италия не готова к войне»: «запасов горючего в итальянских военно-воздушных силах хватит лишь на три недели боевых действий. Такая же ситуация с поставками для армии и с запасами сырья. Лишь флот готов к военным действиям. Поймите, в каком положении я оказался»[32].

В тот же вечер Гитлер ответил Муссолини и запросил сведения о сырье и вооружении, в котором нуждается Италия, чтобы вести войну. Из полученного на следующий день ответа следовало, что запросы были настолько большими, что Германия не сможет выполнить их. Было ясно, что это обходной манёвр Муссолини. В тот же день Гитлер направил ему письмо, в котором «просил своего союзника держать в секрете решение, сохранить нейтралитет и создать видимость подготовки к войне, чтобы смутить западные державы». Ответ пришел быстро: Муссолини был готов на то и другое.

Все следующие дни до 1 сентября устные и письменные контакты Гитлера с послами в Германии и государственными деятелями в Великобритании, Франции и Италии продолжались почти непрерывно. П.-О. Шмидт, все эти дни находившийся вблизи Гитлера, назвал возникшую ситуацию «дистанционной конференцией по телефону и телеграфу», где он «был так же занят, как в Мюнхене, где договаривающиеся стороны сидели друг против друга за столом переговоров». Он писал, что в этих переговорах Англия и Франция твердо указывали, что в случае нападения Германии на Польшу, каждая из них выполнит свои обязательства по ее защите от агрессии Гитлера. При этом Англия требовала от Гитлера начать прямые переговоры с Польшей об урегулировании возникшей ситуации. В ноте английского правительства, врученной Гитлеру 28 августа, говорилось, что «простое урегулирование этих вопросов между Германией и Польшей может открыть путь к миру во всем мире. А неудача в попытке достичь взаимопонимания между Германией и Великобританией приведет обе страны к конфликту и, вполне вероятно, ввергнет мир в войну».

В этой же ноте Правительство Великобритании отклонило предложение Гитлера о сотрудничестве, т.к. «Правительство Его Величества не может, какие бы преимущества ни предлагались Великобритании, молчаливо пойти на соглашение, которое подвергло бы опасности независимость государства, которому оно дало гарантии». Вместо этого Англия предложила свои посреднические услуги по оказанию помощи в переговорах между Германией и Польшей.

В ответ Гитлер писал: «Эти условия вынудили Германию предпринять активные шаги для обеспечения своих законных интересов. Требования немецкого правительства соответствуют пересмотру Версальского договора: это возвращение Данцига и “коридора” Германии, защита немецкого населения на остальной части польской территории». Он был согласен на посредничество Англии в его отношениях с Польшей, «в соответствии с которым польский участник переговоров должен быть направлен в Берлин», куда «ожидается в среду 30 августа», а «правительство подготовит свои предложения».

На встрече с Риббентропом 29 августа английский посол Гендерсон заявил ему, что «это похоже на ультиматум. У поляков едва ли будет двадцать четыре часа, чтобы подготовить план. Имея дело с Польшей, Рейх должен следовать обычной процедуре и передать предложения Германии через польского посла в Берлине». Риббентроп в ответ резко заявил: «Мы требуем, чтобы участник переговоров, уполномоченный своим правительством, прибыл сюда в Берлин».

30 августа по указанию Гитлера был подготовлен проект его предложений по урегулированию вопроса «по Данцигу и коридору»: он предлагал провести плебисцит о «Польском коридоре» под наблюдением международной комиссии из британских, французских, итальянских и русских представителей; Гданьск оставался за Польшей, ей же отдавалась международная магистраль и железная дорога на территории, которая становилась германской. Как с удивлением заключил П.-О. Шмидт, «эти предложения отличались духом, имевшим мало общего с национал-социалистическими методами и идеями, которые Гитлер высказывал всегда. Это были предложения вполне в духе Лиги Наций. Мне показалось, будто я снова нахожусь в Женеве».

Что это не так, подтвердилось в тот же день. П.-О. Шмидт писал: «Незадолго до полуночи 30 августа, как раз перед истечением срока немецкого ультиматума насчет приезда представителя Польши», когда в МИД Германии неожиданно прибыл британский посол с ответом его правительства на документ Гитлера, врученный накануне. По словам Шмидта,

[31] См.: *Шмидт П.-О.* Указ. соч. С. 178, 179.

[32] Там же. С. 180.

разговор посла с Риббентропом «был самым бурным из всех, которые ему пришлось переводить за двадцать три года работы в качестве переводчика». «К счастью, до рукопашной дело не дошло». Предметом спора были изложенные в ответе Англии условия, которым должны следовать стороны переговоров по урегулированию «польского вопроса». Хотя каждое из них входило в число принятых в дипломатической практике, Риббентроп с негодованием отвергал, даже на требование о сдержанности сторон он отреагировал заявлением, что «это поляки агрессоры, а не мы!». А на более важные условия он реагировал еще активнее, в частности на заявление Гендерсона о том, что «британское правительство располагает информацией, что немцы совершают акты саботажа в Польше[33]. «Это проклятая ложь польского правительства!», – в ярости кричал Риббентроп. Нет смысла приводить все детали «дипломатических переговоров» министра иностранных дел Германии Риббентропа и английского посла в этой стране. Их фрагмент дан здесь лишь потому, что они проходили поздно вечером 30 августа 1939 г., за сутки до того, как Германия напала на Польшу и началась Вторая мировая война. Но от того, как проходили именно эти переговоры и чем они завершились, зависело очень многое.

Поэтому приведем еще один факт, который заслуживает этого: на него с особой тревогой обратил внимание единственный свидетель этого разговора – его переводчик П.-О. Шмидт, «статист на дипломатической сцене», как он назвал себя сам.

Он писал, что когда беседа приняла относительно спокойную форму, «Риббентроп вынул из кармана (на это также стоит обратить внимание. – *К.Р.*) какую-то бумагу: это были предложения Гитлера Лиге Наций по урегулированию польского вопроса. Он прочел их Гендерсону по-немецки (тот владел этим языком. – *К.Р.*). Гендерсон спросил, может ли он получить текст этих предложений, что в обычной дипломатической процедуре предполагалось само собой. “Нет”, – ответил Риббентроп. Гендерсон, думая, что ослышался, повторил вопрос, но Риббентроп вновь отказал. Он швырнул документ на стол со словами: “он просрочен, потому, что польский представитель не явился”».

Далее приводим текст автора без сокращений: «Я пришел в волнение. Я вдруг понял, в какую игру играли Гитлер и Риббентроп. В тот момент я понял, что громкие предложения Гитлера делались всего лишь напоказ, и никогда не предполагалось, что они будут выполняться. Вручить документ Гендерсону отказались из боязни, что британское правительство передаст его полякам, а те вполне могли принять предлагаемые условия. Редко у меня, как переводчика возникало сожаление, что я не могу вмешаться в разговор. И мне не оставалось ничего иного, кроме как сидеть, скрипя зубами, в то время как шанс добиться мира преднамеренно саботировался у меня на глазах. Так вот что, размышлял я, обсуждали в Канцелярии Гитлер и Риббентроп. То, что я был прав в предположении, Гитлер подтвердил позднее сам в моем присутствии. “Мне нужно было алиби, – сказал он, – особенно перед народом Германии, чтобы показать, что я сделал все для сохранения мира. Этим объясняется мое великодушное предложение по урегулированию вопроса о Данциге и “коридоре”»[34].

На следующий день, 31 августа в 18.30 «я присутствовал на самой короткой встрече, в которой когда-либо участвовал. Польский посол Липский вручил Риббентропу сообщение своего правительства о согласии принять предложение Великобритании о прямых переговорах между Германией и Польшей и передать немецкому правительству ответ на его предложения. “У вас есть полномочия вести с нами сейчас переговоры по предложениям Германии?”, – спросил Риббентроп. – “Нет”, – ответил польский посол. – “Тогда нет смысла продолжать этот разговор”, – сказал Риббентроп, и встреча закончилась». Надо заметить, что, по предположению П.О. Шмидта, что и у Риббентропа, за поведением которого он наблюдал в тот вечер, не было полномочий проводить переговоры[35].

В тот же вечер 31 августа Гитлер отдал приказ о вторжении в Польшу, границу которой немецкие войска должны пересечь в 5.45 утра.

Прав был П.-О. Шмидт, назвав подписание Пакта и протокола к нему, «прощанием с миром»[36]. Как переводчик Гитлера и наблюдательный человек, в течение ряда лет часто и подолгу находившийся с ним рядом, в своей книге он писал: «Я достаточно хорошо знал Гитлера, чтобы сознавать, что если с тыла его защитит Сталин, он станет еще более неосторожным и безответственным в своей внешней политике»[37].

Выше указывалось, что еще в марте 1939 г. по приказу Гитлера Абвер (служба контрразведки) и СД (имперская служба безопасности) начали разработку стратегического плана нападения на Польшу – план «Вайс». В нём была указана и его дата – 26 августа 1939 г.! С грифом «секретно» он был направлен в региональные группы войск «Север, «Запад»» и «Юг», где в ожидании дня «Х» велась подготовка предшествующих ему провокаций с участием агентов Абвера.

15 июня 1939 г. генерал фон Браухич представил секретный план проведения ряда таких операций.

[33] Согласно данным статистики, в 1939 г. в Польше проживало около полутора миллионов немцев. – *К.Р.*

[34] *Шмидт П.-О.* Указ. соч. С. 188, 189.

[35] См.: там же. С. 190, 191; см. также: *Овсяный И.Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1971. С. 301.

[36] *Шмидт П.-О.* Указ. соч. С. 170.

[37] Там же. С. 166.

Из него следовало, что Абвер располагал данными своих разведывательных служб о польских вооруженных силах, количестве дивизий, их вооружении и оснащении техникой, планах их стратегического развертывания на случай войны с Германией – План "Zachud" (Запад). Согласно всем этим сведениям, польская армия не была готова к войне, чем и торопился воспользоваться Гитлер. В реализацию этого замысла ему удалось вовлечь и Советский Союз. Подписанный сторонами 23 августа 1939 г. в качестве приложения к Пакту о ненападении секретный Протокол дал ему свободу действовать, чем он сразу же и воспользовался, обвинив в этом Польшу, заявив через 20 дней в одной из своих речей: «Польша выбрала войну, и теперь она ее получила»[38].

В соответствии с ранее принятым им планом 26 августа 1939 г. германские войска в нескольких пунктах должны пересечь границу с Польшей и широким фронтом начать наступление. Но, как мы знаем, 25 августа было получено сообщение о ратификации английским парламентом договора с Польшей о взаимной помощи. Не желая нового конфликта с Англией, он срочно отложил вторжение в Польшу и ряд провокаций, которые должны предшествовать этому. Из Берлина в центры дислокации немецких войск, готовивших их, срочно был направлен приказ о перенесении «дня Х» на тот же час 1 сентября. Срочно его следовало также передать во все пункты, где велась их непосредственная подготовка. Но не везде это удалось сделать вовремя. Именно это и произошло с отрядом, которому предстояло захватить горный перевал вблизи прежней польско-чехословацкой границы и удерживать его, как южные ворота для вторжения немецких войск в Польшу.

Отряд вел подготовку в пересеченной местности, где его средства связи не всегда могли принять сигналы центра, а поэтому его командир не был осведомлён о переносе даты нападения на неделю. Рано утром 26 августа, перейдя польскую границу, оперативный отряд захватил горный перевал и жилой поселок вблизи его, двум тысячам его жителей, а также подразделению польских солдат во главе с офицером было объявлено, что они взяты в плен, после чего все они были заперты в складском помещении. Сопротивлявшихся для устрашения всех остальных тут же расстреляли. Была взорвана телефонная станция, а на горных переходах поставлены посты. А поздно вечером был получен приказ «возвратиться в расположение отряда: "война еще не началась"».

Эта операция в СМИ не получила огласки, т.к. подобные ошибки не свойственны немецкой исполнительности. Да и события, начавшиеся пять дней спустя, по своим масштабам и значимости заставили забыть все остальные. Кроме одного, считающегося началом Второй мировой войны – Глейвицкой провокации, совершенной в ночь с 31 августа на 1 сентября в том же регионе расположения группы немецких войск «Юг».

Ответственность за ее проведение взял на себя шеф службы безопасности Р. Гейдрих: он подготовил план и выбрал объект провокации – радиостанция в Глейвице в 30 км от границы с Польшей. Принял в ней участие и шеф Абвера Канарис, обеспечивший исполнителей формой и оружием польской армии.

Сохранились показания руководителя, возглавлявшего эту операцию. Он показал, что «около 10 августа Гейдрих приказал мне возглавить операцию, в которой будет имитирован вооруженный налет небольшого отряда "польской армии" на радиостанцию в Глейвице у границы с Польшей. Я должен с группой "захватить" её удерживать, пока "нападающие поляки", поступившие в мое распоряжение, передадут по радио воззвание к немецким слушателям».

25 августа его вызвал шеф гестапо Г. Мюллер и сообщил, что кроме семи основных участников в ней будут задействованы два десятка приговоренных к смерти уголовников, одетых в мундиры польских солдат. Они будут убиты при «нападении» и останутся лежать на месте «как погибшие во время атаки». Каждый из них «умрет от инъекции, но на трупах должны быть следы пулевых равнений, оставить которые предстояло также нам. После завершения операции появятся заинтересованные лица, фоторепортёры и журналисты.

К месту операции выехали 26 августа вечером на двух автомашинах. Когда подъехали к радиостанции, часть группы вошла в здание. Встретивший их дежурный и второй служащий были убиты, после чего в дикторской студии группа начала наладку передатчика и вещать на всю Германию. Один из участников суетился, пытаясь найти рычаг, с помощью которого можно было выйти в эфир, но их было много, и он не мог найти нужный. Приближались минуты, когда сообщение во что бы то ни стало должно прозвучать в эфире, но включить передатчик не удавалось. Пришлось вести передачу на местной волне: текст обращения к полякам зачитал один из членов группы, который стал быстро почти выкрикивать его. Сразу же, как он закончил, все быстро выбежали из студии на улицу, где также быстро прикончили уголовников».

Довольно скоро прибыли фотокорреспонденты и репортёры газет, которым были предъявлены трупы «нападавших польских солдат».

В 7.00 1 сентября 1939 г. руководитель группы прибыл к Гейдриху «с ощущением, что операция провалилась». Но Гейдрих поздравил его с ее завершением, лишь упомянув о помехах в эфире, из-за которых «так ничего и не услышал: но важно, что передача состоялась».

[38] *Шмидт П.-О.* Указ. соч. С. 203.

Гейдрих показал свежий номер газеты "Volkischer Beobachter" («Народный наблюдатель»), на первой странице которой красовался крупный заголовок: «Агрессоры атакуют радио Глейвица». «Гитлер доволен», – сказал он. Было ясно, что и сам он был вполне удовлетворен.

В 10.00 в рейхстаге Гитлер обратился к германскому народу с речью о вторжении поляков на территорию Германии, сославшись на «нападение регулярных польских войск» на пограничную радиостанцию в Глейвице, «которые заставляют нас принять ответные меры».

Информационное бюро Германии также сообщило, что «сегодня утром германские войска перешли германо-польскую границу в различных местах, а военная авиация начала бомбардировку аэропортов и других военных объектов в Польше»[39].

В тот же день МИД Германии направило всем дипломатическим представительствам за границей телеграмму, в которой извещал, что в целях защиты от польского нападения германские подразделения начали сегодня на рассвете операцию против Польши. Но её не следует характеризовать как войну, а лишь как стычки, спровоцированные «польскими атаками».

2 сентября в 8.00 к Герингу прибыл посредник в отношениях между правительством Великобритании и Германии швед Далерус, который предложил Герингу объяснить причину начала военных действий против Польши. Геринг заявил: «Война развязана по вине поляков, атаковавших немецкую радиостанцию в Глейвице и взорвавших мост неподалеку». Эту информацию Далерус передал в МИД Швеции.

В 10.30 посол Великобритании в Германии Хандерсон подтвердил польскую атаку. А вечером он и посол Франции объявили министру иностранных дел Германии Риббентропу, что если Германия не выведет свои войска с польской территории, то Франция и Великобритания выполнят свои обязательства по договору с Польшей. Риббентроп возразил им, что речь в данном случае идет не о немецкой агрессии, а польской, так как накануне войска польской армии атаковали немецкую территорию».

Англия и Франция предложили (а не потребовали) Германии прекратить военные действия и вернуть войска на свою территорию. Они предложили мирное решение вопроса, но Гитлер отказался даже от его обсуждения.

3 сентября 1939 года Великобритания и Франция объявили Германии войну, но до конца мая следующего года никаких военных действий против Германии они так и не начали, из-за чего этот период Второй мировой войны получил название «странной войны».

В зарубежных источниках еще жива версия о том, что причиной и поводом для Германии развязать Вторую мировую войну был вопрос о Данциге. На него и т.н. Данцигский коридор часто ссылался и Гитлер, и Риббентроп, как причину разногласий и конфликтов с Польшей. Эта версия кратко изложена в энциклопедическом словаре «Британника»: «В 1938 г. Гитлер потребовал, чтобы Гданьск был возвращен Германии. Отказ Польши стал поводом для нападения на неё в 1939 г., что развязало Вторую мировую войну»[40].

Но Данциг (польск. Гданьск) здесь не причём: этот город и его округ Гитлер использовал, как принято говорить, для отвода глаз, чтобы скрыть свою главную цель – экспансию всей Польши. К началу войны, к 1 сентября 1939 г., Данциг уже был частью Германии, став ею без единого выстрела.

Как это произошло, рассказал в своей книге Н. Стариков: «22 августа 1939 г. в Данциг по приглашению городского совета с "визитом вежливости" прибыл германский линкор "Шлезвиг-Гольштейн". О его визите польское правительство не знало. Линкор появился в городе, чтобы обеспечить в нем "мягкий" государственный переворот. На другой день совет (городской парламент), практически состоявший из этнических немцев, провозгласил главой города нацистского гауляйтера[41] Фёрстера, который давно числился "верным гитлеровцем" во властной вертикали Третьего рейха. С этого дня он, как один из его чиновников, непосредственно подчиненный Гитлеру, стал руководителем "вольного города", что можно назвать ползучей аннексией.

1 сентября Фёрстер издал закон о присоединении города к Германии, и в этот же день на чрезвычайном заседании рейхстаг принял решение включить Данциг в состав государства»[42].

* * *

Участвовал ли Советский Союз в рассмотренных событиях нарастающего политического кризиса в Европе? Отвечу: «нет», но свой первый шаг в этой трагедии, начинавшейся как шахматная игра великих держав, Сталин сделал. А вскоре будет вынужден сделать и второй, чтобы через шесть лет оказаться как первым среди ее победителей, так и первым по количеству жертв, понесённых руководимой им страной.

[39] Оглашению подлежит: СССР – Германия, 1939–1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. С. 86.

[40] Britannica. Большой иллюстрированный энциклопедический словарь. 2009. С. 235.

[41] Для управления страной Гитлер разделил её территорию на административные единицы Gau – область, край, округ.

[42] *Стариков Н.В.* Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. СПб., 2013. С. 284, 285.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И.* История международного права. М., 1990. С. 159.
2. *Безыменский Л.* Августовское предложение Гитлера Лондону // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 49.
3. *Богуславский К.* Черный передел: версия 1939 года // Дилетант. 2019. № 47. С. 18.
4. *Кольяр К.* Международные организации и учреждения / пер. с франц. М., 1972. С. 81, 82.
5. *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении / пер. с нем. В.Э. Грабаря. Рига, 1923. С. 106.
6. Нюрнбергский процесс: сб. материалов. М., 1951. Т. 2.
7. *Овсяный И.Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1971. С. 301.
8. Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 59, 75, 86.
9. Разделенная Речь // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2020. № 10 (70). С. 48, 49.
10. *Риббентроп И. фон* Мемуары нацистского дипломата / пер. с нем. Г.Я. Рудого. Смоленск; М., 1998. С. 185–189, 240, 363, 365, 431, 443.
11. *Родионов К.С.* О начале Второй мировой войны: историко-правовое исследование. Часть первая // Государство и право. 2020. № 8. С. 91.
12. *Стариков Н.В.* Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. СПб., 2013. С. 284, 285.
13. *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997. С. 75.
14. *Шевченко К.* Под гнетом польских оккупантов // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2020. № 10 (70). С. 50–55.
15. *Шмидт П.-О.* Переводчик Гитлера: статист на дипломатической сцене. М., 2020. С. 148, 164–166, 170, 171, 173, 174, 176, 178–180, 188–191, 203.
16. Britannica. Большой иллюстрированный энциклопедический словарь. 2009. С. 235.

REFERENCES

1. *Baskin Yu. Ya., Feldman D.I.* History of International Law. M., 1990. P. 159 (in Russ.).
2. *Bezymensky L.* Hitler's August Offer to London // International life. 1989. No. 8. P. 49 (in Russ.).
3. *Boguslavsky K.* Black peredel: the version of 1939 // Dilettante. 2019. No. 47. P. 18 (in Russ.).
4. *Kollar K.* International organizations and institutions / transl. from the Frants. M., 1972. P. 81, 82 (in Russ.).
5. *List F.* International Law in a systematic presentation / transl. from German by V.E. Grabar. Riga, 1923. P. 106 (in Russ.).
6. The Nuremberg trial: collection of materials. M., 1951. Vol. 2 (in Russ.).
7. *Ovsyaniy I.D.* The secret in which the war was born. M., 1971. P. 301 (in Russ.).
8. Subject to disclosure: USSR – Germany. 1939–1941. Documents and materials / comp. Yu. Felshtinsky. M., 1991. P. 59, 75, 86 (in Russ.).
9. Divided Speech // Istorik. Journal about the current past. 2020. No. 10 (70). P. 48, 49 (in Russ.).
10. *Ribbentrop I. von* Memoirs of a Nazi diplomat / transl. from the German G. Ya. Rudogo. Smolensk; M., 1998. P. 185–189, 240, 363, 365, 431, 443 (in Russ.).
11. *Rodionov K.S.* About the beginning of the Second World War: a historical and legal study. Part One // State and Law. 2021. No. 6. P. 101 (in Russ.).
12. *Starikov N.V.* Who made Hitler attack Stalin. SPb., 2013. P. 284, 285 (in Russ.).
13. *Sudoplatov P.A.* Special operations. Lubyanka and the Kremlin. 1930–1950. M., 1997. P. 75 (in Russ.).
14. *Shevchenko K.* Under the yoke of the Polish occupiers // Istorik. Journal about the current past. 2020. No. 10 (70). P. 50–55 (in Russ.).
15. *Schmidt P.-O.* Translator of Hitler: an extra on the diplomatic scene. M., 2020. P. 148, 164–166, 170, 171, 173, 174, 176, 178–180, 188–191, 203 (in Russ.).
16. Britannica. A large illustrated Ecyclopedic dictionary. 2009. P. 235 (in Russ.).

Сведения об авторе

РОДИОНОВ Константин Семёнович –
кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

RODIONOV Konstantin S. –
PhD in Law, Professor, leading researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 150–163
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 150–163

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПЕРИОД X – НАЧАЛА XX В.

© 2021 г. Р. Г. Асланян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

Поступила в редакцию 07.12.2020 г.

Аннотация. В статье исследуются исторические аспекты формирования и развития Особенной части российского уголовного права. В основе анализа – памятники права X – начала XX в. и литературные источники. Исследование развивается в трех основных направлениях: а) соотношение закона и иных форм выражения уголовно-правовых предписаний (здесь выявлен процесс перехода от обычаев к закону как единственному средству выражения уголовно-правовых норм); 2) виды и система уголовных законов (здесь показан переход от межотраслевых законов к формированию специализированного Уголовного кодекса); 3) систематизация уголовно-правовых предписаний (здесь раскрываются вопросы классификации преступлений и структуризации уголовно-правовых институтов). В качестве основного итога резюмировано, что к началу XX в. в стране была не только реализована идея создания самостоятельного уголовного закона, но также, во-первых, воплощен на практике принцип пандектного его строения, предполагающий вычленение в структуре Кодекса его Особенной части и, во-вторых, принцип построения самой Особенной части, исходя из институционального строения отрасли и содержания охраняемых законом благ.

Ключевые слова: исторический метод в праве, история Особенной части уголовного закона, история уголовно-правовой науки, систематизация уголовно-правовых норм, классификация преступлений, институты уголовного права.

Цитирование: *Асланян Р.Г.* Формирование и развитие Особенной части уголовного права в период X – начала XX в. // Государство и право. 2021. № 8. С. 150–163.

DOI: 10.31857/S102694520012925-8

FORMATION AND DEVELOPMENT OF A SPECIAL PART OF CRIMINAL LAW IN THE PERIOD OF THE X – BEGINNING OF THE XX CENTURY

© 2021 R. G. Aslanyan

Kuban state University, Krasnodar

E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

Received 07.12.2020

Abstract. The article examines the historical aspects of the formation and development of a Special part of the Russian Criminal Law. The analysis is based on legal monuments of the X – beginning of the XX century and literary sources. The research is developing in three main directions: a) the ratio of the law and other forms of expression of criminal law prescriptions (here the process of transition from customs to the law as the only means of expressing criminal law norms is revealed); 2) types and system of criminal laws (here the transition from intersectoral laws to the formation of a specialized Criminal Code is shown); 3) systematization of criminal law regulations (here the issues of classification of crimes and structuring of criminal law institutions are revealed). As the main result, it is summarized that by the beginning of the XX century, the idea of creating an independent criminal law was not only implemented in the country, but also, firstly, the principle of its pandect structure was put into practice, suggesting the isolation of its Special part in the structure of the Code and, secondly, the principle of building the most Special part, based on the institutional structure of the industry and the content of goods protected by law.

Key words: historical method in law, history of a Special part of the criminal law, history of criminal law science, systematization of criminal law norms, classification of crimes, institutions of criminal law.

For citation: *Aslanyan, R.G. (2021).* Formation and development of a Special part of criminal law in the period of the X – beginning of the XX century // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8. pp. 150–163.

Введение

Поиск и обоснование перспективных направлений совершенствования уголовного законодательства не может осуществляться без опоры на богатый исторический опыт решения проблем противодействия преступлениям. В конце XIX столетия один из виднейших отечественных юристов А.Ф. Кистяковский писал: «Только история может дать объяснение причин как современного состояния уголовного права, так и состояния его в предшествовавшие периоды. <...>. История... дает данные для оценки как старых, так и новых теорий и учений уголовного права»[1]. Исторический опыт бесценен не только при решении частных вопросов криминализации и пенализации отдельных деяний, но и при освещении общих проблем формирования и систематизации уголовно-правовых норм. В современных условиях, когда поток внесенных в уголовный закон изменений, по согласованному мнению едва ли не всех специалистов, существенно подорвал начала системности отрасли уголовного права[2], этот опыт представляется актуальным, а изучение проблем структуры и системы уголовного закона в контексте проблем генезиса и эволюции отрасли приобретает качества важной исследовательской задачи.

История уголовного права вообще и история его Особенной части в известной степени являют собой единый в содержательном отношении процесс зарождения и развития уголовно-правовых запретов. До определенного момента, а именно до структурного обособления Особенной части в системе уголовного закона, эти процессы в принципе были неразличимы. Формирование Особенной части одновременно являло собой формирование уголовного права как целого и наоборот. Более того, стоит учитывать, что уголовно-правовое содержание является доминирующим во всем объеме памятников права раннего средневековья, в связи с чем не то, что обособление Особенной части уголовного права, но и выделение уголовного права как такового – методологически сложная задача, решение которой может быть исключительно условным. Раннее право по природе своей синкретично, цельно, нераздельно, объединяет предписания, которые ныне могут быть отнесены к различным отраслевым положениям, вбирает в себя не только собственно правовые нормы, но и иные социальные регуляторы – от правовых обычаев до моральных установлений[3].

Приступая с учетом этих оговорок к собственному анализу, отметим, что в центре внимания – процесс зарождения и развития Особенной части уголовного права как определенной формы представления уголовно-правовых запретов. Именно на основные характеристики этой формы, причем с точки зрения ее современного понимания мы и сделали акцент. Полагаем, что оптимальному раскрытию темы в данном случае будет способствовать анализ таких проблем, как соотношение закона и иных форм выражения уголовно-правовых предписаний; виды и система уголовных законов; систематизация уголовно-правовых предписаний и формирование институтов Особенной части.

Что касается хронологических рамок исследования, то они определены нами, исходя из необходимости дифференцированного анализа положений, прежде всего досоветского и советского уголовного права, а также тем обстоятельством, что именно в период с X по начало XX в. сложились все основные элементы системы Особенной части уголовного права. В целом же вопрос о периодизации истории уголовного права – вполне самостоятельный и в его решении, как известно, высказано несколько несовпадающих мнений[4]. Однако в контексте решаемых в настоящей статье задач достаточно обозначить лишь наиболее значимые вехи в многовековой истории уголовного права: X–XVIII вв. – период зарождения Особенной

[1] *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением начал Русского уголовного законодательства. Часть Общая. 2-е испр. и значительно доп. изд. Киев, 1882. С. 41.

[2] См.: *Bezverkhov A.G., Norvartyan Yu.S.* Systematicity of the Criminal Legislation of Russia: Methodology Issues // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Т. 12. № 3. С. 325–342.

[3] См.: *Андрианов В.К.* Закономерности развития запретительно-карательных институтов социального регулирования: от табу к уголовному праву // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 121–127; *Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В.К.* Закономерности возникновения уголовного права // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 6 (24). С. 26–35.

[4] См., напр.: *Кораблев Р.Н.* К вопросу о периодизации уголовного права в рамках становления и развития институтов Особенной части // Пробелы в росс. законодательстве. 2015. № 4. С. 191–194; *Кириенко М.С.* Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015; *Сизова В.Н.* Система Особенной части российского уголовного законодательства. М., 2021.

части, характеризующийся накоплением нормативного материала; 1813–1845 гг. – период обособления Особенной части в структуре уголовного права; 1845 г. и далее – период развития Особенной части в системе уголовного права.

Соотношение закона и иных форм выражения уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права

В науке убедительно доказано, что русское право, равно как и право иных народов, на ранних этапах своей истории носило характер правовых обычаев, проистекающих из повседневной социальной практики, освещенных религиозным и мифологическим символизмом. При этом исторически само формирование правовых обычаев происходило так, что первоначально кристаллизировались именно запреты, и лишь впоследствии возникают некоторые позитивные обязывания и дозволения[5]. Нормальный, соответствующий природе человека и социума порядок вещей состоял в возможности проявления неограниченной свободы человека, которая тем не менее не должна была выходить за некоторые естественные рамки, угрожавшие самому существованию человека и общества. Эти рамки и фиксируются в первую очередь в сознании древнего человека. Объективируются они, как известно, в форме запретов или табу. Следует согласиться с тезисом о том, что «именно табу, со свойственными им категоричностью и неукоснительным требованием соблюдения, выступили в системе первобытных норм в качестве предпосылки появления в дальнейшем уголовно-правовых запретов и, следовательно, «прародителей» самого уголовного права, которое началось с их формулирования»[6]. Первобытные табу по мере роста начал цивилизации, возникновения и утверждения государственной формы управления обществом трансформируются в обычаи.

Специальные исследования древнерусских обычаев на предмет презентации их уголовно-правового содержания[7] позволяют составить в целом вполне прогнозируемое представление о бытовавших запретах. Среди них: убийство, похищение девиц, небрачное сожительство, срамословие, еда нечистой пищи, подобный звериному образ жизни, кражи и некоторые другие. Вполне логично, что эти запреты касались по преимуществу двух основных групп деяний: причиняющих вред личности и нарушающих владельческие отношения. Они восходили к общему пониманию преступного деяния как «обиды» или как нарушения частных интересов и в своей совокупности вполне удовлетворяли потребности членов общества в обеспечении личной безопасности и поддержании социального мира.

Последующее усложнение социальной организации общества, связанное с формированием государства, потребовало уже иных средств регуляции социальных отношений. В качестве таковых стали выступать нормы писанного права, проистекающие от княжеской власти. Вытеснение обычаев писанными законоположениями происходило, разумеется, не одномоментно, да и в содержательном отношении эти две системы норм до определенного момента совпадали. Не случайно один из первых славянских памятников фиксированного права – Русская правда признается сводом по преимуществу норм обычного права. По мнению ряда специалистов, обычное и княжеское право не только дополняли друг друга, но в некотором смысле были противопоставлены, ориентируясь на решение несовпадающих социальных задач (регулирование внутриобщинных и межобщинных споров, внутригосударственных и межгосударственных отношений)[8]. По мере сжатия «зоны согласия», которая питала силу обычая, по мере социального расслоения, нарастания противоречий между отдельными племенами, родами, общинами в составе Древнерусского государства юридическая сила обычая уменьшалась, и устная правовая традиция все менее отвечала потребностям в сохранении порядка и регулировании общественных отношений[9]. Требовались иные инструменты социального администрирования, в качестве которых все активней стало использоваться «княжое право», которое было уже немыслимо вне письменной формы. Запись не только обеспечивала техническую потребность в фиксации обычных правовых норм и значительным образом облегчала их применение в судах, но что не менее важно, она позволяла создавать, моделировать новые правила поведения, отменять общеобязательность существовавших обычаев и придавать таким нормативным решениям характер официальности, вплоть до сакральности.

Зарождение письменного права стало «поворотным пунктом» в истории Особенной части уголовного права. Разумеется, появление Русской правды, княжеских уставов и грамот не привело к полному вытеснению обычая из практики регулирования уголовно-правовых отношений, но существенным

[5] См.: *Явич Л.С.* Право и социализм. М., 1982. С. 12, 13.

[6] *Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е.* Закономерности уголовного права. М., 2019. С. 65.

[7] См.: *Георгиевский Э.В.* Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М., 2013. С. 27–42.

[8] См. об этом: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 418; *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси: лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 439.

[9] См.: *Пудовочкин Ю.Е.* Учение об уголовном законе: лекции. М., 2014. С. 12.

образом изменило, во-первых, сам характер этих обычаев, а во-вторых, их соотношение с писаными источниками в деле выражения уголовно-правовых запретов. Можно утверждать, что с этого момента сам обычай отчетливо распадается на два неравноценных в уголовно-правовом смысле вида: с одной стороны, это т.н. «народный обычай», который с появлением писанных актов утрачивает свойство репрезентации уголовно-правовых норм, а с другой – собственно «юридический» или, как его иначе называют, «судебный» обычай, который становится важным средством развития, конкретизации и дополнения системы писаного права.

Взаимоотношения между нормативным актом и судебными решениями в эпоху средневековья не могут восприниматься линейно в том плане, что вторые всегда следовали за первым. Специалисты признают творческую силу судебных решений и факт фиксации в писаных актах как конкретных судебных постановлений, так и постановлений, которым придавалось всеобщее значение[10]. Не исключается и непосредственное применение судебных обычаев в ситуациях пробельности нормативных актов. Только к середине XVI в. взаимоотношение этих форм выражения права получает официальную регламентацию. В ст. 98 Судебника 1550 г. впервые было установлено твердое правило: разрешать все дела на основании норм Судебника, «а которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государеву докладу и со всех бояр приговору вершатся, и те дела в сем Судебнике приписывати»[11]. О том, насколько это требование было реально выполнимо и насколько оно соблюдалось, о том, насколько были возможны своевременные и единообразные «приписки» к Судебнику, специалисты высказывают критические суждения[12]. Но нам важно зафиксировать сам факт: середина XVI в. – это время, когда именно закон, т.е. писаный нормативный акт, принятый в установленном порядке, признается единственным легитимным источником права вообще и уголовного права в частности. Отныне все уголовно-правовые запреты должны быть выражены в законе, а закон должен стать единственной формой выражения Особенной части уголовного права.

Эта идея пронизывает все последующее развитие права. Так, правила ст. 98 Судебника были подтверждены в Соборном уложении 1649 г. В ст. 1 и 2 гл. X «О суде» значилось: «судом судити и росправа делати по Государеву указу вправду, а своим вымыслом в судных делех по дружбе и по недружбе ничего не прибавляти, ни убавляти»; «а спорныя дела, которых в приказех зачем вершити будет не мощно, взносити из приказов в доклад к государю царю... и к его государевым бояром и окольничим и думным людем. А бояром и окольничим и думным людем сидети в палате, и по государеву указу государевы всякия дела делати всем вместе»[13]. 17 апреля 1722 г. Петр I издает Указ «О хранении прав гражданских...», в котором предписывает: «Сим указом, яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякия дела вершить и располагать не против регламентов, и не точию решить, ниже в доклад выписывать то, что уже напечатано... Буде же в тех регламентах что покажется темно, или такое дело, что на оное яснаго решения не положено: такия дела не вершить, ниже определять, но приносить в Сенат выписки о том; где повинны Сенат собрать все Коллегии и об оном мыслить и толковать под присягою, однакож не определять, но положа например свое мнение, объявлять Нам, и когда определим и подпишем, тогда оное напечатать и приложить к регламентам, и потом в действо по оному производить»[14].

Эти законодательные решения, разумеется, не исключили судебные обычаи из разряда источников Особенной части уголовного права, но придали им подчиненное, в известной степени второстепенное значение. Судебный обычай был лишен статуса формы права, определяющей преступность и наказуемость деяний. Но сохранил свое значение и до ныне в качестве некоего правоприменительного образца. А это перенаправило энергию противостояния закона и обычая в иное русло, в область соотношения законодательной и судебной власти в части установления содержания и границ судебного толкования закона. Известная и неутихающая дискуссия о роли и значении судебной практики, решений Верховного Суда РФ и постановлений Пленума Верховного Суда в разрешении проблем уголовно-правового регулирования – прямое тому подтверждение.

Виды и система уголовных законов

Возникновение и утверждение законов в качестве источников уголовного права дает возможность в качестве отдельного направления (аспекта)

[10] См. об этом: *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 13–17.

[11] Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 4. Памятники права периода крепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. / сост. А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.И. Копанев, А.Г. Поляк; под ред. и с предисл. Л.В. Черепнина. М., 1956. С. 260.

[12] См.: *Фельдштейн Г.С.* Указ. соч. С. 18.

[13] Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. и с предисл. К.А. Софроненко; подгот. Е.Г. Баскаковой и др. М., 1957. С. 77.

[14] Там же. Вып. 8. Законодательные акты Петра I, первая четверть XVIII в. / под ред. и с предисл. К.А. Софроненко; подгот. Н.А. Дурманов и др. М., 1961. С. 208, 209.

истории Особенной части уголовного права выделить историю именно законодательства. В целях нашего исследования целесообразно выделить два основных направления такого анализа, восходящие, с одной стороны, к эволюции понятия преступления и юрисдикции государства по уголовным делам, а с другой – к видам и системе собственно уголовных законов.

Первое направление исторически предопределено тем, что область государственной юрисдикции по рассмотрению уголовных дел формировалась постепенно и никогда не была равной в своем объеме. Помимо собственно государства значительный объем «права на наказание» принадлежал в истории России и иным субъектам: церкви, семье, помещикам, фабрикантам и др.

Так, с момента принятия христианства на Руси происходит формирование особой сферы церковной юрисдикции. По этому поводу Я.Н. Щапов писал: «Церкви на Руси в X–XII вв. удалось нащупать... сферы права, которые государство, княжеская власть оставила вне своих интересов, и наложить свою руку на большую группу общественных институтов, не встретив со стороны государства препятствия»[15]. К области церковного суда на основании Уставов князя Владимира и князя Ярослава относилась весьма обширная группа посягательств: супружеская измена, похищение девушки и чужой жены, изнасилование, внутрисемейное насилие, браки между родственниками, принуждение к вступлению в брак, позорные оскорбления, посягательства на имущество церкви[16].

По мере закрепощения крестьянства и нормативного оформления сословий развивалась и сфера помещичьего суда. Специальные исследования доказывают наличие широких пределов судебной власти частных лиц, которая выражалась в праве господина судить зависимых от него людей, причем власти, основанной на государственных установлениях, поддерживаемой государством. Так, Указ 1736 г. предоставлял помещикам право наказания крепостных за побег, Указ 1760 г. дозволил ссылать крепостных в Сибирь, Указ 1765 г. предоставил право ссылать крепостных в каторжную работу «за предерзостное состояние»[17].

Эти и иные нормативные акты, определяющие область церковной, помещичьей и т.д. юрисдикции, описанные в них деяния, составляют особый «срез» уголовного права. Санкционируя суд за совершение таких деяний, государство признавало их неправомерность, поддерживая карательные санкции, уравнивало их по степени опасности с преступными деяниями, но выделяя в отдельную и формально – негосударственную область судопроизводства вместе с тем и отделяло от уголовно-противоправных деяний. Такая двойственность затрудняет определение правовой природы исследуемых нормативных актов и не позволяет категорично и однозначно решать вопрос о возможности признания их источниками уголовного права, а предусмотренные в них составы правонарушений – компонентом системы Особенной части уголовного права. Однако необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство: разграничивая виды судопроизводства, государство, пусть и не всегда отчетливо, стремилось, тем не менее оставить за собой эксклюзивное право определения видов правонарушений, которые подлежат различным судам. Тот факт, что границы составов правонарушений могли быть определены весьма свободно и предоставляли суду широкие полномочия по их толкованию, а следовательно, и реальному определению сферы «преступного», не должен в данном случае смущать. Он вполне укладывается в общую логику развития права. Генеральная же линия развития Особенной части уголовного права выражается четко: признавая «карательную власть» отдельных социальных институтов, государство, во-первых, стремилось проводить курс на ее ограничение за счет самостоятельного формирования номенклатуры правонарушений; а во-вторых, ограничивало саму область «иной» юрисдикции за счет расширения предметной подсудности государственных (общих) судов. В конечном счете это привело к формированию единой и единственно возможной в стране системы уголовно-правовых запретов, единственной легитимной системы Особенной части уголовного права.

Между тем существовавший на протяжении длительного времени и в полной мере не исчезнувший ныне факт наличия параллельных юрисдикций и параллельных систем правовых запретов, обложенных карательными санкциями, в теоретическом отношении вызвал еще в XIX столетии широкую дискуссию о правовой природе запретов и правонарушений, которые находятся за пределами формального уголовного закона и являются предметом рассмотрения иных, нежели суд по уголовным делам, органов. Эта дискуссия известна как спор о «видах неправды» и видах «уголовно

---

[15] Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 140.

[16] См.: Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. и с предисл. С.В. Юшкова. М., 1952. С. 237, 238; 259–262.

[17] *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах (по изд. 1957 г.). СПб., 1995. С. 746.

наказуемой неправды»[18]. Она не только в полной мере не завершена, но и, напротив, многократно обострилась в связи с широко обсуждаемой практикой Европейского Суда по правам человека в части формирования и толкования понятия «уголовная сфера», в связи с вопросом о соотношении преступлений и административных правонарушений с практикой установления и применения неуголовно-правовых последствий совершения преступлений и осуждения. Не вторгаясь в обсуждение этих сложных проблем, отметим, что проблема несовпадения «уголовного содержания» и «уголовно-правовой формы» представления запретов имеет давнюю историю и уходит корнями в ранний период формирования уголовного права как отрасли. Она же свидетельствует о возможности и оправданности разделения законов на источники Особенной части в «узком» и «широком» смыслах, а следовательно, и перейти ко второму из выделенных выше направлений анализа – о видах и системе собственно уголовных законов в их стандартном, классическом понимании.

Обозревая историю законов, презентующих нам содержание Особенной части уголовного права, представляется возможным выделить как минимум две значимые тенденции.

Первая и наиболее важная состоит в развитии отраслевой специализации законов. Памятники права Древнерусского государства, удельных русских княжеств и феодальных республик, Московского царства являли собой синкретичные по содержанию документы, охватывающие своим содержанием нормы, относящиеся к самым разным сферам правоотношений, причем нормы по преимуществу казуальные. Это законы, содержащие уголовно-правовые нормы, но не уголовные законы в строгом смысле слова.

Между тем следует подчеркнуть, что даже в этих сборных памятниках права изложение нормативного материала не было полностью хаотичным и содержало определенные начала систематизации. Это находило выражение прежде всего в относительно компактном представлении и группировке норм, относящихся к вопросам уголовно-правового регулирования. Так, например, в ст. 5–7 краткой редакции Русской правды сосредоточены правила об ответственности за телесные повреждения, в ст. 19–21 – об ответственности за убийство[19]. В Судебнике 1497 г. ст. 8–11 посвящены борьбе с убийствами и кражами[20].

Наиболее показательным в рассматриваемом плане является, безусловно, Соборное уложение 1649 г.[21] В этом документе мы наблюдаем не просто ассоциативную группировку уголовно-правовых предписаний, но вполне оформленную в структурном отношении, с выделением самостоятельных глав, презентацию уголовно-правовых норм. Они вполне компактно изложены в гл. 1 «О богохульниках и церковных мятежниках», гл. 2 «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать», гл. 3 «О государеве дворе, чтобы на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было», гл. 4 «О подпищеках, которые печати подделывают», гл. 5 «О денежных мастерех, которые учнут делати воровские денги», гл. 21 «О разбойных и татиных делах» и гл. 22 «Указ за какие вины кому чинить смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказанье».

Но, пожалуй, первый собственно уголовный кодекс, систематизированный нормативный документ, максимально «очищенный» от предписаний неуголовно-правового характера, демонстрирует нам Вторая книга Воинского устава Петра I, известная как Воинский артикул с кратким толкованием (1715 год)[22]. А.А. Герцензон прямо назвал Артикулы «в полном смысле Уголовным кодексом без общей части, каковой в то время не было и в западноевропейских уголовных кодексах»[23]. Это крайне важно. Если допустимым образом гиперболизировать оценки законотворческой деятельности Петра I, то можно утверждать, что его эпоха положила конец крупным, единым межотраслевым сборникам законов и открыла период подготовки и представления нескольких сборников предписаний, по преимуществу отраслевых.

С этого момента идея самостоятельного, отраслевого уголовного закона стала доминирующей. Ее официальное признание и первое полноценное нормативное воплощение произойдет позже, в 1832 г., в связи с изданием т. XV Свода законов Российской империи, который целиком

[18] См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. / Н.С. Казанцев; сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. М., 1994. Т. 1. С. 42–57.

[19] См.: Правда Русская: в 2 т. Т. II. Комментарии / сост. Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин и др.; под ред. Б.Д. Грекова. М.–Л., 1946. С. 71–75, 130–158.

[20] См.: Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / сост. В.Н. Автократов, А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.Г. Поляк; ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. С. 347, 348, 380–382.

[21] См.: *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года: учеб. пособие для высш. школы. М., 1961.

[22] См.: Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 8.

[23] Уголовное право. Общая часть. 4-е изд., перераб. / под ред. В.Д. Меньшагине. М., 1948. С. 76.

и полностью будет посвящен вопросам регламентации уголовно-правовых отношений. В последующем потребность в отдельных, самостоятельных, полностью уголовных в своем содержании кодексах станет неоспоримой.

Вторая тенденция развития отраслевых, уголовно-правовых законов состоит в том, что на всем протяжении истории единый кодифицированный уголовный закон сосуществовал со множеством иных, неинкорпорированных в кодекс нормативных актов. Сосуществование и противостояние единого кодекса и множества отраслевых источников существенным образом влияло на все аспекты функционирования уголовно-правовой системы. В связи с этим и система Особенной части уголовного права никогда не выражалась в полном объеме в главном, основном уголовном законе – будь то Русская правда или Воинские артикулы. Наряду с этими «ядерными» кодексами имели место и «периферийные» источники, в которых содержались уголовно-правовые запреты, дополнявшие, корректировавшие общую систему и лишь в совокупности своей позволяющие судить о системе Особенной части уголовного права того или иного периода.

Так, например, во второй половине XVI – начале XVII в. наряду с Судебником 1550 г. уголовно-правовые запреты содержались в Приговоре о разбойных делах 1555 г., Указе о татебных делах 1555 г., Уставных книгах Разбойного приказа 1616–1617 гг., постановлениях Стоглавого собора 1551 г.[24] Артикулы Петра I дополнялись не только результатами активной законотворческой деятельность императора, издавшего в сфере уголовного права 392 указа[25], но также Соборным уложением 1649 г., Новоуказными статьями о татебных, разбойных и убийственных делах 1669 г. Даже на рубеже XIX–XX столетий мы фиксируем множественный характер источников российского уголовного права, включающий не только Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., но также военно-уголовное законодательство, Сельско-судебный устав, уголовное законодательство отдельных частей Российской Империи (Великого Княжества Финляндского, Царства Польского).

Такое многообразие источников выражения Особенной части уголовного права в законах вносит свои коррективы в представления о системе самой Особенной части, заставляя выделять в ней определенное «ядро», т.е. нормативные предписания, которые составляют элемент главного, центрального источника, и все остальные. Однако в целях дальнейшего изучения заявленной темы представляется возможным до известных пределов пренебречь этой сложной структурой и сосредоточить основное внимание на центральном компоненте системы Особенной части.

Систематизация уголовно-правовых предписаний и формирование институтов Особенной части

Обращаясь к вопросу о внутренней систематизации уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права, целесообразно выделить два основных направления предстоящего анализа. Во-первых, это систематизация, а точнее классификация преступлений, вытекающая из положений уголовного законодательства, а во-вторых, это систематизация самих уголовно-правовых норм Особенной части уголовного права. До определенного момента, а если быть точным, то до Соборного уложения 1649 г., эти два направления составляют единый аспект анализа. Далее они в некоторой степени расходятся, поскольку систематизация преступлений и систематизация уголовно-правовых норм приобретают относительно самостоятельное значение.

Памятники русского права киевского и московского периодов российской истории излагали список преступлений относительно свободным образом, не выделяя в структуре законов структурных единиц выше статьи. В этой связи представление о структуре и системе Особенной части уголовного права может быть реконструировано только теоретическим путем, с применением приема классификации преступлений.

Систему Особенной части русского уголовного права периода Киевской Руси вполне убедительно изложил М.Ф. Владимирский-Буданов: «Классификация преступлений делается в Русской правде на основании их объектов; уже древнейшая Правда держится в этом случае определенной системы, рассматривая сначала преступления против личных прав: убийство, нападение на здоровье и на честь, затем преступления имущественные»[26]. И далее: на основе норм Русской правды и иных источников уголовного права он воспроизводит следующую группировку преступных деяний: 1) преступления против жизни; 2) против здоровья; 3) против чести; 4) против свободы; 5) против прав имущественных; 6) против прав государства; 7) против веры; 8) против семейного права и нравственности.

Такая система в целом сохранялась достаточно долго, в т.ч. ввиду продолжительности действия самой Русской правды в качестве источника права. Но

[24] См.: *Рожнов А.А.* История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв.). М., 2012. С. 27, 28.

[25] См.: *Ромашкин П.С.* Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 16.

[26] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 317, 318.

напомним еще раз: это система подчеркнуто теоретическая, не нормативная. В Соборном уложении впервые встречаем попытку не просто перечислить уголовно-правовые предписания, но и сгруппировать их определенным образом уже непосредственно в тексте самого закона. Как было показано выше, минимум семь глав этого объемного документа имели заголовки, прямо указывающие на существо запрещенных этими главами деяний. Вместе с тем с учетом уровня теоретической обработки нормативного материала в Уложении сама структура этого документа не дает полного представления о системе предусмотренных в нем преступных деяний, ибо отдельные преступления фиксировались в главах, наименование которых не имеет прямого отношения к уголовному праву, в то время как в иных главах (например, в гл. 22) было сосредоточено несколько видов преступлений. Некоторые авторы пишут, что такая классификация включает в себя: преступления против религии и церкви, преступления государственные, преступления по службе, против интересов частных лиц (жизни, здоровья, нравственности, имущественных прав)[27].

В Воинском артикуле Петра I нормативные предписания также изложены в определенном порядке: преступления против религии и церкви (гл. 1, 2), преступления против императора (гл. 3), воинские преступления (гл. 4–15), преступления против безопасности государства (гл. 16), преступления против общественной безопасности и порядка (гл. 17), преступления против чести и достоинства (гл. 18), против жизни (гл. 19), половые преступления (гл. 20), преступления против собственности (гл. 21), преступления против правосудия и управления (гл. 22). Такая структура закона, учитывая, что сами Артикулы есть преимущественно уголовно-правовой нормативный акт, уже гораздо полнее и четче, вплоть до полного совпадения, отражает систему Особенной части и систему самого закона (хотя, разумеется, отступления от этой общей логики в тексте памятника еще встречаются).

Этот момент представляется особенно важным в свете рассматриваемой нами темы и свидетельствует о важном этапе в истории особенной части уголовного права. Если в ранних памятниках права складывалась по большей части инстинктивная группировка норм без выделения законодательных рубрик, в Соборном уложении был отчетливо выражен опыт нормативной структуризации текста с попыткой соотнести элементы структуры закона с элементами системы Особенной части, то в Артикулах мы можем наблюдать первый, вполне завершенный опыт полного отражения системы Особенной части в структуре нормативного правового акта. Можно вполне уверенно утверждать, что именно в этом памятнике впервые уголовное право было полноценно представлено в качестве институционной системы и была создана платформа для последующего формирования системы институтов Особенной части уголовного права в рамках пандектной системы права[28].

Перестройка системы российского уголовного права по пандектному принципу составляет основное содержание отдельного периода в его истории, охватывающего 1813–1845 гг., хотя предпосылки к этому зрели и ранее. Потребность в обновлении и систематизации российского законодательства остро ощущалась уже при Петре I, который положил начало деятельности многочисленных комиссий по составлению нового Уложения. С разными нюансами перед этими комиссиями ставилось две основные задачи: свести в единый свод все изданные нормативные акты и сгруппировать их в отдельные «книги законов», исходя из отраслевого принципа строения права, при этом необходимость составления «книги законов уголовных» никогда не оспаривалась.

Более или менее очевидные результаты деятельности этих комиссий проявили себя только в первой трети XIX столетия, когда юридической общественности были продемонстрированы, как минимум, два проекта уголовного кодекса, основанные на принципиально иной, нежели средневековые памятники, структуре. Первый – проект Уголовного уложения Генриха Якоба (известный как проект 1813 г.) и второй – проект, составленный Григорием Ячейковым[29]. Оба они исходили из уже апробированной в теории и зарубежном праве идеи вычленения в структуре уголовного закона его Общей и Особенной части. Проект 1813 г. состоял, к примеру, из трех частей: «Основания уголовного права», «О наказаниях за государственные и общественные преступления», «О наказаниях за частные преступления»[30]. Тем самым впервые в российской юридической истории в структуре уголовного закона предлагалось выделить его Особенную часть в современном ее понимании.

Такое структурное оформление уголовного закона не было для юридической общественности абсолютно неведомым. Уже в проекте Уголовного Уложения, который был в общих чертах

[27] См.: Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. / отв. ред. В.С Нерсесянц. М., 1986. С. 161.

[28] См.: *Кораблев Р.Н., Диваева И.Р.* К вопросу становления и развития институтов особенной части уголовного права во второй половине XVIII в. // Евразийский юрид. журнал. 2016. № 6 (97). С. 123–125.

[29] См.: *Солодкин И.И.* Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в). Л., 1961. С. 17.

[30] *Безверхов А.Г., Коростелев В.С.* Проект Уголовного Уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013.

подготовлен комиссией, созванной Екатериной II в 1767–1772 годах, предусматривалось раздельное изложение общих вопросов уголовного права, касавшихся всех родов и видов преступлений, а также специальных вопросов о наказуемости отдельных видов преступлений, причем систематизированных в соответствии с идеями, изложенными в ее знаменитом Наказе: против закона или веры; против нравов; против тишины и спокойства; против безопасности граждан[31]. Развернутое теоретическое обоснование вычленения в уголовных законах Общей и Особенной части изложено в работах И. Бентама, которые вне сомнений, были известны юристам[32]. Был известен к этому времени и опыт составления французского и австрийского уголовного кодексов, построенных на пандектной системе. С учетом всех этих обстоятельств идея разделения уголовного закона на Общую и Особенную часть была в целом поддержана и нашла свое прямое отражение в т. XV Свода законов 1832 г. «Свод законов уголовных»[33], а затем воспроизведена во всех последующих уголовных законах империи – Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (с продолжениями), Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., Уголовном уложении 1903 г.

Выделение в структуре уголовного закона Особенной части как одной из важных вех в истории отрасли не вызвало в отечественной науке XIX столетия сколько-нибудь глубокого теоретического осмысления в качестве нового принципа построения уголовного закона. И. Нейман, к примеру, относился к такому делению как сугубо техническому: «Законы о преступлениях и наказаниях за оные разделяются на две главные части: первая содержит правила о преступлениях и налагаемых за оные наказаниях вообще; вторая имеет предметом положения о разных преступлениях и наказаниях за каждое из них определяемых. Первая из сих частей называется в учебных книгах общею, а вторая особенною частью уголовного права; но выражения сии, сами по себе неясные и не введенные в другие языки просвещенных народов кроме немецкого, оставлены нами как излишние технические слова»[34]. Большинство же авторов просто констатировали свершившееся разделение как факт, не придавая ему, по-видимому, особого правового значения. Подчеркивая тесную и неразрывную связь Особенной и Общей части уголовного закона, специалисты в большей степени обращали внимание на особенности организации науки уголовного права и его изучения. Так, А.Ф. Кистяковский писал: «Часть общая и часть особенная уголовного права – обе занимаются одним и тем же предметом – преступлением и наказанием. Но каждая из них рассматривает их в различном виде, с различных сторон, каждая имеет свои специальные вопросы, хотя материал одной служит и для другой, а учения общей части предполагают существование особенной, для которой они служат фундаментом. Особенная часть, предполагая общие вопросы пройденными, занимается изложением учения о разных родах и видах преступлений в отдельности и о наказаниях им соответствующих. В особенной части рассматриваются и излагаются учения о преступлениях против государства, против личности, против собственности и т.д. В особенную часть входят также и те учения, которые излагаются в общей части, но только в применении к отдельным родам и видам преступлений. Так, в этой части может идти речь об умысле, вине неосторожной покушении, стечении преступников, не в их общей постановке, а в их применении, например, к убийству, поджогу и т.п.»[35].

Такое отношение во многом обусловило в целом незначительное внимание, которое наука XIX в. уделяла вопросам Особенной части уголовного права. Как писал С.В. Познышев, «к сожалению, в настоящее время особенная часть представляется очень неразработанной и, может быть, понадобится еще целое поколение ученых прежде, чем она достигнет всей желательной полноты и высоты развития. Этой неразработанностью и объясняется, что в курсах и очерках особенной части господствующее место занимает положительное право»[36]. Вопросы изучения теории Особенной части уголовного права в литературе того времени ограничивались по преимуществу общим анализом системы Особенной части уголовного законодательства и вопросами классификации преступлений.

В нашу задачу не входит изложение системы Особенной части уголовного законодательства второй половины XIX в. Это, во-первых, заняло бы слишком большое пространство текста работы,

---

[31] См. об этом: *Омельченко О.А.* Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII века // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.П. Титов. М., 1986. С. 32.

[32] См.: *Бентам И.* Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал Законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно Законов. Переведено М. Михайловым. СПб., 1805. Т. 1. С. 296, 306–310.

[33] См.: Свод законов уголовных. СПб., 1832.

[34] *Нейман И.* Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 8, 9.

[35] *Кистяковский А.Ф.* Указ. соч. С. 7.

[36] *Познышев С.В.* Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. 2-е изд., испр. и доп. М., 1909. С. IX.

во-вторых, соответствующий материал легко почерпнуть при знакомстве с памятниками, в-третьих, опыт подобного представления особенной части уже имеется[37]. Нет, пожалуй, оснований и исследовать качество этой системы, особенно оперируя современными представлениями о строении закона. Достаточно, по-видимому, сослаться на свидетельства современников, которые давали в целом не вполне лестные оценки системе Особенной части. По А.Ф. Кистяковскому, «история уголовных законодательств не представляет другого такого сборника уголовных законов, подобного нашему Уложению. По объему оно непомерно и не в пример велико... Уложение наше носит на себе печать работы, в которой видны только самые слабые признаки обобщения. Однородные преступления размещены по разным разделам. Одно и тоже преступление разбито на два, на три, вопреки природе самого преступления, и только на основании ходячего словоупотребления. Оттого нередко границы, отделяющие одно преступление от другого, бывают неуловимы. Редакторы этого усовершенствованного свода... стремились дроблением видов преступлений охватить разнообразные случаи действительной жизни. На деле же вышло, что этим внесено только много путаницы в практику, но главная цель – охватить разнообразие явлений жизни – не достигнута. Даже, напротив, следствие казуистичности постановлений Уложения, некоторые подвиды одного и того же преступления не могут улечься в дробные определения других подвидов и не подходят ни под одно из определений уложения. Вследствие этого наше уложение есть один из самых трудных законов для изучения, один из самых неподдающихся классификации материалов»[38]. Н.А. Неклюдов образно выразился, что «наше Уложение – сырой, непочатый бор, в котором легко заблудиться даже опытному лесничему»[39].

Что же касается вопроса о классификации преступлений в Особенной части российского уголовного права, то важно обратить внимание, что ни один из авторов в своем изложении не следовал институциональному строению Особенной части уголовного закона.

До принятия Свода законов 1832 г. специалисты строили систему Особенной части на основе идей, которые были озвучены в Наказе Екатерины II. Л. Цветаев, в частности, указывал, что «важнейшее и главнейшее разделение преступлений на публичные и приватные руководствует нас к подробнейшему их разделению на 7 следующих видов: 1. Публичных (против веры и бога; против верховной власти (т.е. против государства, государственного постановления и учрежденных чиновников); против самого общества (т.е. против порядка, благоустройства, спокойствия, безопасности, торговли, казны, нравственности, полиции; против политических граждан, против народного права); 2. Приватных (против семейственного права; против лица гражданина; против собственности)»[40].

Однако и в связи с принятием новых уголовных законов, демонстрирующих развернутую систему Особенной части, позиция ученых не изменилась. Деление преступлений на частные, общественные и государственные (с теми или иными несущественными вариациями в названиях) воспроизводят едва ли не все авторы[41].

На несовпадение устоявшейся теоретической и нормативной классификации преступлений обратил внимание А.Ф. Бернер: «Новейшие уголовные уложения стали все более и более отделяться от подразделения отдельных преступлений на особые рубрики, потому что эти общепринятые деления казались им отчасти слишком школьными и неопределенными для практики, отчасти запутанными и отчасти даже ошибочными. Наши законодатели времен настоящих довольствуются тем, что излагают одно преступление за другим в порядке из ближайшего между собой сродства и в возможно широкой связи. <...>. Для изложения уголовного права как науки этот способ отношения к предмету, соответствующий целям законодателя, недостаточен. <...>. Ежели мы не желаем отделаться совершенно от научных требований системы, то нам остается только один исход: расположить отдельные преступления смотря по коренному их характеру. Главнейший пункт, которым может быть определен этот главный характер, заключается в предмете правонарушения: <...> сфера отдельных лиц, семейства, общества, государства и церкви»[42].

---

[37] См., напр.: *Сизова В.Н.* Развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного российского уголовного законодательства (1864–1903 гг.) // Вестник СПбЮА. 2020. № 1 (46); *Сорокина А.В.* Система построения особенной части российских уголовных законов второй половины IX – начала XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2013. № 4 (10).

[38] *Кистяковский А.Ф.* [Рецензия] Руководство к особенной части Русского уголовного права. Магистра прав Н.А. Неклюдова // Сборник Государственных знаний. 1879. Т. 7. С. 45–57.

[39] *Неклюдов Н.А.* Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1. Преступления и проступки против личности. СПб., 1876.

[40] *Цветаев Л.* Начертание теории уголовных законов, изданное для употребления учащихся. М., 1825. С. 8, 19–34.

[41] См.: *Познышев С.В.* Указ. соч. С. IX, X; *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 344.

[42] *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права. С примечаниями дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. II. Часть Особенная. СПб., 1867. С. 3, 4.

Путь построения научной системы Особенной части уголовного права в рассматриваемый период был только намечен, но не пройден. Показательно, что специалисты определили и основное направление такой систематизации, указав на критерий систематизации уголовно-правовых предписаний. Если А.Ф. Бернер признавал им «предмет нарушения» или «сферу» его проявления, то Ф. Лист и М.Н. Гернет уже отмечали, что основанием для деления Особенной части уголовного права выступают «различие юридических благ, защищаемых наказанием и затрагиваемых преступлением», «объект или содержание блага», защищаемого законом[43].

Заключение

Подводя итог исследованию закономерностей формирования Особенной части уголовного права, можно указать основное достижение истории права и науки к середине XIX столетия. К этому моменту была не только реализована идея создания самостоятельного уголовного закона, но также, во-первых, воплощен на практике принцип пандектного его строения, предполагающий вычленение в структуре Кодекса его Особенной части, и, во-вторых, принцип построения самой Особенной части, исходя из институционального строения отрасли и содержания охраняемых законом благ. Вместе с тем научное осмысление системы Особенной части даже к концу XIX в. не сложилось в стройную отраслевую теорию. Причин множество: и общий уровень развития науки, и недостаток исторического времени, и иные приоритеты научного развития и т.д. Важно, однако, зафиксировать, что сама задача изучения Особенной части уголовного права в качестве отдельного предмета науки была поставлена вполне определенно. Решение ее выпало уже на иной исторический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрианов В.К.* Закономерности развития запретительно-карательных институтов социального регулирования: от табу к уголовному праву // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 121–127.
2. *Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е.* Закономерности уголовного права. М., 2019. С. 65.
3. *Безверхов А.Г., Коростелев В.С.* Проект Уголовного Уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013.
4. *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 344.
5. *Бентам И.* Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал Законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно Законов. Переведено М. Михайловым. СПб., 1805. Т. 1. С. 296, 306–310.
6. *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права. С примечаниями дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. II. Часть Особенная. СПб., 1867. С. 3, 4.
7. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 317, 318.
8. *Георгиевский Э.В.* Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М., 2013. С. 27–42.
9. *Гернет М.Н.* Уголовное право. Часть Общая. Лекции, читанные в Народном Университете Московского общества народных университетов. Херсон, 1913. С. 66.
10. *Кириенко М.С.* Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.
11. *Кистяковский А.Ф.* [Рецензия] Руководство к особенной части Русского уголовного права. Магистра прав Н.А. Неклюдова // Сборник Государственных знаний. 1879. Т. 7. С. 45–57.
12. *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением начал Русского уголовного законодательства. Часть Общая. 2-е испр. и значительно доп. изд. Киев, 1882. С. 7, 41.
13. *Кораблев Р.Н.* К вопросу о периодизации уголовного права в рамках становления и развития институтов Особенной части // Пробелы в росс. законодательстве. 2015. № 4. С. 191–194.
14. *Кораблев Р.Н., Диваева И.Р.* К вопросу становления и развития институтов особенной части уголовного права во второй половине XVIII в. // Евразийский юрид. журнал. 2016. № 6 (97). С. 123–125.
15. *Лист Ф.* Учебник уголовного права. Особенная часть. Разрешенный автором перевод с 12 и 13 перераб. изд. Ф. Ельяшевич. М., 1905. С. 1.
16. *Нейман И.* Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 8, 9.
17. *Неклюдов Н.А.* Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1. Преступления и проступки против личности. СПб., 1876.
18. *Омельченко О.А.* Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII века // Вопросы

[43] См.: *Лист Ф.* Учебник уголовного права. Особенная часть. Разрешенный автором перевод с 12 и 13 перераб. изд. Ф. Ельяшевич. М., 1905. С. 1; *Гернет М.Н.* Уголовное право. Часть Общая. Лекции, читанные в Народном Университете Московского общества народных университетов. Херсон, 1913. С. 66.

истории уголовного права и уголовной политики: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.П. Титов. М., 1986. С. 32.

19. Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. и с предисл. С.В. Юшкова. М., 1952. С. 237, 238; 259–262.
20. Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / сост. В.Н. Автократов, А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.Г. Поляк; ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. С. 347, 348, 380–382.
21. Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 4. Памятники права периода крепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. / сост. А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.И. Копанев, А.Г. Поляк; под ред. и с предисл. Л.В. Черепнина. М., 1956. С. 260.
22. Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. и с предисл. К.А. Софроненко; подгот. Е.Г. Баскаковой и др. М., 1957. С. 77.
23. Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 8. Законодательные акты Петра I, первая четверть XVIII в. / под ред. и с предисл. К.А. Софроненко; подгот. Н.А. Дурманов и др. М., 1961. С. 208, 209.
24. *Познышев С.В.* Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. 2-е изд., испр. и доп. М., 1909. С. IX, X.
25. Правда Русская: в 2 т. Т. II. Комментарии / сост. Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин и др.; под ред. Б.Д. Грекова. М.– Л., 1946. С. 71–75, 130–158.
26. *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси: лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 439.
27. *Пудовочкин Ю.Е.* Учение об уголовном законе: лекции. М., 2014. С. 12.
28. *Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В.К.* Закономерности возникновения уголовного права // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 6 (24). С. 26–35.
29. Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. / отв. ред. В.С Нерсесянц. М., 1986. С. 161.
30. *Рожнов А.А.* История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв.). М., 2012. С. 27, 28.
31. *Ромашкин П.С.* Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 16.
32. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 140.
33. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 418.
34. Свод законов уголовных. СПб., 1832.
35. *Сизова В.Н.* Развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного российского уголовного законодательства (1864–1903 гг.) // Вестник СПбЮА. 2020. № 1 (46).
36. *Сизова В.Н.* Система Особенной части российского уголовного законодательства. М., 2021.
37. *Солодкин И.И.* Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в). Л., 1961. С. 17.
38. *Сорокина А.В.* Система построения особенной части российских уголовных законов второй половины IX – начала XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2013. № 4 (10).
39. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. / Н.С. Казанцев; сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. М., 1994. Т. 1. С. 42–57.
40. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года: учеб. пособие для высш. школы. М., 1961.
41. Уголовное право. Общая часть. 4-е изд., перераб. / под ред. В.Д. Меньшагине. М., 1948. С. 76.
42. *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 13–18.
43. *Цветаев Л.* Начертание теории уголовных законов, изданное для употребления учащихся. М., 1825. С. 8, 19–34.
44. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах (по изд. 1957 г.). СПб., 1995. С. 746.
45. *Явич Л.С.* Право и социализм. М., 1982. С. 12, 13.
46. *Bezverkhov A.G., Norvartyan Yu.S.* Systematicity of the Criminal Legislation of Russia: Methodology Issues // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Т. 12. № 3. С. 325–342.

REFERENCES

1. *Andrianov V.K.* Regularities of the development of prohibitive and punitive institutions of social regulation: from taboo to criminal law // Socio-political sciences. 2020. Vol. 10. No. 3. P. 121–127 (in Russ.).
2. *Andrianov V.K., Pudovochkin Yu.E.* Regularities of Criminal Law. M., 2019. P. 65 (in Russ.).
3. *Bezverkhov A.G., Korostelev V.S.* Draft Criminal Code of the Russian Empire of 1813. Samara, 2013 (in Russ.).

4. *Belogrits-Kotlyarevsky L.S.* Textbook of Russian Criminal Law. General and Special parts. Kiev, 1903. P. 344 (in Russ.).

5. *Bentham I.* Reasoning about civil and criminal legislation. With a preliminary presentation of the principles of the Law and the general outline of the complete Book of Laws, and with the addition of experience about the influence of time and place regarding the Laws. Translated by M. Mikhailov. SPb., 1805. Vol. 1. P. 296, 306–310 (in Russ.).

6. *Berner A.F.* Textbook of Criminal Law. Russian Law with notes and additions on the history of Russian law and positive legislation by N. Neklyudov. Vol. II. Special part. SPb., 1867. P. 3, 4 (in Russ.).

7. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the history of Russian law. Rostov n/D., 1995. P. 317, 318 (in Russ.).

8. *Georgievsky E.V.* Formation and development of general provisions of Old Russian Criminal Law. M., 2013. P. 27–42 (in Russ.).

9. *Gernet M.N.* Criminal Law. The General Part. Lectures given at the People's University of the Moscow Society of People's Universities. Kherson, 1913. P. 66 (in Russ.).

10. *Kiriyenko M.S.* The system of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. Omsk, 2015 (in Russ.).

11. *Kistyakovsky A.F.* [Review] Guide to the special part of Russian Criminal Law. Master of Law N.A. Neklyudov // Collection of State knowledge. 1879. Vol. 7. P. 45–57 (in Russ.).

12. *Kistyakovsky A.F.* Elementary textbook of General Criminal Law with a detailed description of the principles of Russian criminal legislation. The General Part. 2nd rev. and significantly additional ed. Kiev, 1882. P. 7, 41 (in Russ.).

13. *Korablev R.N.* On the question of the periodization of Criminal Law in the framework of the formation and development of institutions of a Special part // Gaps in Russ. legislation. 2015. No. 4. P. 191–194 (in Russ.).

14. *Korablev R.N., Divaeva I.R.* On the question of the formation and development of institutions of a Special part of Criminal Law in the second half of the XVIII century // Eurasian legal journal. 2016. No. 6 (97). P. 123–125 (in Russ.).

15. *List F.* Textbook of Criminal Law. A Special part. Authorized by the author translated from 12 and 13 rev. ed. F. Elyashevich. M., 1905. P. 1 (in Russ.).

16. *Neumann I.* The Initial Foundation of Criminal Law. SPb., 1814. P. 8, 9 (in Russ.).

17. *Neklyudov N.A.* A guide to the Special part of the Russian Criminal Law. Vol. 1. Crimes and offences against the person. SPb., 1876 (in Russ.).

18. *Omelchenko O.A.* The criminal policy of "enlightened absolutism" and the development of Russian Criminal Law in the second half of the XVIII century // Questions of the history of Criminal Law and criminal policy: collection of scientific works / ed. Yu. P. Titov. M., 1986. P. 32 (in Russ.).

19. Monuments of Russian law: in the 8 issues. Issue 1. Monuments of the law of the Kiev state. X–XII centuries / comp. A.A. Zimin; ed. and with a preface by S.V. Yushkov. M., 1952. P. 237, 238; 259–262 (in Russ.).

20. Monuments of Russian law: in 8 issues. Issue 3. Monuments of law of the period of formation of the Russian centralized state. The end of the XIV – beginning of the XV centuries / comp. V.N. Avtocratov, A.A. Zimin, S.M. Kashtanov, A.G. Polyak; ed. L.V. Cherepnin. M., 1955. P. 347, 348, 380–382 (in Russ.).

21. Monuments of Russian law: in the 8 issues. Issue 4. Historical monuments of law of the period of the Russian centralized state of the XV–XVII centuries / comp. A.A. Zimin, S.M. Kashtanov, A.I. Kopanev, A.G. Polyak; ed. and with a preface by L.V. Cherepnin. M., 1956. P. 260 (in Russ.).

22. Monuments of Russian law: in 8 issues. Issue 6. The Cathedral Code of Tsar Alexey Mikhailovich of 1649 / ed. and with a preface by K.A. Sofronenko; prepared by E.G. Baskakova and others M., 1957. P. 77 (in Russ.).

23. Monuments of Russian law: in 8 issues. Issue 8. Legislative acts of Peter I, the first quarter of the XVIII century / ed. and with a preface by K.A. Sofronenko; prepared N.A. Durmanov and others. M., 1961. P. 208, 209 (in Russ.).

24. *Poznyshev S.V.* A Special part of Russian Criminal Law. A comparative sketch of the most important departments of the Special part of the old and new Codes. 2nd ed., rev. and add. M., 1909. P. IX, X (in Russ.).

25. Russian Truth: in 2 vols. The Second. Comments / comp. B.V. Alexandrov, V.G. Geiman, G.E. Kochin, etc.; ed. by B.D. Grekov. M.– L., 1946. P. 71–75, 130–158 (in Russ.).

26. *Presnyakov A.E.* Princely law in Ancient Russia: lectures on Russian history. Kievan Rus. M., 1993. P. 439 (in Russ.).

27. *Pudovochkin Yu. E.* The doctrine of the Criminal Law: lectures. M., 2014. P. 12 (in Russ.).

28. *Pudovochkin Yu. E., Andrianov V.K.* Regularities of the emergence of Criminal Law // Library of Criminal Law and Criminology. 2017. No. 6 (24). P. 26–35 (in Russ.).

29. The development of Russian law in the XV – first half of the XVII centuries / ed. V.S Nersesyants. M., 1986. P. 161 (in Russ.).

30. *Rozhnov A.A.* History of the Criminal Law of the Moscow state (XIV–XVII centuries). M., 2012. P. 27, 28 (in Russ.).

31. *Romashkin S. P.* Basic principles of the criminal and military criminal law of Peter I. M., 1947. P. 16 (in Russ.).

32. Russian legislation X–XX centuries: in 9 vols. Vol. 1. The law of Ancient Russia / ed. ed. by V. L. Yanin. M., 1984. P. 140 (in Russ.).

33. *Rybakov B. A.* Kievan Rus' and Russian princedoms XII–XIII centuries. M., 1982. P. 418 (in Russ.).

34. The Set of Criminal Laws. SPb., 1832 (in Russ.).

35. *Sizova N.* The development of the structure of the Special part of the system of codified Russian Criminal Law (1864–1903) // Herald of the SPbLA. 2020. No. 1 (46) (in Russ.).

36. *Sizova N.* The system of the Special part of the Russian criminal legislation. M., 2021 (in Russ.).

37. *Solodkin I.* Essays on the history of Russian Criminal Law (the first quarter of the XIX century). L., 1961. P. 17 (in Russ.).

38. *Sorokin A. V.* The build system of the Special part of the Criminal Laws of the Russian second half of XIX – early XX century // Herald of the Tomsk state University. Law. 2013. No. 4 (10) (in Russ.).

39. *Tagantsev N. S.* Russian Criminal Law: lectures. General Part: in 2 vols / N. S. Kazantsev; comp. and ed. by N. I. Zagorodnikov. M., 1994. Vol. 1. P. 42–57 (in Russ.).

40. *Tikhomirov M. N., Epifanov P. P.* The Cathedral Code of 1649: textbook for students of the high school. M., 1961 (in Russ.).

41. Criminal Law. The General part. 4th ed., reprint. / ed. V. D. Men'shagine. M., 1948. P. 76 (in Russ.).

42. *Feldshtein G. S.* Main trends in the history of the science of Criminal Law in Russia / ed. and with a preface by V. A. Tomsinov. M., 2003. P. 13–18 (in Russ.).

43. *Tsvetaev L.* The outline of the theory of Criminal Laws, published for the use of students. M., 1825. P. 8, 19–34 (in Russ.).

44. *Chel'tsov-Bebutov M. A.* Course of criminal procedural law. Essays on the history of the court and criminal procedure in slave-owning, feudal and bourgeois states (according to the 1957 edition). SPb., 1995. P. 746 (in Russ.).

45. *Yavich L. S.* Law and Socialism. M., 1982. P. 12, 13 (in Russ.).

46. *Bezverkhov A. G., Norvartyan Yu. S.* Systematicity of the Criminal Legislation of Russia: Methodology Issues // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12. No. 3. P. 325–342.

Сведения об авторе

АСЛАНЯН Руслан Георгиевич –
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета; 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149
ORCID 0000-0003-0149-3081

Authors' information

ASLANYAN Ruslan G. –
PhD in Law, associate Professor of the Department of Criminal Law and criminology of Kuban state University; 149 Stavropol str., 350040 Krasnodar, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 164–170
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 164–170

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ПОДХОД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ПОНЯТИЮ «УКЛОНЕНИЕ ОТ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ»

© 2021 г. Д. Я. Подшивалова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (МГИМО)

E-mail: d.podshivalova@inno.mgimo.ru

Поступила в редакцию 15.09.2020 г.

Аннотация. В настоящей статье анализируются подходы российских исследователей к понятиям «уклонение от налогообложения», «уклонение от уплаты налогов», «налоговое планирование», «налоговая оптимизация», «минимизация налогов», «избежание налогов», «обход налогов». Целью статьи является разграничение допустимых и недопустимых действий налогоплательщиков по минимизации налогов и определение понятия «уклонение от налогообложения», что имеет важное значение для последующего анализа практики противодействия данному негативному явлению.

Ключевые слова: налоговое право, уклонение от налогообложения, уклонение от уплаты налогов, налоговое планирование, налоговая оптимизация, минимизация налогов, агрессивное налоговое планирование, налоговая обязанность, публичные интересы, общая норма противодействия уклонению от налогообложения.

Цитирование: *Подшивалова Д.Я.* Подход Российской Федерации к понятию «уклонение от налогообложения» // Государство и право. 2021. № 8. С. 164–170.

DOI: 10.31857/S102694520011577-5

THE APPROACH OF THE RUSSIAN FEDERATION TO THE CONCEPT OF “TAX AVOIDANCE”

© 2021 D. Ya. Podshivalova

Moscow state Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO)

E-mail: d.podshivalova@inno.mgimo.ru

Received 15.09.2020

Abstract. This article analyzes the approaches of Russian researchers to the concepts of tax avoidance, tax evasion, tax planning, tax mitigation, tax minimization The purpose of the article is to distinguish between acceptable and unacceptable actions of taxpayers to minimize taxes and to define the concept of “tax avoidance”, which is important for the subsequent analysis of the practice of countering this phenomenon.

Key words: tax law, tax avoidance, tax evasion, tax planning, tax mitigation, tax minimization, aggressive tax planning, tax burden, public interest, General Anti-Avoidance Rule.

For citation: *Podshivalova, D. Ya. (2021).* The approach of the Russian Federation to the concept of “tax avoidance” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 164–170.

Введение

В отечественной научной литературе оперируют различными терминами для обозначения действий налогоплательщиков, направленных на снижение налогового бремени, в частности «уклонение от уплаты налогов», «уклонение от налогообложения», «налоговое планирование», «налоговая оптимизация», «минимизация налогов», «избежание налогов», «обход налогов». В то же время определение данных понятий в законодательстве Российской Федерации отсутствует, что затрудняет определение понятия «уклонение от налогообложения» и его разграничение с другими указанными понятиями.

Налоговое планирование, налоговая оптимизация и минимизация налогов

В российской юридической и экономической научно-правовой мысли исследование действий налогоплательщиков по уменьшению налогового бремени, как правило, начинается с анализа таких категорий, как «налоговое планирование», «налоговая оптимизация», «минимизация налогов».

Налоговое планирование. Существует многообразие подходов к определению понятия «налоговое планирование». С экономической точки зрения налоговое планирование представляет собой вид управленческой деятельности[1], часть финансового менеджмента организации[2], разработку планов экономического и социального развития, а также комплекса практических мер по их выполнению[3]. Е.С. Вылкова, обобщая подходы экономических исследований, определяет налоговое планирование как часть управления финансово-хозяйственной деятельности, заключающейся в «установлении желаемого будущего состояния объема и оптимальных способов и методов достижения данного состояния в условиях ограниченности ресурсов и возможности их альтернативного использования»[4].

С юридической точки зрения под налоговым планированием понимаются правомерные действия налогоплательщика, направленные на уменьшение налоговой обязанности, т.е. налоговое планирование как вид управленческой деятельности приобретает юридическую оценку. Например, Т.А. Гусева определяет налоговое планирование как «выбор наиболее выгодных правовых форм осуществления деятельности с целью исчисления оптимальной суммы налогов в конкретных условиях хозяйствования в соответствии с действующим законодательством»[5]. В учебнике под редакцией С.Г. Пепеляева налоговое планирование определяется как «разработка и применение специальных приемов уменьшения налоговых обязательств налогоплательщика правомерными способами»[6].

Налоговая оптимизация. Понятие «налоговая оптимизация» является составной частью налогового планирования. В целом как юридические, так и экономические исследования при определении данной категории делают особый акцент на правомерности действий налогоплательщика[7]. В частности, И.И. Кучеров определяет налоговую оптимизацию как «уменьшение размера налоговых обязанностей посредством целенаправленных правомерных действий налогоплательщика, включающих в себя полное использование всех предоставленных законодательством льгот, налоговых освобождений и других законных приемов и способов»[8]. Согласно обоснованной позиции некоторых исследователей налоговая оптимизация является правом налогоплательщика[9]. Например, Д.Г. Черник определяет оптимизацию налогообложения как право налогоплательщика использовать все не запрещенные законом способы и средства, пути и методы для минимизации налоговых обязательств[10]. Российская правоприменительная практика также следует такому подходу и признает право налогоплательщика на налоговую оптимизацию[11]. ФНС России указывает, что «положения Налогового кодекса РФ не ограничивают само право налогоплательщиков проводить свои хозяйственные операции так, чтобы налоговые последствия были минимальными»[12].

Минимизация налогов. С понятиями «налоговое планирование» и «налоговая оптимизация» связано понятие «минимизация налогов». Данное понятие является нейтральным, поскольку не дает юридическую оценку действиям налогоплательщика. В частности, Е.Г. Васильева указывает, что налоговая минимизация представляет собой «предельно допустимую действующим законодательством возможность уменьшения налоговых обязательств»[13].

Уклонение от налогообложения

Некоторые исследователи полагают, что основанием для определения уклонения от налогообложения является противоправность. Данная точка зрения заключается в том, что под уклонением от налогообложения понимается уменьшение размера налоговых платежей с использованием

---

[1] См., напр.: *Ермишина О.А.* Налоговое планирование в холдингах: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2007; *Федечкина Д.Ю.* Налоговое планирование в коммерческих организациях: дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2007; *Воробьев Д.А.* Налоговое планирование как механизм рационализации налоговой нагрузки предприятия: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2003.

[2] См.: *Барулин С.В.* Теория и история налогообложения: учеб. пособие. М., 2006. С. 277.

[3] См.: Уклонение от уплаты налогов. Проблемы и решения / под ред. И.А. Майбурова, А.П. Киреенко, Ю.Б. Иванова. М., 2015. С. 13.

[4] *Вылкова Е.С.* Налоговое планирование: учеб. для магистров. М., 2011. С. 13–42.

[5] *Гусева Т.А.* Правовое регулирование налогового планирования в предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008. С. 28.

[6] *Пепеляев С.Г.* Налоговое право: учеб. для вузов. М., 2016. С. 743.

[7] См., напр.: *Пилипенко А.А.* Налоговое планирование (оптимизация): моделирование научных подходов // Налоги. 2012. № 3. С. 10–13.

[8] *Кучеров И.И.* Налоговое право России. М., 2001. С. 117.

[9] См., напр.: *Сунцева П.В.* Правовая природа оптимизации налогообложения // Налоги и финансовое право. 2010. № 6. С. 210, 211.

[10] См.: Налоги и налогообложение: учеб. / Д.Г. Черник и др. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2003. С. 25, 26.

[11] См., напр.: Постановление Конституционного суда РФ от 27.05.2003 г. № 9-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4.

[12] См.: Письмо ФНС России от 31.10.2017 г. № ЕД-4-9/22123@ // Документ официально не опубликован.

[13] *Васильева Е.Г.* Налоговая оптимизация и нормативные пределы ее реализации в современной налоговой системе: национальная модель регулирования // Налоги. 2020. № 3. С. 29–34.

незаконных методов[14]. В то же время учесть все аспекты уклонения от налогообложения – крайне сложная задача, нельзя заранее предусмотреть возможные варианты его проявления[15]. Уклонение от налогообложения может достигаться как законными, так и незаконными способами. Проблема определения понятия «уклонение от налогообложения» осложняется «пограничными» ситуациями, когда формально налогоплательщик соблюдает налоговое законодательство, но его действия противоречат смыслу налогового законодательства и являются для государства нежелательными, поскольку приводят к существенным потерям государственного бюджета. Отсутствие разграничительной линии между допустимыми и недопустимыми действиями налогоплательщиков по минимизации налоговой обязанности создает определенные трудности в определении понятия «уклонение от налогообложения».

Для обозначения таких пограничных действий налогоплательщика по снижению налоговой обязанности российские исследователи используют различные понятия, такие как «избежание налогов», «обход закона», «уход от налогов». Однако в научной литературе отсутствует единое понимание этих понятий. Представляется, что все эти понятия, по сути, есть аналоги перевода термина *tax avoidance*, развитие которого в зарубежной научно-правовой мысли произошло в 70–80-х годах прошлого столетия. Согласно Международному налоговому толковому словарю понятие *avoidance* означает действия налогоплательщика, направленные на уменьшение налогового бремени, не признаваемые преступным уклонением от уплаты налогов[16]. Дополнительно отмечено, что понятие *avoidance* может использоваться для обозначения как налоговой оптимизации в положительном значении (англ. *acceptable*), так и уклонения от налогообложения в негативном значении (англ. *unacceptable)*[17].

Анализ зарубежных исследований позволяет говорить о том, что понятие *tax avoidance*, как правило, используется в негативном значении. Например, при анализе данного понятия основной акцент делается на искусственных налоговых схемах, которые не изменяют суть сделки, но являются основанием для благоприятного режима налогообложения[18]. Р.А. Тоома указывает, что *tax avoidance* представляет собой «нарушение социального контракта»[19].

Российские исследователи используют многообразие терминов, являющихся схожими с понятием *tax avoidance* в зарубежной научной мысли. В частности, речь идет об избежании налогов[20]; обходе закона[21]; уходе от налогов[22]; обходе налога[23]; операциях, использующих пробелы в фискальном регулировании[24]; легальной минимизации налоговой базы[25]. В целом содержанием этих понятий является совершение налогоплательщиком формально допустимых налоговым законодательством хозяйственных операций, но с главной целью минимизации налогового бремени[26]. В российской научной правовой мысли можно выделить различные оттенки, придаваемые российскими учеными российскими аналогами термина *tax avoidance*.

1. *Нейтральное значение без юридической характеристики*. В частности, В.В. Громов указывает, что понятия обход и избежание налогов являются синонимами термина налоговой минимизации, которое не имеет ни положительного, ни отрицательного значения[27]. Д.Н. Шурухнова и Е.О. Бондарь отмечают, что обход налогов представляет собой «деятельность, которая прямо законодательство о налогах и сборах не нарушает, но и не соответствует заложенным в нем целям, а также может не иметь никакого иного экономического смысла, кроме как минимизации налога»[28].

2. *Положительное значение для обозначения правомерных действий*. Согласно А.В. Елинскому, избежание налогов представляет собой «правомерное использование определенного налогового режима в целях получения

---

[14] См., напр.: *Коршунова М.В.* «Уклонение» и «оптимизация» в системе налогового контроля // Финансы. 2007. № 5. С. 26; *Васильева Е.Г.* Указ. соч. С. 29–34; *Зарипов В.* Место, где встречаются налоги, уголовное право и... Конституция // Бизнес-адвокат. 2002. № 10; *Соловьев И.Н.* Уклонение от уплаты налогов и оптимизация налогообложения // Налоговый вестник. 2001. № 9.

[15] См.: *Задорогин С.И.* Правовое обеспечение оптимизации налогообложения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 65.

[16] См.: International Tax Glossary. Amsterdam: IBFD. 2005. P. 29, 30.

[17] См.: ibid.

[18] См.: *Brooks M., Head J.G.* Tax Avoidance: In Economics, Law and Public Choice // Tax Avoidance and the Rule of Law. Amsterdam: IBFD Publications, 1997. P. 71.

[19] *Tooma R.A.* Legislating Against Tax Avoidance. Amsterdam: IBFD, 2008. P. 14.

[20] См., напр.: *Елинский А.В.* Опыт Великобритании и США по разграничению законной и незаконной минимизации налогов и его значение для совершенствования российского законодательства // Журнал росс. права. 2006. № 10. С. 140–143; *Шепенко Р.А.* Международно-правовое регулирование противодействия налоговому избежанию и уклонению // Налоги и финансы. 2011. № 3. С. 43–48.

[21] См.: *Винницкий Д.В.* Международное налоговое право: проблемы теории и практики. М., 2017; *Фатхутдинов Р.С.* Базовые компании в международном налогообложении доходов // Закон. 2015. № 2. С. 77–100.

[22] См.: *Литвинова Ю.М.* Налоговый мониторинг: опыт правового регулирования в зарубежных странах и перспективы развития в Российской Федерации // Ленинградский юрид. журнал. 2017. № 4. С. 175–181.

[23] См., напр.: *Гусева Т.А.* Пределы осуществления налогового планирования с учетом международного опыта // Вестник Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа. 2006. № 6; *Мачехин В.А.* Налоговый кодекс и налоговое планирование // Законодательство. 1999. № 10. С. 35–41.

[24] См.: *Хаванова И.* Проценты и дивиденды: конфликт квалификаций при налогообложении // Налоговый вестник. 2013. № 7. С. 39–46.

[25] См.: *Вахитов Р.* Международная война с офшорами: как изменится налоговое планирование // Налоги и налоговое планирование. 2010. № 10. С. 31–34.

[26] Следует отметить, что наиболее нетипично термин «обход налогов» раскрывается в учебнике под редакцией С.Г. Пепеляева как ситуация, когда организация или физическое лицо не становится плательщиком, например, в следующих ситуациях (1) получаемый доход не подлежит налогообложению; (2) отсутствие регистрации в налоговых органах (с. 747).

[27] См.: *Громов М.А.* Правовое регулирование налогового планирования в Российской Федерации (Проблемы правовой сущности): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

[28] *Шурухнова Д.Н., Бондарь Е.О.* Оценка обоснованности получения налогоплательщиками налоговой выгоды // Административное и муниципальное право. 2017. № 5. С. 1–8.

преимуществ при уплате налогов, допускаемых самим законом»[29]. М.Ю. Мижинский отожествляет понятия избежания налогообложения и налоговой оптимизации[30].

3. *Негативное значение для обозначения недобросовестного, но правомерного поведения налогоплательщика*. По мнению М.А. Громова, «обход налогов» представляет собой «преднамеренное поведение, не запрещенное установленным законом и состоящем в недобросовестном применении легальных методов в целях получении экономии на налогах»[31]. А.В. Демин характеризует «обход налоговых законов» как формально правомерное, но фактически недобросовестное поведение[32].

4. *Негативное значение для обозначения уклонения от налогообложения*. Некоторые российские исследователи полагают, что действия налогоплательщика, не соответствующие «духу» налогового законодательства, по сути, есть уклонение от налогообложения, несмотря на существующую позицию о том, что термин «уклонение» присущ только российскому уголовному законодательству[33]. В частности, как полагает Б.В. Мышкин, уклонение от уплаты налогов может представлять собой в т.ч. неправильную квалификацию сделки (например, заключение договора о совместной деятельности вместо договора аренды)[34]. В монографии под редакцией И.А. Майбурова, А.П. Киреенко, Ю.Б. Иванова «избежание налогов» определяется как «*уклонение* от исполнения налоговых обязанностей, совершенное путем создания законных условий для неисполнения налоговой обязанности[35]. А.В. Брызгалин определяет обход налогов как «*уклонение* от уплаты налогов, совершенное по неосторожности; использование незапрещенных законом приемов, например, налоговых льгот и льготных налоговых режимов, неточностей, двусмысленности и неконкретности изложения отдельных положений законов о налогах, их коллизий и т.п.»[36]. Российские государственные органы также квалифицируют недопустимые с их точки зрения действия налогоплательщиков по уменьшению налоговых платежей в качестве «уклонения». Например, в Основных направлениях налоговой политики Российской Федерации на период 2016–2018 годов правила налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний, фактического получателя дохода, понятия налогового резидентства организаций характеризуются как правила противодействия *уклонению* от уплаты налогов[37].

Однако противоправность не может являться единственным критерием для определения уклонения от налогообложения. Представляется, что основой разграничения допустимых и не допустимых действий налогоплательщиков может являться не только нарушение правовых норм, но и **нарушение публичного интереса**. Ю.А. Тихомиров определяет публичный интерес как интерес признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит гарантией ее существования и развития[38]. Публичный интерес должен находить свое обязательное выражение в нормах права[39]. В сфере противодействия уклонению от налогообложения публичный интерес государства может быть выражен путем как установления, какие действия налогоплательщика могут представлять собой уклонение от налогообложения, так и особого юридического приема регулирования налоговых правоотношений – общей нормы противодействия уклонению от налогообложения (в зарубежной правовой науке обозначается как *general anti-avoidance rules*, далее – GAAR), которая содержит критерии того, какой вид действия налогоплательщика может признаваться недопустимым с точки зрения публичных интересов и может квалифицироваться в качестве уклонения от налогообложения.

Преступное уклонение от уплаты налогов

Отдельно необходимо рассматривать «преступное уклонение от уплаты налогов» (ст. 198, 199 УК РФ). Уголовно-наказуемое уклонение от уплаты налогов представляет собой деяние, совершенное в крупном или особо крупном размере одним из двух способов: (1) непредставление налоговой декларации или иных обязательных документов; (2) включение в декларацию или иные отчетные документы заведомо ложных сведений, к которым относятся сведения, не соответствующие действительности.

Следовательно, иные действия налогоплательщиков не могут быть квалифицированы в качестве преступного уклонения от уплаты налогов. История формирования диспозиций рассматриваемых уголовно-правовых норм также подтверждает недопустимость более широкого рассмотрения понятия «преступное уклонение от уплаты налогов». В 1998 г. диспозиция рассматриваемых статей Уголовного кодекса РФ была дополнена «иным способом» уклонения от уплаты налогов[40], что вызывало негативную реакцию в деловых кругах[41]. Например, согласно Е.Б. Мизулиной, эта норма может применяться «в отношении абсолютно всех случаев неуплаты налогов без выяснения обстоятельств

---

[29] *Елинский А.В.* Указ. соч. С. 140–143.

[30] См.: *Мижинский М.Ю.* Борьба с уклонением от уплаты налогов: правовой опыт Великобритании // Финансовое право. 2006. № 5. С. 13–17.

[31] *Громов М.А.* Указ. соч. С. 57.

[32] См.: *Демин А.В.* К вопросу о судебном налоговом праве: современное состояние и дальнейшие перспективы // Правоведение. 2012. № 3. С. 146–157.

[33] См.: *Громов М.А.* Указ. соч. С. 46, 47.

[34] См.: *Мышкин Б.В.* Налоговая оптимизация как проявление налоговой правосубъектности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 52.

[35] См.: Уклонение от уплаты налогов. Проблемы и решения / под ред. И.А. Майбурова, А.П. Киреенко, Ю.Б. Иванова. С. 14.

[36] *Брызгалин А.В.* Налоговая оптимизация: принципы, методы, рекомендации, арбитражная практика / А.В. Брызгалин, В.Р. Берник, А.Н. Головкин. М., 2006. С. 17.

[37] См.: Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 г. и плановый период 2017 и 2018 гг. // Документ официально не опубликован.

[38] См.: *Тихомиров Ю.А.* Публичное право: учеб. М., 1995. С. 55.

[39] См.: *Бояринцева О.А.* Особенности правовой природы баз данных, формируемых и используемых в сфере государственного и муниципального управления // Административное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 934–940; *Горшунов Д.Н.* Интерес в частном праве: вопросы теории. Казань, 2005. С. 82, 83.

[40] См.: Федеральный закон от 25.06.1998 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 26, ст. 3012.

[41] См., напр.: *Макарова Е.* Налогоплательщики ищут спасения от «иного способа» // Бизнес-адвокат. 2003. № 9.

по делу»[42]. В 2003 г. формулировку «иные способы» исключили[43]. В связи с появившимися в 2014 г. законодательными предложениями об открытом перечне способов преступного уклонения от уплаты налогов многие специалисты по налоговому праву также высказали позицию о недопустимости такой поправки[44].

Данный вывод является значимым в практическом применении. А.Н. Ляскало отмечает, что несоответствие формы сделки ее содержанию на практике может приводить к уголовному преследованию[45]. Полагаем, что уголовное преследование в данном случае недопустимо, поскольку можно говорить только о правильности отражения в учете той или иной операции с правовой и налоговой точки зрения. Из всех возможных ответных мер государства на нежелательное поведение налогоплательщика квалификация деяния в качестве преступного влечет негативные последствия, поэтому должна применяться только при необходимости.

Вывод

В связи с обозначенными доктринальными позициями полагаем, что уклонение от налогообложения можно обозначить в качестве комплексного понятия, включающего в себя как противоправные действия налогоплательщика с целью уменьшения налоговой обязанности (или уклонение от исполнения налоговой обязанности путем нарушения «буквы» налогового закона), так и совершение налогоплательщиком действий, в целом соответствующих положениям налогового законодательства, но признаваемых государством недопустимыми с точки зрения публичных интересов (или уклонение от исполнения налоговой обязанности путем нарушения «духа» налогового закона). Понятие «преступное уклонение от уплаты налогов» необходимо рассматривать отдельно как совершение преступных действий, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барулин С.В.* Теория и история налогообложения: учеб. пособие. М., 2006. С. 277.
2. *Бояринцева О.А.* Особенности правовой природы баз данных, формируемых и используемых в сфере государственного и муниципального управления // Административное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 934–940.
3. *Брызгалин А.В.* Налоговая оптимизация: принципы, методы, рекомендации, арбитражная практика / А.В. Брызгалин, В.Р. Берник, А.Н. Головкин. М., 2006. С. 17.
4. *Васильева Е.Г.* Налоговая оптимизация и нормативные пределы ее реализации в современной налоговой системе: национальная модель регулирования // Налоги. 2020. № 3. С. 29–34.
5. *Вахитов Р.* Международная война с офшорами: как изменится налоговое планирование // Налоги и налоговое планирование. 2010. № 10. С. 31–34.
6. *Винницкий Д.В.* Международное налоговое право: проблемы теории и практики. М., 2017.
7. *Воробьев Д.А.* Налоговое планирование как механизм рационализации налоговой нагрузки предприятия: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2003.
8. *Вылкова Е.С.* Налоговое планирование: учеб. для магистров. М., 2011. С. 13–42.
9. *Горшунов Д.Н.* Интерес в частном праве: вопросы теории. Казань, 2005. С. 82, 83.
10. *Громов М.А.* Правовое регулирование налогового планирования в Российской Федерации (Проблемы правовой сущности): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 46, 47, 57.
11. *Гусева Т.А.* Правовое регулирование налогового планирования в предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008. С. 28.
12. *Гусева Т.А.* Пределы осуществления налогового планирования с учетом международного опыта // Вестник Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа. 2006. № 6.
13. *Демин А.В.* К вопросу о судебном налоговом праве: современное состояние и дальнейшие перспективы // Правоведение. 2012. № 3. С. 146–157.
14. *Елинский А.В.* Опыт Великобритании и США по разграничению законной и незаконной минимизации налогов и его значение для совершенствования российского законодательства // Журнал росс. права. 2006. № 10. С. 140–143.
15. *Ермишина О.А.* Налоговое планирование в холдингах: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2007.
16. *Задорогин С.И.* Правовое обеспечение оптимизации налогообложения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 65.
17. *Зарипов В.* Место, где встречаются налоги, уголовное право и... Конституция // Бизнес-адвокат. 2002. № 10.
18. *Кикин А.Ю., Яни П.С.* Неуплата налогов преступна // Налоговый вестник. 2000. № 10. С. 149, 150.
19. *Коршунова М.В.* «Уклонение» и «оптимизация» в системе налогового контроля // Финансы. 2007. № 5. С. 26.
20. *Кучеров И.И.* Налоговое право России. М., 2001. С. 117.
21. *Литвинова Ю.М.* Налоговый мониторинг: опыт правового регулирования в зарубежных странах и перспективы развития в Российской Федерации // Ленинградский юрид. журнал. 2017. № 4. С. 175–181.
22. *Ляскало А.Н.* Разграничение налоговой оптимизации и уклонения от уплаты налогов // Уголовное право. 2016. № 6. С. 45.
23. *Макарова Е.* Налогоплательщики ищут спасения от «иного способа» // Бизнес-адвокат. 2003. № 9.
24. *Мачехин В.А.* Налоговый кодекс и налоговое планирование // Законодательство. 1999. № 10. С. 35–41.

[42] *Кикин А.Ю., Яни П.С.* Неуплата налогов преступна // Налоговый вестник. 2000. № 10. С. 149, 150.

[43] См.: Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Росс. газ. 2003. 16 дек.

[44] См.: *Смирнов Г., Зарипов В., Головко Л. и др.* Налоговая оптимизация как преступление // Закон. 2014. № 8. С. 16–30.

[45] См.: *Ляскало А.Н.* Разграничение налоговой оптимизации и уклонения от уплаты налогов // Уголовное право. 2016. № 6. С. 45.

25. *Мижинский М.Ю.* Борьба с уклонением от уплаты налогов: правовой опыт Великобритании // Финансовое право. 2006. № 5. С. 13–17.

26. *Мышкин Б.В.* Налоговая оптимизация как проявление налоговой правосубъектности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 52.

27. Налоги и налогообложение: учеб. / Д.Г. Черник и др. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2003. С. 25, 26.

28. *Пепеляев С.Г.* Налоговое право: учеб. для вузов. М., 2016. С. 743, 747.

29. *Пилипенко А.А.* Налоговое планирование (оптимизация): моделирование научных подходов // Налоги. 2012. № 3. С. 10–13.

30. *Смирнов Г., Зарипов В., Головко Л. и др.* Налоговая оптимизация как преступление // Закон. 2014. № 8. С. 16–30.

31. *Соловьев И.Н.* Уклонение от уплаты налогов и оптимизация налогообложения // Налоговый вестник. 2001. № 9.

32. *Сунцева П.В.* Правовая природа оптимизации налогообложения // Налоги и финансовое право. 2010. № 6. С. 210, 211.

33. *Тихомиров Ю.А.* Публичное право: учеб. М., 1995. С. 55.

34. Уклонение от уплаты налогов. Проблемы и решения / под ред. И.А. Майбурова, А.П. Киреенко, Ю.Б. Иванова. М., 2015. С. 13, 14.

35. *Фатхутдинов Р.С.* Базовые компании в международном налогообложении доходов // Закон. 2015. № 2. С. 77–100.

36. *Федечкина Д.Ю.* Налоговое планирование в коммерческих организациях: дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2007.

37. *Хаванова И.* Проценты и дивиденды: конфликт квалификаций при налогообложении // Налоговый вестник. 2013. № 7. С. 39–46.

38. *Шепенко Р.А.* Международно-правовое регулирование противодействия налоговому избежанию и уклонению // Налоги и финансы. 2011. № 3. С. 43–48.

39. *Шурухнова Д.Н., Бондарь Е.О.* Оценка обоснованности получения налогоплательщиками налоговой выгоды // Административное и муниципальное право. 2017. № 5. С. 1–8.

40. *Brooks M., Head J.G.* Tax Avoidance: In Economics, Law and Public Choice // Tax Avoidance and the Rule of Law. Amsterdam: IBFD Publications, 1997. P. 71.

41. International Tax Glossary. Amsterdam, 2005. P. 29, 30.

42. *Tooma R.A.* Legislating Against Tax Avoidance. Amsterdam, 2008. P. 14.

REFERENCES

1. *Barulin S.V.* Theory and history of taxation: textbook. M., 2006. P. 277 (in Russ.).

2. *Boyarintseva O.A.* Features of the legal nature of databases formed and used in the field of state and municipal management // Administrative and Municipal Law. 2016. No. 11. P. 934–940 (in Russ.).

3. *Bryzgalin A.V.* Tax optimization: principles, methods, recommendations, arbitration practice / A.V. Bryzgalin, V.R. Bernik, A.N. Golovkin. M., 2006. P. 17 (in Russ.).

4. *Vasilyeva E.G.* Tax optimization and the regulatory limits of its implementation in the modern tax system: a national model of regulation // Taxes. 2020. No. 3. P. 29–34 (in Russ.).

5. *Vakhitov R.* International war with offshore companies: how tax planning will change // Taxes and tax planning. 2010. No. 10. P. 31–34 (in Russ.).

6. *Vinnitsky D.V.* International Tax Law: problems of theory and practice. M., 2017 (in Russ.).

7. *Vorobyev D.A.* Tax planning as a mechanism for rationalizing the tax burden of an enterprise: dis. ... candidate of Economic Sciences. SPb., 2003 (in Russ.).

8. *Vylkova E.S.* Tax planning: textbook for masters. M., 2011. P. 13–42 (in Russ.).

9. *Gorshunov D.N.* Interest in private law: questions of theory. Kazan, 2005. P. 82, 83 (in Russ.).

10. *Gromov M.A.* Legal regulation of tax planning in the Russian Federation (Problems of legal essence): dis. ... PhD in Law. M., 2003. P. 46, 47, 57 (in Russ.).

11. *Guseva T.A.* Legal regulation of tax planning in entrepreneurial activity: problems of theory and practice: dis. ... Doctor of Law. Saratov, 2008. P. 28 (in Russ.).

12. *Guseva T.A.* The limits of tax planning taking into account international experience // Bulletin of the Federal Arbitration Court of the West Siberian District. 2006. No. 6 (in Russ.).

13. *Demin A.V.* On the issue of judicial tax law: current state and future prospects // Law studies. 2012. No. 3. P. 146–157 (in Russ.).

14. *Elinsky A.V.* The experience of Great Britain and the USA in distinguishing between legal and illegal tax minimization and its significance for improving Russian legislation // Journal of Russ. law. 2006. No. 10. P. 140–143 (in Russ.).

15. *Ermishina O.A.* Tax planning in holdings: dis. ... candidate of Economic Sciences. SPb., 2007 (in Russ.).

16. *Zadorogin S.I.* Legal support for tax optimization in the Russian Federation: dis. ... candidate. yurid. M., 2004. P. 65 (in Russ.).

17. *Zaripov V.* The place where taxes, criminal law meet I... Constitution // Business Lawyer. 2002. No. 10 (in Russ.).

18. *Kikin A. Yu., Yani P.S.* Non-payment of taxes is criminal // Tax Bulletin. 2000. No. 10. P. 149, 150 (in Russ.).

19. *Korshunova M.V.* "Evasion" and "optimization" in the system of tax control // Finance. 2007. No. 5. P. 26 (in Russ.).

20. *Kucherov I.I.* Tax law of Russia. Moscow, 2001. P. 117 (in Russ.).

21. *Litvinova Yu. M.* Tax monitoring: experience of legal regulation in foreign countries and prospects for development in the Russian Federation // Leningrad legal journal. 2017. No. 4. P. 175–181 (in Russ.).

22. *Lyaskalo A.N.* Differentiation of tax optimization and tax evasion // Criminal law. 2016. No. 6. P. 45 (in Russ.).

23. *Makarova E.* Taxpayers are looking for salvation from "another way" // Business-lawyer. 2003. No. 9 (in Russ.).

24. *Machekhin V.A.* Tax code and tax planning // Legislation. 1999. No. 10. P. 35–41 (in Russ.).

25. *Mizhinsky M. Yu.* The fight against tax evasion: the legal experience of Great Britain // Financial Law. 2006. No. 5. P. 13–17 (in Russ.).

26. *Myshkin B.V.* Tax optimization as a manifestation of tax legal personality: dis. ... PhD in Law. M., 2004. P. 52 (in Russ.).

27. Taxes and taxation: textbook / D.G. Chernik et al. 2nd ed., add. and pererab. M., 2003. P. 25, 26 (in Russ.).

28. *Pepelyaev S.G.* Tax Law: textbook. for universities. M., 2016. P. 743, 747 (in Russ.).

29. *Pilipenko A.A.* Tax planning (optimization): modeling of scientific approaches // Taxes. 2012. No. 3. P. 10–13 (in Russ.).

30. *Smirnov G., Zaripov V., Golovko L., etc.* Tax optimization as a crime // Law. 2014. No. 8. P. 16–30 (in Russ.).

31. *Solovyov I.N.* Tax evasion and tax optimization // Tax Bulletin. 2001. No. 9 (in Russ.).

32. *Suntseva P.V.* The legal nature of tax optimization // Taxes and Financial Law. 2010. No. 6. P. 210, 211 (in Russ.).

33. *Tikhomirov Yu. A.* Public law: textbook. M., 1995. P. 55 (in Russ.).

34. Tax evasion. Problems and solutions / edited by I.A. Mayburov, A.P. Kireenko, Yu. B. Ivanov. M., 2015. P. 13, 14 (in Russ.).

35. *Fatkhutdinov R.S.* Basic companies in international income taxation // Law. 2015. No. 2. P. 77–100 (in Russ.).

36. *Fedechkina D. Yu.* Tax planning in commercial organizations: dis. ... candidate of Economic Sciences. Saratov, 2007 (in Russ.).

37. *Khavanova I.* Interest and dividends: the conflict of qualifications in taxation // Tax Bulletin. 2013. No. 7. P. 39–46 (in Russ.).

38. *Shepenko R.A.* International legal regulation of countering tax avoidance and evasion // Taxes and Finance 2011. No. 3. P. 43–48 (in Russ.).

39. *Shurukhnova D.N., Bondar E.O.* Assessment of the validity of receiving tax benefits by taxpayers // Administrative and Municipal Law. 2017. No. 5. P. 1–8 (in Russ.).

40. *Brooks M., Head J.G.* Tax Avoidance: In Economics, Law and Public Choice // Tax Avoidance and the Rule of Law. Amsterdam: IBFD Publications, 1997. P. 71.

41. International Tax Glossary. Amsterdam, 2005. P. 29, 30.

42. *Tooma R.A.* Legislating Against Tax Avoidance. Amsterdam, 2008. P. 14.

Сведения об авторе

ПОДШИВАЛОВА Дарья Яковлевна –
аспирантка Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (МГИМО);
119454 г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76

Authors' information

PODSHIVALOVA Darya Ya. –
post-graduate of the Moscow state Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO);
76 Vernadskogo ave., 119454 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 171–175
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 171–175

ЗАЩИТА ПРАВ СЕЛЕКЦИОНЕРОВ КАК СТИМУЛИРУЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ АГРОБИЗНЕСА

© 2021 г. Е. А. Летова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: letovaea@mail.ru

Поступила в редакцию 28.04.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы защиты прав на селекционные достижения в контексте развития предпринимательской деятельности в области сельского хозяйства и преобразования всей отрасли в целом. Без развитого правового регулирования интеллектуальных прав на селекционные достижения невозможно стимулирование инновационной деятельности в сельском хозяйстве, что усложняет процесс наращивания темпов производства высококачественной продукции. Привлечение инвестиций в отрасль, повышение ее инвестиционной привлекательности невозможно без развитого механизма правовой защиты всех участников правоотношений в области селекционной деятельности.

Ключевые слова: селекционные достижения, интеллектуальные права, инновационная деятельность, предпринимательская деятельность, агробизнес, сельское хозяйство, селекционное вознаграждение, защита прав, компенсация, патент.

Цитирование: *Летова Е.А.* Защита прав селекционеров как стимулирующий фактор развития агробизнеса // Государство и право. 2021. № 8. С. 171–175.

DOI: 10.31857/S102694520016391-1

PROTECTION OF BREEDERS' RIGHTS AS A STIMULATING FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF AGRIBUSINESS

© 2021 E. A. Letova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: letovaea@mail.ru

Received 28.04.2021

Abstract. The article examines the main problems of protecting the rights to selection achievements in the context of the development of entrepreneurial activity in the field of agriculture and the transformation of the entire industry as a whole. Without a developed legal regulation of intellectual rights to selection achievements, it is impossible to stimulate innovation in agriculture, which complicates the process of increasing the rate of production of high-quality products. Attracting investments into the industry, increasing its investment attractiveness is impossible without a developed mechanism of legal protection of all participants in legal relations in the field of selection.

Key words: selection achievements, intellectual rights, innovation, entrepreneurial activity, agribusiness, agriculture, selection remuneration, protection of rights, compensation, patent.

For citation: *Letova, E.A. (2021).* Protection of breeders' rights as a stimulating factor in the development of agribusiness // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 171–175.

Важнейшим инструментом ускорения инновационного развития приоритетных направлений в области предпринимательской деятельности является наличие эффективных механизмов вовлечения в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности. Сельское хозяйство не является исключением. Инновационное развитие данной отрасли народного хозяйства напрямую связано с возможностью использования субъектами предпринимательской деятельности результатов интеллектуальной деятельности, в частности таких как селекционные достижения.

Россия исторически является индустриально-аграрной, поэтому полноценное и всестороннее развитие такой отрасли экономики, как сельское хозяйство, является приоритетной задачей. Основной проблемой сложившейся ситуации в сельском хозяйстве является то, что при наличии достаточных запасов природных и техногенных ресурсов для производства продовольствия в объеме, необходимом для удовлетворения нужд потребителей, фактическое его производство составляет только половину от требуемого.

Многие специалисты в области сельского хозяйства традиционно видят проблемы отрасли в совокупности следующих факторов: высокие процентные ставки на кредит, высокие таможенные пошлины на сельскохозяйственную технику, недостаточность субсидий от государства[1], незащищенность агропромышленного комплекса перед другими отраслями[2] и др. Специалисты в области предпринимательского права также отмечают необходимость надежного инвестирования в сельское хозяйство[3], однако для привлечения инвесторов отрасль должна обладать инвестиционной привлекательностью.

Любой вид предпринимательской деятельности в сельскохозяйственной сфере – это агробизнес. Масштабы предприятий могут быть самыми разными, начиная от небольшой семейной фермы и заканчивая крупными агрофирмами. Как и любой бизнес, отвечающий современным стандартам эффективности и инвестиционной привлекательности, агробизнес должен развиваться за счет не только государственных мер поддержки, но и наращивания собственного инновационного потенциала. Любой предприниматель должен понимать, сколько стоит его бизнес без оборудования, материалов и помещения, ведь зачастую фактическая прибыль от лицензионных договоров на использование объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих предпринимателю, может значительно превысить доход от самостоятельного использования таких объектов.

Применительно к отрасли сельского хозяйства такими охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности являются, безусловно, селекционные достижения. Селекционные достижения представляют собой «объекты интеллектуальных прав, которые могут использоваться в хозяйственной деятельности и приносить доход его создателям и патентообладателям»[4]. Стимулирование развития селекционной деятельности связано в первую очередь с соответствующим правовым регулированием селекционной деятельности. В настоящее время существует ряд проблем между селекционерами, предпринимателями, фермерами и государством, так как предоставленный законодательством механизм защиты прав селекционеров не совершенен и не предоставляет должных гарантий защиты для всех участников правоотношений, складывающихся в области селекционной деятельности.

Государственная программа по развитию сельского хозяйства на период 2013–2020 гг. была продлена до 2025 г.[5] В программу включены такие проекты, как «Цифровизация сельского хозяйства» и «Создание системы поддержки фермеров и сельскохозяйственной кооперации». Развитию селекции и семеноводства уделено важное внимание, однако инструментов реализации повышения эффективности данных направлений не предложено.

О важности селекционных достижений в развитии сельского хозяйства стоит сказать отдельно с точки зрения рассмотрения селекции как инструмента не только наращивания производственных темпов, но и обеспечения продовольственной безопасности страны. Полноценное питание людей, их здоровье и работоспособность – проблемы, актуальные для всех государств. Быстрый рост народонаселения привел к тому, что его потребности существенно стали опережать темпы производства сельскохозяйственной продукции. Критический разрыв отмечается в странах с развивающейся экономикой, что приводит к необходимости замещения национальной продукции импортной. В таких условиях важно повышение продуктивности растений и снижение затрат искусственной энергии на выращивание единицы продукции. Без селекции эту проблему решить невозможно. Селекция является инструментом повышения глобальной конкурентоспособности агропромышленного комплекса страны.

Возможности селекционного улучшения сельскохозяйственных культур являются недооцененными. Использование в хозяйственной деятельности устойчивых к различным климатическим особенностям культур является важнейшим фактором повышения урожайности. Существуют различные исследования, подтверждающие эффективность использования селекционных достижений в целях оптимизации производства различных культур[6].

Однако, несмотря на важность развития селекции как стержневого элемента всей отрасли, правовое регулирование отношений между субъектами селекционной деятельности далеко от совершенства. Предприниматели должны быть заинтересованы в финансовой прибыльности предприятия, фермеры должны быть уверены в качестве

---

[1] См.: *Вождаева Н. Г., Волков И. В., Козлов В. А., Павлов А. В.* Современные тенденции и проблемы развития сельского хозяйства // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 2 (27).

[2] См.: *Фудина Е. В.* Актуальные проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса России // International agricultural journal. 2020. № 1. С. 127–133.

[3] См.: *Шпинев Ю. С.* Инвестиции в сельское хозяйство: проблемы правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2020. № 10 (190). С. 39–42.

[4] *Синельникова В. Н.* Селекционное достижение как объект правовой охраны в Российской Федерации // *Гаврилов Э. П., Иванов А. А., Кротов М. В. и др.* Правоведение для сельскохозяйственных и ветеринарных вузов: учеб. для акад. бакалавриата. М., 2014. С. 258–287.

[5] См.: постановление Правительства РФ от 25.08.2017 г. № 996 (в ред. от 28.05.2020 г.) «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы» // СЗ РФ. 2017. № 36, ст. 5421.

[6] См.: *Юшков А. Н., Савельева Н. Н., Чивилев В. В. и др.* Инновационные технологии в повышении эффективности селекционного процесса плодовых культур // Достижения науки и техники АПК. 2019. Т. 33. № 2. С. 27–30.

поставляемых им семян, селекционеры, в свою очередь, должны быть уверены, что их научный труд будет по достоинству вознагражден и использован по назначению. При «здоровой» системе взаимоотношений всех участников государство получает высокий уровень отечественной продукции и в перспективе развитую отрасль экономики.

Однако, как уже было отмечено выше, важнейшее звено этой цепи – это автор-селекционер. Законодательное оформление его интеллектуальных прав требует детального анализа и переосмысления, в т.ч. в ракурсе успешной практики зарубежных государств[7], в которых права на интеллектуальные достижения в области селекции защищаются в рамках многоступенчатой самостоятельной системы, отличной от патентования.

В соответствии с Гражданским кодексом РФ (Часть четвертая)[8] автору селекционного достижения принадлежат следующие права:

право авторства;

исключительное право;

другие права.

Подробное регулирование получили нормы о неимущественных правах селекционеров, а также административные нормы, касающиеся механизма патентования новых сортов и видов. Защите же имущественных прав патентообладателей селекционных достижений и авторов-селекционеров отведено всего лишь две статьи Гражданского кодекса РФ: ст. 1446 «Нарушение прав автора селекционного достижения или иного патентообладателя» и ст. 1447 «Публикация решения суда о нарушении исключительного права на селекционное достижение». При детальном изучении этих норм, становится очевидным, что они носят лишь декларативный характер, т.к. законодатель не устанавливает санкций за перечисленные правонарушения. Поэтому при защите нарушенных прав стоит руководствоваться общими положениями об интеллектуальной собственности, однако «использование этих норм для защиты прав селекционеров возможно только с учетом специфики объектов исключительных прав – новых сортов растений и пород животных»[9].

Особый интерес вызывают положения об условиях охраноспособности селекционного достижения. Так, согласно п. 3 ст. 1413 ГК РФ новизна селекционного достижения сохраняется в том случае, если на дату подачи заявки на выдачу патента семена или племенной материал данного селекционного достижения не передавались, в т.ч. по лицензионному договору. В данном случае речь идет о так называемой коммерческой новизне селекционного достижения, отличной от аналогичного критерия новизны, предъявляемого к другим объектам патентного права. Требование новизны изобретения имеет ярко выраженный информационный характер, предполагая неизвестность соответствующего технического решения из общедоступных сведений. Новизна селекционного достижения может быть охарактеризована как хозяйственная или экономическая новизна. В этом наблюдении проиллюстрирован экономический потенциал селекционного достижения в рамках предпринимательской деятельности.

25 августа 2017 г. Правительство РФ утвердило Федеральную научно-техническую программу развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы[10]. К основным приоритетам в Программе отнесены: формирование условий для развития научной, научно-технической деятельности и получение результатов, необходимых для создания технологий, продукции, товаров и оказания услуг, обеспечивающих независимость и конкурентоспособность отечественного агропромышленного комплекса, привлечение инвестиций в агропромышленный комплекс. Инвестирование значительных средств в научно-технические разработки и материальную базу есть главное условие достижения высоких результатов в селекционной деятельности, но селекция успешно развивается тогда, когда селекционеры имеют собственные средства, получаемые не от государства, а за счет сбора лицензионных платежей (роялти).

Механизм определения и сбора роялти (селекционного вознаграждения) практически не развит в российском законодательстве[11]. Однако именно проблема отсутствия финансовой заинтересованности и нехватка средств для организации и проведения изыскательных работ для российских селекционеров стоит остро. Несовершенство законодательства сказывается и на отношениях с зарубежными контрагентами, ведь они не заинтересованы в поставках качественных семян на отечественный рынок без уверенности в том, что их права не будут нарушены.

Возможным выходом из сложившейся ситуации может быть применение законодательства по аналогии, но возникает проблема нахождения наиболее близкого по содержанию объекта. Несмотря на то что новые сорта охраняются патентами, патент на селекционное достижение не тождествен патенту, о котором говорится в гл. 72 ГК РФ.

Представляется необходимым закрепить минимальные ставки по сбору роялти для упрощения их расчета и применения в спорных ситуациях. Абзац 3 п. 5 ст. 1235 ГК РФ закрепляет, что лицензионное вознаграждение может быть предусмотрено в договоре в форме фиксированных разовых или периодических платежей, процентных отчислений от дохода (выручки) или в иной форме. Эффективными являются ставки в виде процентных отчислений от общей выручки от реализации продуктов использования объектов охраны. Таким образом, законодательно закреплен механизм сбора селекционного достижения, но не установлено минимальных ставок вознаграждения за использование объекта охраны. Правительство РФ вправе устанавливать минимальные ставки, порядок сбора, распределения и выплаты вознаграждения за использование результатов интеллектуальной деятельности[12]. Однако связь размера роялти с ценой на семена ставит размер селекционного вознаграждения в зависимость от рыночных условий, что говорит

---

[7] См.: *Иванов А.Ю., Куликов Р.С., Харченко М.М. и др.* Исследовательский проект «Селекция 2.0». М., 2020. С. 179–209.

[8] См.: СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I), ст. 5496.

[9] *Синельникова В.Н.* Указ. соч.

[10] См.: постановление Правительства РФ от 25.08.2017 г. № 996 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы» // СЗ РФ. 2017. № 36, ст. 5421.

[11] См.: *Мурая Л.И.* Системы сбора роялти за использование охраняемых сортов растений в зарубежных странах // Инновационное развитие – от Шумпетера до наших дней: экономика и образование: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 287–294.

[12] См.: постановление Правительства РФ от 21.03.1994 г. № 218 «О минимальных ставках авторского вознаграждения за некоторые виды использования произведений литературы и искусства» // САПП РФ. 1994. № 13, ст. 994.

о необходимости комплексной поддержки селекционеров. При изучении судебной практики становится понятно, что даже при установлении фиксированной ставки селекционных платежей их размер настолько мал[13], что обойти стороной вопрос рыночной стоимости семян не удастся. Тем не менее законодательное закрепление таких ставок может снизить риск нарушения прав селекционеров в части незаконного использования результатов их интеллектуальной деятельности.

Изучая судебно-арбитражную практику по спорам, связанным с защитой интеллектуальной собственности, следует отметить, что наиболее распространенными исками о защите прав интеллектуальной собственности, связанными с нарушением прав на селекционные достижения, являются требования о возмещении убытков или о выплате компенсации за нарушения, совершенные в период временной правовой охраны, в соответствии с положениями ст. 1436 ГК РФ. Положения о возможности взыскания компенсации, предусмотренной ст. 1252 ГК РФ, не распространяются на селекционные достижения. Было бы целесообразно законодательно закрепить размер причитающихся автору выплат в случае нарушения его прав по аналогии с закреплением минимального размера компенсации в отношении объектов авторского права. В случае применения иных способов защиты мы говорим о применении общих положений интеллектуальной собственности, но опять же без учета специфики объекта правовой защиты, который представляет собой биологический объект, подверженный как человеческому влиянию, так и естественным воздействиям. Таким образом, специальные способы защиты, предусмотренные гл. 73 ГК РФ, посвященной селекционным достижениям, носят декларативный характер. В то же время перечень общих способов защиты ограничен.

Говоря о защите прав авторов-селекционеров, интерес представляет также режим защиты селекционных достижений, полученных в соавторстве. Гражданский кодекс РФ предоставляет авторам, не являющимся патентообладателями, право получения авторского свидетельства. Примечательно, что данный документ не является охранным, что, в свою очередь, ставит соавтора, не являющимся патентообладателем, в неравное положение. В дальнейшем это может привести к противоречиям между соавторами, в т.ч. и в части распределения селекционного вознаграждения. Представляется необходимым законодательно уточнить, для каких целей выдается авторское свидетельство, например, право автора на получение вознаграждения от патентообладателя за использование селекционного достижения. Иначе возникает дублирование прав, ведь патент на селекционное достижение также подтверждает авторство.

Защита прав селекционеров представляет собой комплекс межотраслевых норм, направленных на предоставление авторам наилучших условий реализации их научного потенциала. Необходимость применения норм разноотраслевого законодательства и норм по аналогии есть показатель того, как сложно и вместе с тем недостаточно эффективно выстроена система защиты прав на селекционные достижения.

* * *

Государство должно осознавать, что высокий уровень развития сельского хозяйства возможен только при сотрудничестве ученых и производителей, поэтому необходимо прежде всего совершенствовать законодательство. Производители должны быть заинтересованы в приобретении новых разработок и иметь для этого необходимые средства и условия, а разработчики должны быть уверенными, что коммерческое применение их продуктов будет находиться под охраной, что обеспечит их заинтересованность в создании успешных на рынке селекционных достижений.

Российская Федерация должна перенять опыт зарубежных стран, успешно осуществляющих правовое регулирование селекционной деятельности. Например, в ФРГ система оборота селекционных достижений выстроена таким образом, что сама по себе она является самодостаточной, даже без государственной поддержки. Причин тому много: развитый механизм сбора селекционного вознаграждения, в том числе и за продукцию, происходящую от уже охраняемых сортов, сосредоточение селекционного потенциала в частных руках, система качественного отбора семян, обладающих коммерческой привлекательностью и т.д. Важно также отметить, что в мировой практике положения международных договоров трактуются в пользу селекционеров, при этом обеспечивая баланс интересов. Примечательно и то, что Российская Федерация – участница многих международных союзов по охране новых сортов растений. Например, Международного союза по охране новых сортов растений (UPOV), деятельность которого направлена на создание системы охраны прав селекционеров и получение выгод от селекционной деятельности. Целью создания UPOV является стимулирование разработки новых сортов растений, которые в конечном счете внесут свой вклад в устойчивость мировой продовольственной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вождаева Н.Г., Волков И.В., Козлов В.А., Павлов А.В.* Современные тенденции и проблемы развития сельского хозяйства // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 2 (27).
2. *Иванов А.Ю., Куликов Р.С., Харченко М.М. и др.* Исследовательский проект «Селекция 2.0». М., 2020. С. 179–209.
3. *Мурая Л.И.* Системы сбора роялти за использование охраняемых сортов растений в зарубежных странах // Инновационное развитие – от Шумпетера до наших дней: экономика и образование: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 287–294.
4. *Синельникова В.Н.* Селекционное достижение как объект правовой охраны в Российской Федерации // *Гаврилов Э.П., Иванов А.А., Кротов М.В. и др.* Правоведение для сельскохозяйственных и ветеринарных вузов: учеб. для акад. бакалавриата. М., 2014. С. 258–287.
5. *Фудина Е.В.* Актуальные проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса России // International agricultural journal. 2020. № 1. С. 127–133.
6. *Шпинев Ю.С.* Инвестиции в сельское хозяйство: проблемы правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2020. № 10 (190). С. 39–42.
7. *Юшков А.Н., Савельева Н.Н., Чивилев В.В. и др.* Инновационные технологии в повышении эффективности селекционного процесса плодовых культур // Достижения науки и техники АПК. 2019. Т. 33. № 2. С. 27–30.

[13] См.: постановление Президиума ВАС РФ от 29.05.2007 г. № 1769/07 // В официальных источниках не публиковалось.

REFERENCES

1. *Vozhdaeva N.G., Volkov I.V., Kozlov V.A., Pavlov A.V.* Modern trends and problems of agricultural development // Azimut of scientific research: economics and management. 2019. Vol. 8. No. 2 (27) (in Russ.).
2. *Ivanov A. Yu., Kulikov R.S., Kharchenko M.M., etc.* Research project "Breeding 2.0". M., 2020. P. 179–209 (in Russ.).
3. *Muray L.I.* System for the collection of royalties for the use of protected varieties of plants in foreign countries // Innovative development from Schumpeter to the present day: the economy and education: collection of scientific works in proceedings of the International scientific and practical conf. 2015. P. 287–294 (in Russ.).
4. *Sinelnikova V.N.* Selection achievement as an object of legal protection in the Russian Federation // *Gavrilov E.P., Ivanov A.A., Krotov M.V., etc.* Jurisprudence for agricultural and veterinary universities: textbook for academic baccalaureate. M., 2014. P. 258–287 (in Russ.).
5. *Fudina E.V.* Actual problems and prospects of development of the agro-industrial complex of Russia // International agricultural journal. 2020. No. 1. P. 127–133 (in Russ.).
6. *Shpinev Yu. S.* Investments in agriculture: problems of legal regulation // Agrarian and land law. 2020. No. 10 (190). P. 39–42 (in Russ.).
7. *Yushkov A.N., Savelyeva N.N., Chivilev V.V., etc.* Innovative technologies in improving the efficiency of the selection process of fruit crops // Achievements of science and technology of the agro-industrial complex. 2019. Vol. 33. No. 2. P. 27–30 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛЕТОВА Елизавета Алексеевна –
аспирант, младший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LETOVA Elizaveta A. –
post-graduate, junior researcher of the Business and Corporate Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 176–182
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 176–182

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ (МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ («ПИСКОТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2021»), 15 апреля 2021 г.)

© 2021 г. М. Н. Кобзарь-Фролова*, Е. Л. Васянина**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: adminlaw@igpran.ru*
***E-mail: elenavasianina@yandex.ru*

Поступила в редакцию 11.05.2021 г.

Аннотация. В Институте государства и права РАН сложилась традиция чествовать выдающихся советских и российских ученых, которые в разное время служили и развивали на академическом уровне юридическую науку. Одним из таких признанных выдающихся ученых был заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Михаил Иванович Пискотин (1924–2003). М.И. Пискотин многие годы отдал становлению и укреплению науки финансового права и ее подотраслям (налоговое, бюджетное право), всемерно способствовал развитию науки административного права. В 1973–1989 гг. работал в Институте государства и права АН СССР в качестве заведующего сектором и главным редактором журнала «Советское государство и право». В его память и с уважением к его заслугам научное сообщество ежегодно проводит научные мероприятия. В апреле 2021 г. прошла Международная научно-практическая конференция, темой которой стала «Финансовая безопасность и право в эпоху цифровизации» («Пискотинские чтения – 2021»). Организатор конференции – сектор административного права и административного процесса ИГП РАН.

Отличительной особенностью данной конференции было то, что в качестве её участников заявились и выступили с докладами на актуальные темы ученые теоретики и практики в области финансового и административного права из ведущих российских академических и исследовательских организаций, а также граждане отдельных европейских государств и Азии. Целью проведения конференции было рассмотрение актуальных проблем, современных тенденций и перспектив развития финансового права в эпоху цифровизации. Особый интерес участников вызывали те доклады, в которых не только поднимались существующие проблемы, но и высказывались направления и пути их разрешения. По итогам работы участниками была принята Резолюция Международной научно-практической конференции «Финансовая безопасность и право в эпоху цифровизации» («Пискотинские чтения – 2021»).

Ключевые слова: цифровая эпоха, финансовое право, финансовая безопасность, цифровизация, информатизация, контроль, финансовый механизм, налоги, бюджет, банки.

Цитирование: *Кобзарь-Фролова М.Н., Васянина Е.Л.* Финансовая безопасность и право в эпоху цифровизации (Международная научно-практическая конференция («Пискотинские чтения – 2021»), 15 апреля 2021 г.) // Государство и право. 2021. № 8. С. 176–182.

DOI: 10.31857/S102694520016444-9

FINANCIAL SECURITY AND LAW IN THE DIGITAL AGE (INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE (“PISKOTIN'S READINGS – 2021”), April 15, 2021)

© 2021 M. N. Kobzar-Frolova*, E. L. Vasyanina**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: adminlaw@igpran.ru*
***E-mail: elenavasianina@yandex.ru*

Received 11.05.2021

Abstract. The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences has a long tradition of honoring outstanding Soviet and Russian scientists who at different times served and developed legal science at the highest academic level. One of such recognized outstanding scientists was the Honored scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Mikhail I. Piskotin (1924–2003). Mikhail I. Piskotin devoted many years to the formation and strengthening of the science of Financial Law and its sub-branches (tax, Budget Law), in every possible way contributed to the development of the science of Administrative Law. 1973–1989 worked at the Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the USSR as head of the sector and editor-in-chief of the journal "Soviet State and Law". In his memory and with respect to his merits, the scientific community annually holds scientific events. In April 2021, an International scientific and practical conference was successfully held, the topic of which was "Financial security and law in the digital era" ("Piskotin's readings – 2021"). The organizer of the conference is the sector of Administrative Law and administrative process, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
A distinctive feature of this conference was that as its participants, academic theorists and practitioners in the field of Financial and Administrative Law from leading academic and research organizations from the Russian Federation, as well as citizens of individual European states and Asia, announced and made reports on topical topics. The purpose of the conference was to consider current problems, current trends and prospects for the development of Financial Law in the digital era. The participants were especially interested in those reports in which not only the existing problems were raised, but also the directions and ways of their solution were expressed. As a result of the work, the participants adopted the Resolution of the International scientific and practical conference "Financial security and law in the digital era" ("Piskotin's readings – 2021").

Key words: digital era, Financial Law, financial security, digitalization, informatization, control, financial mechanism, taxes, budget, banks.

For citation: *Kobzar-Frolova, M.N., Vasyanina, E.L. (2021).* Financial security and law in the digital age (International scientific and practical conference ("Piskotin's readings – 2021"), April 15, 2021) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 176–182.

15 апреля 2021 г. в Институте государства и права Российской академии наук прошла Международная научно-практическая конференция «Финансовая безопасность и право в эпоху цифровизации» («Пискотинские чтения – 2021»). Организатор конференции – сектор административного права и административного процесса ИГП РАН. Конференция проходила в очно-заочной форме с применением онлайн платформы Zoom.

Традиция ежегодно проводить научное мероприятие памяти видного ученого, теоретика финансового и административного права, заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Михаила Ивановича Пискотина (1924–2003) была заложена после его ухода из жизни. М.И. Пискотин – автор более 200 публикаций. Его перу принадлежат многие значимые для науки права работы по теории государственного управления и финансовому праву, а также обширная издательская деятельность в качестве главного редактора ряда журналов, в т.ч. журнала «Советское государство и право».

Состоявшаяся конференция в силу многих причин оказалась беспрецедентной. Во-первых, данное научное мероприятие имело международный статус. Среди участников конференции были граждане государств Европы и Азии. Во-вторых, к ней проявили интерес и выступили с докладами представители науки из многих субъектов Российской Федерации, которые по праву славятся своими научными школами, в них работают известные ученые, развивающие науку финансового права. Институт государства и права РАН с уважением и неизменным интересом относится к тем научным направлениям и исследованиям, которые проводятся в субъектах Российской Федерации. Нет сомнения, что выступления с докладами, обмен мнениями и та творческая дискуссия, которая имела место в период обсуждения актуальных тем, позволят по их завершении добиться новых научных достижений. В-третьих, к участию в Международной научно-практической конференции «Пискотинские чтения – 2021» были приглашены российские и зарубежные ученые, докторанты и аспиранты, практические работники в области финансового права. Отличительной особенностью стала и выбранная организаторами цель конференции, которая предполагала рассмотрение актуальных проблем, тенденций и перспектив развития финансового права в условиях цифровизации экономики.

Программа конференции формировалась из заявленных ее участниками актуальных тем, отражающих правовую природу финансовых процессов в национальной экономике в условиях цифровизации и достижениях в этой области за рубежом.

На конференции обсуждались следующие вопросы:

финансовое право в условиях новых экономических реалий: предмет, метод, система, наука;

трансформация бюджетных правоотношений в условиях цифровой экономики;

актуальные правовые проблемы денежного обращения в цифровую эпоху;

проблемы формирования государственных доходов в новых экономических условиях;

налоговые правоотношения: современное состояние, перспективы развития;

государственный финансовый контроль в условиях цифровой экономики.

Открыла конференцию **врио первого заместителя директора ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф. Е.В. Виноградова**. Поприветствовав участников конференции, она отметила высокий вклад и значение научных достижений М.И. Пискотина для развития науки финансового и административного права, его творческий подход, разнообразие тем и научную активность ученого. Познание научного наследия М.И. Пискотина показывает, что его идеи и подходы, сформулированные в таких работах, как «Советское бюджетное право (Основные проблемы)», «Социализм и государственное управление», «Россия в XX веке: неоконченная трагедия» во многом сохраняют актуальность, а его труды востребованы в современных условиях. М.И. Пискотин оставил после себя не только фундаментальные работы, но и подготовил большое количество учеников, своих последователей. Память о М.И. Пискотине как о прекрасном ученом, крупном аналитике и теоретике финансового и административного права сохранится в Институте государства и права.

Неизменный интерес на памятных мероприятиях вызывают доклады-посвящения. ***«М.И. Пискотин – архитектор российского бюджетного права»*** – так назвал свой доклад **главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ С.В. Запольский**, который непосредственно был знаком с М.И. Пискотиным. Его доклад был насыщен цитатами из трудов ученого, научное наследие которого, создав теоретическую основу исследований в области бюджетного права, служит до сих пор источником идей, развиваемых многими его последователями. С.В. Запольский отметил, что Михаил Иванович органично увязывал проблематику государственного управления с вопросами совершенствования правового регулирования бюджетных отношений, показав, что, в сущности, бюджетная деятельность есть не что иное, как имущественная составляющая единого процесса государственного управления экономикой и социально-политическими процессами. Благодаря М.И. Пискотину это научное направление, не обособляясь в отдельную отрасль знаний, стало самостоятельным направлением финансово-правовых исследований.

Актуальные вопросы акцизной политики в Российской Федерации как части бюджетной политики были подняты в докладе ***«Правовая пандемия в регулировании акцизов: увеличение доходов бюджета или отложенные расходы?»***, с которым выступила **зав. кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита, д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Крохина.**

Проблема финансовой десуверенизации, острота которой обусловлена цифровизацией экономики, эмиссией частной цифровой валюты, была отмечена в докладе ***«Глобальная десуверенизация финансов»***, представленном **главным научным сотрудником Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д-ром юрид. наук, канд. экон. наук, проф. Н.М. Казанцевым.**

Неподдельный интерес вызвал доклад на тему ***«Правовые и этико-юридические проблемы, вызванные глобальной цифровизацией налоговой системы»*** **генерального директора АО «Центр экономических экспертиз “Налоги и финансовое право”», канд. юрид. наук А.В. Брызгалина**. Он исследовал не только проблему влияния цифровизации на функционирование налоговой системы, но и обозначил современные «цифровые аспекты» налогообложения. А.В. Брызгалин высказал уверенность в том, что сфера «цифровизации налогов» в последующие годы будет расширяться. При этом, отмечая безусловные положительные моменты применения цифровых технологий в налоговой сфере (оперативность, точность, удобство, повышение эффективности налогового контроля и т.д.), акцентировал внимание на тех проблемах, которые возникают у налогоплательщиков в результате технических сбоев, происходящих в информационных системах налоговых органов. Особую озабоченность вызывают этико-юридические проблемы цифровизации налоговой системы, т.к. очевидно, что ни государство, ни общество, ни наука, ни практика к ним не готовы.

Значительная часть докладов, представленных участниками конференции, была посвящена таким ключевым направлениям обеспечения финансовой безопасности государства, как информатизация, цифровизация, администрирование и государственный финансовый контроль.

В докладе ***«Цифровизация налогового администрирования как средство предупреждения нарушений законодательства о налогах и сборах»*** **врио зав. сектором административного права и административного процесса М.Н. Кобзарь-Фролова** раскрыла направления и ориентиры цифровизации налогового администрирования как важнейшего средства предупреждения нарушений законодательства

о налогах и сборах (налоговой деликтности). Она сформулировала вывод о том, что цифровизация налогового администрирования создает предпосылки к преобразованию мер и мероприятий налогового контроля в современные формы, позволяет предупредить нарушения законодательства о налогах и сборах и снизить уровень налоговой деликтности.

В докладе на тему ***«Цифровая перспектива государственного финансового контроля»*** **профессор МГИМО МИД России, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ С.О. Шохин** определил задачи государственного финансового контроля, играющего ключевую роль в механизме обеспечения финансовой безопасности государства. С.О. Шохин подчеркнул значение применения информационных технологий для повышения эффективности финансового контроля в публичном секторе, обозначил новые возможности и инструменты контроля, описал эволюцию подходов к использованию достижений технического прогресса в целях финансового контроля на международном уровне. Вместе с тем он отметил, что широкое использование информационных технологий таит в себе определенные риски. В связи с этим необходимо разработать методики подтверждения достоверности информации, получаемой от проверяемых объектов в электронном виде, используя критерии стандартов ИНТОСАИ в отношении «разумного скептицизма» и минимизации рисков недобросовестности, искажений и существенности информации.

Актуальные проблемы осуществления государственного контроля в финансовой сфере в условиях цифровизации экономики были подняты в докладе ***«Роль государственного финансового контроля в механизме обеспечения финансовой безопасности государства»*** **ведущего научного сотрудника сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, д-ра юрид. наук Е.Л. Васяниной**. Она раскрыла проблемы организации и проведения государственного финансового контроля, связанные с цифровизацией экономики, особенностями функционирования финансового механизма и системы государственного управления, и сформулировала вывод о том, что контроль, надзор, аудит и мониторинг являются самостоятельными и одновременно взаимодополняемыми формами государственного управления, порядок применения которых зависит от особенностей правового статуса подконтрольных субъектов. Кроме того, Е.Л. Васянина представила современные подходы к регулированию финансовых отношений, позволяющие создать условия для организации эффективного государственного контроля над функционированием финансового механизма в целях укрепления его резистентности к экономическим кризисам.

Ключевые аспекты двух основных контрольных процедур в сфере закупок – финансового и ведомственного контроля рассмотрены в докладе ***«Финансовый и ведомственный контроль в сфере закупок: ключевые аспекты»*** **доцентом кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, канд. юрид. наук Е.В. Шеховцевой**.

В докладе на тему ***«Налоговый контроль – инструменты при дистанционном режиме работы сотрудников налогового органа (условия применения и тенденции)»*** **заместитель директора НИИ финансового и налогового права (Казахстан) В.Ю. Шатов** остановился на проблемах осуществления налогового контроля в Казахстане. Он предложил определение дефиниции «процесс цифровизации», под которыми следует понимать сбор, обработку и обмен данными с использованием электронных устройств. При этом В.Ю. Шатов отметил, что данный процесс мало повлиял на правосознание и мировоззрение работников налоговых органов Казахстана. Вместе с тем он обозначил, что безусловный плюс процесса цифровизации состоит в устранении непосредственного контакта между налогоплательщиком и работником налогового органа, что снижает вероятность субъективного воздействия на налогоплательщика.

Доклад ***«Роль государства в обеспечении финансовой безопасности»*** был представлен **профессором Российского государственного университета правосудия, д-ром юрид. наук А.Д. Селюковым**, который обеспечение финансовой безопасности определил как часть общей национальной безопасности, включающей военную, экологическую, продовольственную, финансовую и иные аспекты безопасности. Финансовая безопасность, по убеждению А.Д. Селюкова, есть совокупность всех элементов финансовой системы, которые в процессе взаимодействия между собой и иными сферами жизнедеятельности общества обеспечивают устойчивость их функционирования и развития экономики как основы всего механизма социального развития. На состояние финансовой безопасности влияют две группы факторов – внешние и внутренние. К внешним он отнес санкции западных государств, направленные на подрыв платежной системы в Российской Федерации. Среди внутренних факторов выделена неподготовленность национальной финансовой системы к противостоянию различных угроз.

О механизмах обеспечения финансовой безопасности через призму прозрачности (транспарентности) расходования бюджетных средств сообщила **профессор кафедры конституционного, административного и финансового права Юридического института Орловского государственного университета**

им. И.С. Тургенева, д-р юрид. наук Т.А. Гусева. В докладе ***«Государственный (муниципальный) социальный заказ на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере»*** Т.А. Гусева опиралась на нормы Федерального закона от 13 июля 2020 № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере», который закрепил публичное определение социального заказа, применение новых способов организации оказания государственных (муниципальных) услуг, единые подходы к финансовому обеспечению государственных и негосударственных исполнителей. Новый порядок не отменяет оказание социальных услуг государственными и муниципальными учреждениями в рамках выполнения задания за счет субсидии. Однако теперь органы власти или местного самоуправления могут решать – либо по-прежнему оказывать услуги в социальной сфере через учреждения, выделяя субсидию на выполнение задания, либо формировать реестр исполнителей и передавать право выбора потребителю услуги по социальному сертификату, определять исполнителей по конкурсу.

Новый структурный правовой массив в системе отрасли финансового права был выделен в докладе ***«Цифровая модель финансовой деятельности публично-правовых образований: некоторые тенденции развития»*** **зав. кафедрой административного и финансового права Новосибирского государственного университета, д-ром юрид. наук, проф. Н.В. Омелёхиной**. Она отметила двойственный статус информационных систем в финансовых имущественных и неимущественных отношениях, что влечет формирование двух видов взаимодействий участников таких отношений и формирование двух видов регуляторов: технических и правовых норм. Анализ цифровой трансформации финансовой деятельности позволил докладчику сформулировать вывод о формировании финансово-информационных отношений в составе предмета финансового права и нового структурного правового массива в системе соответствующей отрасли права.

В выступлении на тему ***«Цифровая валюта: конкуренция правовых систем и будущее денег»*** **профессор Департамента публичного права НИУ «Высшая школа экономики», профессор Департамента налогов и налогового администрирования Финансового университета при Правительстве РФ, д-р юрид. наук И.А. Хаванова** обозначила проблему соотношения реального и виртуального пространств, отметив, что в истории права немного случаев такого взаимодействия формы и содержания, когда первая начинала «довлеть» и претендовать на нормативное обособление предопределенных либо обусловленных ею явлений. Замыкаясь на проблематике национального законодательства для национальных лиц, государство не сможет стать бенефициаром цифровизации, а соревнование государств за такой статус идет с использованием всевозможных инструментов, включая особенности национальной правовой системы. Амбициозность повестки – не совершенствование внутреннего законодательства, а предложение своих правил как «глобальных», наиболее эффективных – соответствует логике происходящих процессов.

В докладе ***«Основные направления развития наличного денежного обращения на 2021–2025 годы как программный правовой акт Центрального банка Российской Федерации»*** **профессора кафедры финансового, банковского и таможенного права им. проф. Н.И. Химичевой Саратовской государственной юридической академии, д-ра юрид. наук, проф. Е.Н. Пастушенко и председателя суда общей юрисдикции в отставке, канд. юрид. наук Л.Н. Земцовой** подчеркивается, что указанный документ содержит концепцию развития правового регулирования и формирования правоприменительной практики в данной сфере общественных отношений, в связи с чем его следует определять как вектор развития финансово-правовой политики в рассматриваемой сфере общественных отношений, связанных с реализацией компетенции Банка России. Авторы вносят предложение о законодательном закреплении полномочий Банка России на инициативное издание программных правовых актов, требующихся для реализации компетенции Банка России, к каковым относятся Основные направления наличного денежного обращения на 2021–2025 годы, что позволит рассматривать их как акты стратегического планирования.

Актуальные вопросы денежного обращения обозначены в докладе «***Цифровой рубль как новая форма денег в цифровую эпоху»*** **профессора кафедры финансового права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-ра юрид. наук, проф. Т.Э. Рождественской**. Она рассмотрела перспективы введения цифрового рубля как третьей формы денег, сформулировала отличия безналичных денежных средств, электронных денег и цифровых денег, провела сравнительно-правовой анализ частной цифровой валюты и цифровой валюты центральных банков и предложила изменения в действующее законодательство с целью реализации концепции цифрового рубля.

Проблемные вопросы правовой природы цифровых финансовых активов отражены в докладе ***«Правовая сущность и правовой режим криптовалюты, NFT и цифровых финансовых активов»*** **старшим преподавателем кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета, канд. юрид. наук Ю.Н. Сальниковой**, которая указала, что отличие цифровой валюты от безналичных денежных средств заключается

в децентрализации ответственности за ее выпуск и обращение, что является фактором повышенного риска с точки зрения обеспечения финансовой безопасности физических, юридических лиц и государства и требует выработки специальных подходов к правовому регулированию данного явления.

В докладе «***Изменение финансово-правовых механизмов реализации функций государства в цифровую эпоху***» **доцент Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, канд. тех. наук В.Н. Назаров** выразил мнение, что вызовы цифровизации неизбежно потребуют изменения финансово-правовых механизмов. Эти изменения коснутся всей системы финансового права. При этом своевременное реагирование на вызовы необходимо для обеспечения работоспособности финансовой системы в условиях быстро меняющейся экономики.

В докладе на тему ***«Налоговая политика государства в нефтяной отрасли в условиях новых экономических и политических реалий»*** **и.о. зав. кафедрой гражданского права, гражданского и арбитражного процессов Югорского государственного университета, канд. юрид. наук Е.Н. Горбунова** обозначила актуальные вопросы налогообложения нефтяной отрасли. Особое внимание она уделила анализу первых результатов проводимой налоговой реформы в отношении введения налогового маневра как одного из основных механизмов финансовой безопасности государства. Автор приходит к выводу о том, что для получения эффективного результата требуется системная работа в отношении реформы налогообложения нефтяной отрасли, поэтапный переход от налогового маневра к налогообложению добавленного дохода нефтяных компаний.

В работе конференции приняли участие молодые ученые, аспиранты и соискатели ИГП РАН.

Участниками конференции была принята и одобрена Резолюция.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международной научно-практической конференции «Финансовая безопасность и право в эпоху цифровизации» («Пискотинские чтения – 2021»), 15 апреля 2021 г.

Заслушав и обсудив доклады, подводя итоги, участники Конференции РЕШИЛИ:

1. Отметить высокий уровень организации проведения Конференции сектором административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук, творческий, плодотворный и во многом прикладной характер научной дискуссии по актуальным проблемам науки финансового права.

2. Трансформация финансового права, обусловленная развитием цифровой среды, происходит на фоне активизации роли международного права, усиления конвергенции частного и публичного права, сопровождающейся дроблением режимов правового регулирования, рассчитанных на конкретных участников финансовых правоотношений, а также навязыванием «глобальных» правил регулирования финансовой сферы отдельными участниками гражданского оборота, обеспечивающими развитие информационных систем.

3. Поскольку развитие цифровых технологий масштабным образом отразилось на финансово-правовой сфере, в новых экономических условиях следует продолжить научные исследования в области трансформации финансово-правовых институтов с целью внедрения современных подходов к регулированию финансового механизма, позволяющих обеспечить его резистентность к финансовым кризисам.

4. Формирование новой парадигмы развития финансового механизма, представляющего собой совокупность правовых институтов, упорядочивающих сферы экономической жизни, в условиях цифровой среды должно сопровождаться применением мер, направленных на укрепление государственного суверенитета и усиление гарантий защиты прав участников финансовых правоотношений.

5. Необходимо изменить подходы к преподаванию финансового права в юридических образовательных учреждениях, в т.ч. подготовить учебники и учебные пособия, которые позволили бы переосмыслить суть и роль финансового права в экономических условиях и в свете новых конституционных реалий.

6. Продолжить изучение научного наследия доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Михаила Ивановича Пискотина, а также его коллег по Институту и сподвижников, всемерно способствовать широкому распространению этого наследия.

7. Актуальные доклады и результаты научных исследований опубликовать в сборнике научных трудов конференции.

8. Очередную конференцию «Пискотинские чтения – 2022» провести в ноябре 2022 г.

* * *

Согласно Указу Президента РФ от 25 декабря 2020 г. № 812 текущий, 2021 год, в Российской Федерации признан Годом науки и технологий. Для сектора административного права и административного процесса это юбилейный год – 85 лет со дня основания. 8 октября 2021 г. Институт государства и права РАН отметит эту дату научным мероприятием. Уверены, что это событие не останется незамеченным научной общественностью России и зарубежья.

Сведения об авторах

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА Маргарита Николаевна – доктор юридических наук, профессор, врио заведующей сектором административного права и административного процесса, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСЯНИНА Елена Леонидовна – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KOBZAR-FROLOVA Margarita N. – Doctor of Law, Professor, acting head of the Sector of Administrative Law and administrative procedure, chief researcher of the Sector of Administrative Law and administrative procedure of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASYANINA Elena L. – Doctor of Law, leading researcher of the Sector of Administrative Law and administrative procedure of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 183–187
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 183–187

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДОВ

И.А. Умнова-Конюхова. НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ (ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА). Москва: РГУП, 2020. – 324 с.

© 2021 г. Е. В. Алферова*, И. А. Алешкова**

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), г. Москва

**E-mail: ealf@list.ru*
***E-mail: ialeshkova@mail.ru*

Поступила в редакцию 13.01.2021 г.

Аннотация. В рецензии представлены анализ и оценка основных проблем, рассмотренных в монографии «Национальное правосудие и международное правосудие: теория и практика взаимодействия в публично-правовых отношениях (принципы государственности и прав человека)». Автор – руководитель научного направления конституционно-правовых исследований Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ И.А. Умнова-Конюхова. Отмечается, что указанная работа является продолжением научных исследований, осуществляемых И.А. Умновой-Конюховой, имеет фундаментальный характер и отличается глубоким системным анализом актуальных аспектов взаимодействия национального и международного правосудия. Делается вывод о высоком теоретическом и практическом значении рецензируемой монографии.

Ключевые слова: национальное правосудие, международное правосудие, принципы государственности, принципы прав человека, Конституционный Суд РФ, ЕСПЧ, интегративный подход.

Цитирование: *Алферова Е.В., Алешкова И.А.* Верховенство права в контексте решения проблем взаимодействия международных и национальных судов
И.А. Умнова-Конюхова. Национальное правосудие и международное правосудие: теория и практика взаимодействия в публично-правовых отношениях (принципы государственности и прав человека) // Государство и право. 2021. № 8. С. 183–187.

DOI: 10.31857/S102694520016392-2

THE RULE OF LAW IN THE CONTEXT OF SOLVING PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL COURTS

I.A. Umnova-Konyukhova. NATIONAL JUSTICE AND INTERNATIONAL JUSTICE: THEORY AND PRACTICE OF INTERACTION IN PUBLIC-LEGAL RELATIONS (PRINCIPLES OF STATEHOOD AND HUMAN RIGHTS). Moscow: RSUJ, 2020. – 324 pp.

© 2021 E. V. Alferova*, I. A. Aleshkova**

Institute of scientific information on social Sciences (INION RAS), Moscow

**E-mail: ealf@list.ru*
***E-mail: ialeshkova@mail.ru*

Received 13.01.2021

Abstract. The review presents an analysis and assessment of the main problems considered in the monograph "National justice and international justice: theory and practice of interaction in public-legal relations (principles of statehood and human rights)". The author is the head of the scientific direction of constitutional and legal research of the Center for the study of problems of justice of the Russian state University of justice, Doctor of Law, Professor, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation I.A. Umnova-Konyukhova. It is noted that this work is a continuation of the scientific research carried out by I.A. Umnova-Konyukhova, has a fundamental character and is distinguished by a deep systematic analysis of relevant aspects of the interaction of national and international justice. The conclusion is made about the high theoretical and practical significance of the reviewed monograph.

Key words: national justice, international justice, principles of statehood, principles of human rights, Constitutional Court of the Russian Federation, ECHR, integrative approach.

For citation: *Alferova, E.V., Aleshkova, I.A. (2021).* The Rule of Law in the context of solving problems of interaction between international and national courts
I.A. Umnova-Konyukhova. National justice and international justice: theory and practice of interaction in public-legal relations (principles of statehood and human rights) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 183–187.

Верховенство права часто характеризуется как политический идеал, к которому должна стремиться любая правовая система независимо от ее основных целей и по которому можно судить о ней. Верховенство права в международных отношениях, обеспечиваемое решениями судов, как утверждал известный австрийско-немецкий теоретик права Г. Кельзен, есть единственный путь к поддержанию мира. Для этого, по его мнению, необходим Международный суд, обладающий обязательной юрисдикцией[1]. После Второй мировой войны постепенно складывалась цельная система международного правосудия, которая изменила развитие международного права и международных отношений, существенно повлияла на национальное право и правосудие всех государств мира. Глобализация и дифференциация права, взаимопроникновение правовых культур, имплементация универсальных принципов и норм международного права в национальное способствовали возрастанию роли судов. Сближение международного и национального права в последние десятилетия обеспечивалось международным и национальным правосудием. Однако исследованию роли судов в международном и национальном праве, в толковании права и правоприменении научная юридическая литература уделяет недостаточное внимание. Восполняет этот пробел рецензируемая монография д-ра юрид. наук, проф. И.А. Умновой-Конюховой. На основе сравнительно-правового анализа в ней комплексно исследуются не только вопросы теории и практики взаимодействия международных и национальных судов, тенденции его развития в условиях глобализации и судебной конституционализации, доктрины судебного толкования и применения принципов государственности и прав человека, но и функционирование ключевых международных судов ООН – Международного Суда и Международного уголовного суда, международных трибуналов, а также Европейского Суда по правам человека.

Выбор в качестве объекта анализа принципов государственности (соблюдение государственного суверенитета; суверенное равенство государств; невмешательство во внутренние дела; территориальная целостность и неприкосновенность; нерушимость границ; недопустимость злоупотребления властью и захвата власти и др.) и принципов прав человека и его свобод, устойчивого развития правового государства, как

[1] См.: *Bernstorff J.* Hans Kelsen on judicial law-making by international courts and tribunals. A theory of global judicial imperialism? // European society of International Law: Conference paper. Oslo, 2015. Vol. 5. No. 8. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2709624 (дата обращения: 10.01.2021).

показывает данное исследование, обусловлен наиболее частым их применением в современной международной, отечественной и зарубежной судебной юрисдикции. При этом общие вопросы сравнительно-правового анализа международного и национального правосудия сочетаются с детальным рассмотрением особенностей применения исследуемых принципов в Российской Федерации.

Проблема понимания и системы принципов права находится в центре внимания ученых и практиков уже несколько столетий и продолжает оставаться актуальной и ныне. Потребность в изучении и обобщении тенденций и практики их развития рассматривается автором в аспекте формирования теории правовой таксономии, выявления системных и диалектических взаимосвязей принципов права. Анализ принципов в этом ракурсе позволяет И.А. Умновой-Конюховой исследовать общее и различия в их судебном правопонимании, выявить доктрины судебного толкования и применения принципов прав человека в национальном и международном правосудии.

В рецензируемой монографии представлена концепция системы общих принципов права исходя из практики их применения национальными и международными судами. С точки зрения уровня конституционализации и формально-юридической определенности общие принципы права автор разграничивает на три основные группы: 1) конституционно-определенные; 2) принципы права, основанные на конституционном обычае (условно-определенные); 3) презюмируемые условные конституционные принципы (с. 43). Наиболее часто в качестве общих принципов права конституции государств закрепляют принципы правового государства (верховенства права, высшей силы конституции, конституционности и законности, равенства всех перед законом и др.), основ государственного и общественного строя, демократии, прав и свобод, политического плюрализма, социального государства, равноправия, основ экономического строя. Расширение влияния принципов права как регуляторов общественных отношений на международно-правовом и национально-правовом уровнях – устойчивая тенденция правового развития (с. 49).

Анализ современных процессов развития позволяет исследователю прийти к выводу, что одним из определяющих источников общих принципов права выступает именно судебная практика государств. Суды выводят принципы как из конституций и законов, так и обычаев, благодаря их уточняющему толкованию (с. 51).

Современные процессы развития правовой системы подвигают российских ученых к признанию судебных решений в качестве источника внутринационального права. По мнению И.А. Умновой-Конюховой, «решение высшего суда как элемента правовой системы может занимать промежуточное положение между нормативными правовыми актами и правоприменительными актами, если оно толкует или интерпретирует конституционную или иную правовую норму, формирует принципы права, выявляет системную связь между ними и нормами права, раскрывает содержание и устраняет неопределенность в праве» (с. 58). В связи с этим автор прослеживает активную роль Конституционного Суда РФ в осуществлении нормативно-доктринального толкования Конституции РФ, в нормативной интерпретации многих конституционных норм при рассмотрении дел о конституционности, что обусловливает не только отмену, но и уточнение содержания многих федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации. В этих условиях значимость решений Конституционного Суда РФ в качестве источника права, как и их особая юридическая сила, с точки зрения исследователя, не могут быть проигнорированы (с. 59).

Наряду с освещением дискуссии о правотворческом активизме при применении судами общих принципов права И.А. Умнова-Конюхова сосредоточивает внимание на формирующейся тенденции создания судами правовых доктрин в процессе применения и толкования данных принципов. Судебный орган избегает политических конфликтов, постепенно создавая собственные правовые доктрины, этот подход получил название «судебный инкрементализм», т.е. решение сложной проблемы путем нахождения баланса между социальными и правовыми аргументами. Такое направление характерно не только для национальных судов, но и международных. Факт широкого использования их решений сторонами спора и иными субъектами дает судам возможность изменять содержание международно-правовых норм. Однако сохранить подобную возможность международные суды могут только в случае, если адресаты их решений продолжат признавать их в качестве обязательных (с. 61).

Научный интерес представляют положения, на которых автор концентрирует внимание, как-то: выявление наиболее востребованных доктрин современности – конституционное ограничение правами человека деятельности всех международных и национальных органов, организаций и учреждений; установление пределов свободы усмотрения государства его органами, в т.ч. судами *(margin of appreciation)*; благоприятный правовой режим человека, подразумевающий расширительное толкование прав человека международными и национальными судами на основе естественно-правовых принципов гуманизма и справедливости.

В монографии выделяются и раскрываются предпосылки создания доктрины субсидиарности, формирующейся на основе практики реализации принципа субсидиарности в решениях Суда ЕС, ЕСПЧ и национальных судов.

Осуществляя свою деятельность, международные суды сталкиваются с пределами, определяемыми высшими национальными органами конституционного судебного контроля. Конституционные и верховные суды формируют «конституционный щит» собственной прерогативы и, базируясь на приоритете национальной конституции, сами решают, могут или не могут международные суды оценивать соответствие конституционных норм международному праву. Алгоритмом решения этой проблемы, по мнению ученого, является установление конституционного диалога во взаимодействии между судами (с. 23).

Для правильной диагностики диалектики взаимодействия международных и национальных судов, полагает И.А. Умнова-Конюхова, необходимо четкое определение сходства и различий в функциях и полномочиях конституционных и международных судов и т.н. «правовая миграция»: взаимопроникновение решений судов в международное и национальное конституционное пространство; ведение дискуссий в рамках конституционного диалога; расширение взаимодействия международных и национальных судов на основе перекрестного заимствования опыта; развитие концепции судебного конституционализма и т.д. (с. 30).

В рецензируемой работе значительное внимание уделено современной практике Международного Суда ООН, Международного уголовного суда ООН, международным трибуналам, ЕСПЧ, Суда ЕС и конституционных и высших судов других государств, включая Конституционный Суд РФ. Рассматривая международно-правовую практику деятельности международных судов и других международных правозащитных контролирующих органов и организаций, автор

отмечает усиление интеграции международного и национального правотворчества, усложнение межгосударственных связей, появление глобальных проблем, решение которых требует солидарного участия в их разрешении. Как полагает И.А. Умнова-Конюхова, значительную роль здесь играет то обстоятельство, что отдельные вопросы, традиционно отнесенные к внутренней компетенции государств, ныне регулируются и нормами международного права (с. 125).

Взаимовлияние и последующая интеграция правовых позиций органов национального правосудия и международного правосудия в определении круга основополагающих принципов права как регуляторов права и общих правил правоприменения способствуют формированию и развитию глобальной правовой таксономии – целостной системы общих принципов права, универсальных стандартов для всех государств и базисных правовых регуляторов в международном праве и национальном праве. На их основе принимаются решения судов, разрешающих споры между государствами, государствами и гражданами.

Применительно к принципам государственности автор выделяет и рассматривает три канала влияния международного правосудия на их толкование и применение:

1) корректировка содержания отдельных институтов национальных правовых порядков, условий признания суверенитета спорных государств и государственных образований;

2) уточнение содержания и соотношения принципов и доктрин международного права;

3) оценка состояния государственности и соответствия национального правопорядка принципам и нормам международного права (с. 152).

Особо И.А. Умнова-Конюхова останавливается на проблеме законодательного регулирования порядка исполнения постановлений ЕСПЧ в России. Подчеркивается, что обязанностью органов государственной власти Российской Федерации при имплементации международных договоров, базирующейся на верховенстве Конституции РФ, предполагающей соотнесение законодательства Российской Федерации с ее обязательствами по международным договорам, является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, как они определены в Конституции РФ, и недопущение нарушений основ конституционного строя. В контексте положений Венской конвенции о праве международных договоров Россия в порядке исключения вправе отступить от выполнения возлагаемых на нее решением межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, если такое отступление – единственно возможный способ избежать нарушения Конституции (с. 294, 295). Подчеркивается, что, несмотря на отсутствие специализированного закона об исполнении решений ЕСПЧ в Российской Федерации, практика Конституционного Суда РФ выработала четкие критерии правовой возможности и, соответственно, невозможности исполнения решений ЕСПЧ. Эти подходы вполне вписываются в общеевропейскую картину взаимоотношений ЕСПЧ с судами государств – участников Конвенции о защите прав и основных свобод и свидетельствуют о стремлении к взаимодействию в правовых рамках (с. 296).

* * *

Таким образом, анализ деятельности и решений органов международного и национального правосудия позволил ученому рассмотреть проблему поиска путей повышения авторитета как международных судов, так и национальных, создания новых возможностей и инструментов, обеспечивающих уважение к судебным решениям любого уровня.

Следует подчеркнуть, что рецензируемая монография имеет четко выраженную теоретическую и методологическую связь с предыдущими монографиями автора, например, «Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия» (2016); «Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики» (2019).

Если рассматривать их в комплексе, – увидим цельную авторскую концепцию, предложенную проф. И.А. Умновой-Конюховой. Указанная концепция раскрывает систему и практику реализации общих принципов права, возможностей правовых систем государств по их реализации на национальном уровне, пути взаимодействия и разрешения спорных ситуаций.

Полагаем, что представленная монография может быть широко востребована учеными и практикующими специалистами в области конституционного права и международного публичного права, конституционного и международного правосудия. Книга также будет интересна конституционалистам, изучающим действие принципов права и их применение органами международного и национального правосудия. Данный научный труд И.А. Умновой-Конюховой вносит заметный вклад в разработку теоретико-правовых и практических вопросов, имеющих общее значение в оценке мировых тенденций правового регулирования и судебного применения принципов государственности и прав человека и дающих развернутую картину состояния государственно-правового развития современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Умнова-Конюхова И.А.* Национальное правосудие и международное правосудие: теория и практика взаимодействия в публично-правовых отношениях (принципы государственности и прав человека). М., 2020. С. 23, 30, 49, 51, 58, 59, 61, 125, 152, 294–296.
2. *Bernstorff J.* Hans Kelsen on judicial law-making by international courts and tribunals. A theory of global judicial imperialism? // European society of International Law: Conference paper. Oslo, 2015. Vol. 5. No. 8. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2709624 (дата обращения: 10.01.2021).

REFERENCES

1. *Umnova-Konyukhova I.A.* National justice and international justice: theory and practice of interaction in public-legal relations (principles of statehood and human rights). M., 2020. P. 23, 30, 49, 51, 58, 59, 61, 125, 152, 294–296 (in Russ.).
2. *Bernstorff J.* Hans Kelsen on judicial law-making by international courts and tribunals. A theory of global judicial imperialism? // European society of International Law: Conference paper. Oslo, 2015. Vol. 5. No. 8. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2709624 (accessed: 10.01.2021).

Сведения об авторах

АЛФЕРОВА Елена Васильевна –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН; 117418 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

АЛЕШКОВА Ирина Александровна –
кандидат юридических наук, заведующая сектором НБИ по социальным наукам ИНИОН РАН; 117418 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Authors' information

ALFEROVA Elena V. –
PhD in Law, leading researcher, Head of the Department of jurisprudence, INION RAS; 51/21 Nakhimovsky ave., 117418 Moscow, Russia

ALESHKOVA Irina A. –
PhD in Law, Head of the Scientific and Bibliographic information Sector, INION RAS; 51/21 Nakhimovsky ave., 117418 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 188–190
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 188–190

Е.М. Ашмарина. ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. Москва: РУСАЙНС, 2021. – 280 с.

© 2021 г. Г. Ф. Ручкина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

E-mail: gumer@bk.ru

Поступила в редакцию 26.03.2021 г.

Аннотация. Дана рецензия на монографию доктора юридических наук, профессора Е.М. Ашмариной «Инновационная технология “экономическое право” в условиях глобализации». Автор подводит основные итоги 10-летней научно-педагогической деятельности по обоснованию концепции выведения новой мегаотрасли российского права – экономического права Российской Федерации и намечает дальнейшие направления развития исследуемого феномена. В книге обосновывается (как один из многих) тезис о необходимости поступательной конвергенции основ различных областей знаний (права, экономики, психологии, кибернетики и др.).

Ключевые слова: инновационная технология, экономическое право, мегаотрасль, глобализация.

Цитирование: *Ручкина Г.Ф.* Е.М. Ашмарина. Инновационная технология «экономическое право» в условиях глобализации // Государство и право. 2021. № 8. С. 188–190.

DOI: 10.31857/S102694520016443-8

E.M. Ashmarina. INNOVATIVE TECHNOLOGY “ECONOMIC LAW” IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION. Moscow: RUSAINS, 2021. – 280 pp.

© 2021 G. F. Ruchkina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

E-mail: gumer@bk.ru

Received 26.03.2021

Abstract. The review of the monograph of the Doctor of Law, Professor E.M. Ashmarina “Innovative technology “Economic Law” in the conditions of globalization” is given. The author summarizes the main results of 10 years of scientific and pedagogical activity to substantiate the concept of the development of a new mega-branch of Russian law – the Economic Law of the Russian Federation and outlines further directions for the development of the phenomenon under study. The book substantiates (as one of many) the thesis about the need for progressive convergence of the foundations of various fields of knowledge (law, economics, psychology, cybernetics, etc.).

Key words: innovative technology, Economic Law, mega-industry, globalization.

For citation: *Ruchkina, G.F. (2021).* E.M. Ashmarina. Innovative technology “Economic Law” in the context of globalization // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 188–190.

Как справедливо обозначено в аннотации к рецензируемой монографии, в ней подводятся основные итоги 10-летней научно-педагогической деятельности по обоснованию концепции выведения новой мегаотрасли российского права – экономического права Российской Федерации и намечаются дальнейшие направления развития исследуемого феномена.

В качестве прорывной инновационной технологии экономическое право представлено в виде миникластера, аккумулирующего в триединстве научный компонент (науку экономического права), экономическое право как вертикальную правовую модель (мегаотрасль) и образовательную технологию с выводом научно-образовательной материи в практическую плоскость правового обеспечения видов экономической деятельности, экономического контроля, экономического правосудия и некоторых других направлений практического правоприменения.

Действительно, особенности переходного периода (поступательная глобализация в совокупности с коренными преобразованиями экономического базиса – производительных сил) указывают на неизбежность перемен в общественных отношениях, что не может не привести к симметричным преобразованиям в системе российского права.

Монография, представляя собой инновационную научно-образовательную технологию, отражает актуальную позицию автора на необходимость поиска обновленных правовых конструкций в доктринальной системе российского права. Целесообразность такого подхода объясняется серьезными преобразованиями, происходящими в российской экономике, что отражается на отдельных ее сегментах и, как следствие, на правовом регулировании перераспределительных процессов, происходящих на финансовых и нефинансовых рынках государства. В этой связи качественное и системное правовое регулирование экономической деятельности и широкое изучение экономического права есть важнейшее условие стабилизации российской экономики и дальнейшего ее конструктивного развития в условиях глобализации и интеграции России в мировой рынок при условии сохранения ею своего суверенитета.

Рецензируемая работа – удачная попытка представить целостный комплекс основ правового обеспечения экономической деятельности нашего государства. Отметим, что концепция, положенная в основу настоящей монографии, не является абсолютно новой и оригинальной, поскольку ученые в области международного права давно уже уделяют внимание этой теме (международное экономическое право – признанная подотрасль международного публичного права). Тем не менее экстраполяция указанной конструкции в отечественное правовое поле представляется своевременным и актуальным мероприятием и заслуживает поощрения.

В книге раскрываются основные понятия и анализируются особенности современных общественных отношений (цифровизация, переход от ресурсной энергетической экономики к экономике знаний и др.), а также неизбежность обновления общественных отношений (как следствие динамичного развития современных производительных сил в условиях глобализации), в т.ч. предмета и системы российского права (разд. I). Этот раздел монографии в целом носит постановочный характер, поскольку в нем содержатся:

основные предпосылки, побудившие к поиску новых положений правовой науки, в частности к исследованию феномена экономического права;

краткое изложение концепции актуальности, необходимости и целесообразности доктринального признания экономического права официальной наукой;

положения, аккумулирующие хронологию событий относительно научного поиска в отношении обоснования концепции экономического права России (период с 2011 по 2021 г.).

Вызывает интерес краткий экскурс в 10-летнюю историю и хронологию событий, связанных с началом и развитием исследования концепции экономического права (стартап – на базе Всероссийской государственной налоговой академии Минфина России и последующее научно-образовательное исследование – в рамках Российского государственного университета правосудия (РГУП)).

Дальнейшее (более развернутое) обоснование указанных положений разд. I представлено в разд. II монографии. Обращает на себя внимание и заслуживает одобрения комплексный подход автора, который воплотился в удачной попытке предложить инновационную технологию «экономическое право» в качестве триединой конструкции, включающей, во-первых, научную составляющую (наука экономического права); во-вторых, экономическое право как мегаотрасль российского права; в-третьих, образовательную технологию, основанную на изучении экономического права в его системе, структуре и взаимосвязи с иными официальными (доктринально признанными) отраслями российского права, а именно: конституционным правом, гражданским правом, финансовым правом, предпринимательским правом и другими отраслями. Рассмотренная научно-образовательная конструкция имеет органичный вывод в практическую плоскость.

Так, интересным представляется предположение Е.М. Ашмариной о том, что в системе «Экономика – Экономическое право» общей формой взаимной упорядоченности двух множеств (подсистем) должен являться *изоморфизм*. Это означает, что каждому направлению экономической деятельности (как элементу первой совокупности – подсистемы) в идеале должно соответствовать аналогичное направление правового регулирования (как элементу второй совокупности – подсистемы). Таким образом, образуется *экономико-правовая симметрия*. Элементы двух подсистем должны находиться в строгой корреспонденции друг с другом. В этой связи за основу внутриотраслевой структуры экономического права были взяты направления, установленные ***Номенклатурой (Экономические науки)***.

Вызывает также особый интерес рассмотрение экономического права как научно-образовательной технологии. Необходимо обратить внимание на аспекты, которые были апробированы в ходе образовательной деятельности в РГУП, а именно на анализе учебной дисциплины «Актуальные проблемы экономического права» и магистерской программы «Юрист в сфере экономической деятельности» (были приведены фрагменты учебных и учебно-методических материалов).

Полезным представляется также исследование экономических процессов с позиции теории права, заслуживает одобрения и практический аспект, который заключается в поиске системного правового комплекса, в рамках которого станет возможно правовое обеспечение видов экономической деятельности в соответствии с *Классификатором (ОКВЭД-2)* как русскоязычном аналоге *Statistical classification of economic activities in the European Community*. В этой связи интересны приведенные рассуждения о практической значимости системного правового обеспечения разрешения

экономических споров, выведенных в отдельную категорию судебных дел в результате последнего этапа судебной реформы России; а также о том, что структура экономического права может быть положена в основу классификации судебной экономической экспертизы (СЭЭ).

Раздел III «Перспективы развития экономического права в условиях глобальных вызовов» посвящен рассуждениям о перспективах построения системы российского права, которые в целом представляются не бесспорными, но заслуживают внимания и обсуждения.

Вызывают особый интерес приведенные автором отдельные аспекты дальнейшего развития экономического права в глобальном мире (необходимость преодоления аберрации близости) и перспективная роль экономического права в правовом государстве на примере построения конституционной социальной экономики.

Работа написана на высоком теоретическом уровне, методически выдержана.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что в дальнейшей работе автору рекомендуется дополнить представленный в монографии материал. Например, учитывая, что экономическое право позиционируется в качестве межотраслевого феномена, следует привести обзор основных концепций ученых-экономистов (экономическая теория) и теоретиков в области теории права.

Кроме того, представляется очевидной необходимость глубокого исследования практических аспектов экономического права в отношении как правового регулирования видов экономической деятельности, так и отдельных частных аспектов экономического контроля, экономической экспертизы и т.д.

Указанные замечания не снижают высокой (в целом) оценки представленного материала, но носят рекомендательный характер.

* * *

В заключение можно сделать вывод о том, что проф. Е.М. Ашмарина весьма оперативно и своевременно откликнулась на новые реалии современности.

Следует согласиться с тем, что монография «Инновационная технология “экономическое право” в условиях глобализации» “Qui quaerit reperit” («Кто ищет, тот находит») будет полезна широкому кругу ученых, поскольку в ней обосновывается (как один из многих) тезис о необходимости поступательной конвергенции основ различных областей знаний (права, экономики, психологии, кибернетики и др.).

Сведения об авторе

РУЧКИНА Гульнара Флюровна –
доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; 125993 г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49

Authors' information

RUCHKINA Gulnara F. –
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation; 49 Leningradsky ave., 125993 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 191
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 191

ПЕРСОНАЛИИ

К 75-ЛЕТИЮ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА КЛЕАНДРОВА

14 августа 2021 г. отметил юбилей Михаил Иванович Клеандров, выдающийся ученый и видный общественный деятель, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, главный редактор журнала «Государство и право» РАН.

Михаил Иванович Клеандров родился в 1946 г. в Ташкенте. В 1970 г. окончил юридический факультет Таджикского государственного университета. В 1975 г. закончил аспирантуру Института государства и права АН СССР.

В 1976 г. защитил в ИГП АН СССР диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук (научный руководитель – акад. АН СССР В.В. Лаптев), в 1987 г. там же успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Разрешение хозяйственных споров в территориально-производственных и агропромышленных комплексах».

С 1980 по 1989 г. – старший и главный научный сотрудник отдела государства и права Института истории Академии наук Республики Таджикистан.

В 1989–1993 гг. возглавлял кафедру хозяйственного и гражданского права Тюменского государственного университета.

С 1993 г. – судья Экономического Суда Содружества Независимых Государств (представитель от Российской Федерации). Судья высшего квалификационного класса (1994 г).

С 1995 г. – Председатель Арбитражного суда Тюменской области.

12 февраля 2003 г. Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначен судьей Конституционного Суда РФ.

С 1 сентября 2016 г. – судья Конституционного Суда РФ в отставке. Член Президиума Совета судей Российской Федерации.

Заслуги М.И. Клеандрова перед Отечеством по достоинству отмечены многочисленными государственными наградами. Среди них: орден Дружбы, орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени и др.

За выдающиеся заслуги в научно-исследовательской деятельности и вклад в развитие российской государственности М.И. Клеандрову присуждены почетные звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» и «Заслуженный юрист Российской Федерации».

М.И. Клеандров – автор свыше 600 научных работ, в т.ч. более 50 фундаментальных изданий: монографий, учебников и др.

Коллектив Института государства и права Российской академии наук, редакционный совет и редколлегия журнала «Государство и право» РАН поздравляют Михаила Ивановича Клеандрова с юбилеем и желают крепкого здоровья, благополучия, неиссякаемой энергии и новых научных успехов!

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 192–193
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 192–193

ЮБИЛЕЙ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН М.И. КЛЕАНДРОВА

14 августа 2021 г. исполнилось 75 лет одному из крупнейших российских правоведов, члену-корреспонденту РАН, доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу РФ, заслуженному деятелю науки РФ, главному редактору журнала «Государство и право» РАН, главному научному сотруднику Института государства и права Российской академии наук Михаилу Ивановичу Клеандрову.

М.И. Клеандров родился 14 августа 1946 г. в г. Ташкенте. В 1970 г. окончил юридический факультет Таджикского государственного университета.

С 1970 г. проходил обучение в заочной аспирантуре Института государства и права Академии наук СССР в секторе хозяйственного права. В июне 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию в специализированном (ныне – диссертационном) совете Института государства и права АН СССР на тему «Правовая организация потребительской кооперации в СССР», выполненную под научным руководством д-ра юрид. наук, проф. В.В. Лаптева.

Докторскую диссертацию на тему «Разрешение хозяйственных споров в агропромышленных и территориально-производственных комплексах» защитил в июне 1987 г. в том же специализированном совете ИГП АН СССР.

Постановлением Верховного Совета РФ от 21 января 1993 г. был избран судьей от Российской Федерации в состав Экономического Суда Содружества Независимых Государств. Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина от 7 сентября 1995 г. был назначен Председателем Арбитражного суда Тюменской области, где проработал до февраля 2003 г., одновременно вел научную и преподавательскую деятельность.

Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина от 19 декабря 1996 г. М.И. Клеандрову было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Общим собранием Российской академии наук 30 мая 1997 г. был избран членом-корреспондентом РАН по Отделению философии, социологии, психологии и права по специальности право.

12 февраля 2003 г. Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации был назначен на должность судьи Конституционного Суда РФ, где проработал до ухода в почетную отставку – по достижении предельного возраста – 31 августа 2016 г.

В период с 1996 по 2012 г. Всероссийскими съездами судей избирался членом Совета судей РФ, а также – в совокупности в течение 10 лет – членом Президиума Совета судей РФ. Был неоднократно награжден ведомственными наградами органов судейского сообщества Российской Федерации, Генеральной прокуратуры РФ и др.

С октября 2016 г. – главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук. Распоряжением Президента РАН А.М. Сергеева от 5 апреля 2018 г. М.И. Клеандров утвержден главным редактором академического журнала «Государство и право».

И хотя основное внимание в своей научной деятельности Михаил Иванович уделяет проблематике механизма судебной власти в России, круг его научных интересов и содержание публикаций значительно шире и охватывают проблематику других сфер, прежде всего предпринимательского права.

Всего перу М.И. Клеандрова принадлежит свыше 600 научных работ, в т.ч. свыше 20 монографий и 15 учебников и учебных пособий.

Под его научным руководством выполнено и защищено 20 кандидатских и под его научным консультированием – три докторских диссертаций.

Проблематику правового регулирования экономики и разрешения хозяйственных споров М.И. Клеандров рассматривает сквозь призму доктрины хозяйственного (предпринимательского) права, основы которой были заложены акад. РАН В.В. Лаптевым и его соратниками. К числу наиболее известных из них принадлежит член-корр. РАН М.И. Клеандров.

В 2003 г. М.И. Клеандров был награжден орденом Дружбы, в 2016 г. – орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Указом Президента РФ В.В. Путина от 19 октября 2011 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Сотрудники сектора предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук и редакции журнала «Государство и право» РАН желают Михаилу Ивановичу Клеандрову доброго здоровья, долгих лет жизни, всяческих благ и новых творческих достижений!

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 8, с. 194–195
STATE AND LAW, 2021, № 8, pp. 194–195

К 65-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ДОРОШКОВА

16 августа 2021 г. отметил 65-летие Владимир Васильевич Дорошков, известный ученый-правовед, судья, Секретарь Пленума Верховного Суда РФ (в почетной отставке), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, член-корреспондент Российской академии образования.

Владимир Васильевич Дорошков родился и провел юношеские годы в пос. Клетня Брянской области. После действительной срочной службы гидроакустиком на атомной подводной лодке Северного Флота получил образование в Саратовском юридическом институте, окончив его с отличием в 1982 г. Свою дальнейшую профессиональную карьеру, как и судьбу, Владимир Васильевич связал с правосудием и наукой. В 1982 г. был избран народным судьей Клетнянского районного народного суда Брянской области. В период с 1985 по 1994 г. – судья Брянского областного суда. С 1994 г. – судья Верховного Суда РФ и одновременно с 2008 г. – Секретарь Пленума Верховного Суда РФ, Ученый секретарь Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ. В 1997 г. присвоен высший квалификационный класс судьи. Указом Президента РФ от 23 января 2003 г. № 74 присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

В 1996 г. завершил заочное обучение в аспирантуре Российской правовой академии. В 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Материально-правовые и процессуальные аспекты частного обвинения». В 2004 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности». В 2011 г. удостоен ученого звания профессора.

Одновременно вел активную научную и преподавательскую деятельность по обучению судей и студентов. На протяжении многих лет занимался обучением судей на курсах повышения квалификации в Российской академии правосудия (ныне – Российский государственный университет правосудия). С 2005 г. по настоящее время – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики в МГИМО (У) МИД России.

С 2006 г. В.В. Дорошков – главный научный сотрудник, член ученого совета в Республиканском научно-исследовательском институте интеллектуальной собственности (РНИИИС). С его участием разработаны: учебно-методический комплекс документов (УМКД) в сфере интеллектуальной собственности для обеспечения деятельности государственного образовательного и научного учреждения; единые правила – стандарты формирования, оборота (коммерциализации) и защиты интеллектуальной собственности, в т.ч. ГОСТ «Интеллектуальная собственность. Термины и определения», ГОСТ «Интеллектуальная собственность. Научные произведения», «Интеллектуальная собственность. Научные открытия». Рабочая группа под его руководством подготовила ГОСТ «Интеллектуальная собственность. Управление в государственной академии наук». Начиная с 2007 г., он соавтор подготовленных в РНИИИС ежегодных аналитических докладов «О состоянии правовой охраны, использования и защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации». В них отражались результаты мониторинга деятельности более 40 органов государственной власти, государственных корпораций и негосударственных структур по формированию рынка интеллектуальной собственности в отношении

20 видов объектов интеллектуальной собственности по всем этапам жизненного цикла (формирование, использование, коммерциализация и защита).

В связи со значительным вкладом в научную и преподавательскую деятельность, в т.ч. в сфере защиты интеллектуальной собственности, в декабре 2012 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии образования, включен в состав бюро отделения профессионального образования РАО.

В 2013 г. В.В. Дорошков ушел в почетную отставку с должности Секретаря Пленума, судьи Верховного Суда РФ, продолжая активно заниматься научной и творческой деятельностью.

В 2013 г. он был включен в состав Экспертного совета по праву Высшей аттестационной комиссии (ВАК) России. На протяжении многих лет – главный редактор журнала «Мировой судья». В.В. Дорошков – член редколлегий журналов: «Государство и право» РАН, «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации», «Информационное право», «Уголовный процесс», «Уголовное право».

В.В. Дорошков – автор свыше 220 научных работ, направленных на развитие и решение актуальных проблем судебной реформы в сфере мировой юстиции, судопроизводства по делам частного обвинения, апелляционного и кассационного порядка проверки судебных решений, дифференциации форм уголовного судопроизводства, незаконного оборота наркотических средств, уголовно-правовой защиты интеллектуальной собственности, в т.ч. монографий и пособий. Среди них: «Частное обвинение. Правовая теория и судебная практика» (М., 2000); «Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения» (М., 2001); «Настольная книга мирового судьи» (М., 2002); «Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности» (М., 2004); «Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам» (М., 2007); «Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практическое пособие по применению УПК РФ» (М., 2008); «Интеллектуальная собственность. Актуальные проблемы теории и практики. Т. 1» (М., 2008); «Интеллектуальная собственность. Контрафакт. Актуальные проблемы теории и практики. Т. 2» (М., 2009); «Защита интеллектуальной собственности. Актуальные проблемы теории и практики. Т. 3» (М., 2010); «Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (М., 2011); «Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: научно-практическое пособие» (М., 2011); «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ (1980–2011). Разъяснения по гражданским и административным делам» (М., 2012); «Правосудие в современном мире» (М., 2012); «Управление интеллектуальной собственностью в государственных академиях» (М., 2015); «Состояние современного правосудия» (М., 2016); «Мировоззренческие установки и структурные особенности судоустройства» (М., 2018); «Мировоззренческие основы и структурные особенности российского судоустройства» (М., 2018); «Идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в уголовном судопроизводстве» (М., 2019).

В составе различных авторских коллективов принимал участие в написании научно-практических комментариев к Уголовному кодексу РФ, Уголовно-процессуальному кодексу РФ, учебников «Правоохранительные органы в России», «Уголовно-процессуальное право».

Неоднократно награждался, в т.ч. медалями и многочисленными почетными грамотами и благодарностями Счетной палаты РФ, Президиума ВАК Минобрнауки России, Председателя Исполнительного комитета СНГ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Президента Российской академии архитектуры и строительных наук, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, РНИИИС, издательства «Юрист», Российской академии правосудия, Ассоциации юристов России и др.

Большая творческая энергия, глубокая порядочность, честность, искренняя увлеченность своей профессией и наукой, высочайшая ответственность в любом деле, доброжелательность, интеллигентность и другие многочисленные личные достоинства снискали Владимиру Васильевичу заслуженный авторитет как в судейском корпусе страны, так и у представителей российской юридической науки.

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук поздравляет члена редколлегии журнала Владимира Васильевича Дорошкова с 65-летием и желает крепкого здоровья, счастья, процветания, творческого долголетия!

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

БАКАЛАВРИАТ

Юриспруденция (гражданско-правовой профиль, уголовно-правовой профиль)

МАГИСТРАТУРА

Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

АСПИРАНТУРА

Юриспруденция

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку специалистов юридического профиля на классической академической основе. Студенты проходят курс подготовки, включающий комплексное изучение базовых и специальных дисциплин, отражающих современный уровень развития российской юриспруденции (теории и практики).

Изучение обширного комплекса правовых и гуманитарных дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к исследовательской (экспертной) и практической деятельности во всех сферах взаимодействия бизнеса, государства, гражданского общества и граждан.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 60 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).